Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Кыргызско-Российский Славянский университет

Институт стратегического анализа и прогноза
(ИСАП КРСУ)

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ КЛЮЧЕВЫХ АКТОРОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Бишкек • 2023

УДК 327 (100-87)
ББК 66.4 (0)
В 60

Рецензенты:
Акматалиева А. М., *доктор политических наук*
Токой уулу Канат, *доктор юридических наук*

Ответственный редактор:
Салиев А. А.*, кандидат исторических наук,*
директор ИСАП КРСУ

Авторский коллектив:
Асанбеков М. К.*, кандидат социологических наук,*
Литвинов В. П., *доктор исторических наук,*
Мураталиева З. Т.*, кандидат политических наук,*
Омаров М. Н.*, кандидат исторических наук,*
Эсенбекова А. Т.*, кандидат юридических наук,*
Воробьёв П. С., Омаров Е. М., Таткало Н. С.,
Токольдошев Д. К., Усенов А. М., Эржанова Э. Д.

В 60 Внешнеполитические стратегии ключевых акторов международных отношений в Центральной Азии / Отв. ред. А. А. Салиев; ИСАП КРСУ. Бишкек, 2023. 591 с.

ISBN 978-9967-19-993-4

Издание посвящено исследованию трансформации внешнеполитических стратегий основных акторов мировой политики в отношении Центральной Азии, представляющей собой центр переплетения внешнеполитических интересов большого количества геополитических игроков. В монографии рассматриваются цели, задачи, инструменты внешнеполитической деятельности глобальных акторов – России, Китая, США и ЕС – в отношении стран ЦА-региона, а также динамика трансформации внешнеполитического инструментария внерегиональных акторов – Турции, Ирана и группы арабских государств.

Материалы исследования могут представлять интерес для ученых в сфере изучения проблем международных отношений и вопросов национальной безопасности в ЦА-регионе при написании ими академических работ. Полученные результаты могут быть полезными при проведении лекционных занятий, написании диссертационных, курсовых и реферативных работ в вузах республики в рамках таких дисциплин, как международные отношения, мировые политические процессы, сравнительная политология.

ISBN 978-9967-19-993-4
УДК 327 (100-87)
ББК 66.4 (0)

© ИСАП КРСУ, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

Глава 1 Методологические основы изучения внешнеполитических программ и стратегий

1.1 Место и роль внешнеполитической деятельности государства в системе международных отношений 28

1.2 Понятия «внешнеполитическая концепция», «программа», «стратегия», «инициатива» в контексте Центральной Азии ...60

1.3 Цели, задачи и направления внешнеполитической деятельности государства..... 102

Глава 2 Ключевые глобальные акторы в Центральной Азии: множественность программ и стратегий

2.1 Политика России в Центральной Азии: двусторонний и региональный подходы 144

2.2 Китай и инициатива «Пояса и пути»: содержание, реализованные проекты и промежуточные результаты.....199

2.3 Политика США и их концептуальные программы 273

2.4 Эволюция стратегии ЕС в Центральной Азии 338

Глава 3 Программы и стратегии внерегиональных акторов в Центральной Азии

3.1 Турция: изменение стратегии и Организация тюркских государств 397

3.2 Политика арабских стран в Центральной Азии и их подходы 438

3.3 Роль Ирана и его политики в Центральной Азии.....491

Заключение 521

Список использованной литературы и источников..... 539

Принятые сокращения

ВПДГ – внешнеполитическая деятельность государства
ВСП – всеобщая система преференций
ЕАБР – Евразийский банк развития
ЕБРР – Европейский банк реконструкции и развития
ЕИБ – Европейский инвестиционный банк
ЕИДПЧ – Европейский инструмент в области демократии и прав человека
ИБР – Исламский банк развития
ИНОГЕЙТ – Программа сотрудничества между ЕС и ЦА по энергоресурсам
КВП – концепция внешней политики
КФАЭР – Кувейтский фонд арабского экономического развития
МИБ – Международный инвестиционный банк
МИП – многолетняя индикативная программа
МТК – международный транспортный коридор
НБР – Новый банк развития
ОГО – организации гражданского общества
ОПОП – «Один пояс – один путь»
СВМДА – Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии
СВО – специальная военная операция
СИЗ – свободная индустриальная зона
СРПС – Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве
ССАГПЗ – Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива
ССТГ – Совет сотрудничества тюркоязычных государств
СФР – Саудовский фонд развития
ТАСИС – Программа содействия развитию экономических и политических связей ЕС со странами Восточной Европы, Кавказа и ЦА
ЦАРЭС – Центральноазиатское региональное экономическое сотрудничество
ЦОП – Центральноазиатская образовательная платформа
ЭПШП – Экономический пояс Шелкового пути
BOMCA – Программа содействия управлению границами в Центральной Азии
CADAP – Программа по предотвращению распространения наркотиков в ЦА
CAREN – Центральноазиатская научно-образовательная сеть
CAWEP – водно-энергетическая программа Центральной Азии
TIKA – Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию
WECOOP – политический диалог ЕС и ЦА по водным ресурсам, окружающей среде и изменению климата

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Динамика процессов в современной системе международных отношений, свидетельствующая об изменении типа мирового порядка в целом, актуализирует вопрос трансформации внешнеполитических стратегий государств как основных акторов мировой политики. В рамках различных теоретических школ международных отношений, будь то классический либерализм или реализм как две школы с полярными положениями, внешнеполитическая стратегия – это не только отражение национальных интересов государства, но и реакция на изменения в мировых процессах для обеспечения своей национальной безопасности.

Центрально-Азиатский регион представляет собой центр переплетения внешнеполитических интересов большого количества акторов мировой политики. Учитывая тот факт, что страны региона представляют собой не только объект влияния этих акторов, но и сами демонстрируют свою субъектность, изменения и особенности во внешнеполитических стратегиях с обеих сторон выступают одним из маркеров для понимания комплексности их взаимоотношений. В свою очередь, суть сложности этих взаимоотношений определяется не только характерной для всех центральноазиатских республик многовекторностью реализуемых ими внешнеполитических стратегий, предполагающих получение бенефиций от сотрудничества с каждым из внешних акторов, но и тем, что эффективность внешней политики последних лимитируется неформальными

политическими практиками в государствах региона. Как следствие, в настоящее время ни один из внешних акторов не смог оформить в свою пользу результирующий вектор развития не только всей Центральной Азии, но и отдельно взятого государства.

Следовательно, учет двух переменных – специфики внутриполитических процессов стран Центральной Азии и особенностей внешнеполитических стратегий внешних акторов, формируемых международной повесткой, – позволят проследить эволюцию этих стратегий, представить возможные сценарии развития событий и смоделировать возможные форматы формируемого конкурентного поля в регионе.

Степень разработанности темы исследования. Весь массив источников, которые были использованы в исследовании, представляется целесообразным систематизировать, использовав тематическую классификацию. Большое значение для данного фундаментального исследования имели работы общетеоретического характера, позволяющие получить представление о сущности международных отношений и внешнеполитической деятельности государств в ней. Среди авторов, внесших вклад в концептуализацию данной проблематики, следует отметить В. В. Аверкова и А. Д. Богатурова, М. М. Лебедеву, М. А. Хрусталёва, П. А. Цыганкова[1].

В свою очередь, разработка подходов к изучению понятий «внешнеполитическая концепция», «программа»,

[1] Богатуров А. Д., Аверков В. В. История международных отношений. 1945–2017. М.: Аспект Пресс, 2017; Лебедева М. М. Мировая политика: Уч. М.: Аспект Пресс, 2003; Хрусталёв М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М., 2008; Цыганков П. А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2002.

«стратегия» и «инициатива» нашла отражение в работах российских и западных экспертов, таких как: В. А. Ачкасов и С. А. Ланцов, А. А. Борисенков, И. С. Иванов, А. В. Лукин, А. В. Торкунов, а также Х. Булл, Х. Брук и Б. Сапин, Дж. Фридман, Р. О. Кеохейн, Г. Моргентау, Дж. Розенау[1].

Особую значимость в контексте приложения концептуальных фреймов к анализу взаимодействия внешних акторов с центральноазиатскими республиками представляют аналитические материалы региональных авторов. Среди них необходимо отметить работы В. Богатырёва, И. В. Волкова, Н. М. Омарова[2].

[1] Ачкасов В. А., Ланцов С. А. Мировая политика и международные отношения. М.: Аспект Пресс, 2011; Борисенков А. А. О некоторых особенностях внешней политики // Социодинамика. 2012. № 1; Современная наука о международных отношениях за рубежом: Хрест.: В 3 т. / Под общ. ред. И. С. Иванова. М.: НП РСМД, 2015; Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / Под ред. А. В. Лукина. М.: МО, 2018; Торкунов А. В. Международные отношения послекосовского кризиса // Международная жизнь. 1999. № 12; Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. 3rd ed. Columbia: Columbia Univ. Press, 2002; Bruck H., Sapin B. Decision-Making as an Approach to the Study of International Politics. Princeton: Princeton Univ. Press, 1954; Friedman G. The Geopolitics of the United States. Part 1: The Inevitable Empire. Stratford, 2015; Кеохейн Р. О. Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. М., 1999; Моргентау Г. Международная политика // Антология мировой политической мысли. Т. 2. М., 1997; Розенау Дж. Мировая политика в движении: теория изменений и преемственности. М.: Изд-во ИНИОН, 1992.

[2] Богатырёв В. Вместо сотрудничества – геополитический разлом (14 мая 2009) // URL: http//bpc.kg/perspective/132-14-05-09; он же. Три основания для конфликтов (9 апреля 2013) // URL: http//www.ipp.kg/ru/news/2581; Волков И. В. Основные проблемы геополитического положения Центральной Азии в эпоху глобализации (на примере Кыргызстана) / КРСУ. Бишкек, 2007; Омаров Н. М. Государства Центральной Азии в эпоху глобализации: поиски стратегии развития. Бишкек, 2008.

Основной пул материалов представлен вторичными источниками, освещающими особенности внешнеполитических стратегий глобальных и внерегиональных акторов в Центральной Азии, которые позволили представить комплексную характеристику взаимодействия обеих сторон. Исследование особенностей трансформации внешнеполитической стратегии Российской Федерации в отношении центральноазиатских государств от индифферентности до стратегического партнерства нашло отражение в публикациях российских, отечественных и западных специалистов, таких как: А. Кули, Н. К. Гвоздев и С. Марш, С. Келлер, М. Ларуэлль, Д. Льюис, М. Суяркулова, А. Шаршенова[1].

Детальный анализ внешнеполитической стратегии Китая в Центральной Азии в контексте проекта «Один пояс – один путь» и точек его пересечения с другими интеграционными и инфраструктурными проектами в регионе, а также его аттрактивности для центральноазиатских

[1] Cooley A., Laruelle M. The Changing Logic of Russian Strategy in Central Asia from Privileged Sphere to Divide and Rule? // Ambiguous Relations Russia's Post-Soviet Neighborhood // PONARS Eurasia Policy Perspectives. August 2013; Gvosdev N. K., Marsh C. Russian foreign policy: interests, vectors, and sectors. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2014; Keller S. Russia and Central Asia: Coexistence, Conquest, Convergence. Toronto: Univ. of Toronto Press, 2020; Laruelle M. Assessing Russia's Normative Agenda in Central Asia // Bishkek Project, March 2017 // URL: https://www.academia.edu/32326084/_Assessing_Russias_Normative_Agenda_in_Central_Asia_Bishkek_Project_March_2017; Lewis D. Reasserting Hegemony in Central Asia: Russian Policy in Post-2010 Kyrgyzstan // Journal of International Relations. 2015. № 3; Suyarkulova M. Reluctant Sovereignties? Central Asia States' Path to Independence // Sovereignty after Empire. Comparing the Middle East and Central Asia / Eds. S. Cummings and R. Hinnebusch. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2011; Шаршенова А. Влияние России в Кыргызской Республике // Ежегодный сборник аналитических статей / Акад. ОБСЕ в Бишкеке. Бишкек, 2021.

республик был проведен с использованием тезисов, обозначенных в трудах Л. Б. Аристовой и Н. К. Семеновой, И. Н. Беловой и Е. А. Егорычевой, С. П. Глинкиной и А. А. Яковлева, И. К. Искандерова и И. А. Сафранчука, М. П. Лаца, А. И. Светличного, М. О. Тураевой[1].

Анализ эволюции стратегии США в отношении региона базируется на работах как российских и региональных, так и западных специалистов, что позволило проследить различные версии интерпретации действий Вашингтона в Центральной Азии. Основную канву исследования американской стратегии определили публикации А. М. Акматалиевой, Е. Г. Гарбузаровой, А. Казанцева, А. А. Кошкароол, Ф. Старра, Е. Ф. Троицкого[2].

---

[1] Аристова Л. Б., Семенова Н. К. Сопряжение ЭПШП и ЕАЭС: анализ шансов, возможностей и гипотетические вызовы // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: Ежегодник. Вып. 2. Ч. 2 / Отв. ред. В. И. Герасимов; РАН; ИНИОН; Отд. науч. сотрудничества. М., 2019; Белова И. Н., Егорычева Е. А. Проект «Один пояс, один путь»: предпосылки к формированию современной внешнеэкономической политики Китая // Вестник РУДН. Сер.: Экономика. 2020. Т. 28. № 3; Глинкина С. П., Тураева М. О., Яковлев А. А. Традиционные и новые инструменты укрепления китайского присутствия в Центральной Азии // Государственная служба. 2018. Т. 20. № 5; Искандеров И. К., Сафранчук И. А. Программа центральноазиатского регионального сотрудничества (ЦАРЭС) // Вестник Таджикского гос. ун-та права, бизнеса и политики. Сер.: Обществ. науки. 2016. № 1; Лац М. П. Российско-китайское взаимодействие в рамках деятельности Азиатского банка инфраструктурных инвестиций как важная составляющая Экономического пояса Шелкового пути // Молодой ученый. 2020. № 50 (340); Светличный А. И. Устойчивое развитие и Новый банк развития БРИКС: анализ и перспективы // Вопросы гос. и муницип. управления. 2018. № 1; Тураева М. О. Транспортная инфраструктура стран Центральной Азии в условиях современной регионализации: Доклад. М.: Ин-т экономики РАН, 2014;.

[2] Акматалиева А. М. От идеи Большой Центральной Азии до стратегии «Новый Шелковый путь» (11 июня 2012) // URL: http://analiz.kg/

Специфике внешнеполитической стратегии Европейского союза как единого актора международной системы отношений посвящены работы А.-М. Ангелеску, Й. Бунстры и Ж. Хейла, Э. Джураева, А. Кизековой, Д. Малышевой, З. Т. Мураталиевой, В. В. Парамонова, А. В. Строкова и З. А. Абдуганивы, И. Л. Прохоренко[1].

analytics/125-ot-idei-bolshojczentralnoj-azii-do-strategii-lnovyj-shelkovyj-put; Гарбузарова Е. Г. Центральная Азия в современных мирополитических процессах. М., 2020; Казанцев А. А. Политика США в постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4; Кошкар-оол А. А. «Мягкая сила» в международной политической коммуникации: подходы к интерпретации концепции // Международные коммуникации. 2019. № 1 (10); Старр Ф. Партнерство для Центральной Азии: дефицит внимания // Новая Большая игра в Большой Центральной Азии: мифы и реальность: Сб. ст. / Под ред. М. Н. Омарова. Бишкек, 2005; Троицкий Е. Ф. Политика США в Центральной Азии: подходы второй администрации Дж. Буша (2005–2009 гг.) и Б. Обамы (2009–2010 гг.) // Сравнительная политика. 2011. № 4 (6).

[1] Anghelescu A.-M. Drawing Lessons of Past Cooperation between EU and Central Asia for the Implementation of 2019 Strategy // Policy Brief / OSCE Academy in Bishkek. 2020. № 58, April // URL: https://www.osce-academy.net/upload/file/PB_58.pdf; Бунстра Й., Хейл Ж. Содействие ЕС Центральной Азии: назад к чертежной доске? Брюссель: EU – Central Asia Monitoring: Раб. докл. 2010. № 8. Февраль; Джураев Э., Мураталиева Н. Стратегия ЕС в Центральной Азии: к успешной реализации новой стратегии / Представительство фонда им. Ф. Эберта в КР (март 2020) // URL: http://library.fes.de/pdf-files/bueros/bischkek/16167.pdf; Kizekova A. The European Union in Central Asia: Balancing Competing Actors and Opportunities for the V4 Countries (12.11.2019) // URL: https://www.iir.cz/the-european-union-in-central-asia-balancing-competing-actors-and-opportunities-for-the-v4-countries; Малышева Д. Европейский союз в Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. 2018; Парамонов В. В., Строков А. В., Абдуганива З. А. Влияние Европейского союза на Центральную Азию: обзор, анализ и прогноз / Под общ. ред. и рук. В. В. Парамонова. Алматы: Фонд им. Фридриха Эберта, 2017; Прохоренко И. Л. Новая стратегия Европейского союза в Центральной Азии:

К числу внерегиональных акторов в данном исследовании отнесены страны, главным символическим капиталом которых выступает ислам, – Турция, арабские страны и Иран. Среди работ, составивших базу для анализа турецкой политики в регионе Центральной Азии, следует выделить публикации А. А. Кунтубаевой, Э. Т. Мехдиева, Е. Ф. Троицкого, П. В. Шлыкова[1], иранской политики – работы Р. Абдулло, Д. Варнавского, А. Грозина, С. Мехди, В. И. Месамеда, Д. Киани, Э. Уэстниджа[2]. В свою очередь, особенность изучения стратегии арабских государств в Центральной Азии состоит в ограниченном

возможности и пределы «мягкой силы»: анализ и прогноз // Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 4.

[1] Кунтубаева А. А. Исторический анализ сотрудничества Турции со странами Центральной Азии в постсоветский период // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2017. № 12; Мехдиев Э. Т. «Неоосманизм» в региональной политике Турции // Вестник МГИМО. 2016. № 2(47); Троицкий Е. Ф. Политика Турции в Центральной Азии (1992–2000 гг.) // Вестник Томск. гос. ун-та. 2009. № 328; Шлыков П. В. Внешняя политика Турции в постбиполярной системе координат // Международная аналитика. 2021. № 12 (2).

[2] Абдулло Р. Президенты Ирана и таджикско-иранские отношения // Центральная Азия и Кавказ. 2013. № 3; Варнавский Д. Иран и государства Центральной Азии: генезис, состояние и перспективы сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 2 (56); Грозин А. В. Политика и интересы Ирана в Центральной Азии с учетом энергетического и логистического факторов // Геоэкономика энергетики. 2020. № 3; Мехди С. Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии: тенденции и перспективы. СПб., М.: Петербургское востоковедение, 2017; Месамед В. И. Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога. М., 2010; Kiani D. Iran and Central Asia: A Cultural Perspective // Iranian Review of Foreign Affairs. 2014. Vol. 4. № 4; Уэстнидж Э. Внешняя культурная политика Ирана в Центральной Азии: демонстрация политического прагматизма // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Т. 17. Вып. 4; Wastnidge E. Pragmatic Politics: Iran, Central Asia and cultural foreign policy // Central Asia and the Caucasus. 2014. Vol. 4.

количестве соответствующих экспертов и академических статей. В этих условиях особую значимость для нашего исследования имеют работы Е. Ионовой, Е. М. Савичевой и М. О. Шаар, О. Тимаковой[1].

Отдельную категорию использованных материалов составляют первичные источники, которые можно классифицировать в три группы. К первой группе относятся: официальная информация и официальные документы, очерчивающие направления внешнеполитической деятельности Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, а также России, ЕС и США в отношении Центрально-Азиатского региона, опубликованные на официальных сайтах государственных ведомств[2]. Кроме того,

[1] Ионова Е. Страны ЦА и арабский мир // Россия и новые государства Евразии. 2011. № 1; Савичева Е. М., Шаар М. О. Отношения арабских стран Персидского залива с центрально-азиатскими государствами СНГ // Вестник РУДН. Сер.: МО. 2014. № 4; Тимакова О. Стратегия арабских стран Персидского залива: особенности политики в отношении стран Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2020. Т. 23. № 1.

[2] Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы. Утв. Указом Президента РК от 6 марта 2020 г. № 280 (9.03. 2020) // URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody; В г. Астана состоялась первая встреча лидеров Центральной Азии и Европейского союза (27.10.2022) // Офиц. сайт МИД КР. URL: https://mfa.gov.kg/ru/osnovnoe-menyu/press-sluzhba/novosti/v-g-astana-sostoyalas-pervaya-vstrecha-liderov-centralnoy-azii-i-evropeyskogo-soyuza; Концепция внешней политики Кыргызской Республики Утв. Указом Президента КР от 11 марта 2019 г. УП № 37 // URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430045?cl=ru-ru; Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы. Бишкек, 2018, ноябрь // Офиц. сайт МИД КР. URL: https://mfa.gov.kg/uploads/content/1036/3ccf962c-a0fc-3e32-b2f0-5580bfc79401.pdf; Программа сотрудничества между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой на 2004–2014 годы // Офиц. сайт Минюста КР. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/

большую значимость с точки зрения оценки уровня торгово-экономического взаимодействия стран региона с внешними игроками представляют статистические данные национальных статистических комитетов обеих сторон[1].

ru-ru/17460; Концепция внешней политики Республики Таджикистан. Утв. Указом Президента РТ от 27 января 2015 г. № 332 (27.01.2015) // URL: https://mfa.tj/ru/main/view/988/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan; Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года // Офиц. сайт Посольства РТ в КР. URL: https://www.mfa.tj/ru/bishkek/view/4513/natsionalnaya-strategiya-razvitiya-respubliki-tadzhikistan-na-period-do-2030-goda; Программное выступление Президента Таджикистана по случаю открытия нового здания МИД (01.03.2013) // URL: https://www.mfa.tj/ru/bishkek/view/115/programmnoe-vystuplenie-prezidenta-tadzhikistana-po-sluchayu-otkrytiya-novogo-zdaniya-mid; An Interview of President of Turkmenistan Gurbanguly Berdimuhamedov to Chinese Journalists // Turkmenistan: The Golden Age. 2011. November 24 // URL: http://www.turkme nistan.gov.tm/_eng/?id=188; The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership // URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication...pdf; European Commission, Strategy Paper 2002–2006 & Indicative Programme 2002–2004 for Central Asia // URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/central_asia/rsp/02_06_en.pdf; United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity (Overview): Report / Bureau of South and Central Assian Affairs. February 5, 2020 // URL: https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty...; Joint Statement of the C5+1 on the International Conference «Central and South Asia: Regional Connectivity. Challenges and Opportunities» (July 16, 2021) // URL: https://www.state.gov/joint-statement-of-the-c51-on-the-international-conference-central-and-south-asia-regional-connectivity-challenges-and-opportunities; Clinton H. Remarks on India and the United States: A Vision for the 21st Century // (20.07.2011) // URL: https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/07/168840.htm; Hormats R. D. The United States' «New Silk Road» Strategy: What is it? Where is it Headed? (29.09.2011) // URL: https://2009-2017.state.gov/e/rls/rmk/20092013/2011/174800.htm

[1] Статистика внешней и взаимной торговли // Основные показатели внешней торговли РК по странам // URL: https://stat.gov.kz/official/

Вторую группу первичных источников составили доклады международных организаций (ЕАБР, ООН)[1] и материалы

industry/31/statistic/6; Внешнеторговый оборот КР 2019, 2020, 2021, 2022 // URL: https://mineconom.gov.kg/ru/direct/13; Внешнеторговый оборот Туркменистана: достижения и перспективы (28.01.2022) // URL: https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/60487/; Прямые иностранные инвестиции в Республику Таджикистан по странам // URL: https://nbt.tj/ru/statistics/tavozuni-pardokhti-jt/sarmoyaguzori-oi-mustakimi-khorii/sarmoyaguzorihoi-mustakimi-khoriji-ba-jt-az-r-kishvarho.php; European Union, Trade in goods with Central Asia 5 / Directorate-General for Trade of European Commission. P. 3 // URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/region/details_central-asia-5_en.pdf; U. S. Exports: Tajikistan, Top 5 Products in 2021 (HS-4) // TradeStats Express – U. S. Trade by Partner (Countries and Regions) // International Trade Administration (ITA) of the United States Department of Commerce. URL: https://www.trade.gov/data-visualization/tradestats-express-us-trade-partner-countries-and-regions; U. S. Exports: Uzbekistan, Top 5 Products in 2021 (HS-4) // TradeStats Express – U.S. Trade by Partner (Countries and Regions) // International Trade Administration (ITA) of the United States Department of Commerce. URL: https://www.trade.gov/data-visualization/tradestats-express-us-trade-partner-countries-and-regions

[1] Чимирис Е., Алмакаева А., Немировская А., Соболева Н., Перебоев В. Интеграционный бизнес-барометр ЕАБР: Доклад 22/1 / ЕБР. М., 2022; Кузнецов А., Винокуров Е. Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР: Доклады и рабочие документы 21/4 / ЕБР. М., 2021; Данные статистики ЮНКТАД на сайте UNCTADstat // URL: https://unctadstat. unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx; Добровольный национальный обзор Туркменистана: Расширение прав и возможностей людей и обеспечение всеобщего охвата и равенства. Ашхабад, 2019 // URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/23315Turkmenistan_VNR_2019.pdf; Adle Chahryar, Habib Irfan, Baipakov K. M. History of civilizations of Central Asia. Vol. 5: Development in contrast, from the sixteenth to the mid-nineteenth century / UNESCO. 2003. P. 32 // URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000130205?posInSet=7&queryId=dcd279b5-19bc-42c9-beda-60ac28edef5e; Парижское соглашение – соглашение в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата, регулирующее меры по снижению содержания углекислого газа в атмосфере, подписано 12 декабря 2015 г. Подписали и ратифицировали все страны ЦА // Офиц. сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/climatechange/paris-agreement

аналитических центров: а) российских (Информационно-аналитический центр МГУ, Институт Ближнего Востока, Институт современного развития, Российский совет по международным делам, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений[1]); б) западных (Center for European Security Studies, Friedrich Ebert Foundation, Институт Центральной Азии и Кавказа при Университете Дж. Хопкинса[2]); в) казахстанских

[1] Масанов Ю. Казахстанско-российские индустриальные проект: машиностроение в приоритете (25.09.2019) // URL: https://ia-centr.ru/experts/yuriy-masanov/kazakhstansko-rossiyskie-industrialnye-proekty-mashinostroenie-v-prioritete/; Поляков Д. Турецкие инвестиции в Центральной Азии: во что вкладывается Турция? (13.02.2022) // URL: https://ia-centr.ru/experts/daniil-polyakov/turetskie-investitsii-v-tsentralnoy-azii-vo-chto-vkladyvaetsya-turtsiya/; Косач Г. Г. Первый зарубежный визит президента Туркменистана: Саудовская Аравия (19 апреля, 2007) // Сайт Института Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/?p=5690; ОДКБ: ответственная безопасность / Под ред. И. Ю. Юргенса. М.: Ин-т совр. развития, 2011; Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители / Под ред. И. С. Иванова. М.: Рос. совет по междунар. делам, 2013. Рыжов И., Бородина М. Основные приоритеты внешней политики Кыргызстана // Актуальная геополитика. 2019. № 3. // URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2019_03/Os novnye_Ryjov.pdf; Тюркский мир в школьном учебнике: ближние рубежи, дальние горизонты... (23.08.2022) // URL: https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/the-turkic-world-in-a-school-textbook-near-frontiers-distant-horizons; Чуфрин Г. Внешнеполитическая стратегия постсоветских стран: теоретические аспекты // URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2018_01/Chufrin_9-22.pdf; Киреев А. А. Внешнеполитическая стратегия администрации Б. Клинтона на Ближнем Востоке // URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2018_01/Chufrin_9-22.pdf

[2] Джураев Э., Мураталиева Н. Стратегия ЕС в Центральной Азии: к успешной реализации новой стратегии / Представительство фонда им. Ф. Эберта в КР (март 2020) // URL: http://library.fes.de/pdf-files/bueros/bischkek/16167.pdf; Бунстра Й., Хейл Ж. Содействие ЕС Центральной

(Международный научный комплекс «Астана», Евразийский исследовательский институт при Международном казахско-турецком университете им. Ходжи Ахмеда Ясави[1]). Третью группу использованных в исследовании первичных источников составляют материалы информационно-аналитических агентств: а) стран Центральной Азии (24.kg, akipress.org, vesti.kg, kp.kg, asiaplustj.info, podrobno.uz[2]); б) российск ие (sputnik.kg, sputnik.kz, tass.ru,

Азии: назад к чертежной доске? Брюссель: EU – Central Asia Monitoring: Раб. доклад 2010. № 8. Февраль; Zeyno B. The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Implications for Turkey // The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Oil Window to the West. The Central Asia-Caucasus Institute, Silk Road Studies Program, 2005 // URL: https://www.silkroadstudies.org/resources/pdf/Monographs/2005_01_MONO_Starr-Cornell_BTC-Pipeline.pdf

[1] Хитахунов А. Торговля между Турцией и Центральной Азией // URL: https://www.eurasian-research.org/publication/trade-between-turkey-and-central-asia/?lang=ru; Лаумулин М. Т. Место и роль Турции в современном мире // URL: https://isca.kz/ru/analytics-ru/3478

[2] МиК: Итоги визита Дональда Рамсфелда в Центральную Азию (21 июля 2006) // URL: https://24.kg/archive/ru/news-stall/4550-2006/07/21/4853.html/; В Кыргызстан прибыла делегация ОБСЕ по оценке реформы органов внутренних дел (11 мая 2022) // ИА «24.kg». URL: https://24.kg/obschestvo/233238_vkyirgyizstan_pribyila_delegatsiya_obse_pootsenke_reformyi_organov_vnutrennih_del/; Кудрявцева Т. Садыр Жапаров в третий раз отклонил закон о профсоюзах (6 декабря 2021) // ИА «24.kg». URL: https://24.kg/vlast/216156_sadyir_japarov_vtretiy_raz_otklonil_zakon_oprofsoyuzah/; Президент Садыр Жапаров намерен улучшить отношения с Турцией (07.05.2021) // URL: https://24.kg/vlast/193325_prezident_sadyir_japarov_nameren_uluchshit_otnosheniya_sturtsiey; В БГУ при поддержке ТИКА открыли Центр турецкого языка и культуры (24.10.2018) // URL: http://bilim.akipress.org/ru/news:1477143/?f=cp; Эрдоган призвал страны ССТГ продолжить сопротивление ФЕТО и поддержать Азербайджан в вопросе Нагорного Карабаха (3.09.2018) // URL: https://kg.akipress.org/news:1467681/org.akipress:/?embed&pack=onek; Чем запомнился кыргызстанцам ТРЦ Bishkek Park за 5 лет? (24.03.2018) // URL: https://vesti.kg/obshchestvo/item/50828-chem-zapomnilsya-kyrgyz

tj.sputniknews.ru, ritmeurasia.org, regnum.ru[1]); в) западные

stantsam-trts-bishkek-park-za-5-let.html; Эрдоган: Турецкие спецслужбы задержали Орхана Инанды (06.07.2021) // URL: https://www.kp.kg/daily/28299/4439881; Какую помощь оказывает Россия Таджикистану? (27.11.2017) // URL: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/ 20171127/kakuyu-pomotsh-okazivaet-rossiya-tadzhikistanu; США рассматривают 38 проектов в Узбекистане для финансирования – Дональд Лу (24.05.2022) // URL: https://www.podrobno.uz/cat/politic/ssha-rassmatrivayut-38-proektov-v-uzbekistane-dlya-finansirovaniya-donald-lu; Узбекистан и Masdar подписали соглашение о финансировании строительства первой ветряной электростанции (31.08.2022) // URL: https://podrobno.uz/cat/economic/uzbekistan-i-masdar-podpisali-soglashenie-o-finansirovanii-stroitelstva-pervoy-vetryanoy-elektrostan; Tashkent City построят по проекту турецких архитекторов (21.10.2017) // URL: https://podrobno.uz/cat/economic/tashkent-city-postroyat-po-proektu-turet skikh-arkhitektorov-/

[1] Крупнейшая мечеть в Центральной Азии строится в Нур-Султане (19.01.2020) // URL: https://ru.sputnik.kz/20200119/mechet-stroitsya-nur-sultan-foto-12574567.html; На чьи деньги строилась столица Казахстана (20.06.2018) // ИА «Sputnik Казахстан». URL: https://ru.sputnik.kz/20180620/stroitelstvo-astana-dengi-6105421.html; Строительство «Абу-Даби Плаза» завершится в 2021 году – акимат (13.10.2020) // Информ. портал «Sputnik Казахстан». URL: https://ru.sputnik.kz/20201013/abu-dabi-plaza-2021-15190291.html; Строительство международного аэропорта в Туркестане завершится в 2020 году (23.01.2020) // URL: https://ru.sputnik.kz/20200123/aeroport-turkestan-stroitelstvo-zavershenie-12607296.html; Достроили ЛЭП «Датка» – «Кемин». Что изменится? (26.08.2015) // Sputnik Кыргызстан. URL: https://ru.sputnik.kg/20150826/1017714321.html; Трактор или iPhone. Министр о переносе заводов Китая в Кыргызстан (30.05.2016) // URL: https://ru.sputnik.kg/20160530/1025896596.html; Отель Sheraton Bishkek открыл свои двери для гостей (24.09.2019) // URL: https://ru.sputnik.kg/20190924/sheraton-bishkek-otkrytie-24-sentyabr-1045782325.html; Пятые Всемирные игры кочевников пройдут в Казахстане (03.10.2022) // URL: https://ru.sputnik.kg/20221003/kazakhstan-vsemirnye-igry-kochevnikov-sostoyatsya-1068575019.html; Какую помощь Россия оказала Таджикистану в 2021-м? (17.02.2022) // URL: https://tj.sputniknews.ru/20220217/gumanitarnaya-pomosch-russia-tajikistan-2021-1045952246.html; США уведомили Центральную Азию об ожиданиях касательно соблюдения санкций против России (29.09.2022)

(azattyk.org, dw.com, bbc.com, euronews.com[1]); г) турецкие

// URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15902935; Эрдоган прибыл на саммит ШОС в качестве почетного гостя (15.09.2022) // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15762247?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com; Мамий С. Турция в Центральной Азии: политэкономический нарратив (23.04.2021) // URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2021-04-23--turcija-v-centralnoj-azii-politekonomicheskij-narrativ-54338; Соколай О. Водно-энергетический консорциум ЦА: проект вполне жизнеспособен, но… (27.07.2022) // Ритм Евразии. URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2022-07-27--vodno-energeticheskij-konsorcium-ca-proekt-vpolne-zhiznesposoben-no-61132; Ж/д пояс Китай – Киргизия – Узбекистан: стратегическая важность или корыстный интерес? (14.04.2021) // Ритм Евразии. URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2021-04-14--141411555555-54183; Соков К. Иран вынашивает планы единой сети железных дорог со странами Центральной Азии (12.01.2017) // URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2017-01-12--iran-vynashivaet-plany-edinoj-seti-zheleznyh-dorog-so-stranami-centralnoj-azii-27797; Соков К. ЕАЭС усилится за счет коридора «Север – Юг» (15.08.2016) // URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2016-08-15--eaes-usilitsja-za-schet-koridora-sever-jug-25219; Владимир Путин: Распад СССР – крупнейшая геополитическая катастрофа века (25 апреля 2005) // URL: https://regnum.ru/news/444083.html; Хиллари Клинтон: концепция «Нового Шелкового пути» – элемент долгосрочной стратегии США (26.11.2012) // URL: https://regnum.ru/news/1597322.htm; В Казахстане планируют в шесть раз увеличить объем ж/д перевозок в обход РФ (11 мая 2022) // ИА REGNUM. URL: https://regnum.ru/news/economy/3587045.html; Шибутов М. «Мягкая сила» Турции: современное состояние казахстано-турецких отношений (30.06.2018) // URL: https://regnum.ru/news/2440405.htm; Тарасов С. Иран прорывается в ШОС (16 сентября 2022) // URL: https://regnum.ru/news/polit/3698169.html

[1] Совет сотрудничества тюркоязычных государств переименован в Организацию тюркских государств (13.11.2021) // URL: https://rus.azattyk.org/a/31559425.html; Турция списала долг Кыргызстана в 51 млн долларов (01.12.2011) // URL: https://rus.azattyk.org/a/24408262.html; Анкара готова вкладывать в Кыргызстан капитал (02.02.2011) // URL: https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan_turkie_realation/3481932.html; Турецкий «Пегасус» вошел на авиарынок Кыргызстана (02.03.2013) // URL: https://rus.

(aa.com[1]). Данные первичных источников использовались в качестве доказательной базы выдвигаемых в исследовании тезисов.

Целью исследования является анализ специфики внешнеполитических стратегий основных глобальных и внерегиональных акторов в Центрально-Азиатском регионе.

Достижение обозначенной цели предполагает решение следующих **задач:**

– изучить сущность системы международных отношений через призму внешнеполитической деятельности государства в ней;

azattyk.org/a/kyrgyzstan_turkey_passenger_flights/24917195.html; Кабмин отказался от идеи передать аэропорты «Манас» и «Ош» в управление YDA INŞAAT (08.07.2022) // URL: https://rus.azattyk.org/a/31934570.html; Беспилотники «Байрактар» поступили на вооружение Кыргызстана (18.12.2021) // URL: https://rus.azattyk.org/a/31615359.html; Шамбетов Т. В новый год с новым Налоговым кодексом. Что изменилось для бизнеса? (20 января 2022) // ИА «Радио Азаттык». URL: https://rus.azattyk.org/a/31663092.html; ЕС и страны Центральной Азии договорились о партнерстве // ИА Deutsche Welle. URL: https://www.dw.com/ru/a-49501463; Переворот в Турции 2016 года: к пожизненному приговорены сотни противников Эрдогана (26.11.2020) // URL: https://www.bbc.com/russian/news-55092669; Высший руководитель Ирана обвинил в организации протестов США (03.10.2022) // URL: https://ru.euronews.com/2022/10/03/iran-protests-iranian-supreme-leader

[1] Ekberova E. Казахстан предложил создать деловой совет «Центральная Азия – ЕС» (05.11.2021) // ИА «Anadolu Agency». URL: https://www.aa.com.tr/ru/2412992; Турецкие инвестиции в Казахстан в прошлом году побили рекорд (30.04.2021) // URL: https://www.aa.com.tr/ru/2226151; Саудовская Аравия построит в Узбекистане 3 электростанции на сумму $2,5 млрд (25.01.2021) // ИА «Анадолу». URL: http://v.aa.com.tr/2121986; Крупнейшую мечеть Центральной Азии строят в Душанбе (02.07.2019) // ИА «Анадолу». URL: https://www.aa.com.tr/ru/искусство-и-культура/крупнейшую-мечеть-центральной-азии-строят-в-душанбе-/1521114

– проанализировать существующие теоретические подходы к осмыслению понятий «внешнеполитическая концепция», «программа», «стратегия» и «инициатива»;

– определить цели, задачи, направления внешнеполитической деятельности государства;

– выявить особенности двусторонних и многосторонних форматов внешнеполитической деятельности Российской Федерации в Центрально-Азиатском регионе;

– обозначить специфику реализации китайского проекта «Один пояс – один путь» в Центральной Азии;

– исследовать концептуальные программы, разрабатываемые для региона Соединенными Штатами Америки;

– изучить эволюцию внешнеполитических стратегий Европейского союза в Центрально-Азиатском регионе;

– проанализировать трансформацию стратегии Турецкой Республики в Центральной Азии;

– рассмотреть подходы арабских государств к расширению своего влияния в ЦА-регионе;

– исследовать особенности политики Исламской Республики Иран, реализуемой в Центральной Азии.

Объект исследования – роль и место внешнеполитической стратегии государства в системе международных отношений.

Предмет исследования – содержание и направления внешнеполитических стратегий глобальных и внерегиональных акторов в Центральной Азии, тенденции, проблемы и перспективы их реализации.

Теоретическую базу исследования составили работы отечественных, российских и западных ученых в сфере мировой политики и международных отношений. Рассмотренные подходы позволили задать единый теоретико-концептуальный фрейм исследования внешнеполитических

стратегий всех обозначенных акторов, детерминируя возможность выведения различий и общих черт между ними без проведения отдельного компаративистского анализа.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы, позволившие проанализировать большой массив информации, решить обозначенные задачи исследования и раскрыть его цель. К первой группе методов относятся: а) *историко-описательный* и *политико-описательный подходы,* с помощью которых внешнеполитические стратегии глобальных и региональных акторов были проанализированы в исторической ретроспективе; б) *структурно-функциональный подход* позволил изучить цели, задачи, функции внешнеполитической деятельности государства в системе международных отношений; в) *институциональный подход* лежит в основе изучения специфики создаваемых в регионе внешними акторами интеграционных институтов.

Среди частнонаучных методов в исследовании применялись: а) *метод анализа документов,* который задействован для изучения внешнеполитических концепций стран региона и внешних акторов; б) *метод дискурс-анализа* выступлений первых лиц исследуемых государств, который позволил получить представление об их видении целей и задач внешней политики; в) *статистический метод* анализа данных использовался, прежде всего, для демонстрации экономического влияния внешних акторов в регионе.

Структура исследования состоит из введения, трех глав, включающих 10 параграфов, заключения и списка использованной литературы и источников.

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, обозначаются цели и задачи исследования, а также раскрывается степень изученности проблемы исследования.

В **первой главе «Методологические основы изучения внешнеполитических программ и стратегий»** обозначаются концептуально-теоретические рамки исследования, даются определения ключевым понятиям исследования на основе существующих в научной литературе подходов к ним.

В *параграфе первом «Место и роль внешнеполитической деятельности государства в системе международных отношений»* на основе проанализированного материала выводится определение международных отношений как широкого круга общения и контактов, составляющих основу сосуществования государств в эпоху глобализации. На основе представленной периодизации развития системы международных отношений дается краткая характеристика особенностей взаимодействия ключевых глобальных акторов, начиная с XVII в. и заканчивая сегодняшним днем, которая вкупе в проведенным анализом внешнеполитической деятельности центральноазиатских государств задает общий фрейм для понимания региональной конъюнктуры.

Параграф второй «Понятия "внешнеполитическая концепция", "программа", "стратегия", "инициатива" в контексте Центральной Азии» посвящен анализу понятийно-категориального аппарата исследования. В параграфе представлен детальный обзор научной литературы по подходам к определению ключевых понятий исследования, а также рассматриваются проблемы, возникающие при использовании этих понятий в ходе проведения анализа. Ключевой из них обозначена необходимость учитывать не

только юридическую, формальную сторону внешнеполитических концепций, стратегий и программ, но и их реализацию на практике и интерпретацию этих внешнеполитических шагов руководством того или иного государства.

В *параграфе третьем «Цели, задачи и направления внешнеполитической деятельности государства»* раскрывается сущность внешнеполитической деятельности и внешней политики государства в системе международных отношений через их цели, задачи и направления. Обосновывается тезис о том, что направления, цели и задачи внешнеполитической деятельности государства не являются статичными во времени и трансформируются в зависимости от складывающихся условий. Тезис раскрывается на примере рассмотрения эволюции интересов России и США в Центрально-Азиатском регионе и анализа концепций внешней политики государств региона.

Во **второй главе «Ключевые глобальные акторы в Центральной Азии: множественность программ и стратегий»** анализируются цели, задачи, инструменты внешнеполитической деятельности четырех глобальных акторов в отношении стран Центральной Азии – России, Китая, США и Европейского союза.

В *параграфе первом «Политика России в Центральной Азии: двусторонний и региональный подходы»* рассматривается эволюция внешней политики России в регионе под влиянием мировой политической конъюнктуры. Основное внимание сфокусировано на выявлении специфики бинарного регионального и двустороннего формата взаимодействия России со странами Центральной Азии в экономике, политике, сфере безопасности, культурно-гуманитарном измерении. Обосновывается тезис о том, что имеющиеся проблемы с реализацией российских

внешнеполитических интересов в регионе связаны не только с определенными недочетами внешнеполитического курса России, но и с многовекторным характером внешней политики центральноазиатских республик.

В *параграфе втором «Китай и инициатива "Пояса и пути": содержание, реализованные проекты и промежуточные результаты»* раскрывается содержание китайской инициативы «Один пояс – один путь» в плане реализации инвестиционных проектов, ее сопряжения с другими интеграционными проектами, реализуемыми в регионе, а также создания условий для свободного движения капитала и формирования системы валютной стабильности. Проводится анализ интересов не только Китая, но и каждой из стран Центральной Азии в отдельности в реализации инициативы.

В *параграфе третьем «Политика США и их концептуальные программы»* обосновывается тезис о том, что целью внешней политики США в Центральной Азии является долгосрочное присутствие и нивелирование влияния РФ, а затем – КНР. Дается интерпретация попыток Вашингтона включить регион в более широкое политико-географическое измерение как механизм его конструирования с последующим установлением контроля над ним. Проводится ретроспективный анализ внешнеполитических программ США в регионе, а также делаются прогнозы относительно внешнеполитической деятельности США в регионе.

В *параграфе четвертом «Эволюция стратегии ЕС в Центральной Азии»* последовательно раскрывается положение о том, что Европейский союз с момента обретения странами региона независимости старается проводить свою политику в регионе с учетом своих прагматических интересов в сфере безопасности и экономики.

Подчеркивается, что двумя его основными проблемами в реализации своих интересов, в отличие от других глобальных акторов, выступают ограниченность в финансовых возможностях и отсутствие политической воли. Проводится детальный анализ реализованных Европейским союзом программ и особенностей двух разработанных внешнеполитических стратегий в отношении региона.

В **третьей главе «Программы и стратегии внерегиональных акторов в Центральной Азии»** исследуется динамика трансформации внешнеполитического инструментария трех внерегиональных акторов – Турецкой Республики, группы арабских государств и Исламской Республики Иран.

В *параграфе первом «Турция: изменение стратегии и ОТГ*[1]*»* анализируется трансформация политики Турции в Центральной Азии под влиянием внутриполитических пертурбаций, предполагающих отход от кемалистской модели государства, и концептуализации внешней политики в контексте неоосманизма. Обосновывается тезис о том, что современное руководство Турции стремится к расширению влияния в мировом масштабе через закрепление своего лидирующего статуса в региональном измерении посредством использования инструментария «умной силы», сочетающего средства публичной дипломатии и экономического сотрудничества, а также дипломатическое давление и несанкционированные действия спецслужб.

В *параграфе втором «Политика арабских стран в Центральной Азии и их подходы»* раскрывается специфика взаимодействия стран Персидского залива (Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар, Кувейт, Оман и Бахрейн) и центральноазиатских республик. Обосновывается положение о том, что общность

[1] Организация тюркских государств.

религиозных взглядов выступает благоприятным фактором для развития финансово-экономического, торгового и иного сотрудничества в регионе. Отмечается, что религиозная общность может нести и определенные риски, поскольку страны Персидского залива предпринимают попытки продвижения своего влияния в концептуальном обрамлении панарабизма и арабоцентризма.

В *параграфе третьем «Роль Ирана и его политики в Центральной Азии»* раскрываются исторические связи, общность исторических процессов, культурная и языковая близость народов стран Центральной Азии и Ирана, на которые последний сделал основную ставку при обосновании расширения своего влияния в регионе. Акцентируется внимание на том, что Иран не проводит воинствующей пропаганды шиизма, что интерпретируется как индикатор того, что это государство придерживается в своей внешнеполитической стратегии норм международного права, выступая позитивным фактором в региональной конъюнктуре.

В заключении сделаны выводы по содержанию исследования.

Научная новизна исследования состоит в том, что в отечественной научной литературе практически отсутствуют работы, посвященные многоаспектному глубокому анализу внешнеполитических стратегий такого большого числа внешних акторов в Центральной Азии. Проведенный обзор литературы по предметному полю исследования обозначил наличие исследований характера взаимодействия стран региона с одним, двумя или тремя акторами, что не позволяет увидеть целостную картину пересечения интересов значимых внешних игроков, равно как и специфики инструментария их реализации. Вместе с тем важно подчеркнуть, что исследование сфокусировано именно на

внешней политике государства в системе международных отношений, что предопределяет практическую направленность полученных результатов, поскольку позволяет сфокусироваться на динамике внешнеполитических процессов, обусловленных национальными интересами государств, что достаточно сложно сделать, например, при анализе геополитических проектов, имеющих долгосрочную направленность и зачастую философско-идеологическую основу.

Практическая значимость фундаментального исследования проявляется в возможности использования его материалов в качестве ориентира при решении значимого набора внешнеполитических задач Кыргызской Республики, включая разработку концептуальных документов, а также для повышения эффективности политико-экономического взаимодействия республики с различными внешними акторами. В этом аспекте большую значимость имеет включение его результатов в аналитические записки, аналитические доклады и другие материалы специалистов и экспертов государственных структур, нацеленных на оказание влияния на процесс принятия политических решений.

С точки зрения научного интереса данное исследование может стать источником важной информации для ученых в сфере изучения проблем международных отношений и вопросов национальной безопасности в Центрально-Азиатском регионе при написании ими академических работ. Полученные результаты могут быть полезными при проведении лекционных занятий, написании диссертационных, курсовых и реферативных работ в высших учебных заведениях республики в рамках таких дисциплин, как международные отношения, мировые политические процессы, сравнительная политология.

Глава 1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОГРАММ И СТРАТЕГИЙ

1.1 Место и роль внешнеполитической деятельности государства в системе международных отношений

Современная система внешней политики государств мира является плодом человеческой истории и прошла длинный путь, сопровождавшийся созданием и крушением великих цивилизаций, мировыми войнами и другими видами конфликтов. В современном глобальном мире внешнеполитическая деятельность всех без исключения государств, в своей совокупности, играет роль ключевого фактора в функционировании современной системы международных отношений. Через сферу внешней политики государства решают важнейшие задачи, связанные, прежде всего, с реализацией национальных интересов и обеспечением национальной безопасности страны. Сложившаяся с древнейших времен взаимосвязь внешней политики государства с системой международных отношений составляет краеугольный камень существования современного человеческого сообщества.

Актуальность темы данного исследования связана с ведущей ролью внешней политики в решении важнейших

национальных интересов и национальной безопасности государства в условиях современного глобального мира. Вопросы войны и мира, экономики и политики, идеологии и культуры и многие другие в отношениях между различными государствами решаются преимущественно через сферу внешней политики. Поэтому крайне важно и актуально в рамках развития мирового сообщества в XXI в. исследовать место и роль внешнеполитической деятельности государства в системе международных отношений. Наконец, данная проблема приобретает чрезвычайную актуальность в связи с распадом СССР и образованием на его территории множества суверенных государств, в том числе в Центральной Азии. Молодые независимые государства региона делают первые шаги на пути формирования собственной внешней политики, и крайне важно овладеть богатейшим накопленным мировой дипломатией в сфере внешней политики опытом функционирования внешнеполитической деятельности государства в целом и системы международных отношений в частности.

Цель исследования заключается в методологическом анализе места и роли внешнеполитической деятельности государства в системе международных отношений. В том числе ставится задача объяснения сущности и основных субъектов международных отношений, а также становления, основных тенденций и развития современной системы международных отношений. Предметом исследования станет также анализ понятия и сущности внешнеполитической деятельности государства, внешней политики государства в системе международных отношений. Кроме того, будет выполнен анализ специфических черт геополитического положения, развития экономики,

острых нерешенных проблем, оказывающих влияние на внешнеполитическую деятельность стран Центральной Азии в системе современных международных отношений. Данный анализ необходим для того, чтобы создать необходимые предпосылки для углубленного описания специфики внешней политики центральноазиатских стран в главах фундаментального исследования в целом.

Сущность и основные субъекты международных отношений

Международные отношения издавна занимали и продолжают занимать существенное место в жизни любого государства, общества и человеческого сообщества, поскольку они играют роль одного из главных факторов, обеспечивающих не только его развитие, но и само существование. Об этом свидетельствует вся история человеческого сообщества, и поэтому не случайно в наши дни страны Запада стремятся создать режим международной изоляции России, с тем чтобы поставить под вопрос ее будущее как субъекта международных отношений.

Именно под влиянием международных отношений и в первую очередь межгосударственных контактов, под их воздействием происходят процессы становления и развития государства, его институтов, экономики, формирования наций, их идеологии и культуры. Именно в рамках межгосударственных контактов, связанных с развитием дипломатических торговых, финансовых, культурных отношений, в наши дни происходит процесс становления и упрочения системы международных отношений для новых суверенных государств Центральной Азии.

Сущность международных отношений продолжает исследоваться и по настоящее время, поскольку практика их реализации настолько многообразна и различна, что и сегодня продолжает привносить всё новые многообразные элементы, требующие специального изучения. Также следует отметить, что предметом изучения по-прежнему продолжают оставаться такие базовые категории, как, например, международные отношения, международная политика, участники международного процесса. Вместе с тем исследователи теории и практики международных отношений придерживаются разных подходов и оценок в вопросах единой типологии, систематизации и классификации международных систем. Это имеет следствием то, что до сих пор в науке отсутствует единое, согласованное всеми исследователями определение международных отношений. Приведем одно из многих, которое, на наш взгляд, с наибольшей полнотой отражает основные характерные черты данной дефиниции. Оно исходит из того, что международные отношения зиждятся на комплексе связей и взаимоотношений в самом широком диапазоне между государствами, блоками и союзами государств, действующими в системе международных отношений. Они также включают в себя различного рода контакты между государствами и международными организациями, общественными движениями и союзами. Они затрагивают сферу политики, экономики, права, идеологии, военного дела, культуры и искусства. Следовательно, международные отношения представляют собой широчайший круг общения и контактов, составляющих основу сосуществования государств в эпоху глобализации[1].

[1] МО как особый род общественных отношений // URL: https://textbooks.studio/uchebnik-mejdunarodnie-otnosheniya/kak-osobyiy-rod...

Таким образом, уровень и состояние сущности международных отношений напрямую зависит от территориальных размеров государства, численности его населения, уровня его ВВП, состояния его экономики, уровня развития производительных сил, численности и мощи его вооруженных сил, ресурсной базы, политической системы, расстановки общественных сил. Сущность международных отношений во многом также определяется геополитическим положением государств, их геостратегическими позициями в современном мире, уровнем воздействия на мировую политику и экономику. Все эти факторы и оценки необходимо учитывать при анализе внешней политики государств Центральной Азии по отношению к России, США, странам ЕС и другим внешнеполитическим акторам, взаимодействующим с ними.

Сущность международных отношений отражает также уровень их развития, формирующийся, по мнению П. А. Цыганкова, на основе геополитического критерия. С этой точки зрения он выделяет *глобальный, региональный* и *субрегиональный* уровни международного взаимодействия[1].

Основой международных отношений являются его субъекты, выступающие их главными акторами, составляющие их структуру, костяк и приводящие их в действие. От действий субъектов международных отношений во многом зависят кардинальные преобразования и события, происходящие в мире, субъекты международных отношений зачастую регулируют вопросы войны и мира, они принимают участие практически во всех процессах, которые имеют место в мировой политике и экономике[2].

[1] Цыганков П. А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2002. С. 26.

[2] Субъекты, классификация и принципы международных отношений

В качестве важнейших субъектов международных отношений выступают национальные государства. Именно их реальная субъектность определяет наличие международных отношений, их конфигурацию, хронологические и временные рамки, масштабы и формы развития последних. Отношения между государствами, их внешняя экономическая, политическая, военная политика составляют сущность субъектности международных отношений. Они определяют их правовой статус, место в мировой табели о рангах. Именно в рамках внешней политики каждого отдельно взятого государства решаются важнейшие вопросы, связанные с территориальной целостностью и обеспечением безопасности, защитой национальных интересов. Подобная классификация укладывается в понятие «международная стратификация», основывающееся на оценке реальных возможностей каждого отдельно взятого государства в деле защиты своей территориальной целостности, обеспечения собственных национальных интересов и комплекса национальной безопасности. В рамках международной стратификации выделяют *сверхдержавы, великие державы, средние державы, малые государства* и *микрогосударства*[1].

Субъектами международных отношений также выступает большая группа негосударственных участников. Как считают специалисты, среди них выделяются *межправительственные организации* (МПО), *международные неправительственные организации* (МНПО), *транснациональные корпорации* (ТНК) а также ряд *общественных организаций* и *религиозных течений*, действующих

(16.06.2015) // URL: https:studopedia.ru/11_190221_sub-ekti-klassifikatsiya-i-printsipi-mezhdunarodnih-otno sheniy.html

[1] Цыганков П. А. Теория международных отношений… С. 236.

на международной арене. По их мнению, в основу данной классификации положены характер членства, географическое положение и функциональное измерение[1]. По состоянию на 2004 г. справочные издания насчитывали 254 межправительственных организации и более 10 тыс. международных неправительственных организаций[2].

Становление, основные тенденции и развитие современной системы международных отношений

Вопросы становления, основных тенденций и развития современной системы международных отношений не могут быть освещены с достаточной полнотой без анализа понятия системности в международной политике. Исследователи данной проблемы исходят из того, что системность в международных отношениях строится на достаточно длительных, разнообразных по характеру и устойчивых связях между акторами, входящими в систему международных отношений. При этом системность строится в этой дефиниции на связях между национальными государствами, опирающимися в своей деятельности на международные правовые принципы[3]. Что же касается определения системы международных отношений, то оно фиксирует внимание в первую очередь на многообразных связях и контактах в самом широком их диапазоне, осуществляемых в сфере международных отношений ее участниками

[1] Цыганков П. А., Дробот Г. А. Международные отношения: теория, конфликты, движения, организации: Уч. пос. / Под ред. П. А. Цыганкова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Альфа-М, 2011. С. 102.

[2] Там же.

[3] Введение в теорию международных отношений: Уч. пос. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 12.

на основе взаимовыгодности и определенной упорядоченности. Основным элементом системы международных отношений являются государства, а также их совокупность в различных конфигурациях, создаваемых на основе экономических, военных, идеологических и прочего характера связях. Кроме того, на современном этапе международных отношений в роли их элементов выступают также неправительственные международные организации, международные религиозные течения и транснациональные корпорации.

Таким образом, система международных отношений носит сложный характер, она включает в себя множество различных субъектов, отличающихся друг от друга по многим позициям, преследующих свои особые цели и имеющих собственные национальные интересы. Важным фактором и движущей силой подобных систем мировой политики, определяющей их характер и содержание, являются отношения между элементами этой системы, как правило, носящие всеобъемлющий характер.

Следует отметить, что системы международных отношений, как правило, отличаются значительной протяженностью во времени. Если вести речь о системах международных отношений периода новой и новейшей истории современного человеческого сообщества, то они прошли в своем развитии несколько сложных этапов, характерной чертой которых можно назвать так называемый парадокс переходности[1]. Это такое понятие, которое характеризует сложные процессы качественного перехода одной системы международных отношений из одного состояния в другое на новой основе, отражает качественный сдвиг

[1] Лебедева М. М. Мировая политика: Уч. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 155.

в поступательном развитии человеческого сообщества в рамках роста мирового прогресса и глобализации мира.

В рамках парадокса переходности нашли отражение основные этапы системы международных отношений, без учета которых практически невозможно представить эволюцию ее становления и развития, осмысления ее состояния в условиях XXI века. Важность и необходимость знания этих этапов имеет практический смысл, прежде всего, в том плане, что основной инструментарий современных принципов дипломатии и практики международных отношений появился не одномоментно и не на пустом месте, а явился результатом длительной, иногда многовековой эволюции экономических, идеологических, политических, военных отношений между государствами, имевших следствием поступательное движение вперед, выработку общепринятых принципов дипломатии, на которые опирается современный мир. В соответствии с этим сложилась общепризнанная хронология основных типов и этапов системы международных отношений, знание которых является обязательным условием для всех, кто занимается на практике вопросами внешнеполитической деятельности государств на современном этапе.

Первым этапом формирования системы международных отношений специалисты считают так называемую Вестфальскую систему, или Вестфальскую модель мира, охватывающую период с 1618 по 1815 гг. Начало создания системы Вестфальского мира положил так называемый Вестфальский мир 1648 г., завершивший период кровопролитной войны на европейском континенте, до предела истощившей ее людские и материальные ресурсы. До этих событий во внешней политике европейских стран царили хаос и сумбур без малейших признаков системности.

Практически, история системности в международных отношениях ведет свой отсчет со времени окончания Тридцатилетней войны и подписания Вестфальского мира, так как именно тогда пришло осознание необходимости упорядоченности международных отношений, введения в практику взаимодействия между государствами определенных принципов, руководствоваться во внешнеполитических отношениях некоторыми принципами, приобретшими незыблемый характер. Сложилась так называемая Вестфальская модель мира, в рамках которой были введены в практику международных отношений понятия национальных интересов государства, первенства государственного суверенитета, принципа баланса сил, обязательного выполнения взятых на себя договоров и соглашений[1].

Вторым этапом системы международных отношений явилась Венская система международных отношений, сформировавшая так называемую Венскую модель мира. Хронологически она охватила период с 1815 по 1914 гг. и, как и вестфальский этап, территориально не выходила за рамки европейского континента. Начало ее создания было связано с Великой французской буржуазной революцией конца XVIII в., периодом наполеоновских войн в Европе, Венским конгрессом 1815 г., на котором были юридически закреплены основные принципы новой модели, а завершение пришлось на 1914 год, то есть на начало Первой мировой войны. Годы Венской модели мира стали периодом формирования классической дипломатии, в международный обиход были введены понятия баланса сил и его поддержания, коалиции государств, завершился процесс создания колониальных империй. Стали общепринятыми соглашения и договоры о ведении военных действий,

[1] Введение в теорию международных отношений: Уч. пос. … С. 13.

о мирном разрешении конфликтов, об обращении с военнопленными[1].

Следующий этап развития системы международных отношений связан с формированием так называемой Версальско-Вашингтонской системы, или Версальско-Вашингтонской модели мира. Она сложилась после окончания Первой мировой войны и закрепила новую расстановку сил на международной арене, во многом связанную с распадом российской, германской, австро-венгерской и турецкой империй и появлением ряда новых независимых государств, в том числе Советского Союза. Версальско-Вашингтонская модель мира характеризовалась также преобразованием европоцентристской модели мира в глобальную, связанную с отказом США от принципов изоляционизма и превращением их в активного участника нового мирового порядка. Данная системная модель мира состояла из двух частей: Версальской системы после подписания Версальского мирного договора в 1919 г., который закреплял новые реалии, сложившиеся после окончания Первой мировой войны в Европе, и Вашингтонской системы, сложившейся в 1921–1922 гг. по результатам Вашингтонской мирной конференции, которая закрепила новую расстановку сил в Азиатско-Тихоокеанской части мира. Версальско-Вашингтонская система перестала существовать после окончания Второй мировой войны.

Новая модель мира оказалась неспособной создать устойчивую, стабильную систему международных отношений, сформировать долговременный баланс сил между странами – победительницами в войне и побежденными странами. Напротив, она характеризовалась обострением

[1] Венская система международных соглашений // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%...

противоречий между ними до предела, перманентным ростом международной напряженности, приведшей к развязыванию Второй мировой войны и разгрому фашистского блока государств.

Важным явлением для мировой политики стало создание так называемой Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, которая вошла в историю также под названием биполярной системы мира и существовала со времени окончания Второй мировой войны и до распада Советского Союза. Название связано с проведением Ялтинской конференции, состоявшейся в феврале 1945 г., и Потсдамской конференции, состоявшейся в июле–августе того же года. На этих конференциях главы государств антигитлеровской коалиции: СССР, США, Великобритании и Франции – закрепили итоги Второй мировой войны и новую расстановку сил на международной арене.

В частности, важнейшей особенностью Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений явился ее биполярный характер, связанный с тем, что по результатам Второй мировой войны доминировать стали две сверхдержавы – СССР и США. Именно они определяли ход и характер мировой политики, а конфронтационный характер отношений между ними держал в напряжении всё мировое сообщество на протяжении всего периода существования этой системы международных отношений. В рамках данной модели мира основная часть государств оказалась втянутой в блоки НАТО (Организация Североатлантического договора) во главе с США и ОВД (Организация Варшавского договора) во главе с СССР. Противоборство этих военно-политических союзов приобрело характер так называемой «холодной войны», наложившей негативный отпечаток в экономической, политической,

военной, идеологической сферах развития мирового сообщества в рамках этой модели мира.

Другой важнейшей особенностью биполярной системы мира явилось появление нового, самого разрушительного за всю историю человечества ядерного оружия, которое стало играть доминирующую роль в военно-политических стратегиях США и СССР и их союзников. Карибский кризис поставил мир на грань ядерной войны и заставил стороны придерживаться стратегии взаимного выживания и избегания ситуаций, грозящих взаимным уничтожением сторон, которые пришли к пониманию того, что колоссальные запасы ядерного оружия, накопленные конкурирующими блоками, в случае их применения сотрут земной шар с лица земли. На практике осознание этого привело к выработке доктрины взаимного ядерного сдерживания и основанной на ней концепции стратегической стабильности на базе «равновесия страха»[1].

Таким образом, Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, просуществовавшая почти всю вторую половину XX в., закрепила биполярную систему международных отношений, в которой доминировали два центра силы – СССР и США. Для нее была характерна перманентная конфронтация практически во всех сферах жизнедеятельности, носившая форму «холодной войны», а сама система международных отношений из европоцентристской превратилась в глобальную. Была создана ООН – всемирная международная организация с задачей сохранения мира и поддержания режима международной безопасности.

Новый этап современной системы международных отношений начался с момента распада СССР, события,

[1] Богатуров А. Д., Аверков В. В. История международных отношений. 1945–2017. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 16.

которое президент РФ В. В. Путин назвал крупнейшей геополитической катастрофой века[1]. Рухнула система международных отношений, воплощавшая в себе биполярную модель мира, начался процесс формирования новой системы международных отношений, которая должна была закрепить новую расстановку сил на международной арене, сложившейся в пользу стран Запада и в первую очередь Соединенных Штатов Америки.

Всеми признанного определения нынешнего этапа системы международных отношений пока что не существует, если не считать понятия постбиполярного мира, или не совсем точного, с нашей точки зрения, определения А. Д. Богатурова и В. Д. Аверкова, введших в научный оборот понятие «плюралистическая однополярность». По их мнению, оно отражает ситуацию лидерства США в мире, действующих в координации со своими союзниками, которые имеют возможность реально влиять на решения государства-лидера[2]. Это понятие в определенной степени отражало реалии 90-х гг. прошлого и начальных годов нового века, когда Российская Федерация пошла по пути уступок странам Запада, а китайский фактор не воспринимался как одно из главных препятствий на пути США к мировой гегемонии. Казалось, что сложились все благоприятные условия для неограниченного мирового лидерства Америки, однако реалии XXI в. показали невозможность одной страны, даже играющей роль гегемона в мировой экономике и политике, подчинить полному своему

[1] Владимир Путин: Распад СССР – крупнейшая геополитическая катастрофа века (25 апреля 2005) // URL: https://regnum.ru/news/444083.html

[2] Богатуров А. Д., Аверков В. В. История международных отношений… С. 384.

влиянию развитие мировых международных процессов во всех частях света.

Это связано с рядом факторов, характеризующих уровень развития мирового сообщества в условиях глобализации, перемен и новых явлений, ограничивающих стремление США к достижению мирового господства после распада СССР и мировой системы социализма. Одним из важнейших среди них следует считать возросшую роль Китая в мировой экономике и политике. В первые десятилетия XXI в. Китай превратился в экономическую сверхдержаву, занимающую вторую строчку в мире после США, и в первую экономику мира по ВВП по ППС валют, является мировым лидером по большинству видов промышленной продукции, крупнейшим мировым экспортером, обладает крупнейшими в мире золотовалютными запасами. Китай обладает ядерным оружием и крупнейшей в мире армией. Кроме того, КНР превратилась в главного экономического соперника США, добившись значительного профицита в торговых отношениях с последними[1]. На протяжении последнего времени США рассматривают КНР в качестве своего главного соперника не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и во всём мире и видят в его лице главного соперника в борьбе за мировое лидерство. Стремление США ослабить либо уничтожить Китай имело следствием возникновение и развитие острейшего узла противоречий в системе современных международных отношений, носящего глобальные масштабы.

Другим важным фактором, оказавшим влияние на мировую политику, повлиявшим на изменение баланс сил не в пользу США, стало стремление руководства России повысить ее роль в мировой политике, превратить

[1] Китайская Народная Республика // URL: https://ru.wikipedia.org/...

в самостоятельный субъект международных отношений, в частности, добиться равноправного характера отношений со странами Запада. Однако события 2014 г., имевшие следствием острые разногласия между ними, привели к резкому росту взаимного недоверия и положили начало новому периоду в отношениях России с западными странами – США, ЕС и Англией. Этот период характеризуется небывалым обострением международной обстановки, ставящей мир на грань ядерной войны и фактическим возвратом к «холодной войне» в ее ухудшенном варианте. Ситуация, сложившаяся в мире, в еще большей степени повышает роль и значение внешней политики и ее инструментов как средства избежания мировой термоядерной войны и спасения человечества от неизбежной гибели в случае ее развязывания.

Таким образом, правящая элита США на пути к мировой гегемонии видит препятствие к достижению своей цели в лице Китая и России и считает своей важнейшей задачей их устранение всеми возможными средствами. Однако проводимая президентами США Обамой, Трампом и Байденом политика по отношению к этим странам привела к противоположному результату – не к ослаблению позиций Китая и России на мировой арене, а к укреплению между ними стратегического партнерства против общего врага в лице США.

В сложившейся ситуации американские стратеги, будучи не в состоянии вести борьбу на два фронта и не имея в данное время средств и ресурсов для полномасштабной одновременной конфронтации с Китаем и Россией, поставили задачу лишить Китай стратегического союзника в лице России путем ее кардинального ослабления либо полного уничтожения. Следует отметить, что разведывательные

и аналитические структуры США еще в 80-е гг. прошлого века разработали и применили на практике стратегию так называемой «петли анаконды» – плана удушения СССР. В настоящее время в рамках этого плана ставится цель уничтожения России путем применения военных, политических, экономических, информационных и идеологических методов1. В частности, США ведется планомерная работа по окружению России кольцом военных баз НАТО, созданию в приграничных с Россией странах локальных конфликтов, втягиванию ее в гонку вооружений.

Следует заметить, что на геополитическом положении России и в наше время продолжает негативно сказываться нерациональная политика М. Горбачёва и Б. Ельцина, которые, имея полную возможность подписать с западными странами договор о запрете вступления в НАТО бывших союзников СССР и сохранении их нейтрального статуса, встали на путь поспешного вывода, больше похожего на бегство, советских войск, расквартированных в этих странах. Их капитуляция перед США и странами Запада положила начало реализации нового этапа «петли анаконды», которая приобрела характер постоянного давления на Россию, усилившегося после присоединения к ней Крыма и принявшего колоссальные масштабы после начала специальной военной операции на Украине 24 февраля 2022 г. В частности, количество санкций и ограничений, введенных США и странами Запада против российского государства, к 22 марта текущего года достигло 7116[2].

---

[1] Петля анаконды – план США по удушению России (17.08.2018) // URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5abf5449d7bf2113e95da274/petliaanakondy--plan-ssha-po-udusheniiu

[2] Санкции против России // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/...

Понятие и сущность внешнеполитической деятельности государства

Внешнеполитическая деятельность государства с древнейших времен представляет собой важнейший элемент системы международных отношений. По сути дела, если бы государства мира отказались от участия в международной политике, то это имело бы следствием исчезновение системы международных отношений из жизни государства и общества вообще. При этом важно отметить, что именно государство занимает центральное место в системе координат международных отношений.

Дефиниция «внешнеполитическая деятельность», по сути дела, является синонимом понятия «внешняя политика» и несет в себе значительную содержательную нагрузку, отражающую в себе многообразные функции государства, связанные с этим понятием. Приведем ее определение, позволяющее конкретизировать в ней многообразные сферы деятельности государства. Внешняя политика – это сфера функционирования государственных институтов, уполномоченных государством представлять его интересы на международной арене, защищая его всеми видами средств, закрепленных в комплексах международного права, корпусе всей совокупности международных договоров и соглашений и национального законодательства. Они действуют на международной арене, защищая национальные интересы и безопасность своей страны в процессе взаимодействия с другими государствами, их союзами и международными организациями. Внешняя политика ведется всей совокупностью средств, мирными и немирными средствами для обеспечения целей существования и развития государства и общества. Понятие внешнеполитической

деятельности государства, таким образом, связано с реализацией его внешних функций, играющих важнейшую роль в обеспечении главных целей его существования.

Сущность внешнеполитической деятельности государства во многом ставит своей целью реализацию и защиту национальных интересов, связанных со многими сферами его функционирования, в том числе в области обороны, политики, экономики, культуры и мн. др. Государственные институты берут на себя задачи выработки национальных интересов как в сфере внутренней, так и в сфере внешней политики. Они же определяют степень их важности, градацию по степени их актуальности и путям реализации. Другой важный элемент внешнеполитической деятельности государства связан с участием в решении задач по обеспечению национальной безопасности во всех сферах его жизнедеятельности, связанных, в первую очередь, с защитой его территориальной целостности, неприкосновенностью его границ.

Таким образом, внешнеполитическая деятельность государства охватывает самый широкий диапазон действий, политическое, экономическое его состояние, уровень безопасности, защиты национальных интересов и множество других вопросов. Само его существование зависит от состояния качества внешней политики. Сущность внешнеполитической деятельности государства связана с деятельностью его государственных институтов, именно этим институтам принадлежит ведущая роль в реализации задач и достижении целей, поставленных на повестку дня. В частности, главным государственным институтом, функционально предназначенным для осуществления и регулирования внешнеполитической деятельности государства, как правило, является министерство

иностранных дел. В рамках дипломатической деятельности решается весь обширный комплекс отношений государства в области внешней политики.

Внешняя политика государства в системе международных отношений

Выше нами приводилось определение внешней политики государства, однако эта дефиниция нуждается в ряде дополнительных объяснений и комментариев, без которых ее функционирование и практическое применение в системе международных отношений будет носить неполный характер. Речь идет, прежде всего, о разъяснении таких понятий, как внешнеполитическая программа и внешнеполитические ресурсы в системе международных отношений, образ действий, идеология во внешней политике государства и дипломатия в этой системе. Их разъяснение даст возможность раскрыть конкретные механизмы и процессы практической реализации внешней политики государства в системе международных отношений.

Любая система международных отношений, как правило, носит упорядоченный характер, поскольку хаотичность и неупорядоченность в ней ведет к самым тяжелым и непредсказуемым последствиям. Это требование крайне актуально относительно к современной системе международных отношений в условиях существования ядерных держав, обладающих огромными запасами ядерного оружия. В связи с этим внешняя политика любого современного государства отличается планомерностью и наличием внешнеполитической программы, рассчитанной на краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный характер.

В разработке и утверждении внешнеполитической программы принимают участие многие государственные институты, в том числе исполнительной и законодательной ветвей власти, под контролем главы государства и при координации министерства иностранных дел. Данный документ определяет внешнюю политику государства и открывает миру его возможности, цели и намерения и должен строиться на анализе конкретной ситуации в мире, ее долговременных тенденций, оценке союзников и конкурентов в мировой политике. Ошибки и неверные оценки, допущенные при разработке программы внешней политики, делают внешнюю политику государства неадекватной, что грозит самыми тяжелыми последствиями.

На основе внешнеполитической программы вырабатывается внешнеполитический курс государства, который также является важнейшим показателем роли государства и его значимости в системе международных отношений. Внешнеполитический курс государства носит более конкретный характер, в сжатой форме он определяет внешнюю политику государства в более концентрированном виде, учитывая необходимость достижения поставленной цели, реализации национальных интересов и защиты национальной безопасности. Он также строится на обязательном учете имеющихся у государства ресурсов, состоянии экономики, оборонительного потенциала, общественных настроений.

В частности, внешняя политика государства в системе международных отношений строится на учете и состоянии ресурсов, именно их наличие и количество позволяет государству реализовывать основное содержание своей внешнеполитической программы и внешнеполитического курса. В науке выделяют материальные, информационные,

временные, геопространственные и организационные ресурсы[1].

Считается, что главную роль в реализации внешней политики государства чаще всего играет наличие материальных ресурсов. Среди них выделяют ресурсы природные, демографические, экономические и военные. При этом по рангу и значимости первенство занимают ресурсы экономические и военные. Именно их наличие преимущественно определяет место государства в мировой табели о рангах[2].

Информационные ресурсы, в свою очередь, ранжируются по значимости на политические, идеологические, научные и культурные[3]. В своей совокупности они занимают важное место в реализации внешнеполитической программы и внешнеполитического курса государства ненасильственными, невоенными методами. Например, США строят свое достижение мировой гегемонии во многом на пропаганде идеи демократии и насаждения ее во всём мире под собственной эгидой. Наконец, известно, в какую силу в современном мире превратилась информационная составляющая внешней политики, используемая в рамках так называемых информационных войн.

Что касается временных ресурсов, то под ними понимается время действия договоров и соглашений, обязательств, принятых на себя государством в системе международных отношений.

Внешняя политика государства в системе международных отношений, ее качество и эффективность во многом

---

[1] Хрусталёв М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М., 2008. С. 40.

[2] Там же.

[3] Там же.

зависят от наличия и уровня использования организационных ресурсов. Особенно это важно для молодых суверенных государств, которые делают лишь первые шаги в международной политике и не обладают богатым опытом дипломатической деятельности. Ошибки в сфере применения организационных ресурсов в области внешней политики могут привести к самым тяжелым последствиям.

Формой реализации организационных ресурсов в сфере внешней политики является дипломатия, посредством которой на практике происходит процесс претворения в жизнь внешнеполитических программ и внешнеполитического курса государства, защиты его национальных интересов и обеспечения национальной безопасности. Дипломатия представляет собой неотъемлемую составную часть инструментария, посредством которого в международной сфере ведутся переговоры, заключаются договоры и соглашения, решаются вопросы войны и мира, разрешения двусторонних и многосторонних конфликтов. Экономическая дипломатия является важной частью дипломатии государства, которой принадлежит первенство в обеспечении экономических интересов государства.

Специфика внешнеполитической деятельности стран Центральной Азии в системе международных отношений

Таким образом, выше нами изложены место и роль внешнеполитической деятельности государства в системе международных отношений. В своей совокупности они отражают многовековой опыт основных принципов внешней политики государства, которые в современном мире

приобрели общезначимый характер. Именно эти принципы заложены в основу внешнеполитической деятельности, они носят общепринятый характер, и все государства мира руководствуются ими на практике. Тем более этот опыт ценен для государств, суверенная внешнеполитическая деятельность которых насчитывает лишь несколько десятилетий, и страны Центральной Азии, вне всякого сомнения, относятся к их числу.

Центральная Азия стала одним из самых молодых регионов мира, ставшим полноценным участником системы международных отношений в начале 90-х гг. прошлого века. Отправным пунктом для этого важнейшего события в жизни народов ЦА явился распад СССР и провозглашение независимости и суверенного существования пяти молодых государств в этом регионе. Естественно сделать вывод о том, что они лишь вступили на путь реализации независимой внешней политики и для них особенно важно в сжатые сроки овладеть богатым опытом дипломатии, накопленным человечеством за многие столетия своего развития. Однако для полноценного решения этой задачи и овладения на практике основным инструментарием внешнеполитической деятельности крайне важно представлять себе специфику исторического, политического и экономического развития региона, поскольку знание и учет этой специфики даст возможность для более полного и эффективного ведения ими внешней политики.

Начать следует с того, что развитие Центральной Азии с древнейших времен зиждилось на нахождении ее на стыке трех больших цивилизационных пространств, в том числе мусульманского мира Среднего Востока, индо-китайского субстрата и православной России[1]. В то же

[1] Омаров Н. Государства Центральной Азии в эпоху глобализации:

время для региона характерно наличие линий субконтинентального геополитического разлома. По мнению известного политолога В. Б. Богатырёва, это, прежде всего, цивилизационная линия разлома, отражающая сосуществование двух цивилизаций – оседлой, земледельческой, и кочевой, животноводческой[1]. Другую линию разлома он называет ресурсной, при которой три страны, в их числе Казахстан, Туркменистан и Узбекистан, регулируют топливные ресурсы – нефть и газ, а Кыргызстан и Таджикистан – водные ресурсы. Наконец, третью линию разлома он называет социально-политической, когда развитие Казахстана и Кыргызстана идет в рамках демократического государственного устройства, а Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана – в рамках традиционных авторитарных форм управления[2].

Территория региона является источником самых разнообразных минеральных ресурсов, среди которых особое место занимает обладание значительными запасами углеводородного сырья, сосредоточенными в бассейне Каспийского моря, что существенно повышает удельный вес Центральной Азии в современном мире. Однако, несмотря на наличие значительной минерально-сырьевой базы, экономика региона после распада СССР оказалась в периферийной зоне современной мировой экономики. По данным С. В. Жукова, в 2004 г. удельный вес стран Центральной Азии в мировом ВПП составил всего 0,62%, 0,4% притока мировых инвестиций, а доля в мировом экспорте

поиски стратегии развития. Бишкек, 2008. С. 7.

[1] Богатырёв В. Три основания для конфликтов (9 апреля 2013) // URL: http//www.ipp.kg/ ru/news/2581

[2] Богатырёв В. Вместо сотрудничества – геополитический разлом (14 мая 2009) // URL: http//bpc.kg/perspective/132-14-05-09

не превышала 0,5%[1]. В целом, экономика стран региона носит сырьевой характер с определенной степенью градации по уровням и видам экспорта сырья. Геоэкономическому развитию Центральной Азии также препятствует замкнутое географическое положение, отсутствие выхода к морям, к основным торговым путям мировой экономики[2].

После распада Советского Союза государства Центральной Азии оказались в зоне, отличающейся высоким уровнем конфликтогенности, рисков и угроз национальной безопасности, основывающейся во многом на комплексе проблем самого разнообразного характера, доставшемся им в наследство от СССР. Территориальное размежевание, проведенное в Средней Азии в 1924 г., закрепило множество проблем, приведших к длительным, продолжающимся и по настоящее время конфликтам между странами региона, нередко принимающим форму вооруженных конфликтов между ними. Не случайно Збигнев Бжезинский включал Центральную Азию в состав так называемых Евразийских Балкан[3]. Он отмечал, что регион отличается внутренней нестабильностью, каждая из стран страдает от серьезных внутренних проблем[4].

Обосновывая это утверждение З. Бжезинского, аналитики и эксперты Российской Академии государственной

---

[1] Жуков С. В. Центральная Азия: императивы экономического роста в условиях глобализации: Автореф. дис. … д-ра экон. наук. М., 2005 // URL: http//www.dssercat.com./content/tsentralnaya-aziya–imperativy-ekonomicheskogorosta-v-usloviyakh– globalizatsii

[2] Волков И. В. Основные проблемы геополитического положения Центральной Азии в эпоху глобализации (на примере Кыргызстана) / КРСУ. Бишкек, 2007. С. 40.

[3] Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: МО, 2000. С. 150.

[4] Там же. С. 151.

службы (РАГС), проанализировав сложившуюся ситуацию на начало нового, XXI в., выделили наиболее важные из внешних и внутренних проблем, усугубляющих ситуацию нестабильности в регионе. Среди них они называют комплекс территориальных проблем, доставшихся новым независимым государствам от советского прошлого, связанных с территориальными спорами практически между всеми центральноазиатскими государствами. В частности, несмотря на тридцатилетний период суверенного существования, между ними и по настоящее время не завершены процессы демаркации и делимитации границ. Если говорить, к примеру, о Кыргызстане, то у него пограничные споры нередко вызывали серьезное обострение внешнеполитических отношений с Узбекистаном и особенно с Таджикистаном. Кроме того, до сих пор не решена проблема анклавов Узбекистана и Таджикистана на территории Кыргызстана, играющих роль постоянного источника напряжения между этими государствами.

Эксперты РАГС также считают точкой напряжения между странами региона моменты этнического несоответствия, связанного с компактным проживанием этнических диаспор на территории других государств. В частности, на территории Кыргызстана проживает значительная узбекская диаспора, на территории Узбекистана – большое количество таджиков и т. д.

Другим важным обстоятельством, с их точки зрения, усиливающим нестабильность и напряженность в регионе, является распределение трансграничных водных ресурсов, когда Кыргызстан и Таджикистан контролируют львиную долю водных ресурсов, тогда как Казахстан и Узбекистан зависят от них в этом плане. Эксперты также обращают внимание на несоразмерность обеспеченности

центральноазиатских стран сырьевыми и энергетическими ресурсами, когда Кыргызстан и Таджикистан зависят от обладающих большими запасами нефти и газа Казахстана и Узбекистана.

К числу проблемных моментов относится также миграция населения, приобретшая значительные масштабы в Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане. Для ряда стран Центральной Азии, в том числе для Кыргызстана, характерна транзитная ограниченность, представляющая серьезную угрозу национальной безопасности.

В целом же аналитики РАГС приходят к выводу о том, что в силу объективных и субъективных причин страны Центральной Азии оказались в ситуации, когда каждая из них проводит внешнюю и внутреннюю политику, в которой отсутствуют элементы согласованности, и они в силу существующего и нерешенного по настоящее время комплекса проблем пока что не в состоянии развивать интеграционные процессы между собой[1]. Каждая из этих проблем может служить результатом отдельного исследования, однако их совокупность уже сама по себе свидетельствует об остроте противоречий и проблем как между отдельными государствами региона, так и внутри них самих, не преодоленных и по настоящее время.

Кроме внутрирегиональных проблем, странам Центральной Азии в условиях независимости пришлось столкнуться и с рядом угроз и рисков нового типа, связанных с открытостью миру после развала СССР. Так, на протяжении длительного времени сказывается негативное воздействие на них со стороны Афганистана, превратившееся в главную внешнюю угрозу для молодых суверенных стран, когда существовала опасность непосредственного

[1] Региональная безопасность. М.: Изд-во РАГС, 2006. С. 124.

вооруженного вторжения талибов на территорию стран Центральной Азии. Серьезная угроза для их безопасности также связана с наркотрафиком из Афганистана и незаконным оборотом наркотиков, принявшим самые широкие масштабы.

Наконец, к числу угроз нового типа, с которыми странам региона не приходилось ранее сталкиваться, следует отнести деятельность экстремистских террористических организаций, ведущих борьбу со светскими режимами с целью их свержения и превращения Центральной Азии в территорию исламского халифата. За прошедшие годы таким странам, как Узбекистан, Кыргызстан и Казахстан, неоднократно приходилось подавлять вооруженные выступления исламистов, а в Таджикистане, как известно, в 90-е гг. развернулась кровопролитная гражданская война, унесшая сотни тысяч человеческих жизней[1].

Выполненный выше краткий анализ показывает совокупность проблем, с которыми столкнулись новые суверенные государства Центральной Азии в условиях новой для себя реальности, связанной с вступлением их в мировую политику, встраивания в систему международных отношений в качестве самостоятельных акторов. Несомненно, данные проблемы оказали и продолжают оказывать значительное влияние на внешнюю политику стран региона и игнорирование их воздействия на нее чревато серьезными негативными последствиями. Поэтому реалии внешней политики стран Центральной Азии во все годы суверенитета во многом строились и продолжают строиться с их учетом.

Другим важным обстоятельством, влияющим на внешнюю политику центральноазиатских стран в годы

[1] Центральная Азия: 1990–2009 годы. Алматы, 2010. С. 7.

независимости, следует считать то, что они испытывают перманентное воздействие со стороны внешних игроков. Состояние вакуума при Советском Союзе сменилось открытостью внешнему миру и внешними воздействиям. По мнению Збигнева Бжезинского, выгодное геостратегическое положение региона, наличие огромных запасов разнообразных видов ресурсов, прежде всего углеводородов, в условиях крушения монополии СССР выдвинули на первый план перед мировыми центрами силы задачу доступа в Центральную Азию. Он утверждает, что «тот, кто будет доминировать в вопросе доступа к данному региону, скорее всего и окажется в выигрыше в геополитическом и экономическом плане»[1]. На практике это имеет следствием стремление России, Китая, США, стран Европейского союза укрепить свои позиции в данном регионе с использованием политических, экономических, идеологических, культурных и военных факторов. В роли внешнеполитических игроков также выступают Турция, Иран, Пакистан, страны Ближнего и Среднего Востока. Новые независимые центральноазиатские республики являются активными субъектами системы международных отношений, принимают участие в деятельности ООН и множества международных организаций, в том числе таких, как СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС.

Внешнеполитическое вмешательство, стремление укрепления позиций в основных сферах экономики и политики заставляют страны Центральной Азии проводить внешнюю политику с учетом внешних факторов, в первую очередь определение оптимального для них уровня и содержания отношений с мировыми и региональными центрами силы. В результате, сложилась специфическая

[1] Бжезинский З. Великая шахматная доска… С. 168.

форма внешней политики центральноазиатских стран, получившая название многовекторной внешней политики, являющейся наиболее оптимальной формой реагирования этих стран на вызовы и угрозы со стороны мировой системы международных отношений. В то же время российские исследователи международных отношений в странах региона придерживаются концепции так называемого «потенциального или отложенного суверенитета», который, с их точки зрения, «стал после 1991 г. системообразующим элементом международных отношений в Центральной Азии»[1]. Впрочем, все важнейшие вопросы внешней политики стран Центрально-Азиатского региона являются предметом освещения в основных главах данного исследования.

Из вышеизложенного материала вытекают определенные выводы, свидетельствующие о важности и необходимости изучения места и роли внешнеполитической деятельности государства в системе международных отношений. Прежде всего, вывод о том, что в настоящее время, время небывалого обострения международной обстановки, когда мир стоит на пороге мировой ядерной войны, значение внешней политики государств резко возросло, поскольку именно она стала играть роль основного инструмента сохранения мира на Земле[1]. Опыт ее многовекового развития подвел человечество к пониманию того, что вследствие развития производительных сил и, прежде всего, создания и совершенствования оружия массового уничтожения оно вступило в ту стадию своего развития, когда серьезные ошибки в сфере внешней политики государств могут привести к непоправимым последствиям

[1] Международные отношения в Центральной Азии: События и документы. М. Аспект Пресс, 2011. С. 27.

и исчезновению человеческой цивилизации. Отсюда следует вывод о существенном возрастании роли и значения внешнеполитической деятельности государства в системе международных отношений, а также вывод о важности и необходимости использования всего инструментария, накопленного человечеством, в сфере внешней политики с целью избежания крупных конфликтов.

На основании вышесказанного следует вывод и о том, что современная дипломатия должна в полной мере овладеть теорией и практикой таких понятий, как сущность и основные субъекты международных отношений, становление, основные тенденции и развитие современной системы международных отношений, понятие и сущность внешнеполитической деятельности государства, внешняя политика государства в системе международных отношений.

В числе прочих также можно сделать вывод о том, что опытом мировой дипломатии, всем ее содержанием в первую очередь должны овладеть государства, сравнительно недавно вступившие на путь суверенного развития. Это, прежде всего, касается государств Центральной Азии, которым еще предстоит пройти длинный путь для того, чтобы занять достойное место в мировом сообществе, для повышения в нем собственного авторитета и влияния.

Таким образом, внешнеполитическая деятельность государств мира строится на многовековом опыте государственных образований, существовавших с первых веков человеческой цивилизации.

Исследованная тема позволяет сделать определенные рекомендации, вытекающие из содержания данного раздела фундаментального исследования. Их использование направлено на применение в дипломатической практике и практике внешнеполитической деятельности

сотрудниками министерств иностранных дел и представителями государственных структур, соприкасающихся с вопросами внешней политики государств Центральной Азии и Кыргызстана в том числе. Глубокое знание основных элементов внешней политики государства, системы международных отношений, становления, основных тенденций и развития современной системы международных отношений будет служить залогом высокого уровня и качества внешнеполитической деятельности этих стран. А также явится гарантией решения на высоком уровне задач, связанных с обеспечением ими национальных интересов, территориальной целостности и надежной защиты национальной безопасности.

1.2 Понятия «внешнеполитическая концепция», «программа», «стратегия», «инициатива» в контексте Центральной Азии

Проблема разведения понятий «внешнеполитическая концепция», «программа», «стратегия» и «инициатива» в исследовании хода продвижения своих интересов в Центральной Азии ключевыми акторами международных отношений

Разведение понятий, выражающих концептуальные основы внешней политики и представляющих внешнеполитические проекты ключевых акторов международных отношений в Центральной Азии, является важным этапом системного анализа объекта и предмета нашего исследования. Исследование направлено на определение способов,

средств и технологий продвижения своих интересов в Центральной Азии ключевыми акторами международных отношений, так как, не проделав эту методическую процедуру, мы не сможем выявить специфику внешнеполитических действий каждого из них. Ведь без четкого разграничения объекта и предмета исследования, которые сконцентрированно выражаются в ключевых понятиях, невозможно получение точного и полного знания о них. Иными словами, в исследованиях гуманитарных наук только правильная и полная интерпретация основных понятий позволяет выйти к структурным элементам объекта и предмета исследования и точно определить важнейшие их свойства[1]. С этой точки зрения интерпретация понятий «внешнеполитическая концепция», «программа», «стратегия» и «инициатива» напрямую связана с правильным определением предметной направленности институтского исследования.

Однако из-за отсутствия среди ученых единого понимания, в отдельных исследованиях, посвященных внешней политике стран и государств, каждое из этих понятий рассматривается концептуальной основой (обоснованием) или проектом совершенно разных внешнеполитических действий. Вот почему разведение этих понятий – строгая и правильная их интерпретация продолжает оставаться научной проблемой, требующей своего разрешения. И не разрешив данную проблему, невозможно получить всеобъемлющее точное знание о внешней политике как сфере, имеющей много направлений и иерархию приоритетов, а также разные формы своего осуществления важнейшей части государственной политики как таковой. В нашем

[1] Логика социологического исследования / Под ред. Г. В. Осипова. М.: Наука, 1987. С. 45–46.

же случае, не осуществив правильной интерпретации понятий «внешнеполитическая концепция», «программа», «стратегия» и «инициатива», мы не сможем произвести, как уже сказано, системный анализ объекта и предмета исследования. Правильная же интерпретация предполагает, прежде всего, обзор имеющейся литературы[1] о внешней политике стран и по теории международных отношений в плане отслеживания истории введения в научный оборот рассматриваемых понятий.

С точки зрения целей нашего исследования особое значение имеют труды таких российских ученых, как В. А. Ачкасов, С. А. Ланцов, А. В. Торкунов, А. В. Кокошин, А. Д. Богатуров, И. С. Иванов, А. А. Борисенков, М. М. Лебедева, А. В. Лукин и др.[2], в которых использованы понятия, выражающие концептуальные основы внешней политики или внешнеполитические действия России. В них под внешнеполитической концепцией понимается принятый в России государственный документ, в котором идеологически и политически обосновывается необходимость достижения конкретных, но исторически долгосрочных

[1] Добреньков В. И., Кравченко А. И. Методы социологического исследования. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 168–171.

[2] См.: Ачкасов В. А., Ланцов С. А. Мировая политика и международные отношения. М.: Аспект Пресс, 2011; Торкунов А. В. Международные отношения послекосовского кризиса // Международная жизнь. 1999. № 12; Кокошин А. В., Богатуров А. Д. Мировая политика: теории, методы, прикладной анализ. М., 2011; Современная наука о международных отношениях за рубежом: Хрест.: В 3 т. / Под общ. ред. И. С. Иванова. М.: НП РСМД, 2015; Борисенков А. А. О некоторых особенностях внешней политики // Социодинамика. 2012. № 1. С. 55–79; Лебедева М. М. Мировая политика в XXI веке: акторы, процессы, проблемы: Учеб. пос. для вузов. М.: Изд-во МГИМО, 2009; Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / Под ред. А. В. Лукина. М.: МО, 2018.

внешнеполитических целей. Внешнеполитическая стратегия представляет собой конкретизацию внешнеполитической концепции с четким определением способов и средств достижения внешнеполитических задач и с указанием сроков их реализации. Внешнеполитическая программа рассматривается ими как государственный план действий, в котором четко определены конкретные внешнеполитические мероприятия, сроки их реализации и ответственные за их осуществление государственные структуры. Внешнеполитическая инициатива – это всесторонне обоснованное предложение страны по решению конкретной международной проблемы.

Внешнеполитические действия хорошо изучены западными учеными, внесшими огромный вклад в разработку теории международных отношений. К их числу смело можно отнести работы таких ученых, как Х. Булл, Х. Брук, Б. Сапин, Дж. Фридман, Дж. Розенау, Р. О. Кеохейн, Г. Моргентау, Т. Парсонс, С. У. Ларсен и др.[1]. В их работах понятия, описывающие внешнеполитические действия стран, включены в обеспечивающий специфику видения наукой о международных отношениях своего объекта и предмета исследования понятийно-категориальный

[1] См.: Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. 3rd ed. Columbia: Columbia Univ. Press, 2002; Bruck H., Sapin B. Decision-Making as an Approach to the Study of International Politics. Princeton: Princeton Univ. Press, 1954; Friedman G. The Geopolitics of the United States. Part 1: The Inevitable Empire. Stratford, 2015; Розенау Дж. Мировая политика в движении: теория изменений и преемственности. М.: Изд-во ИНИОН, 1992; Кеохейн Р. О. Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. М., 1999; Моргентау Г. Международная политика // Антология мировой политической мысли. Т. 2. М., 1997; Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997; Теория и методы в современной политической науке / Под ред. С. У. Ларсена. М.: РОССПЭН, 2009.

аппарат. Поскольку, по их утверждению, внешнеполитические действия стран выступают как основные элементы, из которых состоят сами международные отношения, рассматриваемые нами понятия чаще всего используются при оценке роли конкретных государств в формировании ситуации, складывающейся в отношениях между странами. Но, несмотря на конкретную направленность применения данных понятий, и среди этих ученых нет единого их понимания.

Для глубокого понимания теоретических оснований государственной внешней политики, выступающих в виде рассматриваемых нами понятий, очень полезными являются работы российских ученых, в которых дается подробный анализ внешнеполитических приоритетов России. В трудах А. Ю. Мельвиля, Н. А. Косолапова, М. М. Лебедевой, П. А. Цыганкова, А. В. Гукасова и др.[1] выдвигаемые ими конкретные внешнеполитические приоритеты России рассматриваются как концептуальные задачи, стратегические цели и вопросы программного характера. Некоторые приоритетные задачи внешней политики своего государства они предлагают реализовывать в порядке инициативы, направленной на улучшение ситуации в международных отношениях и усиление роли России в развитии мировых

[1] См.: Политология / Авт. кол. под рук. проф. А. Ю. Мельвиля. М., 2010; Косолапов Н. А. Анализ внешней политики: основные направления исследований // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002: Хрест.: В 4 т. М.: Изд-во МГИМО, 2002; Лебедева М. М. Внешняя политика: вопросы теории и практики / Под ред. П. А. Цыганкова. М.: Изд-во МГУ, 2009; Внешняя политика России в условиях глобальной неопределенности: Моногр. / Под ред. П. А. Цыганкова. М.: Русайнс, 2015; Гукасов А. В. Теоретические основы анализа внешней политики современных государств (2014) // URL: https://upload.pgu.ru/iblock/978/uch_2014_x_03.pdf

процессов. Хотя понятия, о которых мы ведем речь, в их работах не подвергаются непосредственной (теоретической) интерпретации, тем не менее четко показываются их различия и направленность. Что особо следует отметить, так это то, что в работах практически всех перечисленных нами выше ученых Центральная Азия видится как первостепенной важности внешнеполитический приоритет России.

В плане достижения целей исследования представляют большой интерес работы известных кыргызских, российских и западных государственных деятелей и политологов, занимающихся определением детерминантов внешнеполитических приоритетов современных государств и выработкой концепции мирового порядка, а также продвижением в мировое информационное пространство интересов своих стран. Здесь весьма интересными, на наш взгляд, являются работы таких государственных деятелей, как З. Бжезинский, Г. Киссинджер, А. А. Акаев, и политологов, как С. А. Караганов, Дж. Айкенберри, А. Л. Янов, В. Г. Барановский и др.[1]. И хотя работы государственных

[1] См. Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: МО, 1998; Киссинджер Г. Мировой порядок (изд. на рус. яз.). AST Publishers, 2015 // URL: https://www.litres.ru/static/or4/view/or; Акаев А. А. Памятное десятилетие. Бишкек, 2001. С. 303–381; Караганов С. А. Международные тенденции и российская внешняя политика // Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / Под ред. А. В. Лукина. М.: МО, 2018. С. 12–29; Айкенберри Дж. Будущее либерального мирового порядка / РСМД (9 августа 2016) // URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/budushchee-liberalnogo-mirovogo-poryadka/; Янов А. Л. Миф либерального миропорядка? // URL: https://snob.ru/profile/11778/blog/139233; Барановский В. Г. Структурные изменения глобального миропорядка // Современная политическая наука: Методология: Науч. изд. / Отв. ред.: О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 571–572.

деятелей не носят научного характера, тем не менее их утверждения отличаются логичностью, аргументированностью и концептуальностью. Главное, в них дается четкое объяснение того, из какой внешнеполитической концепции должно исходить государство при продвижении своих интересов в международных отношениях, какой стратегии придерживаться и какой программой руководствоваться. В работах же названных политологов больше внимания уделяется факторам, обусловливающим выработку внешнеполитических концепций, стратегий и принятие программ.

Частое использование понятий «внешнеполитическая концепция», «программа», «стратегия» и «инициатива» мы можем заметить в исследованиях, посвященных различным вопросам миропорядка. Среди них заметно выделяются работы, в которых освещаются вызванные формированием нового миропорядка трансформационные процессы, происходящие в различных направлениях международных отношений. И эти трансформационные процессы, особенно вопросы, связанные с распределением имеющегося совокупного мирового богатства, достаточно развернуто раскрываются в трудах А. В. Лукина, А. В. Кортунова, Е. В. Романовой и М. В. Соляновой[1]. Они связывают разрушение

[1] См.: Лукин А. В. Постбиполярный мир: рождение нового миропорядка или погружение в хаос? // Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / Под ред. А. В. Лукина. М.: МО, 2018. С. 30–51; Кортунов А. В. Неизбежность странного мира / РСМД (15 июля 2016) // URL: http://old.russiancouncil.ru/inner/?id_ 4=7930#top-content; Романова Е. В. Трактовки «Европейского концерта» в британской и американской историографии // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 1 (46). С. 7–17; Солянова М. В. Проблема мирового порядка в современных западных исследованиях // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 5 (50). С. 34–47.

сложившегося после распада СССР миропорядка с реализацией внешнеполитических целей стран, следованием ими принятым концепциям, стратегиям и программам.

Понятия, о которых идет речь, широко используются и в исследованиях, непосредственно направленных на выявление оснований и принципов формирующегося миропорядка и региональных процессов в современном мире. К данным проблемам обращены труды таких ученых, как Дж. Най, В. О. Беклямишев, Ю. П. Давыдов, И. А. Шпилько и др.[1]. Они, как и предыдущие авторы, формирование нового миропорядка и появление новых интеграционных объединений регионального и глобального характера объясняют стратегическим присутствием мировых центров силы в процессах, происходящих в международных отношениях. Таким образом, получается, что в мировых процессах всё предопределяется принятыми странами внешнеполитическими концепциями, программами и стратегиями, которых они придерживаются, продвигая свои интересы в международных отношениях.

При обзоре литературы нами обнаружены исследования, в которых акцент делается отдельно на одном из рассматриваемых нами понятий, отражающих внешне-

[1] См.: Най Дж.-мл. Уцелеет ли либеральный миропорядок? // Россия в глобальной политике. 2017. № 2 // URL: https://globalaffairs.ru/number/Utceleet-li-liberalnyi-miroporyadok-18651; Давыдов Ю. П. Расширение зоны ответственности атлантического мира // США – Канада: экономика, политика, культура. 2000. № 3; Беклямишев В. О. Теория многополярности в идеологии международного клуба БРИКС // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: Сб. ст. по мат-лам XXXI междунар. науч.-практ. конф. № 11 (31). Новосибирск: Изд-во СибАК, 2013; Шпилько И. А. Страны БРИКС объединяются для строительства справедливого многополярного мира // Вопросы международных отношений: Евразийский союз. 2017. № 1 (19). С. 104–112.

политические действия стран. Так, непосредственно процессу разработки и реализации внешнеполитической концепции уделяется внимание в работах ученых стран СНГ, стремящихся помочь своим приобретшим государственную независимость странам в интеграции в международное сообщество. Среди них заметно выделяются работы В. Г. Шадурского, Р. С. Мухаметова, Р. С. Кислицина, А. Чеботарёва, Н. К. Момошевой[1]. Внешнеполитическая концепция в их работах, если брать обобщенно, представлена как всестороннее обоснование внешнеполитических задач страны, а также выбора способов и средств их реализации.

Что касается понятия «внешнеполитическая стратегия», то больше всего задачам нашего исследования отвечают труды российских и американских ученых, направленные на анализ внешнеполитических стратегий различных стран и раскрытие причин агрессивных действий США на мировой арене. Эти проблемы в полной мере

[1] См.: Шадурский В. Г. Формирование концептуальных основ внешней политики Республики Беларусь (1991–2011) // Вестник БГУ. Сер. 3. История. Экономика. Право. 2011. № 3. С. 31–36; Мухаметов Р. С. Внешнеполитические концепции СССР: от пролетарского интернационализма до нового мышления // Вестник Челябинск. гос. ун-та. 2012. № 33. Вып. 13. С. 7–11 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskie-kontseptsii-sssr-ot-proletarskogo-internatsionalizma-do-novogo-myshleniya; Кислицин Р. С. Зарождение и эволюция внешнеполитической идеологии американского неоконсерватизма в 1930–80-е годы // Интеллигенция и мир. 2017. № 3. С. 53–71 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-i-evolyutsiya-vneshnepoliticheskoy-ideologii-amerikanskogo-neokonservatizma-v-1930-80-e-gody5; Чеботарёв А. Особенности новой концепции внешней политики Казахстана (23.04.2020) // URL: https://cabar.asia/ru/osobennosti-novoj-kontseptsii-vneshnej-politiki-kazahstana; Момошева Н. К. Становление внешней политики Кыргызской Республики (1991–2001 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Бишкек, 2005 // URL: http://cslnaskr.krena.kg/collections/uploads/%D0%9C%D0%…pdf

представлены в исследованиях Г. Чуфрина, А. А. Киреева, В. А. Родионова, У. Р. Мида, Л. Каплана, В. Кристола и др.[1]. В объяснении внешнеполитических стратегий различных стран названные авторы отмечают, что стратегии могут выражать общую направленность внешней политики государства и нацеленность ее на решение конкретных проблем международного плана. По их мнению, внешнеполитическая стратегия, образно говоря, представляет собой некую линию, которой должна придерживаться страна при продвижении своих интересов в международных отношениях или при решении конкретной проблемы.

По поводу внешнеполитических программ следует отметить, что, хотя странами их разработано бесчисленное количество, существует очень мало исследований, ставящих своей целью описание их как научного понятия. Есть множество исследований, посвященных принятым и реализованным конкретным внешнеполитическим программам, а также государственным программам, касающимся внешнеполитической деятельности страны. В этом отношении определить существенные стороны внешнеполитических программ нам могут помочь труды российских ученых, таких как С. А. Ланцов и И. С. Ланцова, Б. Н. Флоря,

[1] См.: Чуфрин Г. Внешнеполитическая стратегия постсоветских стран: теоретические аспекты // URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2018_01/Chufrin_ 9-22.pdf; Киреев А. А. Внешнеполитическая стратегия администрации Б. Клинтона на Ближнем Востоке // URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2018_01/Chufrin_9-22.pdf; Родионов В. А. Внешнеполитическая стратегия современной Монголии: фактор КНР // Вестник Бурят. гос. ун-та. 2011. № 8. С. 201–206 // URL: https://cyber leninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskaya-strategiya-sovremennoy-mongolii-faktor-knr/viewer; Мид У. Р. Власть, террор, мир и война: Большая стратегия Америки в обществе риска. М., 2006. С. 5–6; Kaplan L., Kristol W. The war over Iraq: Saddam's tyranny and America's mission. San Francisco (Cal.): Encounter Books, 2003.

политолог А. Дубнов[1]. В их понимании внешнеполитическая программа – это государственный документ, в котором излагаются действия страны на мировой арене на определенный срок или направленный на решение конкретной проблемы международного характера.

Проблемы использования понятия «внешнеполитическая концепция» в проведении анализа действий ключевых акторов международных отношений в Центральной Азии

Проведенный выше обзор литературы показывает необходимость выработки точного определения понятия «внешнеполитическая концепция» при использовании его в анализе действий ключевых акторов международных отношений в Центральной Азии, так как нами выявлено, что под этим понятием в разных исследованиях понимаются совершенно разные вещи. В одних исследованиях оно рассматривается как государственный документ, определяющий направление внешнеполитической деятельности стран, в других – как идеологическая (доктринальная)

[1] Ланцов С. А., Ланцова И. С. Внешнеполитическая программа Октябрьской революции: истоки и результат // Вестник РУДН. 2017. Т. 17. № 2. С. 233–245 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskaya-programma-oktyabrskoy-revolyutsii-istoki-i-rezultat; Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М.: Индрик, 2013 // URL: https://www.litres.ru/boris-florya/vneshnepoliticheskaya-programma-a-l-ordina-naschokina-i-popytki-ee-osuschestvleniya/chitat-onlayn/; Дубнов А. Как казахская внешнеполитическая программа скажется на отношениях с Россией (20 января 2017) // URL: https://www.forbes.ru/biznes/337593-kak-kazahskaya-vneshnepoliticheskaya-programma-skazhetsya-na-otnosheniyah-s-rossiey

установка на долгосрочную историческую перспективу, в третьих – как идеологическое и политическое обоснование необходимости достижения конкретных целей в международных отношениях[1]. К тому же порой невозможно увидеть различие в понимании учеными терминов «концепция» и «стратегия». Как видим, при таком разбросе понимания учеными понятия «внешнеполитическая концепция» не может идти речи о получении адекватного знания о том, как ключевые акторы международных отношений продвигают свои интересы в Центральной Азии, и об их отслеживании.

Этот вопрос встает очень остро, кода речь идет о внешнеполитических концепциях таких ключевых игроков международных отношений, как Соединенные Штаты Америки (США) и Китайская Народная Республика (КНР), активно участвующих в разворачивании геополитических процессов в Центральной Азии в течение длительного с исторической точки зрения времени. Если США начали продвигать свои интересы в регионе с конца XIX в., то для Китая Центральная Азия продолжает оставаться объектом его геополитических притязаний на протяжении последних двух тысячелетий. Причем у обоих этих акторов международных отношений всё это время идейная основа геополитических целей остается неизменной[2]. Китай, как показывают многочисленные исследования его внешней политики, в продвижении своих интересов в Центральной Азии продолжает придерживаться китаецентристской концепции (Китай Поднебесная страна, а остальные

[1] Хабермас Ю. Расколотый Запад. М., 2008. С. 106–133.

[2] См.: Мясников В. С. Антология хитроумных планов // Харо фон Зенгер. О китайском искусстве жить и выживать: Стратагемы. М.: ЭКСМО, 2006. С. 5–28.

образуют просто его окружение и являются его вассалами), принятой как историческая позиция народа хань около двух тысяч лет назад. У США понимание своей страны как «града на холме», призванного в этот мир для продвижения демократии, остается внешнеполитической установкой со времен его отцов-основателей. Основные принципы этих концепций сохраняются, каждый раз приспосабливаясь к складывающейся в мире ситуации.

На наш взгляд, в подобных случаях нужно четко различать внешнеполитическую концепцию как разработанный и принятый официальный государственный документ и восприятие народом или страной своей исторической миссии, если хотите, доктринальных установок. Так, например, официальный государственный внешнеполитический документ Китая хотя и построен на формулировках, сконцентрированных на достаточно мирных и направленных на отстаивание интересов страны задачах, на самом деле скрыто базируется на принципах китаецентризма[1]. Точно так же во внешнеполитических документах США истинные намерения в международных делах скрываются в таких выражениях или программных документах, как «американское лидерство», «жизненные интересы Америки» или «права человека». Иными словами, исследования должны быть направлены, прежде всего, на выявление того, в какой мере концептуальные государственные внешнеполитические документы основаны на принципах исторической позиции того или иного народа и страны. В нашем случае при проведении интерпретации понятий «внешнеполитическая концепция», «стратегия» и «программы» необходимо в обязательном порядке учитывать

[1] Синьцзян, китайская земля: прошлое и настоящее. Урумчи, 2001. С. 5–6.

связь перечисленных понятий с исторической позицией народа.

Если брать в качестве примера интерпретацию внешнеполитической концепции Китая, то нельзя не учитывать того, что его внутренняя и внешняя политика продолжает исходить из основных идей китаецентризма. Конечно, современный Китай не утверждает, что строит свою внутреннюю и внешнюю политику из понимания того, что он является центром всего мира (Поднебесной), а остальные народы – его периферия и что все некитайские народы должны подчинятся этому центру, тем не менее в его отношении к своему месту в мире и программных документах правящей партии (КПК) полностью сохраняются базовые принципы концепции китаецентризма, только выраженные в иных формулировках. Так, в опросах общественного мнения, проведенных рядом международных организаций (The BBC World Service, GlobeScan, Program on International Policy Attitudes) в 2005 и 2009 гг. в 22 странах с участием 22 953 респондентов, в ответах самих китайцев преобладают такие высказывания, как: «вслед за ООН расположился Китай, на которого… должна лечь ответственность за разрешение существующих в мире проблем»[1], что говорит о сохранении в сознании народа китаецентристского понимания роли своей страны в международных отношениях. А принятые и реализуемые коммунистической партией Китая программы развития страны «Большая стратегия Китая» и «Теория гармоничного мира», которые являются

[1] Кузнецов Д. В. Место, роль и политика КНР в международных отношениях в зеркале мнения китайской общественности // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничеств: Мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск; Хэйхэ, 2012. С. 112–120 // URL: http://stad.docdat.com/docs/47/index-22045.html

основой внешней политики, самими китайскими учеными рассматриваются китаецентристски ориентированными документами. К примеру, глава центра политических и экономических исследований Китая Юй Кепин сравнивает выдвинутую Ху Цзиньтао «Теорию гармоничного мира» «с распространенной в мире теорией глобального управления»[1], а другой ученый, Сун Сейфен, указывает на то, что в ней намеренно делается акцент на «исключительности роли Китая в построении гармоничного мира»[2]. Выступая в Йельском университете в апреле 2006 г., экс-глава Китая Ху Цзиньтао особо отметил, что данная программа основана на «гармоничных» ценностях китайской цивилизации[3].

В реализуемой ныне концепции внешней политики Китая, которая была сформулирована в 2003 г., главной ее целью обозначено «создание дружественного мира, мирного и процветающего окружения»[4]. Это говорит о том, что Китай, как и в его древней концепции китаецентризма, продолжает рассматривать другие страны своим окружением,

[1] Юй Кэпин. Хэсе шицзе линянь ся дэ Чжунго вайц-зяо = Идеал гармоничного мира и китайская дипломатия // Ляован синьвэнь чжоукань = Еженед. обзор период. печати. 2007. № 17. С. 31.

[2] Сун Сейфен. Теория о гармоничном мире и исследования международных отношений // Jiaoyu kexue yanjiu = Научное воспитание и исследование. 2007. № 11. С. 59–70.

[3] Серебрякова Н. В. Центрально-азиатская политика КНР как региональная проекция «теории гармоничного мира» // Мировые державы в Центральной Азии. М: Ин-т Дальнего Востока. 2011 // URL: http://elibrary.asu.ru/xmlui/bitstream/handle/asu/7921/vkr.pdf?sequence=1

[4] Румер Е., Менон Раджан Тренин Т. В., Чжао Хуашен. Центральноазиатская политика Китая: основные идеи и цели // Центральная Азия: взгляд из Вашингтона, Москвы и Пекина. 2008 // URL: http://www//uchebnik-besplatno.com/uchebnik-mejdunarodnie-otnosheniya/tsentralnoaziatskaya-politika-kitaya-osnovnie.htmla

а себя – центром этого окружения. Даже беглое знакомство с данной концепцией показывает, что все ее положения разворачиваются вокруг понятия «окружение», у которого есть центр (Поднебесная). При этом страны Центральной Азии, как и другие соседствующие страны, в отличие от дальних стран, названы «периферийными», как будто нет других слов, в которых бы не было оттенка вторичности или меньшей значимости близлежащих государств по отношению к находящемуся в центре государству. Что самое интересное и коварное в понятии «периферийные страны», так это то, что его можно толковать и понимать двояко – и как близлежащие территории, и как свои территории. Здесь происходит перенос на современную внешнюю политику характерного для китаецентризма принципа «вертикальной связи»[1] в международных отношениях – от высшего к низшему. Следовательно, как и древние внешнеполитические стратегии, современная внешнеполитическая концепция Китая явно и одновременно неявно изначально содержит в себе претензии на возможное присоединение в будущем соседних стран.

Такая же ситуация складывается и при интерпретации понятия «внешнеполитическая концепция», когда говорим о действиях США на мировой арене, так как принятые государством доктринальные документы прямо исходят из идеи об американской исключительности, предполагающей обязательное доминирование США в мире. Сам же тезис об американской исключительности изначально заложен отцами-основателями в фундамент построения государственности США, что было связано с формированием

[1] Ретунских Н. А. К вопросу об истоках китаецентризма // Востоковедные исследования на Алтае. Вып. 2. Барнаул, 2000 // URL: http://new.hist.asu.ru/biblio/V2/21-28.pdf

их мировоззрения о невозможности ограничения мощи своей страны со стороны других государств, так как ее развитие происходило вдали от военных и политических противоречий в Европе и Азии. Кроме того, именно удаленность США от «старых континентов» позволила «создать политическую систему, основанную на идеях эпохи Просвещения, отличающуюся от политических систем Европы», что «способствовало формированию у американцев претензий на исключительность»[1]. Как видим, данная идея, по своей сути являющаяся концептуальной основой внутренней и внешней политики США, отражает историческую позицию, выбранную американским народом или навязанную ему путем манипулирования его сознанием.

Следовательно, как и в случае с Китаем, при интерпретации понятия «внешнеполитическая концепция» нужно различать концепцию как идею и концепцию как государственный документ, идеологически и политически обосновывающий внешнеполитические цели государства и необходимость применения тех или иных способов и средств реализации поставленных в нем задач. Идея, обозначающая историческую позицию народа или идеологическую основу государства, всегда остается неизменной, а внешнеполитическая концепция как государственный документ меняется в зависимости от складывающейся на мировой арене ситуации[2]. Мы называем идею, в которой выражается историческая позиция народа, и государственный документ концепциями, потому что в них

[1] Таткало Н. С. Продвижение США в Центральной Азии политики глобального доминирования // Геополитические проекты мировых центров сил в Центральной Азии / М. К. Асанбеков и др.; Отв. ред. А. Л. Салиев; ИСАП КРСУ. Бишкек, 2018. С. 35.

[2] Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000. С. 5.

закладывается идеологическое обоснование необходимости достижения внешнеполитических целей[1]. Другими словами, во внешнеполитической концепции как государственном документе конкретизируются идеи, заложенные в исторической позиции государствообразующего народа, в зависимости от складывающейся ситуации в международных отношениях и набранного к этому времени потенциала страны. Вот почему при анализе внешнеполитических действий или продвигаемых идей этой страны всегда нужно учитывать эти особенности.

Идея исключительности Америки не просто идея, которую использует элита с целью распространения влияния США на другие страны или манипулирования сознанием масс для поддержания определенного порядка в обществе, в идею «особости» Америки свято верит большинство населения страны. Американцы считают, что США действительно являются эталоном правильной организации общества, и поддерживают свое правительство в распространении им демократии во всём мире, даже с помощью ракетно-бомбовых ударов. Подтверждением тому может служить проведенный в 2005 г. Институтом Гэллапа социологический опрос, в ходе которого 51% респондентов полагали правильным распространение США демократии по всему миру, в первую очередь на ближневосточные страны[2], что показывает глубокую укорененность в сознании

[1] Шишков В. В. Доктринальные основы имперской политики США // Социум и власть. 2013. № 2. С. 25 // URL: http://book.lib-i.ru/25istoriya/391709-1--socium-vlast-2013-2-s55-59-doktrinalnie-osnovi-imperskoy-politiki-ssha-shishkov-ekspansiya-princip.php

[2] Петречук А. И. Американская мечта и американская исключительность. От истоков до современности // Архонт. 2017. № 3 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskaya-mechta-i-amerikanskaya-isklyuchitelnost-ot-istokov-do-sovremennosti

рядовых граждан идеи исключительности Америки. Они убеждены, что их страна играет особую и уникальную роль в мире и именно она является страной новых начал и новых обещаний[1]. И именно такое отношение населения к идее исключительности Америки узаконивает гегемонистскую и имперскую направленность внешней политики США, а значит, лежит в основе всех принятых государством концептуальных внешнеполитических документов. Такова реальность.

Таким образом, понятие «внешнеполитическая концепция» имеет сложную структуру и его объяснение требует учета множества аспектов не только внешней политики той или иной страны, но и истории ее развития, особенностей организации общественного порядка, системы государственного управления и даже направленности и динамики общественного мнения. Особо следует это помнить при исследовании действий таких ключевых игроков международных отношений, как США и Китай, так как их внешнеполитические концепции характеризируются многоуровневостью и разнонаправленностью, базируются на восприятии народами своей исторической миссии[2]. У этих стран идея, выражающая понимание народом своей исторической миссии, лежит в основе всех внешнеполитических государственных документов, начиная от внешнеполитической концепции до отдельных внешнеполитических инициатив и проектов, таких как «Один пояс – один

[1] Адамова Н. Е. Идея американской «исключительности» в современной историографии США: подходы к изучению // Вестник СПб. ун-та. 2010. Вып. 2. С. 178–183 // URL: http://vestnik.spbu.ru/pdf10/s02/s02v2_10.pdf

[2] Галстян А. Американская исключительность: Мессианство и Реальная политика (23.04.2015) // URL: https://interaffairs.ru/news/show/13003

путь»[1] или «Трансатлантическое торговое пространство». Обязательно нужно учитывать эти моменты и тогда, когда речь идет об изучении политики Китая и США в отношении Центральной Азии – геополитически важного для них региона[2].

Оперирование понятием «внешнеполитическая стратегия» при анализе действий США и Китая в Центральной Азии

Как показывает обзор литературы, понятие «внешнеполитическая стратегия» очень часто используется при исследовании различных проблем, касающихся международных отношений, точнее, позиционирования государства в выстраивании им своих отношений с другими странами[3]. При этом, как уже сказано выше, исследования проводятся без четкого его разграничения с понятиями «внешнеполитическая концепция» и «внешнеполитическая программа», что вызывает сомнения в их результативности в плане получения достаточно полного знания

[1] Мураталиева З. Т. Последовательность реализуемых геополитических задач претворяющейся в Центральной Азии концепции «построения гармоничного мира» Китая // Геополитические проекты мировых центров сил в Центральной Азии: последовательность решаемых задач / Под ред. А. А. Салиева; ИСАП КРСУ. Бишкек, 2021. С. 95.

[2] Кузьмина Т. А. Способы и средства достижения целей в евразийской стратегии России в Центральной Азии // Геополитические проекты мировых центров сил в Центральной Азии: способы и средства достижения целей / ЦГИ ИСАП КРСУ. Бишкек, 2019. С. 112–113.

[3] См.: Дрякин А. Внешнеполитическая стратегия России на современном этапе: нормативно-правовая база // Право и управление. XXI век: Электрон. изд. 2015. № 1 (34) // URL: http://pravo.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/16_dryakina.pdf

о проблемах международных отношений. В них практически не затрагиваются временные рамки и предметная направленность названных понятий, редко освещается и история введения их в научный оборот. Несмотря на то, что в этих понятиях отражаются объект и предмет исследования, их интерпретация не доводится до операциональных определений, обеспечивающих выход к тем скрытым свойствам исследуемой проблемы, которым можно было бы придать числовое значение и подвергнуть их измерению. Вне внимания ученых остается разграничение названных понятий с такими понятиями, как «внешнеполитический курс» и «внешнеполитический проект»[1].

Между тем при определении понятия «внешнеполитическая стратегия» большое значение имеет уточнение ее временных рамок и предметной ограниченности в плане их использования в исследованиях, посвященных проблемам, связанным с протеканием мировых процессов в настоящее время[2]. Во-первых, в отличие от внешнеполитической концепции внешнеполитическая стратегия (имеется в виду как государственный документ) обычно рассчитывается на определенный срок и охватывает, с исторической точки зрения, кратковременные циклы изменений в развитии международных отношений. Во-вторых, при том, что она рассчитана на определенный период развития международных отношений, ее временные рамки описываются

[1] См.: Стрельцов Д. В. Внешнеполитический курс России в отношении Японии: внутренние факторы // Японские исследования. 2016. № 2 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskiy-kurs-rossii-v-otnoshenii-yaponii-vnutrennie-faktory

[2] Сергеева С. В. Внешняя политика СССР в 1945–1953 гг. Начало холодной войны // URL: https://foxford.ru/wiki/istoriya/vneshnyaya-politika-sssr-v-tysyacha-devyatsot-sorok-pyatyj-tysyacha-devyatsot-pyatdesyat-tretij-gg-nachalo-holodnoj-vojny

и характеризуются количественными данными, путем оперирования цифрами. В-третьих, внешнеполитическая стратегия нацеливается на решение задач, связанных с качественными изменениями, произошедшими в международных отношениях, в ней выражается позиция государства по отношению к историческим событиям, спровоцировавшим исторические изменения. В-четвертых, внешнеполитическая стратегия, как и внешнеполитическая концепция, тоже делится на уровни: внешнеполитическая стратегия, выражающая позицию страны в целом на протекание международных отношений, и внешнеполитическая стратегия, направленная на решение конкретной проблемы международного характера[1].

Хотя в исследованиях не проводится операционального определения внешнеполитических стратегий, сами эти стратегии конкретизируются по видам сотрудничества стран, особенно стратегии, оформленные как государственные документы. В них четко обозначаются способы и средства достижения целей и задач государства в каждом из видов сотрудничества между странами. В некоторых внешнеполитических стратегиях акцент делается на достижение экономических, политических или военных целей, а в стратегиях, направленных на решение конкретной проблемы международного характера[2], выбирают экономические, политические, военные, геополитические, или, как

[1] См.: Аль-Макбали Мазин Саид Мусабах. Стратегия внешней политики России на Ближнем Востоке (регион Персидского залива): Автореф. дис. … канд. полит. наук. М., 2020 // URL: https://www.dissercat.com/content/strategiya-vneshnei-politiki-rossii-na-blizhnem-vostoke-region-persidskogo-zaliva

[2] См.: Драган Д. Г. Стратегия внешней политики Румынии. Эволюция, принципы, цели // Проблемы постсоветского пространства. 2018. № 5(2). С. 140–148 // URL: https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-2-140-148

модно сейчас говорить, гибридные технологии. Получается, сами внешнеполитические стратегии, оформленные как государственные документы, подсказывают нам, в каком направлении и как мы должны проводить интерпретацию данного понятия и выходить к операциональным определениям. Более того, выделяя в качестве критерия виды международного сотрудничества, можно легко провести и факторную операционализацию понятия «внешнеполитическая концепция». Придерживаясь данного подхода, можно также интерпретировать и такие понятия, как «внешнеполитический курс» и «внешнеполитический проект».

О том, что внешнеполитическая стратегия, в отличие от внешнеполитической концепции, как государственный документ рассчитывается на определенный срок и охватывает кратковременные, с исторической точки зрения, циклы изменений в развитии международных отношений, мы можем увидеть при анализе процесса выработки и реализации внешнеполитической стратегии одного из действующих в Центральной Азии глобальных мировых центров силы – Соединенных Штатов Америки. В этой стране внешнеполитическая стратегия впервые была разработана и принята в 1823 г. при президенте Джеймсе Монро, почему она и была названа по его имени. В этой стратегии накладывался запрет на колонизацию двух американских континентов европейскими державами и на их вмешательство во внутриполитическую ситуацию американского государства, однако допускалось присоединение к Соединенным Штатам других территорий[1]. В силу того, что стратегия была разработана на принципах идеи американской исключительности (несмотря на то, что основные задачи

[1] Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М.: Арктогея центр, 2000. С. 54.

были давно решены), некоторые ее положения работают до сих пор – например, запрет на вмешательство во внутриполитическую ситуацию американского государства не только европейских держав, но и всех других стран.

Изменившаяся ситуация в международных отношениях в конце XIX в. в связи с утратой европейскими державами былого могущества и стремительным ростом могущества Америки подводит США к необходимости выработки новой внешнеполитической стратегии, которая была принята при Теодоре Рузвельте. Новой доктриной разрешалось применение военной силы в целях регулирования конфликтов в Латинской Америке и говорилось о необходимости распространения Соединенными Штатами своего влияния и на другие континенты. Причем применение военной силы против латиноамериканских государств обосновывалось положениями идеи исключительности Америки. Установление своего господства путем навязывания странам региона кабальных договоров объяснялось как покровительство, отвечающее прежде всего интересам латиноамериканских государств[1].

Вторая мировая война завершается появлением двух сверхдержав – США и СССР и разделением ими большинства стран мира на свои сферы влияния. Устанавливается биполярный миропорядок, характеризующийся противостоянием возглавляемых сверхдержавами двух военных блоков. В сложившейся ситуация в международных отношениях в США принимается новая внешнеполитическая стратегия, названная Доктриной Трумэна[2]. В ней,

[1] Шишков В. В. Доктринальные основы имперской политики США // Социум и власть. 2003. № 2 // URL: http://book.lib-i.ru/25istoriya/...

[2] Костин А. А. «Доктрина Трумэна» в югославской политике США в 1947–1948 гг. // Вестник Вятского гос. ун-та. 2009. № 2-1. С. 53–58 //

основываясь на идее американской исключительности, закрепляется право США вмешиваться в любые процессы, происходящие в мире, вплоть до применения военной силы, если они угрожают американским национальным интересам. Такие агрессивные действия, совершенно произвольно, обосновываются необходимостью сохранения мира и стабильности, а также поддержкой народов, реализующих свое право на самоопределение.

Распад Советского Союза приводит к переходу США к новой внешнеполитической стратегии под названием «Глобальное доминирование Америки», в которой конституируется главенство Америки в мире. В настоящее время США проводят свою политику в Центральной Азии в рамках этой внешнеполитической стратегии, направленной на дистанцирование стран региона от России, недопущение распространения туда влияния Китая и активное вовлечение центральноазиатских государств в процессы, запускаемые и контролируемые Америкой. В Центральной Азии осуществляются внешнеполитические стратегии второго уровня, т. е. направленные на решение конкретных проблем международного характера. По данным исследования, проведенного в 2018 г. научным сотрудником Института стратегического анализа и прогноза КРСУ Н. С. Таткало, за последние 30 лет в Центральной Азии сменилось пять стратегий США, а именно:

первая – стратегия «Вовлечения» (1991–2000 гг.);

вторая – стратегия «Агрессивный реализм» (2001–2005 гг.);

третья – стратегия «Большая Центральная Азия» (2006–2010 гг.);

URL: https://cyberleninka.ru/article/n/doktrina-trumena-v-yugoslavskoy-politike-ssha-v-1947-1948-gg

четвертая – стратегия «Новый Шелковый путь» (2011–2014 гг.);

пятая – стратегия «G5+1» (2015–2018 гг.)[1].

Таким же образом меняется и внешнеполитическая стратегия Китая, адаптируясь к новым реалиям в международных отношениях, но неизменно следуя требованиям доктринальных положений китаецентристской идеи. И у него внешнеполитическая стратегия, как и внешнеполитическая концепция, состоит из двух уровней. К первому уровню относится внешнеполитическая стратегия, выражающая позицию КНР в международных отношениях, второй уровень составляют стратегии, ставящие задачей решение конкретных проблем международного характера. Как и у Америки, внешнеполитическая стратегия Китая, в отличие от внешнеполитической концепции, как государственный документ рассчитывается на определенный срок и охватывает кратковременные, с исторической точки зрения, циклы изменений в развитии международных отношений[2].

В этом мы убеждаемся, проанализировав процесс выработки и реализации Китаем внешнеполитических стратегий с приходом к власти коммунистов. Первым документом, в котором была выражена внешнеполитическая позиция коммунистической партии Китая, стала выдвинутая в 1953 г. премьером госсовета Китайской Народной Республики Чжоу Эньлаем инициатива «Пять принципов мирного сосуществования». Главной задачей этой

[1] Таткало Н. С. Продвижение США в Центральной Азии политики глобального доминирования… С. 43.

[2] См.: Парамонов В., Строков А., Столповский О. Внешняя политика Китая в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Т. 13. Вып. 4. С. 74–89 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya...

стратегии во внешней политике было обеспечение участия КНР в мировых процессах как независимого государства и создание условий для мирного развития страны. Руководствуясь выдвинутыми пятью принципами мирного сосуществования, КНР «устанавливает и развивает дружественные отношения со всеми странами мира»[1].

Глобализационные изменения, произошедшие в 70–80-е гг. XX столетия, и накопленный негативный опыт строительства социализма потребовали у Китая выработки новой стратегии развития страны, которая и стала основой его внешней политики. Автором теории «мира и развития», ставшей новой концепцией развития страны, стал лидер КНР Дэн Сяопин. Его идея включала в себя не только фундаментальную модернизацию Китая, но и пересмотр всей внешнеполитической стратегии с целью расширения географических интересов[2]. Из-за недостатка собственных средств для инвестиций в ней объявлялась политическая, экономическая, культурная и социальная открытость страны.

Реформы, осуществленные Дэн Сяопином, превратили Китай в одно из быстро развивающихся ведущих государств мира, способствовали повышению его роли в развитии международных отношений, что, в свою очередь, обусловило принятие новой концепции развития страны. Ею стала теория «гармоничного мира», разработанная

[1] Тараканова Т. С. Внешнеполитические концепции Китайской Народной Республики // Научно-технические ведомости СПб. политех. ун-та. 2016. № 3 (250). С. 68–73 // URL: file:///C:/Users/User/Downloads/vneshnepoliticheskie-kontseptsii-kitayskoy-narodnoy-respubli ki.pdf

[2] Vogel E. F. Deng Xiaoping and the Transformation of China. 2013 = Фогель Э. Дэн Сяопин и трансформация Китая // URL: https://russiancouncil.ru/library/library_rsmd/den-syaopin-i-transformatsiya-kitaya/

председателем КНР Ху Цзиньтао[1], в которой открыто говорится, что ее основой являются традиционные китайские ценности, т. е. идеи китаецентризма. В этой концепции другие страны, в том числе центральноазиатские, названы, как и в китаецентристской идее, «странами окружения», а также четко обозначена ведущая роль Китая в построении гармоничного мира.

Концепция «китайской мечты» Си Цзиньпина является документом, провозглашающим Китай сверхдержавой, с соответствующими этому статусу амбициями[2]. В концепции говорится не просто о ведущей роли Китая в международных отношениях, речь идет уже о его «исключительной роли» как сверхдержавы. В этом уникальном документе – как доказательство стремления Китая к мировому господству – Центральная Азия объявлена территорией (регионом) его жизненно важных интересов.

Какие же в действительности цели преследует Китай в Центральной Азии в ближайшие десятилетия, можно узнать при знакомстве с работами самих китайских ученых, посвященными проблемам реализации его внешнеполитических стратегий[3]. В них к продвигаемым

---

[1] Бояркина А. В. «Гармоничный мир» – платформа для китайско-американского сотрудничества // Россия и АТР. 2009. № 4. С. 125–134 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/garmonichnyy-mir-platforma-dlya-kitaysko-amerikanskogo-sotrudnichestva

[2] Новосельцев С. В. Концепция «Китайской мечты» и ее практическое применение // Сравнительная политика. 2016. № 1 (22) // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-kitayskoy-mechty-i-eyo-prakticheskoe-primenenie

[3] См.: Сун Сейфен. Теория о гармоничном мире и исследования международных отношений…; Yue Keping. Hexie shijie linian xia de zhongguo waijiao = Идеал гармоничного мира и китайская дипломатия // Liaowang xinwen zhoukan = Еженед. обзор период. печати. 2007. № 17.

в центральноазиатских странах стратегическим интересам Китая относятся: стимулирование миграции китайцев в ЦА-регион; использование интеграционных объединений, таких как ШОС, и международных экономических проектов, как «Один пояс – один путь», для распространения своего влияния; предоставление странам ЦА финансовой помощи без ограничения, а также льготных условий в торговле, по своей сути нацеленных на постепенное ориентирование их экономик на свою экономику; политическая поддержка руководителей государств и разного ранга чиновников в продвижении китайского опыта организации политической жизни и недопущение культурного и политического сближения тюркских народов Синьцзяна и Центральной Азии.

К интересам Китая, которые продвигаются им в центральноазиатских странах открыто и целенаправленно в целях вовлечения их в китайскую цивилизацию, следует отнести: настойчивое распространение в них своей культуры и языка; переориентация местных дунган к Китаю; способствование отчуждению уйгуров от местных сообществ; строительство объектов инфраструктуры, коммуникаций, связывающих Центральную Азию с Китаем, и открытие структур, обеспечивающих культурный, образовательный, научный и информационный обмен; блокирование интеграционных процессов внутри региона, а также устремлений этих стран к Евразийскому экономическому союзу. К этим интересам добавляется и нейтрализация политики США и западных стран по использованию центральноазиатских государств в целях сдерживания Китая.

Проблемы интерпретации понятия «внешнеполитическая программа» в исследованиях участия мировых центров силы в центрально-азиатских политических процессах

Понятие «внешнеполитическая программа» широко используется в исследованиях внешнеполитической деятельности государств, однако при этом подразумеваются совершенно разные действия. В одних исследованиях под понятием «внешнеполитическая программа» понимается государственный документ, расписывающий действия государства по решению конкретной проблемы международного характера, в других – внешнеполитический стратегический план (документ) страны, рассчитанный на ближайшую перспективу, с четким определением сроков реализации поставленных в нем задач. Есть исследования, посвященные внешнеполитическим программам претендентов на должность руководителя страны[1] и кандидатов в депутаты, а также различных политических партий. В качестве общего во всех исследованиях, посвященных внешнеполитическим программам, можно выделить понимание их как подробное изложение внешнеполитических действий государства, претендентов в президенты, в депутаты и политических партий на перспективу, с указанием сроков исполнения поставленных задач. Во внешнеполитической программе, в отличие от внешнеполитической стратегии, задачи носят последовательный характер и излагаются в виде конкретных мероприятий[2].

[1] Сучков М., Соколов А. Основы внешнеполитической программы Хиллари Клинтон (15 сентября 2016) // URL: http://www.foreignpolicy.ru/analyses/osnovy-vneshnepoliticheskoy-programmy-hillari-klinton/

[2] Государственная программа «Внешнеполитическая деятельность».

Понятие «внешнеполитическая программа» может интерпретироваться, как и «внешнеполитическая стратегия», по направлениям сотрудничества между странами, по срокам реализации, по авторству, по масштабам распространения и т. д. Следовательно, в понятие «внешнеполитическая программа» входят: а) программа, в которой расписана в целом внешнеполитическая деятельность государства с конкретным указанием сроков и средств ее реализации, а также ответственных за исполнение мероприятий, включенных в нее; б) специальные программы государства, направленные на решение проблем экономического, политического характера, связанные с сотрудничеством между странами[1]; в) третью группу внешнеполитических программ образуют программы субъектов политических процессов (претендентов в президенты, кандидатов в депутаты, политических партий, авторские и т. д.), деятельность которых может охватывать и сферу международной деятельности. В свою очередь, внешнеполитические программы субъектов политических процессов тоже можно подразделить на программы, в которых расписывается внешнеполитическая деятельность государства, и специальные программы, направленные на решение конкретных проблем международного характера[2].

Кроме того, внешнеполитическая программа государства оформляется как определенный план действий

Утв. постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 325-10 // URL: http://government.ru/rugovclassifier/816/events/

[1] Данилович М. Центральноазиатский вектор внешней политики Китайской Народной Республики в 2001–2013 гг.: критерии периодизации // Журнал междунар. права и междунар. отношений. 2014. № 4 // URL: https://evolutio.info/ru/journal-menu/2014-4/2014-4-danilovich

[2] Ланцов С. А., Ланцова И. С. Внешнеполитическая программа Октябрьской революции: истоки и результат…

или же как закон, исполнение которого обязательно для всех государственных структур, чья деятельность связана с организацией сотрудничества с другими странами. Существуют внешнеполитические проекты, реализующиеся как государственная внешнеполитическая программа, и они, как правило, рассчитаны на решение масштабных проблем международного, иногда чисто политического характера[1]. Такие программы распространяются на регионы мира или на целые континенты. Бывает, что внешнеполитической программой объявляется запуск интеграционного объединения, хотя его можно было бы назвать просто внешнеполитической инициативой страны, выдвинувшей эту идею. В особом ряду стоят разработанные и предложенные учеными разных стран внешнеполитические программы, особенно те, на основе которых вырабатываются и принимаются государственные программы. Как видим, понятие «внешнеполитическая программа» охватывает самые разные аспекты внешнеполитической деятельности субъектов международных отношений, что заставляет нас при проведении научного исследования жестко проводить разграничение этого понятия, иначе получение полного и точного знания об исследуемой проблеме окажется под большим вопросом.

Такого же подхода мы должны придерживаться и при исследовании продвижения своих внешнеполитических программ в Центральной Азии такими ключевыми акторами международных отношений, как США и Китай, так

[1] Михалев М. С. «Один пояс, Один путь» как новая внешнеполитическая стратегия КНР. Краткий анализ внутрикитайской дискуссии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. Вып. 6. Т. 9 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/odin-poyas-odin-put-kak-novaya-vneshnepoliticheskaya-strategiya-knr-kratkiy...

как они, как сверхдержавы, одновременно реализовывают многочисленные программы и проекты в одном и том же регионе мира. Более того, все реализуемые ими внешнеполитические программы и проекты пронизываются идеями «исключительности Америки»[1] и «китаецентризма», что может внести путаницу в правильное понимание статуса и предметной направленности тех или иных программ и проектов. Их конкретные внешнеполитические программы и проекты реализовываются как самими правительствами, так и подконтрольными им международными организациями различного характера. В действительности, все подконтрольные США и Китаю международные организации и объединения созданы с целью продвижения ими своих интересов в международных отношениях, вернее, распространения своего влияния. Иначе говоря, они выступают инструментами власти сверхдержав.

Используя данное нами определение понятия «внешнеполитическая программа», проведем краткий анализ внешней политики США и Китая в Центральной Азии. Рассмотрим внешнеполитические программы второго уровня, т. е. программы, нацеленные на достижение стратегических целей по отдельным направлениям внешней политики.

Когда речь идет о внешней политике США в Центральной Азии, проводимой после распада Советского Союза, наибольший интерес вызывает их военная программа – программа, которая не реализовалась, вернее, была приостановлена[2] из-за ошибок, допущенных ими в выстраивании

[1] Попов Д. Центральная Азия во внешней политике США: 1991–2016 гг. М.: РИСИ, 2016 // URL: https://riss.ru/media/documents/...pdf

[2] Рыскулбекова А. Власти США изучают варианты возвращения военной базы «Манас» в Кыргызстане – New York Times (9 июня 2021) //

отношений со странами региона и противодействии России. Главными целями этой программы было приближение военной инфраструктуры НАТО к границам России и Китая путем размещения в странах региона военных баз (не борьба с афганскими талибами), а также получение доступа к новым потенциальным источникам энергии. Не в последнюю очередь в программе предусматривалось превращение центральноазиатских стран в послушных сателлитов. Именно следуя положениям этой военной программы, США за сравнительно короткое время удалось создать в Центральной Азии военные базы (в октябре 2001 г. – в г. Ханабад, Узбекистан, в декабре 2001 г. – в аэропорту «Манас», Кыргызстан), открыть воздушное пространство для боевой и транспортной авиации (Астана 2005 г. – открытие воздушного пространства Казахстана), развернуть инфраструктуру тылового обеспечения[1], вывести на новый уровень военно-техническое сотрудничество и военно-политические контакты (21 июля 2006 г. – визит министра обороны США Дональда Рамсфелда в Центральную Азию)[2].

Частичное сворачивание американской военной программы в Центральной Азии началось с закрытия натовских авиабаз в Ханабаде и Бишкеке. Так, власти Узбекистана, узнав об участии США в Андижанских кровавых событиях, потребовали закрыть авиабазу в Ханабаде

URL: https://kloop.kg/blog/2021/06/09/ vlasti-ssha-izuchayut-varianty...

[1] В Душанбе заработал центр техобслуживания Агентства по ядерной и радиоактивной безопасности (14 января 2011) // Интернет-сайт «Авеста». URL: http://www.avesta.tj/security/7054-v-dushanbe-zarabotal-centrt exobsluzhivaniya.html

[2] МиК: Итоги визита Дональда Рамсфелда в Центральную Азию (21 июля 2006) // URL: https://24.kg/archive/ru/news-stall/4550-2006/07/21/4853.html/

и начали постепенно сводить на нет военное сотрудничество с этой страной. Руководство Кыргызстана, тоже увидев активное участие США в «тюльпановой» революции 2005 г. – финансовую и организационную поддержку ими НПО, СМИ, образовательных учреждений и интернет-групп, начало сворачивать отдельные программы военного сотрудничества, что в конечном итоге привело к закрытию в 2016 г. авиабазы НАТО в аэропорту «Манас». Стремление американцев вмешиваться во внутренние дела центральноазиатских государств вызвало недоверие к ним и у других республик региона, которые стали постепенно отказываться от активного сотрудничества с США в военной сфере. В течение последних десяти лет перестали действовать более 20 совместных программ военного характера, начиная с закрытия воздушного пространства для военно-транспортных самолетов над территориями центральноазиатских стран до прекращения приобретения вооружений у США.

Из всех внешнеполитических программ, реализуемых Китаем в Центральной Азии, наиболее результативными, на наш взгляд, являются экономические. В самом начале выстраивания сотрудничества со странами региона Пекин, испытывавший тогда дефицит сырья в связи с ускоренным экономическим развитием страны, в своей экономической политике сделал акцент на диверсификацию маршрутов импорта энергоносителей, так как Центральная Азия обладает большими ресурсами: запасы нефти составляют 5,7 млрд т (3% общемировых), а газа – 11,4 трлн м^3 (6,1%)[1], регион также богат месторождениями золота, цветных металлов, угля и т. д. За короткое время

[1] BP Statistical Review of World Energy // URL: http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/Energy-economics/statistical-review-2014/BP...pdf

из Туркмении через территории Узбекистана и Казахстана построен магистральный газопровод протяженностью 1900 км, стоимость которого составила 6,5 млрд долларов США[1], а также нефтепровод из Казахстана протяженностью более 3000 км, стоимостью 4,7 млрд долларов[2].

К числу успешно реализуемых Китаем экономических программ следует отнести инфраструктурные проекты, призванные максимально расширить и укрепить торговые связи с республиками региона и обеспечить выход китайским товарам на европейские рынки. Для быстрого продвижения этой программы Китаем в 2013 г. во время центральноазиатского турне китайского лидера были заключены договоры о стратегическом партнерстве со всеми республиками региона и подписаны контракты на 60 млрд долларов. Сразу же за заявлением председателя Си Цзиньпина о выделении 40 млрд долларов на расширение транспортной инфраструктуры, соединяющей Китай со странами Центральной и Южной Азии, было инициировано открытие возглавляемого Китаем Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) с уставным капиталом в 50 млрд долларов США. Кстати, наиболее масштабным из всех планируемых транспортных проектов может стать и станет проект прокладки через Кыргызстан второй железнодорожной линии между Китаем и Центральной Азией. По предварительным расчетам, Кыргызстан только на транзите товаров ежегодно будет зарабатывать 200 млн долларов[3].

[1] Туркмения открыла газопровод в Китай в обход России (14 декабря 2009) // URL: https://lenta.ru/news/2009/12/14/open/

[2] Нефть из Казахстана откроет новую эпоху в истории диверсификации источников и каналов поставки этого сырья в Китай (29.04.2006) // URL: https://www.fmprc.gov.cn/ce/ ceka/rus/zhgx/zxdt/t249942.htm

[3] Калыков М. Соглашение о начале строительства железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан планируют подписать на саммите

Китай добился значительных успехов и в продвижении в Центральной Азии своей инвестиционной программы. На конец 2020 г. объем инвестиций в страны региона достиг 40 млрд долларов, а по состоянию на конец 2021 г. на территории региона функционировало 7700 китайских фирм со своим капиталом. Товарооборот Китая со странами Центральной Азии за последние 20 лет вырос в 25 раз, увеличившись с 1,5 млрд долларов до 38,6 млрд долларов. К 2030 г. этот показатель собираются довести до 70 млрд долларов[1]. Такими быстрыми темпами китайский капитал проникает в экономику центральноазиатских стран, по мнению многих экспертов, в основном, предоставляя льготные кредиты, финансируя масштабные инфраструктурные проекты в сырьевой сфере и используя неформальные методы лоббирования, а также оказывая поддержку китайским компаниям.

Проблемы определения предметной направленности понятия «внешнеполитическая инициатива» в исследовании участия Казахстана и Китая в центральноазиатских политических процессах

К понятию «внешнеполитическая инициатива» в разных исследованиях так же, как и к выше рассмотренным нами понятиям «внешнеполитическая концепция», «внешнеполитическая стратегия» и «внешнеполитическая

ШОС (03 августа 2022) // URL: https://kloop.kg/blog/2022/08/03/soglashenie-o-nachale-stroitelstva-zheleznoj-dorogi-kitaj-kyrgyzstan...

[1] Куменов А. Китай обещает нарастить инвестиции в Центральную Азию (26 января 2022) // URL: https://russian.eurasianet.org/%D0%BA%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9

программа», осуществляются разные подходы. В одних она рассматривается как совершенно неожидаемо вынесенное предложение какого-то государства или объединения государств по решению конкретной проблемы международного сотрудничества, в других – как логическое и вполне ожидаемое продолжение внешней политики страны, в-третьих – просто внешнеполитическое действие правительства, нацеленное на разрешение международной проблемы в своих интересах[1]. Внешнеполитические инициативы исходят от политиков (и называются по имени авторов), политических партий, организаций и объединений. Так, в исследованиях, посвященных деятельности одноименного американского неоконсервативного аналитического центра – «Внешнеполитические инициативы»[2], общим в объяснении данного понятия является то, что под «внешнеполитическими инициативами» авторы рассматривают политические предложения субъектов международных отношений по решению конкретных проблем международного характера.

На наш взгляд, «внешнеполитическая инициатива» не является научным понятием, чтобы ее можно было бы подвергнуть интерпретации, так как она, когда получает одобрение участников международных отношений, превращается в международный проект или программу. Тем не менее для достижения целей нашего исследования попытаемся подразделить данное понятие на виды, беря в качестве основания опять же направления международных

[1] Ли На. «Один пояс – один путь» как внешнеполитическая инициатива Китайской Народной Республики: проекты и опыт реализации (2013–2019 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2021 // URL: https://www.dissercat.com/content/odin-poyas-i-odin-put-kak...

[2] Значение словосочетания «внешнеполитическая инициатива» // URL: https://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%

отношений. По этому критерию внешнеполитические инициативы носят экономический, политический, социальный, культурный, военный и т. д. характер. Если исходить из масштаба распространенности решаемых инициативой проблем, можно выделить инициативы, рассчитанные на решение международных проблем локального, регионального и глобального характера. Для сконцентрированного анализа «внешнеполитические инициативы» следует рассмотреть исходя из степени их разработанности, разделив на глубоко и всесторонне разработанные, до конца не доведенные и на выдвинутые спонтанно в ходе обсуждения проблемы. Чтобы глубже понять действия участника или актора международных отношений, внешнеполитические инициативы по их прогнозируемости целесообразно разделить на ожидаемые и неожидаемые[1]. При желании можно разработать еще несколько способов интерпретации понятия «внешнеполитическая инициатива», но для решения задач проводимого нами исследования вполне достаточно и этих.

Предлагаемыми способами интерпретации понятия «внешнеполитическая инициатива» мы можем дать достаточно полную и разностороннюю оценку политическим инициативам действующих в Центральной Азии ключевых акторов международных отношений. В силу их обоснованности разными критериями они позволяют выявить структурные особенности одного из объектов исследования, выражающегося понятием «внешнеполитическая инициатива», и описать его важные с точки зрения целей исследования свойства. Особенно те свойства, которым можно было бы придать числовое значение и подвергнуть

[1] Бестужев-Лада И. В. Прогнозирование социальных потребностей молодежи. М.: Наука, 1978. С. 8.

их измерению, т. е. использовать нужные нам статистические, математические, социологические и другие методы измерения[1]. Кроме того, эти способы интерпретации способствуют осуществлению исследователем дифференцированного подхода к бесчисленным документальным источникам и выполнению объективного и полного анализа всей собранной информации. Словом, используя представленные нами способы интерпретации понятия «внешнеполитическая инициатива», нетрудно будет достичь целей исследования, а именно дать точную и объективную оценку политическим инициативам всех действующих в Центральной Азии ключевых акторов международных отношений.

В настоящее время территория Центральной Азии охватывается одним международным форумом (СВМДА), двумя интеграционными объединениями геополитического характера (ШОС, ЕАЭС) и одним международным проектом «Один пояс – один путь», появившимися вначале как политические инициативы участников международных отношений. Сделаем краткий экскурс в историю их появления, чтобы увидеть, как в международных отношениях политические инициативы тех или иных стран постепенно превращаются в международные проекты и программы.

СВМДА (Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии), ШОС (Шанхайская организация сотрудничества) и ЕАЭС (Евразийский экономический союз) были созданы по личной инициативе бывшего президента Казахстана Н. А. Назарбаева, что вполне обоснованно рассматривается как внешнеполитические инициативы его

[1] Ядов В. А. Стратегия и методы качественного анализа // Социология. М., 1991. № 1. С. 14–32.

страны. Впервые высказанная им идея о необходимости включения нового механизма в международную систему обеспечения безопасности на 47-й сессии Генеральной ассамблеи ООН в 1992 г. воплощается в жизнь не без его стараний путем создания 4 июля 2002 г. форума СВМДА на первом его алматинском саммите[1]. Другая его идея, опять же в первую очередь направленная на обеспечение безопасности и развитие торгово-экономического сотрудничества между подписавшими договоры о государственных границах пятью странами (Казахстан, Россия, Китай, Таджикистан и Кыргызстан) в 1997 г. в г. Шанхае, на той же встрече глав государств названных стран отдельным соглашением оформляется как международное интеграционное объединение – Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)[2]. Третья идея Н. А. Назарбаева, нацеленная на сохранение существовавших в советское время связей между странами СНГ, сформулированная им 29 марта 1994 г. в его выступлении в МГУ, в какой-то степени стала идеологической основой созданного в декабре 2010 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Предложение (инициатива) по созданию на базе двух международных проектов: «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века» – организации международного сотрудничества под названием «Один пояс – один путь» впервые была выдвинута председателем КНР Си Цзиньпином осенью 2013 г. во время его визита в Казахстан и Индонезию. Целью данного внешне-

[1] Ауанасова А. М. Евразийские интеграционные инициативы Нурсултана Назарбаева (01.05.2014) // URL: https://e-history.kz/ru/...

[2] Назарбаев вспомнил историю появления ШОС (09.06.2017) // URL: https://ru.sputnik.kz/20170609/nazarbaev-vspomnil-istoriyu-poyavleniya-shos-2474101.html

политического проекта является «углубление экономической интеграции в регионе, упразднения барьеров в сферах торговли и инвестиций, построение единой транспортной инфраструктуры, усиление значимости национальных валют, повышение уровня сотрудничества в международной сфере»[1]. Этот международный проект по своей сути и конечной цели основывается на идеях «китаецентризма». Образно говоря, «окружение» Поднебесной, под которым имеются в виду страны начиная от Европы до Южной Азии, должны быть охвачены одним поясом – так называемой «единой транспортной инфраструктурой», а их развитие направлено по нужному Китаю направлению («один путь»). «Путь» – название и сердцевина одной из двух китайских философий и религий – Дао[2]. В этом подлинном смысле проект «Один пояс – один путь» является, как и принято в китайской традиции, проектом, рассчитанным на тысячелетия.

Отсюда видно, что внешнеполитические инициативы, реализующиеся в Центральной Азии, по масштабу их распространенности носят глобальный характер, по общему назначению – нацелены на обеспечение безопасного и мирного развития стран, по степени разработанности – глубоко и всесторонне обоснованные, а по прогнозируемости – обусловленные складывающейся за последние 30 лет ситуацией в международных отношениях, и цели, поставленные в них, вполне достижимы.

---

[1] Ли На. Инициатива «Один пояс, один путь» как новая модель сотрудничества КНР с Россией и странами Центральной Азии // Вестник РУДН. Сер.: Всеобщая история. 2018. Вып. 10. № 4. С. 382–392 // URL: file:///C:/Users/User/Downloads/initsiativa-odin-poyas-odin-put-kak...pdf

[2] Грицанов А. А. Дао // Новейший философский словарь. Минск, 1999. С. 196.

1.3 Цели, задачи и направления внешнеполитической деятельности государства

Вопрос, касающийся целей, задач и направлений внешнеполитической деятельности государства (ВПДГ) очень важен как с научной точки зрения, так и с практической. С одной стороны, все эти аспекты являются неотъемлемыми компонентами внешнеполитической деятельности государства, а с другой стороны, точное обозначение целей, задач и направлений внешнеполитической деятельности государства как на ближайший период времени, так и на перспективу предопределяет эффективность их достижения, дает возможность реализовать задуманное с меньшими усилиями и затратами, уменьшает неопределенность в отношениях с другими государствами и международными организациями. Цели, задачи и направления ВПДГ, выработанные в интересах развития государства и общества, обеспечения национальной безопасности и определения места государства в мировом сообществе, являются основой для принятия решений и стандартов деятельности государства, а также выступают критериями их оценки. В правильно сформулированных целях, задачах и направлениях ВПДГ уже содержится указание на основные ресурсы, необходимые для их достижения. Таким образом, можно сказать, что внешнеполитическая деятельность государства начинается с определения ее целей, задач и направлений.

Однако следует признать, что в настоящее время теоретические вопросы, касающиеся целей, задач и направлений внешнеполитической деятельности государства, до сих пор вызывают споры в научной среде. Связано это,

в частности, с расхождением взглядов ученых на такие понятия, как «внешняя политика» и «внешнеполитическая деятельность». Так, А. И. Кондратов в своих работах[1] пытается доказать различие этих понятий и на этой основе – отличие направлений внешней политики государства и внешнеполитической деятельности государства. Так, направления внешней политики государства он понимает как «интерес или интересы государства, определяемые в его внешнеполитическом курсе»[2], направления же внешнеполитической деятельности государства – как «деятельность государства, направленную на оказание воздействия на конкретные объекты и связанные с ними процессы в целях реализации внешнеполитических интересов государства»[3]. При этом он выделяет основные существенные признаки понятия «направления внешнеполитической деятельности государства», а именно: 1) направление ВПДГ как деятельность государства; 2) направление ВПДГ предполагает оказание целенаправленного воздействия на конкретные объекты или процессы, определяемые внешней политикой государства; 3) направление ВПДГ определяется целями и задачами внешней политики государства, которые могут формулироваться и закрепляться в основных

---

[1] Кондратов А. И. Внешнеполитическая деятельность государства и динамические категории политической науки: Моногр. М.: Граница, 2011; Кондратов А. И. Теория внешнеполитической деятельности государства: Уч. пос. М.: Граница, 2011; Кондратов А. И. Концептуальная модель внешнеполитической деятельности государства в теории международных отношений: Автореф. дис. … д-ра полит. наук. М., 2012 // URL: https://www.dissercat.com/content/kontseptualnaya...; Кондратов А. Направления внешнеполитической деятельности // Обозреватель-Observer. 2010. № 1. С. 48–54 // URL: https://i-sng.ru/observer/...

[2] Кондратов А. Направления внешнеполитической деятельности…

[3] Там же.

программных документах, регламентирующих или раскрывающих деятельность государства в системе международных отношений»[1].

Предлагаемая А. И. Кондратовым концепция направлений, целей и задач внешнеполитической деятельности государства обладает научной новизной, однако имеет и ряд недостатков. Так, С. Н. Туманов в своих работах[2] подвергает критике взгляды А. И. Кондратова на внешнеполитическую деятельность государства. Он обращает внимание на некоторые неточности, допущенные Кондратовым при анализе ВПДГ, в частности, на недостаточность приведенного «понятийного ряда, используемого для осуществления государством политики на международной арене, в системе категорий, адекватных процессу внешнеполитической деятельности и обозначающих его»; подвергает сомнению правомерность включения в структуру ВПДГ, помимо «внешнеполитического воздействия и обеспечения как разновидностей ВПДГ» (деятельности как совокупности деяний, подчиненных общей цели), еще и тактических и организационных форм ВПДГ, так как, по мнению С. Н. Туманова, «они родовым понятием “деятельность” не охватываются» и являются категориями иного системного ряда»[3]. Тем не менее разработанная А. И. Кондратовым

[1] Кондратов А. Направления внешнеполитической деятельности…

[2] Туманов С. Н. Внешнеполитическая деятельность государства: от критики к созиданию трактовки // Философия права. 2017. № 4 (83). С. 82–87 // URL: https://cyberlenin ka.ru/article/n/vneshnepoliticheskaya-deyatelnost-gosudarstva-ot-kritiki-k-sozidaniyu-traktovki; Туманов С. Н. Внешнеполитическая деятельность государства: критический анализ доктринальных концепций // Вестник ПАГС. 2016. № 6 (57) // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskaya-deyatelnost...

[3] Туманов С. Н. Внешнеполитическая деятельность государства: от критики к созиданию трактовки… С. 84.

концепция направлений, целей и задач внешнеполитической деятельности государства не теряет своей значимости и является существенным шагом в исследовании данной проблемы.

В данном исследовании считаем необходимым придерживаться традиционных взглядов в отношении направлений, целей и задач внешнеполитической деятельности государства, на которых, в принципе, основывался и А. И. Кондратов в своей работе.

Итак, под направлениями *внешней политики* государства понимаются интересы или группы интересов, отражаемые в его внешнеполитическом курсе, а под направлениями *внешнеполитической деятельности* государства понимается деятельность государства, направленная на достижение этих интересов[1]. Из этого следует, что направления, цели и задачи внешнеполитической деятельности государства совпадают с направлениями, целями и задачами внешней политики государства.

Целью внешнеполитической деятельности государства является «предполагаемый, моделируемый государством конечный результат этой деятельности»[2]. Задачи же, в свою очередь, являются способами достижения поставленной цели, которые смогут привести к конкретному результату[3].

---

[1] Кондратов А. И. Концептуальная модель внешнеполитической деятельности государства в теории международных отношений…

[2] Кондратов А. И. Эффективность внешнеполитической деятельности государства как объект теоретического анализа // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 4 С. 8 // URL: https://fmp.msu.ru/attachments/article/...

[3] Чем отличается цель от задачи в научном исследовании? // URL: https://disshelp.ru/blog/chem-otlichaetsya-tsel-ot-zadachi-v-nauchnom-issledovanii/

Таким образом, соотношение между направлениями, целями и задачами внешнеполитической деятельности государства представляет собой последовательную цепочку действий: определение направления – постановка цели – выработка и выполнение поставленных для достижения цели задач. При этом направления, цели и задачи можно условно подразделить по ряду критериев – по степени важности, приоритетности и широте охвата.

В науке уже сложилась определенная система классификации направлений внешнеполитической деятельности государства. Опираясь на выработанную в РФ концепцию внешней политики, направления ВПДГ можно классифицировать по следующим основаниям:

1) по приоритетам в решении глобальных проблем – на общемировые и региональные:

– общемировые направления: формирование справедливого и устойчивого мироустройства; верховенство права в международных отношениях; укрепление международной безопасности; международное экономическое и экологическое сотрудничество и т. д.;

– региональные направления (евразийская интеграция): развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества – в рамках СНГ, ШОС, ОДКБ, ЕАЭС и др.;

2) по объектам деятельности: в отношении конкретного государства, коалиции или объединения государств (например, НАТО, СНГ), отдельно взятой организации (например, международной или региональной: ООН, ОДКБ, ШОС, ОИК и др.);

3) по территории деятельности: на своей территории, на территории конкретного государства – объекта внешнеполитической деятельности (ВПД), на территории третьих стран – деятельность одного государства в отношении

другого на территории третьего, не являющегося объектом ВПД;

4) по внешнему проявлению деятельности: официальная (гласная) и неофициальная (негласная) деятельность;

5) по характеру используемых сил и средств: дипломатическая деятельность государства, внешнеэкономическая, гуманитарная, разведывательная, военные действия государства и др.;

6) по сферам деятельности: внешнеполитическая деятельность государства может осуществляться в политической, военной, экономической, научно-технической, гуманитарной, информационной, экологической, обеспечения безопасности и иных сферах[1].

Вышеприведенная классификация направлений внешнеполитической деятельности государства не является исчерпывающей, но дает достаточно полное представление о видах направлений.

Понятие целей и задач ВПДГ

На примере Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы от 6 марта 2020 г. можно привести ряд целей и задач внешнеполитической деятельности государства. Так, к стратегическим целям внешнеполитической деятельности относятся:

1) укрепление независимости, государственного суверенитета и территориальной целостности страны, сохранение самостоятельности внешнеполитического курса;

[1] Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 // URL: http://kremlin.ru/acts/bank/41451/page/1

2) упрочение лидирующих позиций и продвижение долгосрочных интересов государства в регионе и в мире;

3) позиционирование государства в качестве активного и ответственного участника международного сообщества, вносящего весомый вклад в обеспечение международной и региональной стабильности и безопасности[1], и т. д.[2].

Для достижения целей внешнеполитической деятельности необходима постановка и реализация соответствующих задач. Так, например, в указанной Концепции внешней политики РК ставятся следующие задачи:

1) наращивание усилий по формированию политически стабильного, экономически устойчивого и безопасного пространства вокруг страны;

2) продолжение курса на укрепление международного мира и сотрудничества, повышение эффективности систем глобальной и региональной безопасности и взаимодействия;

3) выработка и реализация новых подходов к ключевым вопросам внешней политики на двустороннем и многостороннем уровне с учетом продвижения и защиты долгосрочных стратегических интересов государства;

4) обеспечение нового уровня «экономизации» внешней политики, дальнейшее укрепление позиций государства в системе мирохозяйственных связей[3] и др.

Отдельным важным вопросом направлений, целей и задач внешнеполитической деятельности государства

[1] Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. … Гл. 4.

[2] Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы. Утв. Указом Президента РК от 6 марта 2020 г. № 280 (9.03.2020) // URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody

[3] Там же.

является проблема их постановки и утверждения. Это относится к прерогативе высших органов государства. При этом сам механизм формирования направлений, целей и задач в каждой стране имеет свои особенности. В большинстве государств мира направления, цели и задачи ВПДГ определяются в официальных программных документах, прежде всего в концепции внешней политики или подобных документах. Одну из главных ролей в определении и реализации направлений, целей и задач ВПДГ играет внешнеполитическое ведомство страны.

На примере Российской Федерации можно показать механизм постановки и утверждения направлений, целей и задач внешнеполитической деятельности государства[1]. Согласно Концепции внешней политики РФ, основные направления внешней политики государства определяет президент РФ. Совет Федерации Федерального собрания РФ и Государственная дума Федерального собрания РФ ведут работу по законодательному обеспечению внешнеполитического курса страны и выполнения международных обязательств Российской Федерации (п. 101). В свою очередь, правительство РФ осуществляет меры по реализации внешней политики страны (п. 102). Совет Безопасности РФ формирует основные направления государственной внешней и военной политики, осуществляет прогнозирование, выявление, анализ и оценку угроз национальной безопасности России (п. 103). На Министерство иностранных дел РФ возложена обязанность по разработке общей стратегии внешней политики Российской Федерации и представлению соответствующих предложений президенту РФ, осуществлению реализации внешнеполитического

[1] Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. …

курса Российской Федерации, а также осуществлению координации деятельности федеральных органов исполнительной власти в области международных отношений и международного сотрудничества (п. 104). Подобный механизм постановки и утверждения направлений, целей и задач внешнеполитической деятельности государств со своими особенностями и характерными чертами существует во всех государствах мира.

Историческая ретроспектива изменения направлений, целей и задач ВПДГ в современном мире

Одной из особенностей направлений, целей и задач внешнеполитической деятельности государства является их эволюционный. изменчивый характер. Они не являются чем-то неизменным и постоянным, и со временем подвергаются определенной корректировке и изменению, какие-то направления, цели и задачи ВПДГ теряют свою актуальность и приоритетность, другие же набирают вес. При этом «цели и процедуры претворения в жизнь мировыми центрами силы геополитических проектов, несмотря на то, что с начала их появления прошло много времени, не меняются, как меняются внешнеполитические интересы государств»[1].

В то же время до сих в науке существует некоторая неопределенность самого понятия эволюции интересов страны в международных отношениях или в сотрудничающих с ним государствах. Во-первых, нет конкретизации,

[1] Геополитические проекты мировых центров сил в Центральной Азии / М. К. Асанбеков и др.; Отв. ред. А. Л. Салиев; ИСАП КРСУ. Бишкек, 2018. С. 4.

что понимать под эволюцией интересов – «последовательное, бесконфликтное и без скачков продвижение интересов, однонаправленное их развитие, углубление или их расширение»[1]? Во-вторых, какой подход используется в понимании эволюции направлений, целей и задач внешнеполитической деятельности государств – биологический или иной?

В первом вопросе самый главный момент – это изменение. Сам механизм изменения важен, но он вторичен. Во втором же вопросе уместно применять и биологический подход, помимо иных. При этом он предполагает «процесс развития тех международных приоритетов страны, которые отобраны путем проб и ошибок, самим ходом взаимного сотрудничества стран, также тех, что наиболее соответствуют текущим и долгосрочным внешнеполитическим задачам государства; и сохранение и развитие тех интересов, которые наилучшим образом приспособлены к сложившейся и складывающейся в отношениях между странами ситуациям»[2].

Представляется необходимым на примере некоторых государств (РФ, США), имеющих свои интересы и цели в Центрально-Азиатском регионе, показать их эволюцию за последние тридцать лет, с момента обретения государствами Центральной Азии независимости.

Момент обретения независимости государствами Центральной Азии в начале 90-х гг. прошлого века очень важен для нашего исследования, потому что до этого, несмотря на декларируемую независимость в составе СССР,

[1] Роль и место основных внешних акторов в центрально-азиатских политических процессах: Фундамент. исслед. / Отв. ред. канд. полит. наук А. Л. Салиев. ИСАП КРСУ. Бишкек, 2013. С. 218.

[2] Там же.

они ее фактически не имели. И только с момента распада Советского Союза государства Центральной Азии, в том числе Кыргызстан, стали полноценными членами международного сообщества и стали нести все выгоды и риски самостоятельного существования. И естественно, обратили на себя внимание других государств как место реализации их геополитических планов и проектов.

К примеру, Российская Федерация. По теме центральноазиатско-российских отношений написано немало работ ввиду тесного сотрудничества наших государств. Один из исследователей данного научного направления, А. А. Верещагин, в своем исследовании, проанализировав мнения отечественных и зарубежных экспертов, в т. ч. Д. Д. Джекшенкулова, Н. М. Омарова, В. С. Власова и др., а также опираясь на опытные данные, прослеживает эволюцию направлений, целей и задач внешнеполитической деятельности Российской Федерации по отношению к Кыргызстану[1]. Он выделяет три этапа в развитии отношений между Москвой и странами Центральной Азии: «первый этап укладывается в хронологические рамки с 1991 г. до середины 1990-х гг., второй – с середины 1990-х гг. до 2001 г. и третий – с 2001 г. по настоящее время»[2].

Первый этап (1991 г. – сер. 1990-х гг.) можно назвать как этап обретения независимости как России, так и центральноазиатских стран. Он характеризуется некоторой растерянностью обеих сторон и, соответственно, отсутствием внятных внешнеполитических стратегий.

[1] Роль и место основных внешних акторов в центрально-азиатских политических процессах… С. 218.

[2] Роль и место основных внешних акторов… С. 174; Верещагин А. А. Геополитическая конкуренция США, КНР и РФ в Кыргызской Республике. Бишкек, 2012. С. 151–152.

Российская Федерация на этом этапе осваивалась в новом статусе, занятая больше преодолением глубокого социально-экономического кризиса внутри страны и выстраиванием нового формата отношений с Западом. Тем не менее, несмотря на это, РФ определила ряд важных для нее приоритетов и интересов в Центральной Азии. К ним можно отнести следующие: меры по укреплению безопасности и обеспечение мирного процесса распада СССР.

На *втором этапе* (сер. 1990-х гг. – 2001 г.). отношений между странами Центральной Азии и Россией интересы последней начинают изменяться и трансформируются в следующие: обозначение особой роли России в Центральной Азии, обеспечение безопасности (борьба с наркотрафиком, экстремизмом и терроризмом), налаживание социально-экономических отношений.

Третий этап (2001–2022 гг.) определяется прежде всего глубинной трансформацией российского внешнеполитического курса в отношении Центральной Азии и отказом России от безусловного следования либерально-демократическим догмам во внутренней политике и учета интересов Запада во внешней политике. Угроза потери геополитического влияния в Центральной Азии и необходимость укрепления своих позиций на южном геостратегическом направлении привело РФ к пересмотру комплекса ее интересов в регионе Центральной Азии[1], основными из которых являются экономические интересы, добыча и транзит энергоресурсов, безопасность. На данном этапе обеспечение безопасности воспринимается Россией не только в русле защиты своего южного «подбрюшья», но и в контексте региональной долгосрочной кооперации,

[1] Роль и место основных внешних акторов в центрально-азиатских политических процессах… С. 81–182.

продвижения ценностей российской «суверенной» демократии и русской культуры.

Отношения центральноазиатских стран с Российской Федерацией являются наглядным примером эволюции направлений, целей и задач внешнеполитической деятельности России в данном регионе. Если в начале 90-х гг. прошлого столетия это направление не было ценно для России, то уже с 2000-х гг. оно приобретает всё большую важность и со временем его ценность только усиливается. Создание ОДКБ, ШОС, ЕАЭС подтверждает важность центральноазиатского региона для РФ. Особо ценны эти отношения сейчас, в условиях проведения специальной военной операции на Украине и введения антироссийских санкций коллективным Западом.

Другим крупнейшим актором в Центральной Азии являются США. Несмотря на то, что Центрально-Азиатский регион не является важным направлением для США, тем не менее они тоже имеют здесь свои интересы. С момента обретения независимости государствами Центральной Азии именно США были одними из первых зарубежных стран, пришедших в этот регион.

Если суммировать различные проекты США в Центральной Азии, то можно обобщить их цели следующим образом: обеспечение своего долгосрочного присутствия в регионе и недопущение создания политического союза России и Китая; установление контроля над энергетическими ресурсами региона (в первую очередь Каспийского бассейна); интегрирование региона в мировую экономику под своим контролем.

Наиболее крупными проектами США в Центральной Азии являлись проекты «Большая Центральная Азия» Ф. Старра и «Нового Шелкового пути» Х. Клинтон. Эти

проекты свидетельствуют о деятельном участии США в проектировании развития Центральной Азии извне. Ключевой тезис проекта «Большая Центральная Азия»[1] Ф. Старра заключался в том, что США рассматривали Афганистан в качестве составной части Центральной Азии как своеобразного демократического центра. В основе концепции «Нового Шелкового пути»[2] Х. Клинтон лежит всё тот же расширенный подход к ЦА-региону, что и в стратегии «Большая Центральная Азия». Но меняется основная идея: Афганистан превращается в торговый и транспортный узел Центрально-Азиатского региона для стабилизации обстановки в Афганистане.

Однако оба этих проекта не были реализованы в полной мере, а на данный момент и вовсе снизилась их актуальность в связи с выходом США из Афганистана. Оба этих проекта изначально были несостоятельны и неэффективны – центральноазиатские страны всегда воспринимали Афганистан как источник нестабильности, терроризма и наркотрафика.

Тем не менее США всё равно предпринимали новые попытки интеграции Афганистана в Центрально-Азиатский регион. Свидетельством тому может послужить выступление помощника госсекретаря по делам Южной и Центральной Азии Р. Блейка, который на форуме Института Центральной Азии и Кавказа в январе 2012 г. заявил, что интересы США в Центральной Азии лежат в двух

[1] Байсалов Э. Фредерик Старр: Для стран Центральной Азии важно сотрудничество, но не интеграция и потеря суверенности (07.02.2019) // URL: https://cabar.asia/ru/frederik-starr-dlya-stran-tsentralnoj-azii-vazhno-sotrudnichestvo-no-ne-integratsiya-i-poterya-suverennosti

[2] Хиллари Клинтон: концепция «Нового Шелкового пути» – элемент долгосрочной стратегии США (26.11.2012) // URL: https://regnum.ru/news/1597322.html

плоскостях – безопасности и демократизации, при этом ни один из этих аспектов не должен превалировать[1]. В своем выступлении он определил главную категорию интересов США в Центральной Азии, и это урегулирование ситуации в Афганистане. На первый план выходит не военная составляющая, а усиление экономического сотрудничества стран региона с Афганистаном, региональная интеграция с вовлечением в этот процесс Афганистана: строительство дорог, мостов, трубопроводов, ЛЭП, открытие рынков, снижение таможенных барьеров и привлечение прямых иностранных инвестиций[2].

Обзор концепций внешней политики стран Центральной Азии

Концепция внешней политики Кыргызстана

К современному уровню своей внешней политики Кыргызстан прошел долгий и трудный путь. Первым документом, заложившим идеи и принципы внешней политики, явилась Декларация о государственной независимости, принятая 31 августа 1991 г.[3], согласно которой Кыргызстан заявил о себе как о суверенном, демократическом государстве. В том же документе подтверждалась приверженность общепризнанным принципам международного права и принципам дружбы и сотрудничества между народами. В последующие годы были последовательно приняты

[1] Роль и место основных внешних акторов в центрально-азиатских политических процессах… С. 117.

[2] Там же.

[3] Декларация о государственной независимости Республики Кыргызстан (31.08.1991) // URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/913

концепции внешней политики (КВП) Кыргызской Республики – 17 мая 1999 г.[1] и 10 января 2007 г.[2].

В КВП КР от 17 мая 1999 г., закрепившей цели и задачи в области внешней политики, а также приоритеты, ядром выступила идея «дипломатии Шелкового пути», выдвинутая ООН годом ранее, которая позиционировала Кыргызстан как связующее звено между Западом и Востоком.

После прихода к власти нового режима во главе с К. С. Бакиевым была принята новая КВП КР от 10 января 2007 г., с учетом изменившихся обстоятельств и нового видения международной ситуации. Акцент был сделан на вопросах укрепления национальной безопасности внешнеполитическими методами, формировании благоприятных внешних условий для реализации национальных приоритетов развития, а также поддержании положительного международного имиджа Кыргызстана.

КВП КР 2007 г. рассматривала пространство внешней политики Кыргызстана на трех уровнях[3] – региональном, континентальном и глобальном. Многие идеи этой концепции были реализованы и перешли в более современные документы.

Сейчас основным документом в области внешней политики является КВП КР от 11 марта 2019 г.[4]. В ее основе,

---

[1] Доктрина «Дипломатия Шелкового пути» // URL: https://bstudy.net/984305/politika/ doktrina_diplomatiya_shelkovogo_puti

[2] Концепция внешней политики Кыргызской Республики. Утв. Указом Президента КР от 10 января 2007 г. № 2. Утрат. силу в соотв. с Указом Президента КР от 11 марта 2019 г. УП № 37 // URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/4569?cl=ru-ru

[3] Там же.

[4] Концепция внешней политики Кыргызской Республики Утв. Указом Президента КР от 11 марта 2019 г. УП № 37 // URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430045?cl=ru-ru

помимо основополагающих законов страны (Конституция КР и др.), лежит Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы, а также вступившие в силу в установленном законом порядке международные договоры. В данной КВП КР дается объяснение необходимости принятия нового документа в области внешней политики – прежде всего, накопившиеся к этому времени изменения международных и интеграционных тенденций, процессы глобализации и ситуация в сфере безопасности, а также необходимость противодействия современным вызовам и угрозам.

В КВП КР заложено требование проактивности внешней политики страны. Это объясняется рядом объективных причин: во-первых, уникальным географическим положением Кыргызской Республики (нахождение на маршрутах Великого Шелкового пути между Европой и Азией, с одной стороны, создает хорошие условия для развития транспортных и информационных коммуникаций, логистики, торговли и т. д., но с другой стороны, сложный горный рельеф Кыргызстана и отсутствие выхода к морю заставляют искать иные пути расширения сотрудничества с международным сообществом); во-вторых, ростом напряженности в мире, расширением масштабов международного терроризма и экстремизма, возникновением и эскалацией конфликтов вблизи границ страны.

Как и в концепциях внешней политики иных государств, в КВП КР указывается, что Кыргызстан для достижения стратегических целей развития страны считает первоочередным обеспечение и защиту своих национальных интересов[1].

[1] Президент Сооронбай Жээнбеков: Наш основной принцип – это реализация сбалансированной внешней политики, придерживающейся

Принципами Кыргызстана во внешней политике являются прагматичность, сбалансированность, открытость, многовекторность и последовательность. Помимо этого, Кыргызская Республика в своей внешней политике придерживается общепризнанных принципов и норм международного права (суверенное равенство государств, неприменение силы и угрозы силой, невмешательство во внутренние дела, уважение территориальной целостности и разрешение международных споров мирными средствами и др.).

В КВП КР отдельный раздел посвящен понятию и видам национальных интересов, где под национальными интересами понимаются «совокупность внутренних и внешних потребностей государства, заложенных в стратегических документах Кыргызской Республики по обеспечению национальной безопасности и устойчивого развития»[1]. В этом же разделе приведены основные национальные интересы, где на первом месте выделена защита независимости, государственного суверенитета и территориальной целостности страны. Важно, что одним из национальных интересов является обогащение духовности и культуры кыргызского народа, а также сохранение и развитие исторических, культурных ценностей и традиций многонационального народа Кыргызстана.

В КВП КР представлены и приоритеты внешней политики страны. К ним отнесены приоритеты в следующих сферах: политической, финансово-экономической и экологической, а также культурно-гуманитарной.

национальных интересов (14.03.2019) // URL: https://www.president.kg/ru/sobytiya/novosti/13615_prezident_sooronbay_gheenbekov_nash...

[1] Концепция внешней политики Кыргызской Республики от 11 марта 2019 г. …

Приоритетами внешней политики Кыргызской Республики в политической сфере являются: обеспечение национальной безопасности, суверенитета и территориальной целостности страны; полное оформление государственной границы; формирование дружественного окружения и укрепление добрососедства с государствами Центрально-Азиатского региона, укрепление и углубление взаимоотношений с союзниками и стратегическими партнерами, развитие двустороннего и многостороннего формата всестороннего взаимовыгодного сотрудничества[1], а также поддержание региональной безопасности и своевременное реагирование на современные вызовы и угрозы.

В КВП КР обозначены приоритеты и принципы сотрудничества страны с государствами, международными организациями и объединениями в условиях глобализации и постоянного изменения международной обстановки.

В КВП КР отдается должное и экономической дипломатии[2]. Главными приоритетами выступают устойчивое развитие страны и повышение уровня жизни населения. Для этого Кыргызская Республика выстраивает свой курс региональной и международной экономической интеграции. В целях достижения поставленных целей в КВП КР сформулирован ряд задач на создание благоприятных условий для модернизации национальной экономики, привлечения

[1] Рыжов И., Бородина М. Основные приоритеты внешней политики Кыргызстана // Актуальная геополитика. 2019. № 3. С. 142–157. С. 144 // URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2019_03/Osnovnye_Ryjov.pdf

[2] Интервью с директором 6ПД МИД КР: Экономическая дипломатия, содействие развитию регионов, сокращение госдолга и гумпомощь (31.08.2021) // URL: https://kabar.kg/news/interv-iu-s-direktorom-6pd-mid-kr-ekonomicheskaia-diplomatiia-sodeistvie-razvitiiu-regionov-sokrashchenie-gosdolga-i-gumpomoshch

иностранных инвестиций, реализации потенциала страны по развитию промышленности, сельского хозяйства, торговли и логистики, развития финансового сектора страны, интеграции в региональные и международные транспортные и информационно-коммуникационные сети и др.

Современное время отличается пониманием конечности потребляемых природных ресурсов[1], необходимости бережного к ним отношения, поиска альтернативных источников энергии. Всё это отражено в КВП КР, где указано, что страна, используя свое суверенное право на собственные природные богатства и ресурсы, выступает за рациональное их освоение, использование и сохранение в целях благополучия нынешнего и будущих поколений, а также охраны окружающей среды. Для реализации этих целей Кыргызская Республика осуществляет сотрудничество с иностранными государствами и международными организациями. Также в КВП КР вводятся понятия экологической и водно-энергетической безопасности, даются определения и методы их обеспечения.

Культурно-гуманитарная сфера как одна из составляющих в системе внешнеполитических приоритетов Кыргызской Республики направлена на формирование среды наибольшего благоприятствования для свободного развития личности и общества. С этой целью Кыргызская Республика намерена всячески содействовать развитию действенной системы образования, способствовать обучению граждан Кыргызской Республики за рубежом и добиваться признания на международном уровне отечественных дипломов, сделать всё возможное для сохранения

[1] Асанов А. Рациональное использование природных ресурсов – путь к обеспечению энергетической безопасности страны (10.08.2020) // URL: http://mnenie.akipress.org/ unews/un_post:17856

и международной популяризации историко-культурного и духовного наследия кыргызского народа, а также обеспечить активное международное взаимодействие в области образования, науки, культуры, искусства, спорта.

В КВП КР подробно разработаны и вопросы формирования и реализации внешней политики Кыргызской Республики, включающие в себя устойчивый механизм взаимодействия государственных органов в этой области.

Концепция внешней политики Казахстана

К особенностям принятия Концепции внешней политики Республики Казахстан[1] (КВП РК) следует отнести прежде всего тот факт, что она была утверждена на фоне произошедшей в марте 2019 г. смены руководства Казахстана, при том что Касым-Жомарт Токаев подтвердил преемственность в реализации официального политического курса Казахстана. Изменение внешнеполитических приоритетов Казахстана было одним из положений предвыборной программы К.-Ж. Токаева, позволяющей не только сохранить, но и дальше развивать положительную динамику взаимоотношений Казахстана с ведущими международными партнерами[2]. Неудивительно, что КВП РК стала первым документом национального уровня, который К.-Ж. Токаев принял с начала своего пребывания президентом страны.

[1] О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы. Утв. Указом Президента РК от 6 марта 2020 г. № 280 (9.03.2020) // URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody

[2] Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана (2.09.2019) // URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana

Открытость доступа для широкой общественности КВП РК является своеобразным маркером, свидетельствующим об открытой и прозрачной политике властей Казахстана в области внешней политики. До 2014 г. в Казахстане была совершенно иная ситуация, когда КВП РК носила закрытый характер и материалом для анализа внешнеполитической деятельности Казахстана служили ежегодные послания президента народу страны и его публичные выступления[1].

Каковы особенности и отличительные черты новой КВП РК на 2020–2030 гг.? Впервые Казахстан, в своей новой истории, в КВП твердо выражает свои намерения закрепления статуса «лидирующего государства в регионе». Помимо этого, анализируя современную систему международных отношений, в КВП РК сделан вывод, что она в настоящее время переживает сложную трансформацию. Таким образом неявно объясняется одна из причин принятия новой КВП РК, так как трансформация подразумевает появление новых вызовов и угроз и, соответственно, необходимость адекватно реагировать на них. К числу таких вызовов и угроз, согласно КВП РК, относятся кризис доверия и повышение конфликтности, размывание основополагающих принципов международного права, столкновение в мировом масштабе двух основных тенденций – глобализма и национализма, обострение традиционных вызовов и угроз безопасности, увеличение разрыва в экономическом и технологическом развитии между странами и регионами, уязвимость глобальной финансовой системы, ужесточение торговых и валютных войн, санкционное противостояние и др.

[1] Чеботарёв А. Особенности новой концепции внешней политики Казахстана (23.04.2020)…

Анализируя и обозначая вызовы и угрозы трансформирующейся современной системы международных отношений, Казахстан показывает свое видение складывающейся ситуации в мире, а также обозначает свою роль как активного и ответственного участника международного сообщества. Помимо этого, в рамках КВП Казахстан подводит некоторые итоги своей деятельности на международной арене. Так, отмечается, что за годы независимости он укрепил свои позиции в мире, произошло его утверждение как миролюбивого и открытого государства, надежного партнера в глобальных и региональных делах. В основе его внешней политики лежат принципы многовекторности, прагматичности и проактивности, направленные, прежде всего, на отстаивание национальных интересов.

В гл. 3 КВП РК детально разъясняются принципы, положенные в основу внешней политики Казахстана. Среди этих принципов особо выделен принцип преемственности внешнеполитического курса первого президента – елбасы Н. А. Назарбаева. Также добавлены новые принципы внешней политики страны, такие как содействие построению стабильного, справедливого и демократического мирового порядка и др. Подверглись расширенному толкованию ряд прежних принципов, например, равенство всех государств мира трансформировано в равноправную интеграцию в мировое политическое, экономическое и гуманитарное пространство.

КВП РК на 2020–2030 гг. отличается от прежних документов такого уровня своей подчеркнуто акцентированной направленностью не только на нужды государства, но и на нужды общества и граждан. Данный подход объясняется концепцией «слышащего государства»[1], предполагающей

[1] Нуршаихова Ж. Концепция «Слышащее государство»: от слов

качественно новый уровень диалога власти и общества. Она была обнародована К.-Ж. Токаевым в своем первом Послании народу Казахстана и положена в основу многих программных документов Казахстана. В рамках КВП РК на 2020–2030 гг. это отразилось в приоритете интересов граждан Казахстана и национального бизнеса при осуществлении внешнеполитической деятельности как одной из стратегических целей.

Для решения целей и задач внешней политики в КВП РК обозначены приоритеты страны на международной арене: в области поддержания международного мира и безопасности, в области экономической дипломатии, в области прав человека, гуманитарной дипломатии и охраны окружающей среды и в области региональной и многосторонней дипломатии. В КВП РК обновлены приоритеты страны в региональной и многосторонней дипломатии. Это объясняется изменением отношения Казахстана к собственному статусу в Центрально-Азиатском регионе и связано, прежде всего, с его намерением закрепления за собой статуса «лидирующего государства в регионе». В целях реализации данной цели Казахстан переводит отношения с другими странами региона на стратегический уровень, придавая этому такое же значение, как отношения с Китаем, Россией, США и Евросоюзом (ЕС).

Помимо этого, в продолжение вышесказанному, Казахстан планирует придать хабу ООН в г. Алматы статус межрегионального центра ООН в Казахстане по Целям устойчивого развития и оказать таким образом содействие его деятельности в государствах Центральной Азии и Афганистане.

к действию (23.06.2020) // URL: https://strategy2050.kz/ru/news/kontseptsiya-slyshashchee-gosudarstvo-ot-slov-k-deystviyu/

В отличие от прежней КВП РК, в современном документе произошло серьезное усиление экономической дипломатии внешней политики Казахстана, чему посвящен отдельный блок, стоящий на втором месте после приоритетов в области поддержания международного мира и безопасности, что подчеркивает его значимость и важность в глазах руководства Казахстана.

В рамках экономической дипломатии Казахстаном реализуются программы индустриализации и развития «экономики простых вещей»[1], расширяется международное сотрудничество для привлечения качественных иностранных инвестиций в базовые отрасли экономики и др. Одним из приоритетов экономической дипломатии Казахстана является не только превращение Казахстана в трансконтинентальный транзитно-логистический хаб на магистральных путях Восток – Запад и Север – Юг и внедрение режима «открытого неба», но и усиление торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества на региональном и местном уровне.

Отдельным блоком в КВП РК выделены приоритеты в области прав человека, гуманитарной дипломатии и охраны окружающей среды, включающие в себя цели, реализация которых позволит стране проявить себя защитником прав и свобод человека, межкультурного и межрелигиозного диалога.

Помимо инструментов реализации внешней политики, в КВП РК заложены этапы реализации и ожидаемые

[1] Индустриализация в Казахстане: первые итоги и новые вызовы (30.08.2020) // URL: https://forbes.kz/process/economy/industrializatsiya_v_kazahstane_pervyie_itogi_i_novyie_vyizovyi/; Программа «Экономика простых вещей» доказала свою эффективность – А. Мамин (15.12.2020) // URL: https://primeminister.kz/ru/news/programma-ekonomika-prostyh-ves...

результаты, свидетельствующие о важности, придаваемой этой концепции государством.

Концепция внешней политики Таджикистана

Руководство Республики Таджикистан определяет КВП РТ[1] как политический документ, что отражает степень отношения руководства страны к внешней политике с учетом долгосрочных национальных интересов.

Как и в КВП РК, Таджикистан дает взвешенную оценку современного состояния международной обстановки, определяя ее как изменившуюся и констатируя факт формирования нового геополитического облика мира и региона. Соответственно, и КВП РТ разрабатывалась с учетом конфликта регионализации и глобализации, нейтрализации потенциальных угроз и вызовов на фоне последовательной реализации национальных интересов[2].

В КВП РТ обозначен ряд принципов внешней политики, среди которых следует обратить особое внимание на следующие: деидеологизация межгосударственных отношений, уважение прав и фундаментальных свобод человека, неприятие в международной практике любых форм попрания прав.

Как и КВП других государств, в КВП РТ разъясняется понятие национальных интересов Республики Таджикистан в сфере внешней политики, которое в глазах законодателей Таджикистана является комплексным понятием,

[1] Концепция внешней политики Республики Таджикистан. Утв. Указом Президента РТ от 27 января 2015 г. № 332 (27.01.2015) // URL: https://mfa.tj/ru/main/view/988/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan

[2] Шарипов А. Н. Основные этапы формирования внешней политики Республики Таджикистан (15.09.2020) // URL: https://mo.tnu.tj/ru/osnovnye-jetapy-formirovanija-vneshnej-politiki-respubliki-tadzhikistan

включающим в себя следующие элементы: защиту и укрепление государственного суверенитета Таджикистана и обеспечение его национальной безопасности, развитие отношений сотрудничества со всеми странами мира, увеличение роста благосостояния народа, обеспечение энергетической независимости, защиту прав и свобод, достоинства и интересов граждан Таджикистана внутри и за пределами страны[1].

Согласно КВП РТ, характерной чертой современного мира является процесс глобализации. Несмотря на многие позитивные сдвиги, процесс глобализации вызывает и ряд негативных моментов. Прежде всего это касается современных вызовов и угроз, к которым относятся нестабильное и неравномерное экономическое развитие, рост международного терроризма, распространение политического и религиозного экстремизма и другие проблемы.

Помимо этого, в КВП РТ обозначены потенциально опасные для национальных интересов Республики Таджикистан региональные факторы, к которым относятся: близость Таджикистана к конфликтогенным регионам; возможность использования территории страны для трансграничной контрабанды наркотиков и распространения экстремистской идеологии; отсутствие реального сотрудничества в рациональном использовании водно-энергетических ресурсов региона, а также обострение демографических и экологических проблем в регионе[2].

Согласно КВП РТ, важнейшей задачей внешней политики Таджикистана в долгосрочной перспективе является

[1] Концепция внешней политики Республики Таджикистан от 27 января 2015 г. …

[2] Программное выступление Президента Таджикистана по случаю открытия нового здания МИД (01.03.2013) // URL: https://www.mfa.tj/ru...

защита стратегических интересов страны на международной арене. В целях ее достижения Таджикистан осуществляет многовекторную внешнюю политику, основанную на реализме и прагматизме.

В КВП РТ дается обзор собственной внешней политики, главными чертами которой являются: политика «открытых дверей», миролюбивость и бескорыстность, основанная на идеях взаимного уважения, равноправия и взаимовыгодного сотрудничества. Другим моментом, обозначенным в КВП РТ, являются прозрачность и прогнозируемость внешней политики. При этом в КВП РТ заложена цель обеспечения активного участия страны в деятельности международных и региональных организаций, основанная на идее практического соблюдения баланса между глобализационными процессами и национальными интересами каждой страны.

Фиксируя внешнеполитические приоритеты Республики Таджикистан, в КВП уточняется, что они определяются и реализуются на основе целей и высших национальных интересов страны. При этом с учетом особенностей сегодняшнего мира требуется их постоянное переосмысление и изменение.

Особенностью внешнеполитических приоритетов Республики Таджикистан является то, что во главу угла вынесена дипломатия. КВП РТ обозначила области ее реализации. К ним относятся: двусторонняя и многосторонняя дипломатия, дипломатия в сфере экономики, водного сотрудничества, информации и культурно-гуманитарной области.

В области двусторонней дипломатии Республика Таджикистан придает особое внимание отношениям со своими партнерами – странами СНГ, прежде всего выделяя

Российскую Федерацию, а также республики Центральной Азии – Узбекистан, Казахстан, Туркменистан и Кыргызстан. Вместе с тем Таджикистан в качестве приоритета в двусторонней дипломатии выделяет следующие страны бывшего постсоветского пространства: Украину, Республику Беларусь, Республику Молдову, Азербайджанскую Республику, Грузию и Республику Армению, а также Китайскую Народную Республику, Исламскую Республику Афганистан и Исламскую Республику Иран.

Анализ двусторонней дипломатии Республики Таджикистан позволяет сделать вывод о том, что она высоко ценит идеи преемственности отношений и исторического наследия своей страны, а также добрососедские отношения с окружающими ее государствами. Кроме того, особо выделено отношение Таджикистана к Российской Федерации – как отвечающее национальным интересам республики и являющегося важным фактором обеспечения регионального мира и стабильности.

В КВП РТ также отмечается, что для обозначения приоритетности в области двусторонней дипломатии важно ускорение процесса экономических реформ в Таджикистане и постепенное вхождение национальной экономики в систему мирохозяйственных связей.

В области же многосторонней дипломатии в современных условиях выделено стремление Республики Таджикистан к налаживанию многостороннего сотрудничества с международными и региональными организациями и объединениями. Согласно КВП РТ, данные организации и институты, будучи важнейшим механизмом объединения усилий по противодействию современным вызовам и угрозам, вместе с тем являются открытой площадкой для разрешения споров и проблем в системе международных

отношений и реальным инструментом укрепления международного мира.

В КВП РТ назван ряд международных организаций и институтов, сотрудничество с которыми является для страны приоритетным. Это, прежде всего, Организация Объединенных Наций, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Содружество Независимых Государств, Шанхайская организация сотрудничества, Организация Договора о коллективной безопасности, Организация исламского сотрудничества, Организация экономического сотрудничества, Азиатский диалог по сотрудничеству и Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии.

В КВП РТ, как и в КВП других государств, особое значение придается экономической дипломатии. Объясняется это ускоренной геоэкономической эволюцией современности, тенденциями развития мировой экономики, а также постоянным повышением роли экономической составляющей в международной политике. Экономическая дипломатия служит одним из путей для достижения национальных и государственных целей и поэтому в КВП РТ обозначен ряд задач, стоящих перед внешней политикой в этой сфере. Нет необходимости их подробного расписывания, поэтому отметим наиболее важные из них: защита экономических интересов Республики Таджикистан; создание благоприятных условий для укрепления экономического потенциала во внешней международной среде; усилия в присоединении страны к международной и региональной транспортной, энергетической и коммуникационной инфраструктуре и др. Представляет интерес задача содействия расширению торгово-экономического сотрудничества с сопредельными странами как механизма

формирования пояса доверия и безопасности по периметру границ страны.

Другой существенной для Республики Таджикистан областью национальных и государственных интересов является дипломатия водного сотрудничества. Это объясняется чувствительностью Центральной Азии к вопросам нехватки питьевой воды, использования крупных и мелких трансграничных рек и другими проблемами, связанными с водой. Согласно КВП РТ, страна выступает за справедливое и рациональное использование как своих водных ресурсов, так и ресурсов региона, при этом любые проблемы в водной сфере региона следует решать только путем дипломатии сотрудничества.

Культурно-гуманитарная дипломатия как один из приоритетов внешней политики Таджикистана связана с необходимостью на фоне процесса глобализации обеспечить духовную жизнь и сохранность коренных национальных ценностей таджикского народа. Как указывается в КВП РТ, глобализация проявляется и в материальных, и в духовных проблемах человечества, поэтому перед культурно-гуманитарной дипломатией сформулирован ряд задач, к которым относятся такие, как активная защита прав, интересов и достоинства граждан, в том числе трудовых мигрантов Республики Таджикистан за рубежом, содействие созидательной деятельности Форума таджиков и персоязычных людей мира, развитие международного туризма и привлечение туристов в Таджикистан и др.

Отдельно в КВП РТ выделена информационная дипломатия[1]. Информационное пространство в современном

[1] Аслов С. Путеводный документ внешней политики Республики Таджикистан (22.07.2015) // URL: https://mfa.tj/ru/main/view/1000/statya-ministra-inostrannykh-del-tadzhikistana

мире сформировалось, согласно КВП РТ, в особый, новый тип цивилизации. В ее основе лежит прогресс техники и информационно-телекоммуникационных технологий, приведший к практически неограниченному в объеме общению вне пространственных рамок, развитию интернет-технологий и расширению спутниковой связи, разработке и распространению новостей и информации, а также появлению и развитию цифровой дипломатии. Сейчас информационное пространство становится отдельной площадкой столкновения интересов центров силы современного мира, превращается в эффективный инструмент формирования общественного мнения, несущий вместе с тем и много рисков для информационной безопасности современных государств, в том числе для Таджикистана.

Содействие обеспечению информационной безопасности страны выдвинуто как главная цель информационной дипломатии Республики Таджикистан. Для ее реализации обозначен ряд задач, к которым относятся такие, как создание положительного имиджа страны в мировом информационном пространстве, а также противодействие киберпреступлениям и информационным угрозам государственной независимости Таджикистана.

В КВП РТ подробно описан механизм разработки и реализации внешней политики Республики Таджикистан, описывающий взаимодействие президента, Маджлиси-милли и Маджлисинамояндагон Маджлиси Оли, правительства Республики Таджикистан, а также Министерства иностранных дел и Совета по внешней политике при президенте РТ.

Концепция внешней политики Узбекистана

С момента обретения независимости создание теоретических основ международных отношений, дипломатии, выстраивание новой системы внешней политики стало одной из важнейших задач Республики Узбекистан.

В основу внешней политики Узбекистана были положены следующие основные принципы:

во-первых, при приоритете своих национальных государственных интересов учитывать интересы других стран;

во-вторых, во главу угла ставить общечеловеческие ценности и, исходя из этого, бороться за укрепление мира и безопасности;

в-третьих, в основу внешней политики Узбекистана ставить принцип равноправия и взаимовыгодности при невмешательстве во внутренние дела других стран[1].

С момента обретения независимости Узбекистан определил свои приоритеты внешней политики, которых придерживался и позднее. В 1996 г. был принят Закон РУз. «Об основах внешней политики»[2]. Данный Закон определил такие принципы, как равенство и взаимная выгода в международных отношениях, невмешательство во внутренние дела других государств и другие приоритетные направления. Внешнюю политику Узбекистана в этот период можно охарактеризовать как взвешенную и базирующуюся на национальных интересах. Всё это время внешняя политика Узбекистана строилась с учетом динамики международно-политических реалий XXI в., которые требовали

[1] Нишанов Д. Б. Внешняя политика Республики Узбекистан в 90-е годы XX века (25.08.2008) // URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004114850.pdf

[2] Рахимбаева Д. В. Основные принципы и направления внешней политики Республики Узбекистан (2010) // URL: https://articlekz.com/...

активного, инициативного и прагматичного внешнеполитического курса.

Важнейшим документом, определяющим направления и принципы внешней политики Узбекистана, стала Концепция внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан (КВП РУз.), утвержденная законом РУз. от 10 сентября 2012 г., № 330[1]. В настоящее время данный документ отсутствует в национальной базе данных законодательства Узбекистана и открытом доступе, но, основываясь на ряде публикаций, посвященных внешнеполитической деятельности республики, можно остановиться на важнейших моментах данного документа.

Как отмечает в своей аналитической статье Фарход Толипов, в тексте КВП РУз. 2012 г. отражены четыре конкретных «нет», а именно: «нет» размещению иностранных баз в Узбекистане; «нет» членству в каком-либо военном блоке; «нет» участию в международных миротворческих операциях и «нет» никакому посредничеству в разрешении региональных конфликтов в Центральной Азии[2]. Эти «нет» много лет лежали в основе внешней политики Узбекистана и до принятия КВП РУз., оправдывались его национальными интересами и объясняли поведение Узбекистана в международном сообществе.

Помимо вышеуказанных «нет» в КВП РУз. были заложены и другие основные положения: «право заключать союзы, входить в содружества и другие межгосударственные образования, а также выходить из них, руководствуясь

[1] См.: В Концепцию внешнеполитической деятельности планируется внести изменения (19.01.2021) // URL: https://www.gazeta.uz/ru/2021/01/19/foreign-policy/

[2] См.: Tolipov F. Uzbekistan's new foreign policy concept: no base, no blocs, but national interests first (09.05.2012) // URL: https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/12557-analytical-articles

высшими интересами государства, народа»; проведение «миролюбивой политики», неучастие в военно-политических блоках; неучастие в вооруженных конфликтах и очагах напряженности в сопредельных государствах; недопущение размещения иностранных военных баз и объектов на территории Узбекистана; Вооруженные силы Узбекистана предназначены «исключительно для защиты государственного суверенитета и территориальной целостности страны, мирной жизни и безопасности ее населения и не принимают участия в миротворческих операциях за рубежом»[1].

В 2016 г. в Узбекистане был реализован транзит власти, когда на место умершего И. А. Каримова пришел Ш. М. Мирзиёев. Помимо всего прочего, изменения транзита коснулись и внешней политики страны. Узбекистан в кратчайшие сроки перестроил свою прежде закрытую и даже изоляционную внешнеполитическую модель на проактивную[2]. Свое видение внешней политики Узбекистана новый президент изложил в обращении к Генеральной Ассамблее ООН 19 сентября 2017 г.[3], а затем на региональной конференции в г. Самарканде 11 ноября 2017 г.[4].

---

[1] См.: В Концепцию внешнеполитической деятельности планируется внести изменения (19.01.2021) // URL: https://www.gazeta.uz/ru/2021/01/19/foreign-policy/

[2] Увраимов И. А. О приоритетах внешней политики Республики Узбекистан на современном этапе (06.01.2021) // URL: https://uwed.uz/en/news/fulltext/1417

[3] Дебют Мирзияева на Генассамблее ООН. Речь о «новом облике» Узбекистана (21.09.2017) // URL: https://rus.ozodi.org/a/28748174.html

[4] Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на международной конференции «Центральная Азия: одно прошлое и общее будущее, сотрудничество ради устойчивого развития и взаимного процветания» в Самарканде (10.11.2017) // URL: https://uza.uz/ru/posts/vystuplenie-prezidenta-respubliki-uzbekistan-shavkata-mirziye-10-11-2017

Ш. М. Мирзиёев не только изложил свое видение внешней политики Узбекистана, он подтвердил его реальными шагами[1]. Прежде всего, он сосредоточился на экономических проблемах республики. Но для поддержки своей экономики Узбекистану было необходимо решить пограничные и водные вопросы, восстановить энергетическое сотрудничество и транспортную инфраструктуру, а также смягчить визовый режим. В сентябре 2017 г. состоялась встреча Ш. М. Мирзиёева с президентом Кыргызстана А. Атамбаевым, по итогам встречи было подписано временное соглашение о границе, а компания «Узбекгидроэнерго» стала одним из участников строительства Камбаратинской ГЭС-1[2].

Ш. М. Мирзиёев поднимает проблемы транспортного сообщения с соседями, продовольственной и энергетической безопасности, встречается с лидерами центральноазиатских стран – с главами Туркменистана и Таджикистана в марте 2017 г. и в марте 2018 г. соответственно.

Внешняя политика Узбекистана во главе с Ш. М. Мирзиёевым отличается прагматизмом взаимоотношений со всеми традиционными партнерами, а также странами ближнего и дальнего зарубежья, деятельностью на основе принципов многосторонности, проактивности, открытости и демократизации.

В 2017 г. Ш. М. Мирзиёевым была представлена Стратегия действий по пяти направлениям дальнейшего развития Узбекистана на 2017–2021 годы[3], в их числе:

[1] Новый Узбекистан – новая модель внешней политики (2.01.2021) // URL: https://e-cis.info/news/567/90061/

[2] A new era for Uzbekistan (10.04.2018) // URL: https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/a-new-era-for-uzbekistan/

[3] Президент утвердил Стратегию действий по развитию Узбекистана (7.02.2017) // URL: https://www.gazeta.uz/ru/2017/02/07/strategy/

1) либерализация экономической жизни; 2) укрепление свободы экономической деятельности; 3) сокращение государственного регулирования экономики; 4) модернизация финансово-банковской системы; 5) расширение внешнеэкономических связей.

Внешнеполитическая часть Стратегии была направлена на следующие изменения: укрепление международного имиджа Узбекистана; совершенствование нормативно-правовой базы внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности республики, а также договорно-правовой основы международного сотрудничества; урегулирование вопросов делимитации и демаркации государственной границы; совершенствование защиты прав граждан Узбекистана за рубежом.

Сейчас можно резюмировать, что Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан на 2017–2021 годы в большей своей части реализована. К ее эффективности можно отнести следующее: за обозначенный период было принято около 300 законов и свыше 4 тыс. решений президента РУз.; рассмотрено более 5 млн 780 тыс. обращений, поступивших в виртуальную приемную президента и народные приемные, из них удовлетворено более 3 млн 288 тыс. обращений; более 70 тыс. человек было предоставлено гражданство Республики Узбекистан; в Узбекистане действуют 23 свободные экономические зоны, в них реализовано 453 проекта на общую сумму 2,6 млрд долларов США, создано около 36 тыс. рабочих мест[1].

[1] Мураталиева Н. Стратегия развития Нового Узбекистана на период 2022–2026 гг.: Интервью с Элдором Туляковым (09.03.2022) // URL: https://cabar.asia/ru/strategiya-razvitiya-novogo-uzbekistana-na-period-2022-2026-gg-intervyu-s-eldorom-tulyakovym

В январе 2022 г. в продолжение Стратегии действий (2017 г.) президентом РУз. утверждена Стратегия развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы[1]. Новая Стратегия направлена на дальнейшее развитие направлений, представленных в предыдущей Стратегии, что свидетельствует о преемственности и продолжении развития Узбекистана по избранному после транзита власти пути. В частности, в новой Стратегии представлен внешнеполитический курс Узбекистана, суть которого отражена в самом названии раздела – «Укрепление безопасности и оборонного потенциала страны, ведение открытой, прагматичной и активной внешней политики».

Выводы

Как видно из вышеизложенного, в теории вопроса направлений, целей и задач внешнеполитической деятельности государства, несмотря на достигнутый в науке значительный задел, существуют определенные проблемы в понимании природы этого явления, соотношения его с другими близкими ему понятиями. Следовательно, необходимо проводить дальнейшие теоретические исследования данной проблемы, не останавливаясь на достигнутом. На примере концепций внешнеполитической деятельности центральноазиатских государств (Кыргызской Республики, Республики Казахстан, Республики Таджикистан, Республики Узбекистан), а также Российской Федерации в данном параграфе показано, какое важное место занимают в них

[1] Указ Президента Республики Узбекистан о стратегии развития нового Узбекистана на 2022–2026 годы от 28 января 2022 г. № УП-60 (28.01.2022) // URL: https://lex.uz/ru/docs/5841077

вопросы направлений, целей и задач внешнеполитической деятельности государства, образуя собой своеобразный каркас документа. Фактически, они являются декларациями государств о характере и природе их внешнеполитической деятельности, своеобразной «дорожной картой», и в этом их ценность и уникальность.

В заключение коротко обобщим вышесказанное в отношении концепций внешнеполитической деятельности центральноазиатских государств.

В Кыргызстане действует третья Концепция внешней политики Кыргызской Республики, принятая 11 марта 2019 г. (две первых – 1999 г. и 2007 г.). В основе действующей Концепции, как и в предыдущих, лежит, прежде всего, уникальное географическое расположение страны, требующее проактивной внешней политики. Следует также заметить, что правление президента КР С. Н. Жапарова, вступившего в должность 28 января 2021 г., знаменуется реформами в самых различных областях жизнедеятельности государства и общества, поэтому вполне вероятно, что будет принята новая концепция.

В Казахстане Концепция внешней политики на 2020–2030 годы была утверждена 9 марта 2020 г. Она принималась на фоне постепенного транзита власти в стране. Поэтому в документе остается ряд моментов, относящихся к прежнему президенту, Н. А. Назарбаеву. Вполне вероятно, что в дальнейшем в эти положения будут внесены изменения.

Особенностью нынешней КВП РК является краткий анализ зарубежных КВП, с выделением общих положений и характерных черт. Другим важным моментом является четко выраженная в КВП РК идея закрепления за страной статуса «лидирующего государства в регионе», чего

не было в прежних документах. Помимо этого, фактически в основе современной КВП РК лежит концепция «слышащего государства»[1]. Отсюда совершенно иной подход государства к нуждам и заботам народа Казахстана. Как одной из стратегических целей при осуществлении внешнеполитической деятельности является приоритет интересов граждан Республики Казахстан и национального бизнеса. Эта идея проходит через весь документ и реализуется на всех уровнях – экономическом, социальном, культурном и других.

Следует отметить большой вклад в создание КВП РК президента страны К.-Ж. Токаева. Много лет проведя на дипломатической службе, зная эту область деятельности государства досконально, под его руководством был разработан и принят очень сбалансированный и важный документ, определяющий внешнюю политику Казахстана на многие годы.

Концепция внешней политики Республики Таджикистан, принятая 27 января 2015 г., является важнейшим политическим документом в этой области, находящимся в открытом доступе и дающим полное представление о внешней политике этого государства. В КВП РТ проводится анализ современной международной обстановки, выделяется конфликт регионализации и глобализации при учете национальных интересов, а также выделены принципы, на которых строится внешняя политика Таджикистана. Важное место в КВП РТ занимает понятие национальных интересов, в том числе таких, как защита прав и свобод, достоинства и интересов граждан Таджикистана внутри и за пределами страны.

[1] Нуршаихова Ж. Концепция «Слышащее государство»: от слов к действию…

Для Республики Таджикистан одним из важнейших приоритетов является дипломатия в различных ее проявлениях. В КВП РТ выделяются следующие ее виды: двусторонняя и многосторонняя дипломатия, дипломатия в сфере экономики, водного сотрудничества, информации и культурно-гуманитарной области. Особое внимание уделяется дипломатии водного и энергетического сотрудничества, имеющего важное значение для обеспечения национальных и государственных интересов. В документе закреплено положение о том, что страна выступает за справедливое и рациональное использование как своих водных ресурсов, так и ресурсов региона. При этом отмечается, что любые проблемы в водной сфере следует решать только путем дипломатии сотрудничества. В целом, КВП РТ представляет собой глубоко проработанный, взвешенный документ, отвечающий реалиям сегодняшнего дня, поэтому в ближайшее время пересматриваться, скорее всего, он не будет.

В Республике Узбекистан несколько иная ситуация, чем, например, в Таджикистане. В 2016 г., после смерти первого президента страны И. А. Каримова, его преемником на посту главы государства становится Ш. М. Мирзиёев. Приход нового лидера сразу же отразился на внешней политике Узбекистана. Если до этого многие документы носили закрытый характер, к примеру Концепция внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан от 10 сентября 2012 г., то в последующем ситуация изменилась в лучшую сторону (названная Концепция прославилась четырьмя «нет», легших в основу внешней политики Республики Узбекистан, а именно: «нет» размещению иностранных баз в Узбекистане; «нет» членству в какомлибо военном блоке; «нет» участию в международных

миротворческих операциях; и никакого посредничества какой-либо внешней силе в разрешении региональных конфликтов в Центральной Азии). После успешного транзита власти Узбекистан перестроил свою прежде закрытую и даже изоляционную внешнеполитическую модель государственного управления на проактивную.

На данный момент важнейшим документом, регулирующим, в том числе, и вопросы внешней политики, является Стратегия действий по пяти направлениям дальнейшего развития Узбекистана на 2017–2021 годы, представленная Ш. М. Мирзиёевым в 2017 г. В данной Стратегии можно выделить и самостоятельную внешнеполитическую часть, включающую в себя укрепление международного имиджа Республики Узбекистан, урегулирование вопросов делимитации и демаркации государственной границы страны, а также совершенствование защиты прав граждан Узбекистана за рубежом.

Кардинальное изменение внешней политики за последние шесть лет, ее проактивный, прозрачный характер позволяют сделать вывод, что в течение нескольких лет будет принята новая Концепция внешней политики Республики Узбекистан, которая зафиксирует существующие изменения в государственной политике страны и заложит основы новой внешней политики государства.

Глава 2

КЛЮЧЕВЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ АКТОРЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ПРОГРАММ И СТРАТЕГИЙ

2.1 Политика России в Центральной Азии: двусторонний и региональный подходы

Россия выступает одним из главных внешних акторов в Центрально-Азиатском регионе, что обусловлено в немалой степени факторами географической близости и исторического наследия. В настоящее время в научной литературе обосновываются аргументы относительно как положительного воздействия России на регион, главным образом в экономическом плане, так и негативного, в контексте дискурса о восстановлении СССР, установления ею своего доминирования в противовес Западу и/или Китаю[1] или трансляции своего опыта государственного строительства, проявляющегося в принятии странами региона схожих с российскими нормативно-правовых актов[2], и в функционировании интеграционных институтов, на базе которых «авторитарные режимы выстраивают

[1] Cooley A., Laruelle M. The Changing Logic of Russian Strategy in Central Asia from Privileged Sphere to Divide and Rule? // PONARS Eurasia Policy Perspectives. August 2013. P. 43.

[2] Blank S. Challenges to Russia in Central Asia // The Journal of the National Committee on American Foreign Policy. 2011. Vol. 33. № 5. P. 213.

взаимодействие и поддерживают свой статус-кво, подражая работе других международных структур»[1]. Водоразделом между обозначенными аргументами выступает идеологическая принадлежность их трансляторов, что, соответственно, минимизирует перспективы получения неэмоционально окрашенного видения масштабов, проблем и перспектив присутствия России в Центральной Азии. Ввиду этого в данном исследовании используются концептуальные рамки оборонительного реализма, позволяющие представить относительно всеобъемлющую картину внешнеполитической стратегии России в отношении Центрально-Азиатского региона и используемых инструментов для ее реализации.

Оборонительный реализм

Согласно концепции оборонительного реализма, система международных отношений не принуждает государства исключительно к соревновательному наращиванию мощи, но может создавать условия, при которых они могут быть в относительной безопасности по отношению друг к другу. Ключевое место в оборонительном реализме занимает проблема безопасности. Она актуализируется в тот момент, когда наращиваемая государством мощь в целях обеспечения собственной безопасности может быть интерпретирована другим государством как доказательство наличия мотива атаковать его, что, соответственно, обусловливает его зеркальную ответную реакцию[2]. В результате,

[1] Laruelle M. Assessing Russia's Normative Agenda in Central Asia // Bishkek Project, March 2017 // URL: https://www.academia.edu/32326084/...

[2] Glaser C. L. Realism Contemporary Security Studies / Ed. by A. Collins. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. P. 20–21.

формируется спираль напряженности и недоверия, которая ставит под угрозу безопасность обоих государств.

Следовательно, если государства уверены в том, что каждое из них является обороняющейся стороной, а не наступающей, то они могут наращивать мощь для своей безопасности, не создавая взаимных угроз. Иными словами, оборонительный реализм исходит из того, что кооперация в обеспечении собственной безопасности на международной арене выступает приоритетным выбором для государств перед рисками конкуренции в расширении их влияния только при условии, что государства уверены во взаимной благонадежности. В этом отношении международные договоренности о взаимном ограничении, например, в наращивании военной силы, имеют амбивалентную роль:

- с одной стороны, они могут быть действенными гарантиями безопасности для обеих сторон и увеличить значимость кооперации (например, Договор о нераспространении ядерного оружия);
- с другой стороны, если одна из сторон преследует интересы расширения влияния и подрыва безопасности другой стороны посредством этих договоренностей, то для второй стороны приоритетной выступает конкуренция, нежели кооперация (например, нарушение договоренности (устной) России с НАТО о нерасширении блока)[1].

Таким образом, безопасность государства, в рамках оборонительного реализма состоит не столько в наращивании мощи, сколько в способности обеспечить свою безопасность либо через кооперацию, либо через конкуренцию/конфронтацию с другими государствами при условии, что их мотивы представляют угрозу его национальной безопасности.

[1] Glaser C. L. Realism Contemporary Security Studies... P. 22–23.

Ключевой тезис

В рамках данного концептуального фрейма в параграфе обосновывается тезис о том, что, несмотря на то, что во внешнеполитическом арсенале России существует: а) разработанный инструментарий «жесткой силы» в отношении стран Центральной Азии, который важен в контексте стратегии оборонительного реализма; б) набор инструментов «мягкой силы», который еще не в полной мере разработан, но тем не менее формирует положительное массовое восприятие России в странах ЦА, проблема эффективности российской политики в регионе состоит в том, что она включена в систему балансирования центральноазиатских республик между внешними акторами. Данная система лимитирует возможности получения Россией безусловной поддержки на мировой арене со стороны государств, рассматриваемых в качестве приоритетного направления ее внешней политики.

Стратегирование России в отношении Центральной Азии в контексте соревнования с внешними акторами

1990-е гг. – отсутствие интереса России в отношении Центральной Азии в политико-экономическом измерении при сохранении позиций в сфере безопасности

В 1990-е гг. ключевой задачей на внешнеполитической повестке для России была необходимость определения своего положения, национальных интересов, а также мотивов других государств в новой системе координат мировой политики при использовании потенциала советского наследия, но в контексте восприятия норм либерального

миропорядка. Команда первого президента России Б. Н. Ельцина была сформирована сторонниками принципов атлантизма во внешней политике, согласно которым:

- Россия должна встраиваться в новый либеральный мир через проведение внутренних реформ;
- Россия должна углублять сотрудничество со странами евро-атлантического региона и сокращать свой военный потенциал;
- Россия должна отказаться от идеи стать локомотивом евразийской интеграции[1].

В свою очередь, необходимость следования последнему принципу обосновывалась тем, что в советский период Россия выступала донором всех остальных республик, которые, по сути, тормозили ее развитие, а в настоящее время блокируют ее встраивание в структуры нового мирового порядка, имея «отсталые экономики» и «консервативные политические институты»[2]. Данный аргумент был обусловлен, кроме внешнеполитических приоритетов, еще и экономическим кризисом в России в широком контексте постсоветской экономической трансформации[3]. Соответственно, освобождение от бремени финансово-экономической поддержки бывших советских республик рассматривалось как необходимое условие для процветания новой независимой России и ее интеграции с Западом.

---

[1] Gvosdev N. K., Marsh C. Russian foreign policy: interests, vectors, and sectors. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2014. P. 223; Халанский И. В. Отношения РФ, КНР, США в контексте глобальных и региональных интеграционных трендов // Вестник КРСУ. 2017. Т. 17. № 2. С. 196.

[2] Suyarkulova M. Reluctant Sovereignties? Central Asia States' Path to Independence // Sovereignty after Empire. Comparing the Middle East and Central Asia. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2011. P. 132.

[3] Lewis D. Reasserting Hegemony in Central Asia: Russian Policy in Post-2010 Kyrgyzstan // Journal of International Relationsю 2015. № 3. P. 15.

С точки зрения оборонительного реализма, российский истеблишмент в тот период воспринимал западные страны в качестве надежных акторов, настроенных на кооперацию и ставящих целью обеспечение собственной безопасности, а не расширения влияния на фоне разрушения спирали недоверия времен «холодной войны». Это особенно четко прослеживается в выступлениях Б. Н. Ельцина в начале 1990-х гг., когда он заявлял о том, что рассматривает США даже не как партнера, а как союзника, и что российско-американское сотрудничество позволит сделать мир безопасней для демократии[1].

В этот период отношения между Россией и центральноазиатскими странами характеризовались как «неблизкие, но и не враждебные»[2]. Характеристика «неблизкие» отчетливо прослеживается в политико-экономической сфере через призму функционирования Союза Независимых Государств (СНГ), к которому в полной мере можно применить определение «цивилизованного развода» между бывшими советскими республиками ввиду его ограниченного влияния на повестки дня государств-членов[3]. Так, десятки подписанных в рамках СНГ межгосударственных соглашений по сохранению и переформатированию имеющихся хозяйственно-экономических связей, исходя из реалий распада СССР, по сути, не имели для стран-участниц, включая Россию, обязывающего характера и, как следствие, не были реализованы. В частности, в рамках СНГ не были созданы свободные экономические зоны, таможенный

[1] Gvosdev N. K., Marsh C. Russian foreign policy: interests, vectors, and sectors… P. 114–115.

[2] Keller S. Russia and Central Asia: Coexistence, Conquest, Convergence. Toronto: Univ. of Toronto Press, 2020. P. 254.

[3] Laruelle M. Assessing Russia's Normative Agenda in Central Asia…

союз, евразийское экономическое сообщество и единое экономическое пространство, интегрированный экономический союз. Российский политолог А. Арбатов, оценивая функционирование СНГ, подчеркивал, что оно является «абсурдным гибридом НАТО, ЕС и ООН, при этом неэффективным в любой из этих ипостасей»[1].

Представляется, что в этом аспекте важную роль сыграл отмеченный выше прозападный внешнеполитический курс самой России в начале 1990-х гг. и стремление государств Центральной Азии диверсифицировать свои внешнеполитические/внешнеэкономические связи в контексте позиционирования себя как самостоятельных акторов системы международных отношений (как абсолютизированное проявление данного стремления можно рассматривать неприсоединение к СНГ Туркменистана, имеющего с 2005 г. статус ассоциированного члена).

Тем не менее следует подчеркнуть, что одним из значимых моментов в функционировании СНГ в социокультурном аспекте, свидетельствующим о «невраждебном» характере отношений между Россией и центральноазиатскими республиками, выступает реализация Ташкентского договора 1992 г. о безвизовом режиме, благодаря которому уже на протяжении более 30 лет страны – участники СНГ представляют собой пространство, открывающее возможность беспрепятственного перемещения граждан[2].

Кроме того, «невраждебность» отношений между Россией и странами Центральной Азии выкристаллизовывается и во взаимодействии в сфере безопасности как по

[1] Berryman J. Russia and China in the New Central Asia: The Security Agenda // Russia. Re-Emerging Great Power / Ed. R. E. Kanet. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2007. P. 154.

[2] Laruelle M. Assessing Russia's Normative Agenda in Central Asia…

линии СНГ, так и на двусторонней основе. В первом случае ключевое значение имеют расположенный с Москве Антитеррористический центр государств – участников СНГ, который до сих пор проводит тренинги для представителей силовых структур постсоветских государств, и Совет командующих Пограничными войсками государств – участников СНГ, который организует в России курсы повышения профессиональной квалификации не только для пограничников стран-участниц, но и Туркменистана, а также располагает собственной сетью информационного обмена между пограничными ведомствами стран-участниц.

На двусторонней основе взаимодействие России и стран Центральной Азии в начале 1990-х гг. имплементировалось в форме охраны российскими военнослужащими внешних границ центральноазиатских государств. Только к 1999 г. они были выведены из республик региона, за исключением Таджикистана, где гарнизон российских солдат вплоть до 2005 г. осуществлял патрулирование таджикско-афганской границы при поддержке 201-й мотострелковой дивизии. Кроме того, в Таджикистане России принадлежит комплекс контроля космического пространства «Окно» близ г. Нурек (с 1999 г.). В других центральноазиатских государствах также локализованы российские военные объекты, межгосударственные договоры по которым были подписаны в 1990-е гг.:

- Казахстан: космодром «Байконур» (с 1994 г.), полигон Сары-Шаган (с 1996 г.), испытательные полигоны Государственного летно-испытательного центра Министерства обороны РФ им. В. П. Чкалова;
- Кыргызстан: 338-й узел связи (узел дальней связи военно-морского флота России) в с. Чалдовар (с 1993 г.),

954-я испытательная база противолодочного вооружения в г. Каракол (с 1993 г.), автономный сейсмический пункт в г. Майлуу-Суу (с 1994 г.).

2000-е гг. – Центральная Азия как направление евразийской интеграции

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. в Москве начали формироваться новые направления стратегического восприятия постсоветского пространства. Оно перестало характеризоваться российским руководством как балласт для развития России[1]. Получил распространение дискурс о том, что необходимо выстраивать более тесные отношения с бывшими советскими республиками[2]. В этот период пространство СНГ стало восприниматься как «сфера привилегированных интересов» России, лидерство в котором является необходимым условием для получения статуса одного из центров силы глобального масштаба. В частности, бывший член Президентского совета Российской Федерации А. Мигранян выдвинул идею о том, что всё постсоветское геополитическое пространство необходимо объявить сферой, в которой интересы России не могут игнорироваться, – российская вариация доктрины Монро[3].

Как следствие, поменялся внешнеполитический курс Москвы и в отношении Центрально-Азиатского региона как части СНГ. В качестве проявления интереса к региону следует отметить три момента. Во-первых, в 2000 г.

[1] Cooley A., Laruelle M. The Changing Logic of Russian Strategy in Central Asia from Privileged Sphere to Divide and Rule? … P. 44.

[2] Perović J. Russia's Eurasian Strategy // Strategic Trends 2019. Key Developments in Global Affairs // Eds. J. Thompson and O. Thränert. Zurich: Center for Security Studies, 2019. P. 46.

[3] Berryman J. Russia and China in the New Central Asia: The Security Agenda… P. 153.

были приняты новые Концепция национальной безопасности РФ и Концепция внешней политики РФ, в которых пространство СНГ обозначалось в качестве приоритетов внешней политики России[1]. Во-вторых, первый зарубежный визит В. Путин в статусе и. о. президента РФ совершил в апреле 2000 г. в Белоруссию, а в статусе президента РФ в мае 2000 г. – в Узбекистан с последующим посещением Туркменистана. В-третьих, ведущие аналитические центры России стали разрабатывать рекомендации по выстраиванию взаимовыгодных отношений с центральноазиатскими странами:

- в 2011 г. Институт современного развития опубликовал доклад «ОДКБ: ответственная безопасность», в котором акцент был сделан на важности укрепления внутреннего единства организации, разработки стратегии кризисного реагирования на факты внутригосударственной турбулентности стран-участниц и усиления ее международных позиций в условиях нестабильной международной конъюнктуры (планировавшийся на тот момент на 2014 г. вывод войск международной коалиции из Афганистана, «арабская весна»)[2];
- в 2013 г. Российский совет по международным делам выпустил доклад «Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители», авторы которого не только очертили основные проблемы региона (миграция, проблема транзита власти, афганский наркотрафик, исламизация радикализма), но и обосновывали

[1] Концепция национальной безопасности Российской Федерации (10.01.2000) // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/14927; Концепция внешней политики Российской Федерации (28.06.2000) // URL: https://docs.cntd.ru/document/901764263

[2] ОДКБ: ответственная безопасность / Под ред. И. Ю. Юргенса. М.: Ин-т совр. развития, 2011.

необходимость продвижения в Центральной Азии русского языка, расширения информационного влияния, изучения региона российскими исследователями, а также выстраивания бинарного формата отношений с центральноазиатскими республиками – регионального и двустороннего ввиду стартовавшего оформления ЕАЭС, в который входят только две страны региона[1].

Важными детерминантами данного разворота стали как внутриполитические трансформации, так и внешняя международная конъюнктура. К первым относится запущенный процесс выстраивания четкой вертикали федеральной власти и экономическое восстановление России, создающие необходимые условия для проведения активной внешней политики[2]. В контексте же оборонительного реализма данные изменения стратегии внешнеполитического курса России были обусловлены действиями на международной арене стран НАТО во главе с США. В числе таких акций-маркеров для России на глобальном уровне выступили:

- военная операция НАТО «Союзная сила» против дружественной России Югославии по созданию автономии Косово в 1999 г. без санкции ООН;
- запуск процесса расширения НАТО за счет стран распущенной Организации Варшавского договора и размещения вооружений альянса в непосредственной близости от границ России: в 1999 г. в альянс вошли Венгрия, Польша, Чехия, в 2004 г. – Болгария, Латвия, Литва, Эстония, Словения, Словакия, Румыния, в 2009 г. – Албания, Хорватия;

[1] Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители: Аналит. доклад / Под ред. И. С. Иванова; Рос. совет по междунар. делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2013.

[2] Perović J. Russia's Eurasian Strategy // Strategic Trends 2019. Key Developments in Foreign Affairs… P. 47–48.

• военная операция НАТО «Иракская свобода» в 2003 г. против международного терроризма и производства оружия массового поражения без санкции ООН, меняющая расклад сил на Ближнем Востоке и демонстрирующая неприемлемость для Вашингтона многополярного мира и международных правовых ограничений.

В результате, США, которые рассматривались в качестве союзника России, актуализировали для нее дилемму безопасности – действительно ли Вашингтон исходит из императива обеспечения национальной безопасности, а не наступления на позиции Москвы в зоне ее интересов.

На региональном уровне также происходили трансформации, ограничивающие влияние России и обусловливающие необходимость адекватного реагирования на внутрирегиональные процессы на постсоветском пространстве, чтобы минимизировать исходящие из этого направления риски и угрозы национальной безопасности:

• сотрудничество центральноазиатских республик с НАТО по линии программы «Партнерство ради мира»;

• выдвинутые Грузией (1996 г.), а затем Туркменистаном (1999 г.) требования о завершении совместного с подразделениями пограничных войск России патрулирования государственной границы и выводе последних с их территорий;

• отказ Ташкента в апреле 1999 г. от продления сотрудничества в рамках ДКБ и его вхождение в состав прозападной ГУУАМ (о вступлении Узбекистана в ГУУАМ было объявлено на саммите НАТО в Вашингтоне, на полях которого страны – участницы создаваемой организации объявили о нацеленности интегрироваться в европейские и евроатлантические структуры);

• июль–сентябрь 1999 г. – инфильтрация боевиков ИДУ на территорию Кыргызстана;

• ввод войск НАТО в Афганистан в 2001 г. и размещение военных объектов стран – участниц альянса в регионе: американские военные базы в Узбекистане (2001–2005 гг.) и Кыргызстане (2001–2014 гг.), немецкая авиабаза в г. Термез в Узбекистане (с 2002 г.) и французский военный контингент в г. Душанбе (2002–2013 гг.).

Ответы России в этих условиях были оформлены по двум направлениям: а) в рамках инструментария «жесткой силы», включающего сферы политики, экономики и безопасности; б) в рамках инструментария «мягкой силы», ориентированного на генерацию общего социокультурного пространства.

Механизмы «жесткой силы»: двустороннее и региональное измерения

Политическое взаимодействие

В этот период происходит отход от структур СНГ и выстраивается отдельная наднациональная интеграционная система, охватывающая страны постсоветского пространства, но без привязки к советскому прошлому, что выгодно с позиций и институционализации, и процесса принятия решений, и имиджевого позиционирования организации. СНГ превращается в неформальный клуб глав государств-членов, становится площадкой для неофициальных переговоров последних по возникающим фактам напряженности в межгосударственном взаимодействии. В частности, на полях официальных саммитов СНГ по инициативе России устаивались встречи президентов Узбекистана и Таджикистана в периоды острых кризисов между республиками[1].

[1] Laruelle M., Peyrouse S. Regional Organizations in Central Asia: Patterns of Interaction, Dilemmas of Efficiency // University of Central Asia.

Кроме того, СНГ является важным международным механизмом в аспекте поддержания стабильности политических режимов региона через миссию наблюдателей СНГ на национальных выборах стран-участниц, которая зачастую выступает антиподом западных мониторинговых структур и организаций, в частности ОБСЕ, в аспекте оценки соответствия проведенных выборов избирательному законодательству и международно-признанным стандартам. Другая структура в системе СНГ, которая играет важную роль с точки зрения политического взаимодействия России и стран Центральной Азии, это Межпарламентская ассамблея СНГ, посредством которой укрепляется взаимодействие между парламентариями стран-участниц как на двустороннем, так и многостороннем уровне.

Зачастую последний указанный формат взаимодействия на фоне якобы существенного влияния советского опыта принятия государственных программ и стратегий и разработки нормативно-правовой базы только при согласовании с Москвой трактуется отдельными западными и отечественными экспертами в качестве механизма, посредством которого страны Центральной Азии принимают законодательные акты, ограничивающие права человека, копируя образцы и логику российского законотворчества[1]. К числу таких нормативно-правовых актов, как правило, относят законопроекты о запрете пропаганды ЛГБТ-

Institute of Public Policy and Administration. Working Paper. 2012. № 10 // URL: https://www.academia.edu/28085238/ Regional_Organisations_in_Central_Asia_Patterns_of_Interaction_Dilemmas_of_Efficiency

[1] Laruelle M. Assessing Russia's Normative Agenda in Central Asia…; Lewis D. Reasserting Hegemony in Central Asia: Russian Policy in Post-2010 Kyrgyzstan… P. 65; Шаршенова А. Влияние России в Кыргызской Республике // Ежегодный сборник аналитических статей / Акад. ОБСЕ в Бишкеке. Бишкек, 2021. С. 18.

сообществ, об иностранных агентах и о манипуляции информацией и др. Однако данный тезис представляется необъективным в силу того, что оцениваемые в данном ключе нормативно-правовые акты принимаются в России исходя из внутренней политико-социальной конъюнктуры, которая отличается от ситуаций в странах региона. Адаптация российского опыта в данном случае входит в зону ответственности самих региональных государств. В частности, в Кыргызстане закон о запрете пропаганды ЛГБТ-сообществ был принят, а в Казахстане нет. И наоборот, закон об иноагентах, ограничивающий деятельность НПО и организацию несанкционированных митингов, в Казахстане принят, а в Кыргызстане нет. Вместе с тем Закон КР «О защите от ложной и недостоверной информации», принятый парламентом Кыргызстана в 2021 г., но, по сути, разработанный еще в 2020 г. (Законопроект «О манипулировании информацией») группой депутатов во главе с Г. Асылбаевой, хотя и содержит много положений, схожих с положениями Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 г.[1], тем не менее был а) принят в КР только через 15 лет после вступления закона в силу в РФ и б) инициирован в период острой фазы пандемии, когда в обществе нарастало недовольство действиями руководства республики, и одобрен уже в других политических реалиях после неконституционной смены власти в октябре 2020 г., требовавших легитимации нового политического руководства. Соответственно, представляется нецелесообразным устанавливать корреляционные связи между нормативно-правовой практикой России и стран Центральной Азии по принципу слепого копирования НПА РФ последними.

[1] Шаршенова А. Влияние России в Кыргызской Республике… С. 21.

В этом же контексте бездоказательным выглядит и тезис о том, что Россия навязывает свои институты политической власти, понимаемые как правила организации политической жизни. Так, описываемая как российская модель транзита власти (передача президентом власти преемнику при сохранении стратегических позиций в политическом поле) в Кыргызстане (запущенная в 2016 г. передача власти от А. Атамбаева С. Жээнбекову) и Казахстане (запущенная в 2019 г. передача власти от Н. Назарбаева К.-Ж. Токаеву), по факту, не сработала. При этом турбулентность общественно-политической жизни в этих двух республиках, сопровождавшая транзит власти, не результировала в пересмотр новым руководством отношений с Россией, что можно интерпретировать как свидетельство отсутствия какого-либо вмешательства Москвы во внутреннюю политику стран ЦА.

Взаимодействие в сфере безопасности

В этот период основные трансформации стали происходить в сфере безопасности. По итогам саммита глав государств Договора о коллективной безопасности (ДКБ), состоявшегося в мае 2001 г., в Центрально-Азиатском регионе были созданы Коллективные силы быстрого развертывания. Именно данное решение послужило юридическим основанием для размещения в 2003 г. российской авиабазы в г. Кант (Кыргызстан). Однако географическая лимитированность действий данных сил на фоне меняющейся конъюнктуры безопасности в мире, проявившейся в обозначенных выше событиях мирового и регионального уровней, обусловила принятие в феврале 2009 г. на саммите глав государств – членов созданной в 2002 г. на базе ДКБ Организации Договора о коллективной безопасности

(ОДКБ) решения создать Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР ОДКБ).

В настоящее время ОДКБ расценивается даже западными экспертами в качестве самой интегрированной региональной организации, влияющей на направление военной политики стран-участниц, в которой лидирующую роль играет Россия. В частности, внешний эксперт Центра энергетического управления и безопасности Хайнаньского университета Ф. Индео отмечает, что, несмотря на попытки стран ЦА выстраивать военное взаимодействие с другими государствами в сфере безопасности, помимо России, последняя будет и дальше способна поддерживать свою традиционную роль гаранта безопасности в регионе в долгосрочной перспективе[1].

Глубина интеграционного взаимодействия в рамках ОДКБ проявляется в следующих моментах:

- на уровне официального диалога: проводятся регулярные встречи министров иностранных дел, министров обороны, секретарей советов безопасности стран-участниц;
- на уровне военно-силового взаимодействия: проводятся регулярные антитеррористические военные учения («Рубеж»), а также оперативно-профилактические мероприятия и операции по различным направлениям военно-силового взаимодействия: антитеррористические, по пресечению наркотрафика («Канал»), по пресечению торговли оружием («Арсенал»), по пресечению нелегальной миграции («Нелегал»); по противодействию информационно-коммуникационным преступлениям («Прокси»);

[1] Indeo F. The Role of Russia in the Central Asian Security Architecture // OSCE Academy Policy Brief. 2018. № 48 // URL: https://osce-academy.net/upload/file/PB48The_Role_of_Russia_in_the_Central_Asian_Security_Architecture.pdf

• на уровне военно-экономического взаимодействия: интеграционные связи военно-промышленных комплексов стран-участниц с 2005 г. в рамках ОДКБ координируются Межгосударственной комиссией по военно-экономическому сотрудничеству.

При этом важно подчеркнуть тот факт, что в практической плоскости эффективность проводимых учебных тренировок проявилась в рамках скоординированной миротворческой операции КСОР ОДКБ в Казахстане в январе 2022 г., инициированной в связи с обращением президента республики К.-Ж. Токаева. По сути, это был первый раз задействования КСОР ОДКБ в реалиях действительных угроз национальной безопасности одной из стран-участниц с момента их основания в 2009 г. Операция носила кратковременный характер и закончилась полным выводом иностранных войск с территории Казахстана. По мнению Ф. Индео, такой долгосрочный подход к обеспечению и поддержанию безопасности в многостороннем формате отличает Россию от либерального краткосрочного подхода стран Запада. Под последним он понимает размещение международных полицейских миссий в локации конфликта, имплементацию программ по примирению сторон и восстановлению разрушенной инфраструктуры, а также стимулирование к проведению реформ по демократизации и защите прав меньшинств[1]. В свою очередь, российский долгосрочный подход сфокусирован на приоритезации стабилизации ситуации через поддержку сильного центрального правительства и легитимное институционализированное (ОДКБ) военно-экономическое присутствие[2].

[1] Indeo F. The Role of Russia in the Central Asian Security Architecture…

[2] Там же.

Однако существуют и определенные проблемы, подрывающие имиджевые основания ОДКБ как организации по обеспечению безопасности на постсоветском пространстве при ведущей роли России. В частности, это приграничная напряженность между государствами-членами – Кыргызстаном и Таджикистаном, характеризующаяся моментами острой эскалации с применением оружия с обеих сторон. Данный кейс можно рассматривать как свидетельство необходимости дальнейшей работы по формулированию общей повестки в сфере безопасности стран-участниц, включая оценку потенциальных угроз и скоординированного ответа на них.

В свою очередь, на ключевое положение в ОДКБ России указывают следующие факты:

- в рамках Организации достигнуто соглашение о продаже военной техники российского производства странам-участницам по ценам внутреннего рынка России;
- военнослужащие стран-участниц проходят курсы повышения квалификации в лучших военных учебных заведениях России по линии стипендиальных программ. В России организуется подготовка сотрудников спецслужб на базе Академии федеральной службы безопасности РФ в рамках стипендиальной программы, что, кроме усиления подготовки кадрового состава, укрепляет институциональные и личные связи, в частности, между Комитетом национальной безопасности КР и Федеральной службой безопасности РФ[1].

На двусторонней основе российское присутствие в регионе в контексте системы безопасности определяется наличием военных объектов в странах – участницах ОДКБ и оказанием им военной помощи. В настоящее

[1] Шаршенова А. Влияние России в Кыргызской Республике… С. 23.

время дислоцированная в Таджикистане и преобразованная в 2005 г. в военную базу 201-я мотострелковая дивизия, а также созданная в 2012 г. объединенная российская военная база в Кыргызстане (авиабаза в г. Кант и узел связи в с. Чалдовар, 954-я испытательная база противолодочного вооружения в г. Каракол, автономный сейсмический пункт в г. Майлуу-Суу) являются главными остовами региональной архитектуры безопасности, нацеленной на обеспечение стабильности на южных рубежах России[1].

В аспекте оказания военной помощи значительной вехой в развитии российско-кыргызских и российско-таджикских отношений стал 2012 год, когда:

- кроме решения о создании объединенной российской базы было принято решение об оказании Россией Кыргызстану военно-технической помощи на сумму в 200 млн долларов (зенитные ракетные комплексы, бронеавтомобили, вертолеты, самолеты, легкое и стрелковое вооружение)[2];
- была достигнута договоренность между Россией и Таджикистаном о пролонгации пребывания 201-й российской военной базы в Таджикистане и об оказании Москвой военно-технической помощи Таджикистану в модернизации вооруженных сил республики на ту же сумму, что и Кыргызстану[3];
- договоренности с обеими республиками включали в себя обучение военнослужащих обеих республик в вузах

[1] Indeo F. The Role of Russia in the Central Asian Security Architecture…

[2] Россия поставит Киргизии зенитные комплексы и вертолеты (19.05.2020) // URL: https://topwar.ru/171366-rossija-postavit-kirgizii-zenitnye-kompleksy-i-vertolety.html

[3] Казанцев А. Российская военная база в Таджикистане нужна для обеспечения безопасности, прежде всего, самого Таджикистана (11.03.2012) // URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskaya-voennaya-baza-v-tadzhikistane-nuzhna-dlya-obespe/

России (главным образом, в Военной академии Генерального штаба ВС РФ);

В 2021 г., на фоне прихода к власти движения «Талибан» в Афганистане после хаотичного вывода войск западной коалиции, Россия в связи с обращением Душанбе выделила Таджикистану дополнительно 1,1 млн долларов на строительство пограничной заставы на таджикско-афганской границе в Хатлонской области[1]. Кроме того, были проведены учения с участием военных из России, Таджикистана и Узбекистана на приграничных с Афганистаном полигонах.

В этой связи можно рассматривать Россию в качестве связующего звена между ОДКБ и другими «условно независимыми» региональными республиками[2], заинтересованными в стабильности в Центральной Азии. К этой категории эксперты РСМД (Российского совета по международным делам) относят Узбекистан и Туркменистан, с которыми взаимодействие в сфере безопасности выстраивается не в формате безвозмездной помощи, а в рамках договоров купли-продажи вооружения по ценам, приближенным к ценам внутреннего рынка России[3].

Взаимодействие в политико-экономической сфере

Присутствие России в регионе в данном измерении проявляется в двух плоскостях: а) инвестирование в наиболее развитые в экономическом отношении страны (Казахстан, Узбекистан) и финансово-экономическая поддержка

[1] Россия выделила Таджикистану $1,1 млн на защиту границы с Афганистаном (11.08.2021) // URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2021/08/12/881791-rossiya-videlila-tadzhikistanu-1-mln-na...

[2] Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители: Аналит. доклад / Под ред. И. С. Иванова... С. 26.

[3] Indeo F. The Role of Russia in the Central Asian Security Architecture…

наиболее уязвимых в этом аспекте республик (Кыргызстан, Таджикистан); б) запуск Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Гуманитарная помощь, поддержание бюджета, инвестиции, товарооборот

Используя терминологию экспертов РСМД, «условные партнеры-союзники»[1] России Кыргызстан и Таджикистан получают финансовую поддержку из Москвы в виде списания государственного долга перед Москвой, гуманитарной помощи и помощи на поддержание бюджета. При этом инвестирование в эти государства иногда имеет убыточный характер для российских инвесторов, что, однако, не исключает и положительных кейсов. В качестве наглядного примера можно привести российско-кыргызские отношения. В 2012 г. по итогам визита В. Путина в республику были озвучены решения о списании государственного долга Кыргызстана перед Россией в общем объеме 488,9 млн долларов (долг был досрочно списан в 2017 г.), выделении 25 млн долларов в качестве прямой поддержки бюджету (в 2020 г. в условиях социально-экономического кризиса на фоне пандемии COVID-19 Россия также предоставила 25 млн долларов на безвозмездной основе на покрытие дефицита бюджета) и о запуске инвестиционных проектов в сфере гидроэнергетики – строительство Камбаратинской ГЭС-1 и Верхне-Нарынского каскада ГЭС российскими компаниями с государственным участием «Интер РАО ЕЭС» и «РусГидро» соответственно[2]. Однако договоры по

[1] Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители: Аналит. доклад / Под ред. И. С. Иванова… С. 26.

[2] Cooley A., Laruelle M. The Changing Logic of Russian Strategy in Central Asia from Privileged Sphere to Divide and Rule? … P. 48.

инвестиционным проектам были денонсированы в 2016 г. в одностороннем порядке Бишкеком, обосновавшим данный шаг затягиваем сроков реализации проектов.

Вместе с тем среди успешных проектов следует отметить следующие:

• инвестирование ОАО «Газпром» в развитие газотранспортной сети Кыргызстана, выплата долгов ОАО «Кыргызгаз» (40 млн долларов), а также обеспечение бесперебойных поставок газа потребителям Кыргызстана как условия заключенного в 2014 г. договора купли-продажи между ОАО «Кыргызгаз» и ОАО «Газпром», в результате которого было создано ОсОО «Газпром-Кыргызстан»[1];

• инвестирование 100 млн долларов ОАО «Восток-Геолдобыча» в разработку золоторудного месторождения «Джеруй» в 2015 г. с последующим получением в 2019 г. заемных средств от Банка ВТБ в размере 190 млн долларов[2].

Таджикистан также выступает реципиентом значительной финансовой поддержки со стороны России. Как и в случае с Кыргызстаном, Москва в 2004 г. пошла на списание внушительной части государственного долга республики (242 млн долларов). Отличие же таджикско-российских отношений от кыргызско-российских – в том, что Таджикистану средства выделяются в рамках оказания гуманитарной помощи. Одним из ключевых направлений выступает преодоление последствий стихийных бедствий. В 2015–2017 гг. на эти цели Россия предоставила

[1] Кузнецов А., Винокуров Е. Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР: Доклады и рабочие документы 21/4 / ЕБР. М., 2021 // URL: https://eabr.org/upload/iblock/ed2/EDB_2021_Report_Mutual-Investments_rus-_1_pdf

[2] Бегалиева Н. Правительство выдало лицензию на Джеруй «дочке» «Восток-геолдобыча» (22.09.2015) // URL: https://www.vb.kg/doc/325201_pravitelstvo_vydalo_licen ziu_na_djeryy_dochke_vostok_geoldobycha.html

Таджикистану гуманитарную помощь на сумму в 11 млн долларов[1]. В 2021 г., по данным Россотрудничества, Россия выделила Таджикистану в общей сумме 4 млн долларов для оснащения центра подготовки спасателей и на мероприятия по преодолению последствий пандемии в Согдийской области[2]. Другим направлением помощи Таджикистану в этот же период выступила сфера здравоохранения – Россией было выделено 900 тыс. долларов на программу по укреплению здоровья матери и ребенка, а также передано на безвозмездной основе 10 реанимобилей, 50 тыс. доз вакцины против COVID-19 и 50 тыс. ПЦР-тестов для выявления коронавирусной инфекции[3].

Между тем основными адресатами российских инвестиций в регионе считаются Узбекистан и Казахстан. В частности, согласно данным Евразийского бизнес-барометра за 2022 г., если прогресс во взаимных инвестициях внутри ЕАЭС был отмечен 54% опрошенных казахстанских компаний, то в Кыргызстане данный показатель составил лишь 37% – это самый низкий показатель среди всех стран – участниц ЕАЭС[4].

В целом, Москва за период 2016–2020 гг. увеличила объем своих инвестиций в странах СНГ в 1,3 раза.

---

[1] Какую помощь оказывает Россия Таджикистану? (27.11.2017) // URL: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20171127/kakuyu-pomotsh-okazivaet-rossiya-tadzhikistanu

[2] Какую помощь Россия оказала Таджикистану в 2021-м? (17.02.2022) // URL: https://tj.sputniknews.ru/20220217/gumanitarnaya-pomosch-russia-tajikistan-2021-1045952246.html

[3] Там же.

[4] Чимирис Е., Алмакаева А., Немировская А., Соболева Н., Перебоев В. Интеграционный бизнес-барометр ЕАБР: Доклад 22/1 / Евразийский банк развития. Москва, 2022 // URL: https://eabr.org/upload/iblock/85a/EDB_2022_Report-1_Integration-Business-Barometer_rus.pdf

По данным ЕАБР (Евразийского банка развития), крупнейшим их реципиентом стал Казахстан, который по состоянию на 2020 г. привлек 11,2 млрд долларов[1], что составило 30% от всех российских капиталовложений в страны СНГ. Наиболее крупные инвестиционные проекты, нацеленные на продукцию с высокой добавленной стоимостью, реализуются в Казахстане в сфере машиностроения: производство автокомпонентов, комбайнов, грузовых автомобилей, электровозов и тепловозов[2]. Однако ключевой сферой вложения российского капитала выступает добыча металлических руд, где ведущие позиции занимают российские «Атомэнергопром» и «Полиметалл»[3].

В свою очередь, в Узбекистане, согласно данным Агентства по привлечению иностранных инвестиций при Министерстве инвестиций и внешней торговли республики, функционирует 2348 российско-узбекских предприятий в автомобилей, а также производство нефтегазового и энергетического оборудования. Это самый высокий показатель среди всех наиболее крупных стран-инвесторов в этой республике. На втором месте находится Китай (1958 предприятий), на третьем – Турция (1940 предприятий), на четвертом – Казахстан (1095 предприятий), на пятом – Южная Корея (891 предприятие)[4]. Более того,

[1] Кузнецов А., Винокуров Е. Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР: Доклады и рабочие документы 21/4…

[2] Масанов Ю. Казахстанско-российские индустриальные проекты: машиностроение в приоритете (25.09.2019) // URL: https://ia-centr.ru/experts/yuriy-masanov/kazakhstansko-rossiyskie-industrialnye-proekty-mashinostroenie-v-prioritete/

[3] Кузнецов А., Винокуров Е. Мониторинг взаимных инвестиций…

[4] Предприятий с капиталом каких стран больше всего в Узбекистане? (по состоянию на 1 марта 2022) // Агентство по привлечению иностранных инвестиций при Мин-ве инвестиций и внешней торговли РУз.

согласно исследованию ЕАБР за 2020 г., Узбекистан является лидером по динамике привлечения активов российских компаний: в период с 2016 г. по 2020 г. российские капиталовложения в республику выросли в 2,1 раза, достигнув 9 млрд долларов, что составляет 24% от всех вложений в экономики стран СНГ[1]. Вместе с тем следует подчеркнуть, что, как и в случае с Казахстаном, основной объем российских инвестиций в Узбекистане сосредоточен в сырьевом секторе – добыча нефти и газа, осуществляемая, в основном, «Газпромом» и «Лукойлом».

Другой перспективной сферой вложения российских инвестиций в Узбекистане и Казахстане выступает ядерная энергетика. В 2018 и 2022 гг. между Россией и Узбекистаном, Россией и Казахстаном, соответственно, были подписаны соглашения о сотрудничестве в строительстве атомных электростанций (АЭС) в г. Джизак (Узбекистан) и с. Улкен (Казахстан), а также о подготовке в российских вузах специалистов соответствующего профиля на фоне возросшего потребления энергии и засушливых климатических условий в регионе[2]. В настоящее время инвестиционные проекты находятся на стадии разработки, их реализация при соблюдении всех стандартов и требований

// URL: https://invest.gov.uz/ru/mediacenter/news/which-countries-have-the-largest-number-of-enterprises-with-capital-in-uzbekistan-2/

[1] Кузнецов А., Винокуров Е. Мониторинг взаимных инвестиций…

[2] Акулов А. «Многоплановая игрушка»: что даст Казахстану и России строительство новой АЭС (11.02.2022) // URL: https://www.gazeta.ru/business/2022/02/11/14524549.shtml? updated; Туник С. Интрига умерла? Кто возведет в Казахстане атомную станцию (30.05.2022) // URL: https://www.caravan.kz/articles/intriga-umerla-kto-vozvedet-v-kazakhstane-atomnuyu-stanciyu-847485/; Как идет работа по строительству АЭС в Узбекистане – Узатом (20.06.2022) // URL: https://uz.sputniknews.ru/20220620/stroitelstvo-aes-v-djizake-na-stadii-zaversheniya--ekspert- 25478

к безопасности сможет помочь региону предотвратить дефицит электроэнергии и связанные с ним социально-экономические проблемы.

В свою очередь, товарооборот между Россией и странами ЦА имеет определенную специфику, для выявления которой можно использовать данные статистики, систематизированные в виде нижеследующих двух таблиц.

Таблица 1

Показатели товарооборота России со странами Центральной Азии *(в млрд долл. США)*

Год	РФ – Казахстан*			РФ – Кыргызстан			РФ – Таджикистан			РФ – Туркменистан			РФ – Узбекистан		
	Ex	Im	S	Ex	Im	S	Ex	Im	S	Ex	Im	S	Ex	Im	S
2017	12,5	5,0	-7,5	1,4	0,2	-1,2	0,7	0,03	-0,7	0,3	0,08	-0,2	2,6	1,03	-1,6
2018	13,0	5,3	-7,7	1,6	0,3	-1,3	0,9	0,04	-0,9	0,3	0,2	-0,1	3,3	1,06	-2,2
2019	14,3	5,7	-8,6	1,6	0,3	-1,3	1,0	0,04	-0,9	0,5	0,2	-0,3	3,9	1,2	-2,7
2020	14,0	5,0	-9,0	1,5	0,2	-1,3	0,8	0,04	-0,8	0,7	0,3	-0,4	4,7	1,2	-3,5
2021	18,5	7,1	-11,4	2,2	0,3	-1,9	1,1	0,1	-1	0,7	0,1	-0,6	5,2	1,7	-3,5

Таблица составлена на основе данных источников: URL: https://ru-stat.su; http://stat.cus toms.gov.ru/documents

*Экспорт (Ex) из России в Центральную Азию и импорт (Im) из стран региона в Россию; сальдо торгового баланса (S) для стран Центральной Азии.

Таблица 2

Структура товарооборота между Россией и странами Центральной Азии *(три первые позиции в процентном соотношении к общему объему)*

Страна	Экспорт в Россию	Импорт из России
Казахстан	– минеральные продукты – 37% – металлы и изделия из них – 30% – продукция химической промышленности – 14,0%	– металлы и изделия из них – 15,4% – машины, оборудование, аппаратура – 15,1% – минеральные продукты – 11,7%
Кыргызстан	– металлы и изделия из них – 24% – текстиль – 19% – машины, оборудование, аппаратура – 9,7%	– минеральные продукты – 38% – металлы и изделия из них – 13% – пищевые продукты, напитки, табак – 10,3%
Таджикистан	– текстиль – 84% – продукты растительного происхождения – 9% – продукция химической промышленности – 2,4%	– минеральные продукты – 27% – пищевые продукты, напитки, табак – 13% – продукция химической промышленности – 11,5%
Туркменистан	– транспорт – 33% – текстиль – 28% – пластмассы, каучук, резина – 27,6%	– металлы и изделия из них – 28% – продукция химической промышленности – 17% – транспорт – 13,1%
Узбекистан	– текстиль – 54% – продукты растительного происхождения – 18% – пластмассы, каучук, резина – 11,8%	– металлы и изделия из них – 23% – машины, оборудование и аппаратура – в 14% – древесина, изделия из нее – 11,5%

Таблица составлена нами на основе данных источника: URL: https://ru-stat.su

Анализ данных таблиц позволяет отметить следующие характерные особенности торговли России со странами Центральной Азии:

- в целом, динамика товарооборота между РФ и странами ЦА за последние 5 лет отражает рост показателей;
- однако торговля стран ЦА с РФ отличается несимметричностью – во всех странах на протяжении 5 лет сохраняется отрицательное сальдо торгового баланса;
- при этом структура импорта Кыргызстана и Таджикистана показывает высокую степень зависимости от поставок минеральных продуктов из России. Казахстан в этом аспекте стоит особняком, поскольку, будучи богатой углеводородами страной, не только импортирует, но и экспортирует минеральные ресурсы;
- значимость энергоресурсов в структуре торговли этих трех стран с Россией прослеживается в том, что, по сравнению с 2019 г., в период пандемии в 2020 г., когда спрос на минеральные продукты был низким ввиду сокращения экономического производства, отмечается сокращение их товарооборота с Россией на фоне роста объемов торговли РФ с Туркменистаном и Узбекистаном;
- в свою очередь, в структуре экспорта стран ЦА в Россию преобладает текстиль – для всех стран региона, за исключением Казахстана, у которого ключевым экспортным товаром являются минеральные продукты.

Евразийская интеграция

В настоящее время даже в среде западного академического сообщества ЕАЭС, в который входят две центральноазиатские республики – Кыргызстан и Казахстан, считается самым успешным проектом региональной интеграции, реализованным с момента распада СССР

в 1991 г.[1]. Тем не менее существуют два распространенных как в политическом, так и в академическом сообществе предубеждения, связанных с эффективностью ЕАЭС. *Первое – с позиции соответствия стандартам «демократической» интеграции.* ЕАЭС называют «клубом авторитарных государств», предрекая ему ввиду этого низкий интеграционный потенциал, обусловленный отсутствием открытости политических режимов, действия верховенства права и экономической либерализации[2]. Тем не менее Союз, несмотря на предписываемую его структурам слабость наднационального принципа ввиду зависимости представителей стран-членов от решений своего руководства[3], заработал, обеспечивая беспрепятственное передвижение внутри своих границ людей, товаров, услуг и капитала и свидетельствуя о том, что передача странами-участницами принятия решений по тесному экономическому взаимодействию и гармонизации правил внешней торговли на наднациональный уровень была успешной.

Более того, показателями успешности евразийской интеграции выступают следующие факты:

- во-первых, была создана жизнеспособная структура организации, состоящая из Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав стран-членов, Евразийской экономической комиссии, Межправительственного совета ЕАЭС на уровне глав правительств, а также Суд ЕАЭС;

---

[1] Perović J. Russia's Eurasian Strategy // Strategic Trends 2019. Key Developments in Foreign Affairs… P. 52; Yeliseyeu A. The Eurasian Economic Union: Expectations, Challenges, and Achievements // The German Marshall Fund of the United States. Washington, May 2019. P. 2.

[2] Roberts S. The Eurasian Economic Union: The Geopolitics of Authoritarian Cooperation // Eurasian Geography and Economics. 2008. Vol. 58. № 4. P. 418.

[3] Yeliseyeu A. The Eurasian Economic Union: Expectations, Challenges, and Achievements… P. 4.

• во-вторых, функционирование главного исполнительного органа – Евразийской экономической комиссии обеспечивается работой бюрократического аппарата, включающего более 2000 служащих;

• в-третьих, ЕАЭС привлекает внимание на международной арене, что проявляется в подписании рядом организаций и государств соглашений о сотрудничестве с ЕАЭС, а также развитием института наблюдателей (в настоящее время ими являются Молдова и Узбекистан).

Другим показателем жизнеспособности и функциональности Союза выступают опросы общественного мнения по вопросу об оценке деятельности ЕАЭС. Согласно данным Интеграционного барометра ЕАБР, положительно к данной организации относятся 76% респондентов в Казахстане, 83% – в Кыргызстане и 69% – в Таджикистане[1].

Второе – с позиции геополитики. Утверждается, что ЕАЭС выступает инструментом давления России на другие государства-члены в контексте логики, предложенной российским политологом С. Карагановым: «…великие державы не растворяются в чужих интеграционных проектах, а создают свои»[2] – усиление своих позиций на мировой арене через превращение в важного международного актора и экономического тяжеловеса[3].

---

[1] Интеграционный барометр ЕАБР – 2017: Доклад 46 / Центр интеграционных исследований ЕБР. СПб., 2017 // URL: https://eabr.org/upload/iblock/0dc/EDB-Centre_2017_Report-46_EDB-Integration-Barometer_RUS_1.pdf

[2] Цит. по: Скриба А. С., Алтухов А. О. Влияние геополитических противоречий между Россией и ЕС на участие постсоветских стран в региональной экономической интеграции // Контуры глобальных трансформаций. 2019. Т. 12. № 2. С. 57.

[3] Yeliseyeu A. The Eurasian Economic Union: Expectations, Challenges, and Achievements… P. 1.

В этом отношении в качестве контраргументов важно подчеркнуть три момента. *Во-первых,* институционализация экономического взаимодействия выступает значимым фактором в аспекте легитимации влияния России на постсоветском пространстве в целом и Центральной Азии, в частности, она:

очерчивает фреймы интеграции (в контексте ЕАЭС – это только экономическая интеграция);

определяет набор обязательных для всех стран-членов правил, редуцируя потенциальные риски доминирования одной из них;

накладывает определенные обязательства в плане а) предоставления экономической помощи наименее экономически развитым странам-членам и б) взаимных уступок[1].

Во-вторых, хотя Россия объективно выступает самым мощным государством в ЕАЭС, учитывая, что 85% его ВВП генерируется именно Россией[2], ключевые решения в Евразийской экономической комиссии принимаются на основе принципа консенсуса, все страны-члены обладают правом требования пересмотра или отмены любого решения Комиссии на уровне Межправительственного совета ЕАЭС или Высшего Евразийского экономического совета. Это можно рассматривать в качестве свидетельства того, что Москва, как и в случае с ОДКБ, ставит целью установление долгосрочного сотрудничества через поддержку сильных центральных правительств государств-членов и легитимное институционализированное, взаимовыгодное экономическое взаимодействие.

---

[1] Lewis D. Reasserting Hegemony in Central Asia: Russian Policy… P. 72.

[2] Российские инвесторы переориентировались на Казахстан и Узбекистан. Эксперты ЕАБР проследили движение капиталов на постсоветском пространстве (18.11.2021) // URL: https://www.rbc.ru/newspaper/...

В-третьих, страны-члены не ограничены в выстраивании экономических связей с другими акторами мировой экономики в формате, не противоречащем правилам ЕАЭС. В частности, наряду с Арменией, Казахстан подписал Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве с Европейским союзом (ЕС), которое считается упрощенной версией Соглашения об ассоциации с ЕС, исключающим положения о торговой политике, которая в настоящее время регламентируется правилами ЕАЭС. Вместе с тем и Казахстан, и Кыргызстан продолжают активно взаимодействовать с Китаем по линии глобального интеграционного проекта «Один пояс – один путь» (ОПОП).

Отсутствие стремления России закрываться от внешнего мира рамками евразийских интеграционных структур было отражено в статье В. В. Путина в 2011 г. Представляется, что тремя главными тезисами статьи были: а) евразийская интеграция (на тот момент запущенная в формате Таможенного союза) не направлена на восстановление СССР; б) Евразийский союз должен стать одним из центров многополярного мира; в) создаваемая наднациональная организация может связать Европу и Азиатско-Тихоокеанский регион[1].

В-четвертых, украинский кризис с точки зрения его влияния на функционирование ЕАЭС, с одной стороны, может затормозить его расширение, хотя в настоящее время признаки этого отсутствуют, с другой стороны, он может способствовать углублению интеграционных процессов в отрыве от существующей геополитической ситуации, обусловливающей необходимость России реагировать на

[1] Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня (04.10.2011) // URL: https://www.putin-itogi.ru/2011/10/04/v-gazete-izves tiya-opublikovana-statya-v-v-putina/

оказываемое санкционное давление. В последнем аспекте можно выделить ряд следующих маркеров. Во-первых, достигнутая в марте 2022 г. договоренность стран-членов об использовании национальных валют во взаимных расчетах и предложенный Москвой план по расширению системы этих расчетов, включающий, в числе прочего, мероприятия по организации взаимодействия национальных платежных систем стран-членов и активизацию торговли на товарно-сырьевой бирже, повышает резистентность экономик Союза к внешним финансовым шокам и инфляционным рискам. Во-вторых, создание Евразийской перестраховочной компании выступает механизмом интенсификации внутрисоюзных торговых операций и инвестиционных вложений. В-третьих, отмена пошлин по более чем 400 наименованиям товарных позиций способствует встраиванию ЕАЭС в мировую экономическую систему как единого блока.

Однако следует отметить, что существуют и определенные проблемы в функционировании ЕАЭС. В целом, можно выделить две проблемы. Во-первых, это слабое многостороннее экономическое взаимодействие стран-членов: основные товарные и инвестиционные потоки формируются по линии «Россия – другая страна-участница ЕАЭС». Это результирует не только в низкие показатели внутренней торговли – около 15% от всего товарооборота Союза[1], но и актуализирует проблему предварительных условий, выдвигаемых потенциальными новыми членами именно в адрес России. В качестве наглядного примера можно привести кондициональность вступления в ЕАЭС Кыргызстана, нацеленную на получение финансовой компенсации за падение объемов торговли, прежде всего

[1] Perović J. Russia's Eurasian Strategy… P. 56.

с Китаем: а) выделение Россией 200 млн долларов на создание необходимой инфраструктурной базы; б) создание Кыргызско-Российского фонда развития, чей уставный капитал составил 500 млн долларов для смягчения интеграционных шоков для сельского хозяйства и промышленности. Во-вторых, как показал анализ торгово-инвестиционного взаимодействия России с Казахстаном и Кыргызстаном, входящими в состав ЕАЭС, Союз привлекателен прежде всего для российских сырьевых компаний, а наукоемкие компании отдают предпочтение в инвестировании за пределы постсоветского пространства[1].

Инструменты «мягкой силы»: эффективность и проблемы

Факторы аттрактивности России в Центральной Азии

Представляется, что факторы, способствующие аттрактивности России для населения стран ЦА, лежат в плоскости социальных механизмов и исторических паттернов. *Во-первых*, трудовая миграция, которая иногда выступает фактически единственным вариантом заработка для граждан центральноазиатских республик. Количество трудовых мигрантов из стран Центральной Азии в России, по данным МВД РФ за январь–декабрь 2021 г., составляет более 8 млн человек, из которых 884 133 – граждане Кыргызстана, 163 938 – Казахстана, 3 439 188 – Таджикистана, 4 519 618 – Узбекистана и 7 880 – Туркменистана[2].

[1] Чимирис Е., Алмакаева А., Немировская А., Соболева Н., Перебоев В. Интеграционный бизнес-барометр ЕАБР: Доклад 22/1…

[2] Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской

Как следствие, денежные переводы мигрантов стали определять экономическую систему этих государств. В этом аспекте особое место занимают Кыргызстан и Таджикистан, объем переводов мигрантов которых обеспечивает 29,4% ВВП первого и 27,3% ВВП второго[1]. Для сравнения, данный показатель в Узбекистане составляет всего 12,1%, а в Казахстане – 0,2%[2].

Во-вторых, русский язык, выступающий языком межнациональной коммуникации, что детерминировано общим советским прошлым. При этом ряд экспертов утверждают, что в настоящее время и в среднесрочной перспективе альтернативы ему, даже на уровне общения глав государств и в условиях сокращения его применения в повседневной жизни, не существует[3]. Знание английского, турецкого или китайского языков соотносится с получением высшего образования. В этом отношении значимую роль играют два фактора:

- Россия – основная страна-реципиент трудовых мигрантов, где знание русского языка обусловливает более выгодные позиции для мигрантов на рынке труда[4];
- Россия – основная страна на пространстве СНГ, на которую ориентируются бизнес-сообщества этого

Федерации за январь–декабрь 2021 года с распределением по странам и регионам (25.01.2022) // URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/28104344/

[1] Annual Remittances Data (May 2021) // Migration and Remittances Data // URL: https://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data

[2] Там же.

[3] Winning Hearts and Minds? Public Diplomacy and Norm Entrepreneurs in Central Asia: Expert Roundtable. 26 November 2021, Bishkek, Kyrgyzstan / OSCE Academy in Bishkek. Bishkek, 2021.

[4] Laruelle M. Assessing Russia's Normative Agenda in Central Asia…

региона в плане выстраивания партнерских отношений в таких сферах, как инвестиции, промышленность, наука и технологии[1].

Иными словами, владение русским языком релевантно как для трудовых мигрантов, так и для бизнес-истеблишмента стран Центральной Азии, что связано с перспективами улучшения социально-экономического положения в первом случае, и получения прибыли – во втором.

В-третьих, Россия вызывает восхищение у населения центральноазиатских республик. В частности, трудовые мигранты выражают свое восхищение в силу личного опыта знакомства с этой страной в трех аспектах: а) реализуемыми ее властями социальными программами по поддержке социально уязвимых слоев населения, отражающими мощь государства и политическую волю властей, что негативно коррелирует с ситуацией на родине; б) экономической мощью России, которая проявляется в том числе и в более высокой оплате труда и больших возможностях трудоустройства, в сравнении с родиной[2]. В более широком социальном аспекте положительный образ России связывается с ее военной мощью, транслированием традиционных ценностей (прежде всего, неприятие в качестве нормы ценностей ЛГБТ-сообществ)[3], а также перспективой оказания помощи в противостоянии мощи Китая в случае требования последним земельных ресурсов республик в обмен на невозможность погашения ими

[1] Чимирис Е., Алмакаева А., Немировская А., Соболева Н., Перебоев В. Интеграционный бизнес-барометр ЕАБР: Доклад 22/1…

[2] What Does Russia's Ukraine Invasion Mean for Central Asia?: Webinar [Видео] // The Diplomat Magazine. March 15, 2022 // https://www.youtube.com/watch?v=bKIeGxE93F0

[3] Lewis D. Reasserting Hegemony in Central Asia: Russian Policy in Post-2010 Kyrgyzstan… P. 65.

государственного долга перед Пекином (в последнем случае характерно, прежде всего, для граждан Кыргызстана)[1].

Отсюда и показатели Интеграционного барометра ЕАБР по вопросу о восприятии населением дружественности той или иной страны в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане, где Россия занимает позиции безусловного лидера с показателями 81%, 87% и 78% соответственно[2].

Инструментарий «мягкой силы» России в Центральной Азии

Поскольку такие аттрактивные факторы, как экономическая и военная мощь, а также социальные программы, являются механизмами внутренней политики, во внешней политике руководство России исходит из необходимости укреплять свой образ через ценностный кодекс – т. н. «консервативные ценности»[3]. Ряд западных экспертов, занимающихся изучением инструментария внешней политики России, отмечают, что ее нормативное влияние в регионе является весьма значимым. В частности, М. Ларуэлль выделяет следующие транслируемые Россией нормы, которые принимаются в Центральной Азии:

- национальный суверенитет – высшая ценность в системе международных отношений;
- государство является продолжением нации и олицетворяет ее ценности – легитимность политического режима связана с единством нации;
- евразийское пространство является особым цивилизационным измерением, автономность которого необходимо защищать;

[1] What Does Russia's Ukraine Invasion Mean for Central Asia?…

[2] Интеграционный барометр ЕАБР – 2017: Доклад 46…

[3] What Does Russia's Ukraine Invasion Mean for Central Asia?...

• Россия ценит «классический», «исторический» Запад и считает себя легитимной его частью, но не принимает «постмодернистский» Запад, идентифицируемый в категориях увядания и отрицания собственных ценностей, а именно соблюдения баланса между индивидуализмом и коллективными нормами семьи и нации/государства как основы «старомодного либерализма» / «умеренного консерватизма»[1].

В свою очередь, трансляция данных ценностей и норм в Центральной Азии происходит посредством различных механизмов «мягкой силы».

Российские государственные фонды и организации:

• фонд «Русский мир» (2007 г.), работа которого сосредоточена на популяризации русского языка и русской культуры как среди соотечественников, проживающих вне пределов России, так и широкой аудитории в странах мира;

• Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) (2008 г., создано на базе Российского центра по международному научному и культурному взаимодействию), функционал которого частично совпадает с деятельностью «Русского мира» в части продвижения русского языка и культуры, организации научных и образовательных обменов через российские центры науки и культуры, а также проведение различных

[1] Laruelle M. Assessing Russia's Normative Agenda in Central Asia…; What is Russia's National Idea?: Webinar [Видео] // Simone Weil Center for Political Philosophy. October 28, 2021 // URL: https://www.youtube.com/watch?v=b_yMM7606XI

фестивалей, соревнований и олимпиад. Однако основной фокус организации направлен на: а) оказание поддержки соотечественникам за рубежом через сотрудничество с Правительственной комиссией по делам соотечественников за рубежом, Международным советом российских соотечественников, ассоциацией «Родина», Московским домом соотечественников; б) вовлечение соотечественников в российские программы международной помощи, прежде всего на постсоветском пространстве.

Ключевые российские НПО:

• «Евразийцы – новая волна», цель функционирования которой состоит в укреплении историко-культурных, научных и образовательных связей между Россией и Кыргызстаном: а) через проведение исследований по вопросам евразийской интеграции; б) через освещение в СМИ российско-кыргызских отношений; в) через популяризацию изучения русского языка;

• Фонд поддержки публичной дипломатии им. А. Горчакова – организация научно-образовательных тренингов, семинаров для молодых экспертов из стран постсоветского пространства по актуальным вопросам международной и региональной повесток.

Образовательные учреждения России:

• учреждение совместных университетов (Кыргызско-Российский Славянский университет – 1993 г.; Российско-Таджикский Славянский университет – 1996 г.) – в соответствии с договорами о дружбе и сотрудничестве между Россией и Кыргызстаном, Россией и Таджикистаном;

• открытие филиалов российских вузов в странах региона:

филиалы Московского государственного университета (МГУ), Национального исследовательского технологического университета «МИСиС» и Национального исследовательского университета «МЭИ» в Таджикистане;

филиалы МГУ, Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, Московского государственного университета экономики, статистики и информатики, Челябинского государственного университета, Московского авиационного института в Казахстане;

15 филиалов российских вузов, среди которых МГУ, Российский государственный университет нефти и газа им. Губкина, Российский государственный педагогический университет им. Герцена, МГИМО, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ в Узбекистане;

- выделение квот на обучение в российских вузах, организация международной олимпиады «Open Doors» для организации упрощенной системы поступления иностранных студентов по трекам магистратуры и аспирантуры в России.

Российские СМИ

Наряду с высокой оценкой качества российского образования, учитывая количество уже открытых и планируемых к открытию в регионе российских вузов (в частности, в Казахстане и Узбекистане), российские телеканалы, радиостанции, интернет-аккаунты российских информационных агентств являются наиболее действенными инструментами российской «мягкой силы». В качестве индикаторов данного тезиса можно обозначить два момента. *Во-первых,* развернувшийся информационный фронт войны

в рамках украинского кризиса, который был открыт еще до начала боевых действий в форме лишения аккредитации телеканала RT в ряде западных стран за якобы транслируемую пропаганду «агрессивного» российского политического режима. Еще в 2015 г. глава Совета управляющих по вопросам вещания (в настоящее время Агентство США по глобальным медиа) А. Лэк назвал RT угрозой безопасности США наряду с ИГИЛ и нигерийской «Боко харам»[1]. Результаты проведенного этой организацией совместно с Gallup Institute в 2014 г. опроса общественного мнения в странах постсоветского пространства обозначили причины подобного заявления. Большинство респондентов в Казахстане, Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане на вопрос о том, каким медиа, освещающим события в Украине и ситуацию с присоединением Крыма к России, они доверяют больше, ответили, что достоверной считают информацию, транслируемую российскими СМИ (74% опрошенных в Казахстане, 79% – в Узбекистане, 81% – в Кыргызстане и 85% – в Таджикистане)[2]. При этом важен тот факт, что пророссийская позиция сильна среди тех, кто получает информацию из различных источников – как российских, так и западных. Следовательно, данная поддержка – это не просто слепое следование историческим паттернам или подверженность пропаганде, а результат осознанного сравнительного анализа информационного поля.

[1] RT Demands Explanation from BBG, Dept. of State and NY times in Response to BBG Chief Naming RT on par with ISIS, Boko Haram (25.01.2015) // URL: https://www.rt.com/about-us/press-releases/rt-explanation-bbg-nyti mes/

[2] Assessing Russia's Influence in Its Periphery // Broadcasting Board of Governors, Gallup, 2014 // URL: https://www.usagm.gov/wp-content/media/2016/02/Presentation-for-Posting-Russia-Research-Series-Final-_FMN-v6.pdf

Во-вторых, кейс-стади, проводимые в странах Центральной Азии региональными и западными исследователями, свидетельствуют о том, что среди населения распространены представления о современной системе международных отношений, которая транслируется российскими медиа, а именно:

- Крым – историческая часть России; возвращение полуострова в состав России является естественным процессом[1];
- либеральный миропорядок – иллюзия; США – «серый кардинал» во всех значимых событиях в мире; Россия предлагает альтернативу американскому/либеральному миропорядку[2].

Проблемы инструментария «мягкой силы» России

Вместе с тем необходимо выделить две главные проблемы инструментария «мягкой силы» России на контрасте с западными структурами.

Первая – действующий принцип нисходящего проектирования, предполагающий, что организации «мягкой силы» России не реализуют проекты развития на локальном уровне без посредничества государственных органов и международных организаций[3], которые и определяют реципиентов выделяемых средств[4]. Иными словами, нет

[1] What Does Russia's Ukraine Invasion Mean for Central Asia?…

[2] Laruelle M. Assessing Russia's Normative Agenda in Central Asia…; Lewis D. Reasserting Hegemony in Central Asia: Russian Policy in Post-2010 Kyrgyzstan… P. 68.

[3] Lewis D. Reasserting Hegemony in Central Asia: Russian Policy in Post-2010 Kyrgyzstan… P. 67; Шаршенова А. Влияние России в Кыргызской Республике… С. 23.

[4] Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители: Аналит. доклад / Под ред. И. С. Иванова… С. 28.

взаимодействия непосредственно с местными жителями в деле решения их насущных проблем. Следующие кейсы в Таджикистане можно рассматривать в качестве наглядных примеров[1]:

- проект по обеспечению школьников горячим питанием в Таджикистане осуществляется через Всемирную продовольственную программу ООН;
- проект по укреплению готовности республики к чрезвычайным ситуациям и ликвидации их последствий стоимостью 3,6 млн долларов реализовывался в 2012–2014 гг. по линии Всемирной организации здравоохранения;
- проекты: по иммунизации населения Таджикистана против дифтерии, по предотвращению недоедания матерей и детей, по оказанию поддержки в развитии детей раннего возраста – общей стоимостью 4,53 млн долларов имплементируются по линии Детского фонда ООН;
- проекты: по улучшению благосостояния сельского населения, расширения социально-экономических возможностей для женщин и молодежи, по укреплению потенциала готовности к изменению климата – на сумму в 11 млн долларов реализуются через Программу развития ООН.

В целом, это соответствует транслируемому Россией на международной арене принципу приоритета национального суверенитета, который не может быть подчинен призывам защиты прав человека в рамках «излишнего либерализма»[2]. Однако помощь по линии развития не относится к этой категории и может быть реализована без нарушения этого принципа, способствуя при этом

[1] Какую помощь оказывает Россия Таджикистану? (27.11.2017)…

[2] What is Russia's National Idea?: Webinar [Видео] // Simone Weil Center for Political Philosophy. October 28, 2021…

формированию благоприятного облика России в глазах граждан стран Центральной Азии. В качестве позитивного сдвига в этом отношении следует выделить создание Кыргызско-Российского фонда развития, работа которого сфокусирована на предоставлении кредитов по более низким, в сравнении со средними показателями, процентных ставок по стране, а также на реализацию проектов в реальном секторе экономики и замену устаревших основных производственных активов. Например, на средства Фонда была проведена модернизация аэропорта «Манас», двух заводов по производству сахара, построены завод по производству консервированных овощей и фруктов и логистический центр по переработке и хранению овощей[1].

Вторая – отсутствие маркетинговой стратегии. Проекты, реализуемые Россотрудничеством, зачастую не получают необходимого освещения в СМИ. Отсюда и ограниченное количество людей, вовлеченных в них и знакомых с ними. При этом проводимым мероприятиям не хватает не только медийного лоска, но и поливариативности и креатива. В частности, Д. Льюис, по результатам его интервью с активистами, придерживающимися пророссийской позиции в Кыргызстане, выделяет ригидность российских организаций публичной дипломатии в проведении традиционных и весьма официальных выставок, посвященных российско-кыргызской дружбе, конкурсов рисунков и сочинений в школах, открытых лекций и ознакомительных поездок для журналистов[2].

[1] Yeliseyeu A. The Eurasian Economic Union: Expectations, Challenges, and Achievements… P. 20–21.

[2] Lewis D. Reasserting Hegemony in Central Asia: Russian Policy in Post-2010… P. 67.

Политика стран Центральной Азии в отношении России

Многовекторность государств ЦА как региональная дилемма внешних акторов

Традиция проведения многовекторной внешней политики центральноазиатскими республиками сложилась в 1990-х гг., когда регион стал объектом внимания большого количества внешних акторов после распада СССР. Она создает основу для сохранения независимости и связанной с ней стабильности правящего политического режима, обеспечивая приток финансовых средств. При этом последний осуществляется как через формальные, так и неформальные каналы.

Формальные каналы формируются в контексте одновременного заключения государствами ЦА, используя терминологию А. Кули и Х. Спрута, нескольких «неполных контрактов» с внешними акторами, что подразумевает передачу последним части своих суверенных прав[1]. В результате, как отмечает Р. Эллисон, возникает система «защитной интеграции» – кооперация между центральноазиатскими республиками и внешними акторами в рамках различных институциональных структур, что предотвращает установление доминирования какого-либо одного актора[2]. С. Майстер вводит еще одно название для этой стратегии поведения, подчеркивая заинтересованность в ней политического истеблишмента: «стратегия интеграции и страхования» – лишенная идеологической принципиальности

[1] Cooley A., Spruyt H. Contracting States. Sovereign Transfers in International Relations. Princeton: Princeton Univ. Press, 2009. P. 19.

[2] Allison R. Virtual Regionalism, Regional Structures and Regime Security in Central Asia // Central Asia Survey. 2008. Vol. 27. № 2. P. 188.

внешняя политика, которая проводится, прежде всего, в интересах местных элит и не допускает возможности полной интеграции с внешними акторами[1].

В свою очередь, неформальные каналы в рамках «стратегии интеграции и страхования» формируются в процессе выстраивания коррупционных схем на базе заключенных договоренностей с внешними акторами как на местном уровне, так и на уровне международных институтов глобальной системы политической экономики[2]. В этом аспекте речь идет, прежде всего, о легализации доходов центральноазиатских политических лидеров через иностранные финансовые институты или хранении средств на счетах иностранных банков.

В этих условиях все внешние акторы сталкиваются с ситуацией, когда политические акторы государств ЦА, находясь на перекрестке влияния нескольких внешних игроков, могут маневрировать между ними, выстраивать более тесные отношения то с одним, то с другим в зависимости от геополитической конъюнктуры и внутриполитической ситуации в определенный промежуток времени[3]. По сути, применяя терминологию «оборонительного реализма», центральноазиатские республики проявляют резистентность в отношении действий внешних акторов, когда они ограничивают их маневренность в отношениях с другими акторами, ставя под угрозу стабильность положения правящих режимов.

[1] Meister S. Hedging and Wedging: Strategies to Contest. Russia's Leadership in Post-Soviet Eurasia // Regional Powers and Contested Leadership / Eds.: H. Ebert, D. Flemes. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. P. 309.

[2] Cooley A., Heathershaw J. Dictators without Borders. Power and Money in Central Asia. New Haven and London: Yale Univ. Press, 2017. P. 22.

[3] Cooley A. Great Games, Local Rules. New York: Oxford Univ. Press, 2012. P. 9.

Уникальность положения Российской Федерации как внешнего актора в этом отношении обусловлена тем, что Центральная Азия как часть пространства СНГ не просто один из регионов с «множественной ответственностью», а, как отмечалось выше, приоритетное направление ее внешней политики, «привилегированное положение» на котором способствует укреплению российских позиций на глобальном уровне[1].

Проблематика российско-центральноазиатских взаимоотношений в контексте многовекторной политики стран региона

Проблематика отмеченного выше отношения России к региону как к бэкграунду для укрепления своих международных позиций проявляется как на региональном, так и на двустороннем уровне. В частности, страны региона не поддержали Россию по трем важным шагам ее внешней политики в фокусе активного противостояния с Западом:

- ни одна центральноазиатская республика не признала независимость Абхазии и Южной Осетии после российско-грузинского военного конфликта в августе 2008 г.;
- ни одна центральноазиатская республика не выразила свою четкую позицию по статусу Крыма, вошедшего в состав России в результате политической турбулентности в Украине в 2013–2014 гг.;
- ни одна центральноазиатская республика не выразила официальной поддержки «специальной военной операции» России в Украине в 2022 г.

Все данные события в официальном политическом дискурсе стран региона интерпретировались через общепризнанные клише международного права о важности

[1] Cooley A. Great Games, Local Rules… C. 51.

территориальной целостности государства, разрешения конфликта дипломатическими инструментами и скорейшего восстановления мира.

На уровне ЕАЭС также отмечается резистентность стран-членов в углублении интеграции. Так, экс-президент Казахстана Н. Назарбаев озвучил четкую позицию об уровне интеграции. ЕАЭС, по его мнению, должен быть исключительно экономическим союзом, не подразумевая создание наднациональных структур по определению общих принципов внешней политики[1].

Вместе с тем на двустороннем уровне центральноазиатские страны выстраивают свои отношения с Россией на основе «торговой игры», исключающей балансирование между Россией и другими акторами или присоединение к более сильному актору, и нацеленной на то, чтобы выторговывать у России благоприятные условия для себя[2]. В этом отношении показателен ряд кейсов, которые можно представить в систематизированной форме в виде нижеследующей таблицы (*табл. 3*).

Исходя из данных таблицы 3, можно сделать вывод о том, что для России военное присутствие в регионе играет одну из ключевых ролей, которой зачастую манипулируют Кыргызстан и Таджикистан. Остальные страны региона выступают в этом отношении независимыми игроками. Однако и в случае с «условными партнерами-союзниками» и «условно независимыми» республиками действия России представляется целесообразным анализировать в контексте оборонительного реализма – по формуле «стимул – реакция». Если «условные партнеры-союзники» напрямую

[1] Indeo F. The Role of Russia in the Central Asian Security Architecture…

[2] Meister S. Hedging and Wedging: Strategies to Contest. Russia's Leadership in Post-Soviet Eurasia… P. 310.

Таблица 3

Уступки России в двусторонних отношениях со странами Центральной Азии

Страна ЦА	Год	Контекст	Уступки России	Результат
1	2	3	4	5
Кыргызстан	2009	Заявление Бишкека о выводе авиабазы США	Выделение кредита на льготных условиях в 300 млн долларов и гранта в 150 млн долларов	Заключение договора о размещении американского Центра транзитных перевозок в аэропорту «Манас»; продление действия российско-кыргызского договора о размещении российской авиабазы ОДКБ в г. Кант на 49 лет до 2058 г.
	2012	Заявления официального Бишкека о том, что Россия не платит за размещенные на территории республики военные объекты	Списание основной части государственного долга КР перед РФ и выделение 25 млн долларов	Договор о создании объединенной российской военной базы, включающей все четыре объекта (вступил в действие в 2017 г. на 15 лет до 2032 г.);

1	2	3	4	5
				установление платы за аренду земельных участков под военными объектами РФ в размере 4,5 млн долларов в год (плата за взлетно-посадочную полосу на аэродроме в г. Кант не взимается ввиду того, что авиабаза является частью инфраструктуры ОДКБ)
	2017	Заявления Бишкека о намерении закрыть авиабазу в г. Кант по истечении срока действия договора в 2058 г.	Досрочное списание государственного долга КР перед РФ	Российская авиабаза в г. Кант продолжает функционировать согласно заключенным договорам; задолженность КР перед РФ полностью погашена

1	2	3	4	5
Таджикистан	2004	Подписание договора о преоб-разовании 201-й мотострелковой в российскую военную базу с указанием входящих в ее состав объектов недвижимости, количества и границах земельных участков, на которых эти объекты дислоцированы	Списание долга РТ перед РФ в размере 242 млн долл. из общей суммы задолженности; нвертирование 50 млн долл. из оставшейся суммы задолженности в инвестиции в Сангтудинскую ГЭС + инвестирование 200 млн долл. российской стороной	Арендная плата за земельные участки под объектами российской базы не предусмотрена; арендная плата за земельный участок, занимаемый оптико-электронным узлом в г. Нурек, составила 1 сомони
	2012	Требование Душанбе пересмотреть условия договора по 201-й российской военной базе – либо арендная плата за земельные участки в 300 млн долл., либо оказание военно-технической помощи ВС РТ	Россия обязалась оказать военно-техническую помощь Таджикистану на сумму в 200 млн долл. до 2025 г.	Продление срока договора аренды по 201-й российской военной базе до 2042 г.

1	2	3	4	5
Узбекистан	2016	Усиление взаимодействия Узбекистана с США по передаче части американской военной техники Узбекистану в процессе вывода войск из Афганистана; открытие в Ташкенте в 2014 г. Бюро НАТО по связям и взаимодействию со странами ЦА	Списание 95% государственного долга Узбекистана перед РФ в размере 865 млн долл.	Отказ Узбекистана от своих претензий на свою долю в Алмазном фонде СССР; возможность поставки российской военной техники под новые кредиты

Таблица составлена нами на основе данных с сайтов официальных информационных агентств РФ: «РИА новости» (https://ria.ru/), «Интерфакс» (https://www.interfax.ru/), РБК (https://www.rbc.ru/), «Sputnik» (https://sputnik.kg/; https://tj.sputniknews.ru/?ysclid=l0zaq4 ydda)

вступают в торг с Москвой, главным образом в контексте конфликтогенной атмосферы, требуя увеличения бенефиций от взаимоотношений, то «условно независимые» республики «торгуются» в условиях кооперации, не выдвигая конкретных требований, но демонстрируя маневренность своего внешнеполитического курса.

Выводы

Резюмируя проведенный анализ политики России в Центральной Азии, следует отметить следующие моменты.

Во-первых, наиболее приемлемой концептуальной основой для анализа внешнеполитической стратегии Москвы в регионе выступает оборонительный реализм, раскрывающий ее стержневой принцип – реакция России на действия центральноазиатских республик и других внешних акторов в регионе с использованием военно-политических и экономических механизмов «жесткой силы».

Во-вторых, в развитии российско-центральноазиатских отношений можно выделить два этапа:

- 1990-е гг. – первый этап, который условно можно назвать периодом индифферентности, обусловленной восприятием западных стран в качестве партнеров и союзников, не преследующих цели расширения сферы своего влияния за счет подрыва национальной безопасности России на мировой арене;
- 2000-е гг. – второй этап, который условно можно обозначить периодом вовлечения России в постсоветское пространство как в многостороннем, так и двустороннем формате как ответ на трансформации в мировой конъюнктуре и региональной архитектуре безопасности.

В-третьих, взаимодействие России со странами ЦА осуществляется как на региональном, так и на двустороннем уровне. В первом случае это взаимодействие с республиками ЦА через такие организации, как ОДКБ и ЕАЭС, во-втором – оказание финансовой поддержки, инвестирование в экономические проекты, а также продажа военной техники или ее передача на безвозмездной основе и поддержание военного присутствия через дислоцированные военные объекты.

В-четвертых, проблемы российской внешней политики в регионе сопряжены: а) с имеющимися разногласиями между государствами – членами ОДКБ (Кыргызстан и Таджикистан), со слабостью сетевой экономической интеграции внутри Союза, обусловливающей выдвижение кандидатами на вступление в ЕАЭС предварительных условий России как локомотиву интеграционного объединения; б) с отсутствием в регионе однозначной поддержки действий России на мировой арене и резистентностью стран – членов ЕАЭС к углублению интеграции; в) с имплементацией центральноазиатскими республиками стратегии «интеграции и страхования», предотвращающей всеобъемлющую лояльность в отношении России. Последние два фактора имеют принципиальную важность для Москвы, рассматривающей пространство СНГ в качестве приоритетного региона для усиления своих позиций на мировой арене.

При этом у России имеется хороший потенциал для укрепления своего влияния в Центральной Азии в рамках «мягкой силы», которая может обеспечить гарантии постоянного участия в региональных процессах и получения бóльших бенефиций от многовекторной политики центральноазиатских республик. Данный потенциал

базируется, во-первых, на условии исправления обозначенных недочетов в политике реализации проектов развития и маркетинговой политике, во-вторых, на имеющихся факторах аттрактивности РФ для населения стран ЦА, которые не связаны с целенаправленной политикой в этом направлении, – обширный рынок труда для мигрантов из региона, статус русского языка как средства межнациональной коммуникации и сам факт возросшей экономической и военной мощи России, превратившей ее в один из центров силы в современной системе международных отношений.

2.2 Китай и инициатива «Пояса и пути»: содержание, реализованные проекты и промежуточные результаты

Осуществление любого проекта предполагает наличие цели и задач, которые проект призван осуществить. Проект «Один пояс – один путь» (ОПОП) является системным проектом, или, как говорят современные экономисты, «зонтичным», имеющим в основной своей структуре большое количество взаимосвязанных между собой проектов, подчиненных общей стратегии. Поэтому данный проект преследует несколько целей.

Китайские идеологи позиционируют мегапроект ОПОП как символ общения Востока и Запада, как воссоздание исторической культурной модели взаимодействия цивилизаций, способной на новом витке исторического развития дать новые импульсы для подъема мировой экономики, межцивилизационного взаимодействия и культурного

обмена. Одной из основных целей, согласно стратегии проекта, является то, что «проект даст возможность странам, расположенным по Шелковому пути, скорректировать свою экономическую политику в сторону более масштабного, высокоуровневого и глубокого регионального сотрудничества, совместно сформировать структуру открытого, толерантного, сбалансированного и всем выгодного регионального экономического сотрудничества»[1]. В связи с этим страны – участницы проекта должны согласовать свои национальные стратегии, скорректировать их с целями и задачами этого мегапроекта.

Реализация проекта началась в сложных условиях трансформации мирового порядка, после тяжелейшего финансового кризиса и спада в промышленном производстве, в ситуации, когда страны столкнулись с серьезными проблемами в ходе своего развития. По этой причине участие в этом мегапроекте для многих стран открыло новые возможности для развития. Идеологи проекта «Один пояс – один путь» заявляют, что деятельность в рамках проекта призвана «стимулировать свободное, но упорядоченное передвижение факторов производства, а также высокоэффективное распределение ресурсов и глубокое слияние рынков»[2]. Предполагается, что осуществление проектов даст возможность раскрыть потенциал сотрудничества в отдельных регионах и связать их между собой, а также заметно активизировать инвестиционные

[1] Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI в. / Госкомитет по делам развития и реформ; Мин-во иностр. дел и мин-во коммерции (издана с санкции Госсовета КНР). Март, 2015. С. 256 // URL: http://www.riatr.ru/2015/3/Russia_and_ATR_2015-3_255-270.pdf

[2] Там же.

процессы. Важнейшим фактором сотрудничества в рамках стратегии ОПОП станет расширение рынка сбыта товаров, особенно для стран, которые имеют ограниченные возможности поставок своих товаров на мировые рынки. В данном случае этот фактор является немаловажным для стран Центральной Азии, поскольку ни одна из них не имеет выхода к морю, а поэтому страны региона не могут поставлять свои товары на мировой потребительский рынок. Как известно, фактор морской торговли всегда был определяющим для развития стран во все времена.

Географический фактор проекта определяется вовлечением в более тесное экономическое и иное сотрудничество стран Азии, Европы и Африки, хотя на сегодняшний день мы видим, что в проекте участвуют страны Латинской Америки, что расширяет перспективы сотрудничества.

Принципы сотрудничества в рамках проекта предполагают соблюдение уставных принципов ООН и основных международных договоренностей в плане соблюдения суверенитета и территориальной целостности, а также невмешательства во внутренние дела участвующих в проекте стран. Основные положения ОПОП предполагают соблюдение как правил функционирования мирового рынка, так и принципа взаимной выгоды. Кроме того, проект осуществляется на принципе «открытых дверей», т. е. любая из заинтересованных стран или международных организаций может подключиться к проекту. Авторы проекта декларируют: «Следование принципам согласия и толерантности. Выступление за инклюзивность разных цивилизаций, уважение выбора пути и модели развития каждого государства, активизирование межцивилизационного диалога, стремление к общности при сохранении различий, заимствование всего полезного друг

у друга, осуществление мирного сосуществования и общего процветания»[1].

Основные направления маршрутов экономического проекта ОПОП направлены на создание континентального моста между Европой и Азией. Предполагается создать несколько веток маршрутов из Китая: первая ветка – через Центральную Азию и Россию до Европы; вторая ветка – через Центральную и Западную Азию, дальше через Персидский залив и Средиземное море на юг Европы; третья ветка – через Южную и Юго-Восточную Азию к Индийскому океану (данная ветка направлена на сотрудничество со странами Индо-Тихоокеанского региона и Африкой). Получается, что Центральная Азия является опорным регионом в двух из трех основных маршрутов проекта ОПОП.

В пределах основных маршрутов идет строительство и реорганизация транспортной и логистической инфраструктуры под задачи проекта, формируются особые инвестиционные и таможенные правила, создаются зоны свободной торговли.

В проект вовлечены страны с разным уровнем обеспечения природными ресурсами, поэтому одна из задач проекта – строительство транспортной инфраструктуры с целью создания равного доступа к ресурсам для всех стран – участниц проекта.

Что касается задач реализации и содержания самого проекта, то очевидно, что при такой масштабности мегапроекта ОПОП существует несколько крупных задач, определяющих стратегические направления, а также подчиненные задачи, которые носят вспомогательный характер.

[1] Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI в. … С. 257.

Крупные задачи проекта формируют его стратегические направления и само содержание проекта.

Одной из крупных задач проекта является политическая координация, которая является важной гарантией реализации всех намеченных планов. Китай в рамках данного проекта старается укреплять межправительственное сотрудничество со всеми странами-участницами, создавая для этого различные механизмы и платформы. Очевидно, что Китай как главный инициатор проекта будет пытаться координировать и корректировать стратегии развития стран, подгоняя их под общие задачи проекта ОПОП. Власти Китая весьма изобретательны в своих методах и подходах. Во-первых, создаются различные региональные объединения, в рамках которых ведутся консультации и обсуждение планов развития регионов и отдельных стран. Во-вторых, Китай действует через свои финансовые институты, предоставляя деньги под проекты, которые имеют непосредственное отношение к инициативе ОПОП, в большинстве этих проектов участвуют деньги государственных банков Китая. В-третьих, китайское правительство предлагает различные программы сотрудничества под планы развития проектов в рамках инициативы ОПОП, это могут быть образовательные, культурные, туристические и иные программы.

Еще одной крупной задачей является создание единой сети инфраструктуры, имеющей общие технологические стандарты. Уже полным ходом идет строительство недостающих участков автомобильных и железнодорожных магистралей, расширяются узкие отрезки, ведется работа по усовершенствованию безопасности движения. Предполагается создать единую систему координации движения и стыковки грузов при смешанном способе доставки,

т. е. совмещение сухопутных и водных маршрутов. Китай вкладывает значительные средства в строительство портов и портовой инфраструктуры. Создается и развивается авиационная инфраструктура, предполагается создать единые подходы и механизмы для сотрудничества в гражданской авиации. Осуществление этой задачи предполагает создание безопасной энергетической инфраструктуры для доставки углеводородов и электроэнергии. В рамках данного проекта уже осуществляется строительство нескольких крупных нефтяных и газовых трубопроводов, часть из них уже введена в строй, строятся трансграничные линии электропередачи (ЛЭП). Китай инициировал строительство трансграничной сети оптико-волоконных линий и других видов кабельной связи. Власти КНР инициируют выработку единой нормативной базы в рамках инициативы ОПОП, которая должна будет значительно облегчить международную транспортировку грузов.

Улучшение инфраструктуры подчинено другой важной задаче – устранению барьеров для трансграничной торговли и созданию благоприятного инвестиционного климата в регионах, входящих в проект ОПОП. Для этого предполагается наладить более продуктивное сотрудничество в сфере трансграничного надзора, сертификации и аккредитации продукции, решения проблем таможенного контроля и, вообще, уменьшение количества нетарифных барьеров в торговле. В рамках этих мер улучшается таможенная инфраструктура, создается единая система обмена информацией со взаимным признанием результатов таможенного контроля и карантинных сертификатов. Предполагается повысить уровень безопасности цепи поставок и развивать новые формы торговли, это особенно относится к трансграничной электронной торговле.

Что касается инвестиций, то некоторые меры проекта призваны органически объединить торговлю и инвестиции, снять барьеры и расширить сферы для инвестиций. Китай в первую очередь интересует создание производственных цепочек upstream – midstream – downstream[1] в нефтегазовом секторе. Китайские компании охотно вкладываются в добычу полезных ископаемых, в производство и переработку сельхозпродукции. Китай сегодня вкладывает большие средства в гидроэнергетику и проекты т. н. «чистой энергетики». Безусловно, особый интерес Китая направлен на приобретение новых технологий, особенно военных и двойного назначения. В декларации инициативы ОПОП говорится, что деятельность в рамках проекта призвана «развивать сотрудничество в сфере технологий, оборудования и инжиниринговых услуг по глубокой обработке энергетических ресурсов. Содействовать сотрудничеству в новых индустриальных отраслях в соответствии с принципом взаимодополняемости преимуществ, взаимовыгоды и обоюдного выигрыша; способствовать дальнейшему развитию углублённого сотрудничества между странами вдоль Шелкового пути в новых индустриальных отраслях»[2].

Среди важных задач сотрудничества в рамках ОПОП – создание условий для свободного движения капитала и формирование системы валютной стабильности. Уже

[1] Нефтегазовая отрасль подразделяется на три комплексных блока: 1) upstream – разведка и добыча; 2) midstream – транспорт и хранение; 3) downstream – переработка и сбыт. См: Григорьев Л. Что такое Upstream, Midstream и Downstream в английской нефтегазопромысловой терминологии? (01.10.2020) // URL: https://vk.com/@ustu_spe_chapter-chto-takoe-upstream-midstream-i-downstream-v-angliiskoi-neft

[2] Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути… С. 262.

сегодня значительно расширена сфера расчетов в национальных валютах и двустороннего валютного свопа, сформированы механизмы финансового сотрудничества в рамках межбанковских объединений АСЕАН и ШОС, заметно сотрудничество в создании эффективных механизмов контроля и координации средств в рамках всего проекта ОПОП. Одним из важнейших событий в решении финансовых проблем ОПОП стало создание в 2013 г. Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Главное предназначение этого финансового института – инвестиции в инфраструктурные проекты. По сути, АБИИ является главным финансовым институтом проекта ОПОП. Уставный капитал банка –100 млрд долларов, главными акционерами банка стали Китай, Индия и Россия, с соответствующей процентной долей в уставном капитале банка. Главным куратором банка является министерство финансов КНР. Кроме того, Китай имеет привилегированный статус как создатель и самый крупный акционер. В число акционеров банка на сегодня входят 89 стран. Банк позиционируется как азиатский, поскольку более 75% его акционеров – это страны Азии[1].

Кроме того, в проектах ОПОП принимает участие Новый банк развития (НБР), который ранее именовался Банк развития БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка), каждая из стран – учредителей банка имеет равную долю в уставном капитале банка, равную 19,42%. Уставный капитал банка также составляет 100 млрд долларов. Основное направление деятельности банка –

[1] Лац М. П. Российско-китайское взаимодействие в рамках деятельности Азиатского банка инфраструктурных инвестиций как важная составляющая Экономического пояса Шелкового пути // Молодой ученый. 2020. № 50 (340). С. 555–558. С. 556.

поддержка инфраструктурных проектов, связанных с возобновляемыми источниками энергии.

Российский исследователь А. И. Светличный полагает, что создание новых финансовых институтов развивающимися экономиками есть не что иное, как способ уйти от зависимости Бреттон-Вудских финансовых организаций, где господствуют страны Запада[1]. Сложно не согласится с этим мнением, поскольку очевидно, что такие международные финансовые институты, как Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), Международный инвестиционный банк (МИБ), Азиатский банк развития (АБР), Европейский инвестиционный банк (ЕИБ), вряд ли станут действовать в интересах Китая и стран, входящих в проект ОПОП. Надо полагать, что в интересы коллективного Запада не входит расширение экономических возможностей Китая и его союзников.

Кроме политических, экономических и социальных задач проект ОПОП призван решать гуманитарные проблемы. Авторы декларации проекта заявляют, что в этом плане в задачи проекта ОПОП входит «продолжать и приумножать дух дружбы и сотрудничества Шелкового пути, широко развертывать культурные, научные обмены, обмены кадрами, сотрудничество СМИ, а также контакты по линии молодежи и женщин, по волонтерским делам, заложить прочную социальную основу для углубления двустороннего и многостороннего сотрудничества»[2].

---

[1] Светличный А. И. Устойчивое развитие и Новый банк развития БРИКС: анализ и перспективы // Вопросы гос. и муницип. управления. 2018. № 1. С. 68–88.

[2] Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI в. …С. 263.

В рамках гуманитарных и образовательных программ Катай наращивает обмен студентами, развивает сотрудничество с образовательными учреждениями стран, входящих в проект, открывает новые учебные заведения за рубежом. В рамках культурных программ проводятся фестивали, кинофестивали, книжные ярмарки и другие мероприятия. Укрепляется сотрудничество в сфере туризма. Еще одним аспектом сотрудничества в последние годы стал обмен информацией и технологиями для профилактики эпидемий и сотрудничество в области охраны здоровья.

Определяющим моментом в решении всех задач проекта ОПОП является создание действенных механизмов сотрудничества со всеми странами – участницами проекта. Происходит укрепление как двусторонних отношений, так и многосторонних форм сотрудничества. В рамках двусторонних предлагается расширить набор методов сотрудничества, в частности, создание рабочих программ развития отношений, формирования межгосударственных комиссий и комитетов по решению отдельных проблем, связанных с реализацией планов ОПОП.

В рамках многостороннего сотрудничества наиболее крупным и мощным региональным форматом является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), которая представляет собой самую крупную в мире международную организацию, в состав которой входят девять стран: Индия, Иран, Казахстан, Китай, Кыргызстан, Пакистан, Россия, Таджикистан и Узбекистан. Суммарно территория стран – членов организации составляет более 60% территории Евразии, а население – более 3 млрд человек. Помимо стран-членов в орбиту ШОС на сегодняшний день вовлечены десятки стран со статусом наблюдателей и партнеров по диалогу. Надо отметить, что все эти страны

так или иначе вовлечены в проект ОПОП. Китайский исследователь Чжоу Цзюнь отмечает, что «важнейшим залогом успеха деятельности ШОС являются мощная экономика, огромный природно-ресурсный потенциал стран-участниц и объем взаимного инвестирования»[1]. В Хартии ШОС, принятой в 2002 г. в Санкт-Петербурге, отмечается, что приоритетной задачей организации является «поощрение эффективного регионального сотрудничества в политической, торгово-экономической, оборонной, правоохранительной, природоохранной, культурной, научно-технической, образовательной, энергетической, транспортной, кредитно-финансовой и других областях, представляющих общий интерес»[2]. Таким образом, ШОС является эффективной площадкой сотрудничества в разных сферах деятельности. За последние годы значительно усилилось политическое и экономическое влияние ШОС в мире.

Еще одной крупной платформой взаимодействия стран региона является программа Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС). Программа была инициирована Азиатским банком развития еще в 1997 г., т. е. задолго до объявления инициативы ОПОП, однако на сегодняшний день данная программа является ключевой в плане реализации основных проектов в рамках ОПОП, что официально отражено в программных документах ЦАРЭС[3]. Изначально данная программа

[1] Шанхайская организация сотрудничества как региональная организация // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гум.и общест. науки. 2016. № 1 (239). С. 98–101. С. 100.

[2] Хартия Шанхайской организации сотрудничества. Принята 6 июня 2002 г. // URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3450

[3] Программа ЦАРЭС // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.88963c0e-62f025bd-20c1943d-74722d776562/https/www.carecprogram.org/?page_id=31

предполагала сотрудничество стран Центральной Азии с Китаем, за рамками программы по собственной инициативе остался Туркменистан. Причем в данную программу впервые был включен Афганистан, что стало отражением концепции т. н. «Большой Центральной Азии»[1]. На современном этапе количество партнеров программы увеличилось, в нее вошли Азербайджан, Грузия, Монголия, Пакистан и Туркменистан.

В самом начале в качестве главной цели программы ЦАРЭС заявлялась необходимость обеспечить доступ к мировым транспортным коммуникациям. В связи с этим предполагалось повысить качество транспортных услуг, что требовало решения нескольких задач:

– решить проблемы развития и модернизации региональных и международных транспортных коридоров;

– расширить возможности железнодорожной инфраструктуры для значительного увеличения грузовых и пассажирских перевозок;

– создать условия для развития авиаперевозок;

– создать единые для всех стран условия реализации своих планов по улучшению транспортной инфраструктуры;

– упростить административные процедуры и документооборот при пересечении границы и др.

В рамках программы ЦАРЭС для более эффективной работы по реализации транспортной стратегии был создан Координационный комитет по транспортному сектору

[1] В начале 2000-х гг. в американском экспертном сообществе обсуждался новый геополитический конструкт «Большая Центральная Азия», первоначально это определение возникло в недрах Университета Дж. Хопкинса в Вашингтоне (известного также как Институт по изучению Центральной Азии и Кавказа). Данный конструкт предполагал включение в общее геополитическое пространство центральноазиатских республик и Афганистана.

(ККТС). Региональные инициативы реализуются в нескольких направлениях: первое – развитие транспортных маршрутов между странами региона; второе – строительство региональных автомобильных и железнодорожных магистралей, проходящих через несколько стран; третье – строительство автомагистралей с выходом за пределы региона.

Главной транспортной стратегией ЦАРЭС является план по строительству шести транспортных коридоров, связывающих Европу с Китаем и Восточной Азией:

Европа – Китай – Восточная Азия;

Средиземноморье – Кавказ – Восточная Азия;

Россия (Южная Сибирь) – Ближний Восток – Южная Азия;

Россия – Монголия и Китай – Восточная Азия;

Восточная Азия – Ближний Восток – Южная Азия;

Европа – Россия – страны Персидского залива[1].

С расширением сотрудничества в рамках программы появились новые направления сотрудничества, в первую очередь это касается энергетики и торговли.

Энергетический вектор сотрудничества определяется, прежде всего, геополитическими особенностями региона. Центральная Азия расположена между двумя крупными энергозависимыми рынками Китая и Европы. Исследователи И. К. Искандеров и И. А. Сафранчук полагают, что страны Центральной Азии могут «стать эффективными экспортерами и транзитерами энергоресурсов к центрам мирового промышленного развития в Европе и Азии»[2].

[1] Тураева М. О. Транспортная инфраструктура стран Центральной Азии в условиях современной регионализации: Доклад. М.: Ин-т экономики РАН, 2014. 62 с. С. 22–23.

[2] Искандеров И. К., Сафранчук И. А. Программа центральноазиатского регионального сотрудничества (ЦАРЭС) // Вестник Таджикского гос. ун-та права, бизнеса и политики. 2016. № 1. С. 175–184.

В рамках программы ЦАРЭС был создан Координационный комитет по энергетическому сектору (ККЭС) для согласования основных проектов в сфере энергетики. Проблема энергетического сотрудничества в рамках ЦАРЭС рассматривается в двух направлениях: с одной стороны, страны пытаются решить проблему внутреннего насыщения региона энергоресурсами и справедливого их распределения между странами, а с другой стороны, реализуются планы транспортировки ресурсов за пределы региона. Проблема справедливого перераспределения ресурсов является для стран Центральной Азии не только экономической проблемой, но и политической. Дело в том, что Таджикистан и Кыргызстан обладают не только значительными гидроресурсами, но и возможностью их существенно нарастить. В то же время Казахстан, Узбекистан и Туркменистан имеют значительные запасы углеводородов. При этом каждая из республик стремится замкнуться в рамках внутреннего энергобаланса и обеспечить свою энергонезависимость. После распада СССР главной проблемой региона в сфере энергетики являлась изношенность энергетической инфраструктуры, которая была во многом замкнута либо в рамках региона, либо в значительной степени завязана на Россию. Поэтому основная задача на современном этапе – модернизировать ее под потребности проекта ОПОП, а для этого необходимо строить новые трубопроводы, ЛЭП и электростанции.

Что касается трубопроводов, то здесь главная проблема состояла в том, что почти вся советская трубопроводная архитектура была направлена на западный рынок через территорию России, что, по сути, обеспечивало ей стратегическое господство на энергетическом рынке Центральной Азии. Однако период экономического

ослабления в 1990-е гг. привел к тому, что данное господство было в значительной степени утрачено. Страны Центральной Азии поспешили диверсифицировать поставки своих углеводородов. В начале 1990-х гг. на энергетический рынок Центральной Азии зашли западные компании с перспективой строительства трубопроводов в обход России, однако добиться в этом сколько-нибудь значимого успеха они не смогли. В то же время восточное направление – на Китай значительно расширило возможности доставки углеводородов.

Необходимо отметить, что китайская экономка с начала 1990-х гг. является одной из самых энергозависимых экономик в мире. На 2005 г. объем потребления нефти в Китае составлял около 300 млн тонн в год, к 2020 г., по данным исследователя М. М. Мирзоолимова, объемы увеличились до 400 млн тонн[1]. Официальный рупор Китая газета «Жэньминь жибао» отмечает, что зависимость Китая от поставок нефти и газа резко увеличилась, они составили по нефти – 70%, а по газу – 45,3%[2]. Поэтому Китай всячески пытается нарастить импорт сырья из Центральной Азии. На сегодняшний день уже запущены и выведены на проектные мощности два крупных трубопровода: нефтепровод Казахстан – Китай и газопровод Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай. Ниже мы отдельно рассмотрим эти проекты применительно к сотрудничеству каждой из стран Центральной Азии с Китаем.

[1] Мирзоолимов М. М. Центрально-азиатская трубопроводная геополитика // Мир и политика. 2012. № 6 // URL: http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/m6-2012/14920-centralno-aziatskaya-truboprovodnaya-geopolitika.html

[2] Увеличилась зависимость Китая от импорта нефти и газа // Жэньминь жибао. 2019. 27 марта // URL: http://russian.people.com.cn/n3/2019/0327/c31518-9561169.html

Еще одной важной сферой сотрудничества в рамках энергетической стратегии ЦАРЭС является развитие гидроэнергетических мощностей, в первую очередь это касается Кыргызстана и Таджикистана. Таджикистан, вообще, является одним из мировых лидеров по запасу гидроресурсов, страна занимает восьмое место в мировом списке стран по абсолютным запасам и первое на душу населения. Запасы Кыргызстана значительно скромнее, однако суммарный потенциал выработки гидроэнергии этими республиками значительно превышает потребности всего региона, и в случае постройки новых гидроэлектростанций они могут значительно нарастить экспортный потенциал за пределы ЦА-региона[1].

Однако есть существенная проблема, связанная с тем, что главный энергоресурс – вода в первую очередь используется в других сферах деятельности: в быту, в промышленности и орошаемом земледелии. Последнее имеет исключительное значение в Центральной Азии. Вообще, проблема водных ресурсов имеет в Центральной Азии международный, трансграничный характер, по этой причине она нередко становится камнем преткновения в межгосударственном сотрудничестве.

Еще в 2004 г. лидеры стран региона договорились о новой концепции водно-энергетического консорциума. Однако несмотря на все договоренности и заверения о необходимости решить проблему в интересах всех стран региона – воз и ныне там. Если при СССР водно-энергетическое противостояние решалось волей Москвы, то сегодня страны региона действуют в этом вопросе, как

[1] Петров Г. Н. Гидроэнергетика и ее роль в региональной интеграции стран Центральной Азии // Евразийская экономическая интеграция. 2009. № 3. С. 117–131. С. 118.

в известной басне про лебедя, щуку и рака. Казахстанский эксперт О. Соколай отмечает, что «за минувшие тридцать лет странам ЦА так и не удалось достичь консенсуса в формировании новых механизмов водопользования, несмотря на многочисленные попытки институализации идей по управлению трансграничными реками»[1]. Тем не менее, на наш взгляд, страны вынуждены будут искать консенсус в решении данной проблемы, поскольку более тесная экономическая интеграция в рамках инициативы ОПОП заставит страны действовать в интересах общего дела.

Важным направлением деятельности в рамках ЦАРЭС является содействие развитию внешнеторговых связей стран – участниц данной программы. Для осуществления этих целей был создан Комитет по таможенному сотрудничеству (КТС), в который входят главы таможенных служб стран, участвующих в проекте. В рамках работы КТС ведется разработка рабочих программ модернизации таможенных органов, унификация таможенных кодексов, подготовка транзитных соглашений и развитие таможенной инфраструктуры.

В 2004 г. страны-участницы договорились о создании Координационного комитета по торговой политике (ККТП) ЦАРЭС для регулирования торговой и таможенной деятельности. Деятельность комитета направлена на формирование благоприятного климата путем координации усилий стран во внутрирегиональной и межрегиональной торговле. Комитет занимается анализом межправительственных торговых соглашений и текущей торговой

[1] Соколай О. Водно-энергетический консорциум ЦА: проект вполне жизнеспособен, но… (27.07.2022) // Ритм Евразии. URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2022-07-27--vodno-energeticheskij-konsorcium-ca-proekt-vpolne-zhiznesposoben-no-61132

политики ЦАРЭС, а также координирует деятельность стран – участниц программы в рамках ВТО.

Примечательно, что все направления деятельности, реализуемые через программу ЦАРЭС, концентрируются, в основном, на экономических проблемах, оставляя за рамками деятельности проблемы безопасности и политического развития. Исследователи Е. Ю. Подосинников и В. М. Лапидус констатируют, что «в целом развитие взаимодействия в формате ЦАРЭС идет достаточно успешно»[1]. Очевидно, что программа ЦАРЭС стала мощным инструментом для решения проблем ОПОП. Многие из инициатив в рамках программы ЦАРЭС, которые получили свою реализацию еще до 2013 г., четко вписались в новую геополитическую стратегию Китая, а с началом ее реализации приобрели новый импульс для развития.

Очевидно, что экономическое сопряжение между странами Евразийского континента, гармонизация различных интеграционных платформ может дать дополнительные возможности для развития. В этом смысле сотрудничество Евразийского экономического союза (ЕАЭС) со структурами ОПОП позволит решить многие проблемы в общих интересах государств Центральной Азии. Исследователи Л. Б. Аристова и Н. К. Семенова полагают, что «ЕАЭС позиционирует себя как ядро континентальной интеграции»[2].

---

[1] Подосинников Е. Ю., Лапидус В. М. Программа ЦАРЭС – интеграционный проект на постсоветском пространстве // Ученые записки: Электрон. науч. журн. Курского гос. ун-та. 2013. № 1 (25). С. 150.

[2] Аристова Л. Б., Семенова Н. К. Сопряжение ЭПШП и ЕАЭС: анализ шансов, возможностей и гипотетические вызовы // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: Ежегодник. Вып. 2. Ч. 2 / Отв. ред. В. И. Герасимов; РАН; ИНИОН; Отд. науч. сотрудничества. М., 2019. С. 282.

Необходимо отметить, что создание ЕАЭС в 2015 г. проходило в тяжелых условиях, на фоне спада мировой экономики и неблагоприятной ситуации на топливно-сырьевых рынках. Кроме того, главный инициатор создания организации – Россия попала под санкции Запада из-за ситуации на Украине, что значительно снизило интеграционный потенциал России как в экономическом, так и политическом плане. Тем не менее ЕАЭС является очень важным для России и стран-участниц проектом, поскольку он снижает риски стран оказаться в безраздельной власти Китая. На сегодняшний день только две страны Центральной Азии являются членами ЕАЭС – это Казахстан и Кыргызстан, однако остальные страны региона в той или иной степени тоже вовлечены в проекты ЕАЭС и ОПОП. Главное заключается в том, что страны – члены ЕАЭС имеют консолидированную позицию по многим проблемам в регионе, а значит, могут более жестко отстаивать интересы региона.

Российский исследователь Д. В. Ефременко указывает на то, что «попыткой адаптации ЕАЭС к инициативе Китая "Один пояс – один путь"» является торгово-экономическое соглашение между КНР и ЕАЭС, подписанное в мае 2018 г. и ставшее «первым важным шагом в направлении институционализации достигнутых … договоренностей о сопряжении ЕАЭС и ЭПШП»[1]. Данное соглашение призвано решить ряд проблем, связанных с транспортной и логистической инфраструктурой в Евразии. Это соглашение является рамочным, поэтому предполагает возможность

[1] Ефременко Д. В. Сопряжение китайской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» и интеграционного проекта «Евразийский экономический союз» в контексте трансформаций современного мирового порядка // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2018. Т. 23. № 23. С. 33.

подписания более детальных договоренностей в разных сферах сотрудничества. Необходимо отметить, что соглашение не является преференциальным, т. е. не предполагает открытия рынков и снижения таможенных платежей, что, безусловно, более полезно ЕАЭС, поскольку поток дешевых китайских товаров мог наводнить рынок, что негативно бы отразилось на производстве в странах ЕАЭС.

На сегодняшний день уже подписаны и реализуются часть проектов, направленных на реализацию соглашения. На уровне министров транспорта стран ЕАЭС определено 39 инфраструктурных проектов, 20 из которых касаются модернизации железных дорог[1]. Основная цель данных проектов – обеспечить сквозную логистику Китай – ЕАЭС – Европа, проекты дополняют и расширяют основные транспортные коридоры в рамках ОПОП.

В рамках подписанных соглашений предполагается создание единой системы для координации функционирования сухопутных и морских доставок, для того чтобы в морских портах не скапливались грузы. На сегодняшний день данная проблема остается актуальной, большинство морских портов России, являющихся главными перевалочными базами, не справляются с потоком грузов, поскольку отсутствует согласованность между железнодорожной, автомобильной и водной транспортными системами. Поэтому важнейшей задачей является создание регулирующего органа, способного наладить прохождение грузов по всей территории ЕАЭС.

Частично данную проблему поможет решить создание ИТ-инфраструктуры. В частности, предполагается ввести

[1] Успех сопряжения ЕАЭС и ЭПШП зависит от реализации совместных проектов в различных сферах экономики (06 июля 2018) // URL: http://eurasianeconomic.org/news_ecco/ 2018/07/06/document4054.phtml

электронную пломбу, что позволит решить часть проблем по созданию «зеленого коридора» для товаров и услуг. Электронная пломба должна устанавливаться в месте загрузки товаров и содержать в себе всю необходимую информацию для прохождения пограничного и таможенного контроля, с ее помощью возможно будет фиксировать место нахождения товара и условия доставки[1]. Россия уже тестирует подобную систему «Платон» на своей территории, предполагается расширить ее действие на пространстве ЕАЭС с последующим присоединением к ней Китая и Индии, это может стать посильным вкладом России в создание т. н. Цифрового Шелкового пути. Запуск подобной системы в рамках ОПОП позволит решить много административных проблем, связанных с декларированием и документооборотом при прохождении грузов. Время проверок значительно снизится, груз будет доставляться быстрее. Грузоотправитель, логистические службы и получатель груза смогут легко отследить движение товара.

Сам факт подписания соглашения, безусловно, является важным событием, однако не менее важным, на наш взгляд, является то, как это было сделано. Очевидно, что Китай мог договориться в рамках двусторонних форматов с каждой из стран в отдельности, тем не менее он не стал этого делать, а подписал общее со всеми соглашение. Тем самым Китай демонстрирует, что готов учитывать интересы главного партнера в регионе – России, которая является главным закоперщиком в ЕАЭС. Китай в региональной политике использует концепцию т. н. «двойного лидерства», привлекает к сотрудничеству Россию как страну,

[1] Цветкова Н. Н. Проекты региональной интеграции и новые технологии: Цифровой Шелковый путь // Восточная аналитика. 2019. № 1. С. 48–55. С. 52.

более близкую региону в экономическом и культурном плане, снижая таким образом риски для себя и снимая опасения стран Центральной Азии в бесконтрольном господстве Китая в регионе и ограничении их суверенитета.

Очевидно, что каждая из стран региона, принимающая участие в проекте ОПОП, имеет свои цели и задачи, поэтому мы намерены более подробно рассмотреть содержание сотрудничества в рамках инициативы ОПОП применительно к странам Центральной Азии.

Китай

Выдвижение инициативы ОПОП является необходимым условием решения внутренних, региональных и международных проблем. ОПОП реализует планы более долгосрочной стратегии Китая, которая была сформулирована еще главным архитектором китайских рыночных реформ Дэн Сяопином в далеком 1980 г. Данная стратегия предполагала решение двух основных этапных задач: построение к началу 2020-х гг. «общества малого благоденствия» (сяокан шэкуэй); утверждение в Китае к началу 2030 г. «общества всеобщей зажиточности» (фуюй шэкуэй)[1]. Решение первой задачи потребовало очень высоких темпов экономического развития, с чем Китай успешно справился. Экономика страны в период 1990–2010 гг. росла со средним темпом 12% в год, что обеспечивало удвоение ВВП страны каждые 5–7 лет[2]. За этот период экономика Китая,

[1] Акаев А. А., Садовничий В. А. Математическое измерение мегапроекта «Один пояс – один путь» // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88. № 8. С. 776–787. С. 777.

[2] Белова И. Н., Егорычева Е. А. Проект «Один пояс, один путь»: предпосылки к формированию современной внешнеэкономической политики Китая // Вестник РУДН. Сер.: Экономика. 2020. Т. 28. № 3. С. 620–632. С. 622.

по данным Конференции ООН по торговле и развитию (UNCTADstat), выросла более чем в 30 раз[1].

Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. замедлил темпы роста китайской экономки почти в два раза, приведя их к среднегодовым значениям в 6–7%. Китайское руководство восприняло данную ситуацию как «новую нормальность» и заявило показатель 6–7% роста в год как нижний порог для развития экономики на тринадцатую пятилетку (2016–2020 гг.). Несмотря на снижение темпов роста экономики, Китай всё же смог добиться поставленной цели по обеспечению среднедушевого дохода в размере около 10 тыс. долларов в год, что соответствует заявленным параметрам «общества малого благоденствия». Однако пандемия и общий экономический кризис замедлили темпы роста мировой экономики, что не могло не сказаться на Китае. На 2020 г. UNCTADstat фиксирует темпы роста ВВП Китая только 2,35%, значительно снизились и темпы роста товарного экспорта – 3,6%[2]. По этой причине достижение поставленной цели построения «общества всеобщей зажиточности» требует поиска новых решений и новых импульсов развития.

На современном этапе для достижения поставленных целей, по мнению специалистов, Китаю необходимо решить следующие задачи: «динамично развивать внешнюю торговлю, вкладывать капитал в иностранные инвестиционные активы, осуществлять международные инфраструктурные проекты как дополнительные источники

[1] См. данные статистики ЮНКТАД на сайте UNCTADstat // URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx

[2] См. данные статистики ЮНКТАД на сайте UNCTADstat // URL: https://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/GeneralProfile/en-GB/156/index.html

ускорения экономического роста»[1]. Для решения этих задач Китай должен справиться с целым рядом внутренних и внешних проблем. Одной из основных проблем является неравномерность развития внутренних регионов Китая. Зарубежный исследователь Р. Пантуччи полагает, что главной причиной инициативы ОПОП являются хронические экономические и социальные проблемы в центральных и западных районах Китая[2]. На сегодняшний день наиболее развитыми оказались приморские провинции, где создавались особые экономические зоны, куда вкладывались основные средства. Это привело к быстрому развитию этих регионов, в то же время западные и центральные провинции значительно отстали в своем развитии. Эту проблему пыталось решить еще четвертое поколение китайских руководителей во главе с Ху Цзиньтао. Китайское правительство вложило значительные средства в строительство новой транспортной инфраструктуры, выделяло кредиты и субсидии на строительство новых производственных мощностей, однако вплоть до сегодняшнего дня эти меры не привели к серьезному улучшению условий жизни в этих районах. Новая интеграционная инициатива Китая должна помочь решить проблемы неравномерного развития его территорий.

К числу таких депрессивных регионов относится Синьцзян. Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) является самой крупной территориально-административной единицей Китая, занимает 15% территории страны, однако

[1] Белова И. Н., Егорычева Е. А. Проект «Один пояс, один путь»: предпосылки к формированию современной внешнеэкономической политики Китая… С. 624.

[2] Pantucci R. Looking West: China and Central Asia. Testimony before the US-China Economic and Security Review Commission (18 March 2015) // URL: http://chinaincentralasia.com/2015/04/16/looking-west-china-and...

здесь проживает только 1,5% населения страны[1]. Несмотря на слабую населенность из-за географических особенностей, регион имеет стратегическое значение для развития отношений с Центральной Азией. Внешняя торговля СУАР на 80% ориентирована на центральноазиатские республики, а главным торговым партнером является Казахстан[2]. Кроме того, на территории СУАР проживают народы, которые этнически и культурно близки центральноазиатским народам. Синьцзян является одним из самых неспокойных регионов Китая, значительная часть населения этого района мусульмане, не разделяющие основные мировоззренческие принципы ханьцев, самой крупной народности Китая (около 92%). В связи с этим в регионе сильны сепаратистские настроения. Во многом межэтнические и межрелигиозные отношения в этом регионе отягощены экономическими и социальными проблемами. Китайское руководство понимает, что решить проблемы региона можно только комплексными мерами. Российские экономисты, на наш взгляд, справедливо полагают, что «до 2013 г., когда Си Цзиньпин изложил основные положения масштабной интеграционной инициативы, у Китая, по свидетельству многих экспертов, не было системного видения Синьцзяна»[3]. Очевидно, что сегодня китайское руководство знает, как решить проблему диспропорции в региональном развитии, северо-западные и центральные

[1] Согласно последней национальной переписи населения, в Синьцзяне проживает 25 852 млн человек. См.: Коммюнике Седьмой национальной переписи населения (№ 3) / Нац. стат. бюро Китая (11.05. 2021) // URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202105/t20210510...

[2] Глинкина С. П., Тураева М. О., Яковлев А. А. Традиционные и новые инструменты укрепления китайского присутствия в Центральной Азии // Государственная служба. 2018. Т. 20. № 5. С. 94–100. С. 95.

[3] Там же.

районы еще обладают значительным потенциалом экстенсивного развития, поэтому новые проекты в рамках ОПОП позволят раскрыть его.

Другая важная проблема Китая – это устаревшие принципы формирования экономической политики. Экстенсивная модель развития Китая, которая еще во многом является доминирующей для экономики этой страны, обеспечивает рост за счет привлечения количественных экономических факторов. Очевидно, что для дальнейшего развития экономики данная модель должна быть изменена на интенсивную модель развития, т. е. необходимо перейти к более эффективному использованию ресурсов. Китай уже значительно преуспел в этом, однако он еще только в начале пути. Китай в последнее время значительно увеличил выделение средств на образование и науку, наращивая и расширяя возможности НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы) для разработки инновационных технологий. На сегодняшний день в сфере НИОКР занято уже более 1,5 млн человек, что сопоставимо с наиболее развитыми странами мира. Китай занимает первое место по количеству поданных заявок на выдачу патентов на изобретение[1].

Китайское правительство обеспокоено проблемой внедрения новых технологий в производство и транспортировку своих товаров. Значительно расширены возможности т. н. «зеленой» энергетики. Тот же депрессивный Синьцзян на сегодня имеет мощность «зеленых» электростанций 37 млн кВт·ч, что составляет 40% от общей генерации в регионе[2]. Таким образом, уже почти половина

[1] Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. М.: Форум, 2016. С. 80.

[2] В китайском Синьцзяне наблюдается бум развития «зеленой»

вырабатываемой электроэнергии в Синьцзяне производится с помощью «зеленой» энергетики, основная часть вырабатываемой электроэнергии поставляется в центральные и восточные провинции Китая, что отчасти решает экологическую проблему этих регионов.

Еще одна проблема Китая, которая возникла в ходе его быстрого развития, – высокая энергозависимость. Выше мы уже отмечали эту проблему в контексте сотрудничества ЦАРЭС. Здесь лишь отметим, что Китай нуждается в диверсификации поставок углеводородов, поскольку существующие на сегодня маршруты транспортировки сопряжены с большими рисками в плане безопасности и слишком дорогие. На сегодняшний день основные маршруты поставок углеводородов пролегают через Малаккский пролив, самое узкое место в мировой торговле. Возможности этого транзитного маршрута обеспечивают 80% китайского импорта и экспорта, однако главная проблема не в его загруженности, проблема состоит в том, что его контролируют не всегда дружественные Китаю страны – Сингапур, Индонезия и Малайзия. Кроме того, самое узкое место (2,5 км) контролирует Сингапур, где находится военно-морская база США, главного геополитического соперника Китая на сегодняшний день. Расширение возможностей сухопутного коридора через Пакистан сегодня тоже под большим вопросом – в апреле текущего года при участии американцев был свергнут премьер-министр Имран Хан, который пытался наладить хорошие отношения с Китаем и Россией[1].

энергетики (20 апреля 2020) // URL: https://news.rambler.ru/ecology/44044799-v-kitayskom-sintszyane-nablyudaetsya-bum-razvitiya-zelenoy...

[1] Падение Имрана Хана: заговор США против Пакистана или внутриполитическая борьба? (18 апреля 2022) // URL: https://eadaily-com.

Таким образом, у Китая не очень много вариантов развития сотрудничества в нефтегазовой сфере, наиболее перспективным в этом плане регионом является Центральная Азия. Однако важным условием стабильности в регионе является сотрудничество с Россией, которая так же, как и Китай, кровно заинтересована в безопасности этого региона, поскольку так же, как и Китай, имеет протяженную границу с Центральной Азией.

Кроме указанных проблем имеется еще одна, которая, по мнению отдельных экспертов, является главной причиной инициативы ОПОП. Так, российские экономисты отмечают: «Огромную роль в разработке проекта сыграли внутренние проблемы экономического развития Китая. Важнейшие из них на сегодня – проявление серьезных признаков перепроизводства в результате замедления темпов экономического роста»[1]. Темпы, которыми китайцы заливали свою экономику деньгами, долгое время обеспечивали стабильный высокий рост, однако при либеральной экономической модели это не могло не привести к т. н. «перегреву», т. е. появлению избыточных мощностей в промышленности. Так, например, на сегодня в сталелитейной промышленности Китая возникли избыточные мощности, сопоставимые с совокупным объемом производства стали наиболее развитых стран – США, Японии и Германии[2]. Подобная проблема возникала и в строительной отрасли.

turbopages.org/eadaily.com/s/ru/news/2022/04/18/padenie-imrana-hana-zagovor-ssha-protiv-pakistana-ili-vnutripoliticheskaya-borba

[1] Глинкина С. П., Тураева М. О., Яковлев А. А. Традиционные и новые инструменты укрепления китайского присутствия в Центральной Азии…

[2] Хэ Цинлянь. Китайский «План Маршалла» не решит проблему избыточных мощностей (13.02.2015) // The Epoch Times. URL: https://www.epochtimes.ru/kitajskij-plan-marshalla-ne-reshit-problemu-izbytochnyh-moshhnostej-98969133/#...

В период бурного развития Китай строил огромное количество объектов инфраструктуры, жилья и дорог, это привело к росту мощностей, обеспечивающих необходимой в строительстве продукцией. На сегодня такие объемы для решения внутренних проблем уже не нужны. Поэтому проекты в рамках ОПОП направлены на снижение давления избыточных мощностей внутри самого Китая. Китайское правительство надеется задействовать эти мощности при строительстве транспортных коридоров и предприятий в странах, участвующих в проектах ОПОП, всё это значительно повысит спрос на китайские товары. Кроме того, как известно, Китай не охотно идет на привлечение местной рабочей силы, поэтому на строительстве и частично на производстве будут работать китайские специалисты и рабочие, что решает проблему с безработицей. Для решения проблемы с избытком производственных мощностей Китай расширяет рынки сбыта своих товаров, что тоже является одной из основных задач проекта ОПОП. Строительство новых удобных и быстрых транспортных коридоров обеспечит преимущество китайским товарам и тем самым поддержит производственные мощности.

В последнее время Китай использует новый для себя способ решения проблем перепроизводства и избыточных мощностей, а именно – перенос производства в рамках ОПОП в другие страны. Во многом это связано с удорожанием рабочей силы в самом Китае. Согласно данным, о которых свидетельствует государственная статистика, зарплата в Китае за последние 10 лет выросла 5–7 раз[1]. На сегодня цена рабочей силы в странах Центральной Азии

[1] См.: China statistical yearbook. 2018 / National Bureau of Statistics of China = Китайский статистический ежегодник. 2018 / Нац. бюро статистики Китая // URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2018/indexeh.htm

значительно ниже, чем в Китае, особенно это касается производств среднего и высокого уровня сложности.

Перенос производственных мощностей в неменьшей степени связан с экологической ситуацией в Китае. Перенос грязных и малоэффективных производств позволит Китаю улучшить экологическую ситуацию. Китай сейчас активно переносит производство из провинции Хэбэй, где находится Пекин и еще несколько крупных городов[1]. Китай уже вывел из этой провинции значительные производственные мощности по производству стали и цемента, а также ряд стекольных предприятий.

Еще одним фактором политики переноса производств стали заградительные пошлины на китайские товары. После того, как в ЕАЭС были повышены таможенные пошлины, Китай столкнулся с проблемой реализации своей продукции. Таким образом, перенос производств позволяет Китаю убить одним выстрелом несколько зайцев – удешевить производство, улучшить экологию и расширить возможности сбыта своих товаров и услуг. Китай уже подписал несколько пакетных договоров о переносе производств в страны Центральной Азии, о них мы скажем ниже, применительно к каждой из стран региона.

Кроме внутренних проблем, решение которых предполагается в ходе реализации инициативы ОПОП, существуют и внешние угрозы, угрожающие сохранению стабильных темпов развития экономки. Одна из важнейших угроз – это безопасность. Существующая на сегодня мировая система, основанная на гегемонии США, не отвечает интересам Китая. Руководство КНР открыто заявляет, что

[1] Уэйнленд Д. Самая грязная провинция Китая пытается стать «новой Швейцарией» (10 июля 2018) // URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/07/10/775107-gryaznaya-kitaya-shveitsariei

безопасность в Азии должна обеспечиваться азиатскими странами. Китай предлагает концепцию безопасности, основанную на принципах экономического и культурного сотрудничества. Очевидно, что эти принципы имеют в значительной степени декларативный характер и что Китай со временем вынужден будет отойти от заявленных принципов невмешательства и выстроит более действенную систему политического взаимодействия со странами в рамках ОПОП. Уже сегодня в отношении отдельных стран, в том числе центральноазиатских, Китай перешел к более тесному взаимодействию, включая и военную сферу сотрудничества. Так, например, военные ведомства Китая и Таджикистана в 2015–2016 гг. подписали несколько соглашений, информация о которых является закрытой, известно только, что они направлены на организацию усилий по борьбе с терроризмом и предполагают поставки военной китайской техники и оборудования[1].

Еще одним фактором внешней угрозы для Китая является усиление влияния радикальных исламских течений и сепаратизм в СУАР. Специалисты считают, что «уйгурский сепаратизм, имея определенные исторические предпосылки, остается для КНР серьезным фактором нестабильности и напрямую угрожает территориальной целостности государства[2]. В сепаратистских устремлениях уйгуров четко прослеживается религиозный фактор. Большинство политических лидеров сепаратистов используют

[1] Двустороннее военно-техническое сотрудничество Китая и Таджикистана (07.09.2016) // Диалог: Таджикистан и мир // URL: https://www.dialog.tj/news/dvustoronnee-voenno-tekhnicheskoe-sotrudnichestvo-kitaya-i-tadzhikistana

[2] Мавлонова А. С. Ислам в СУАР как фактор политической нестабильности КНР // Вестник РУДН. Сер.: Политология. 2018. Т. 20. № 2. С. 176–186. С. 177.

в своих лозунгах элементы ваххабитской идеологии. Близость Ферганской долины, главного очага исламского радикализма в Центральной Азии, а также общие границы с Афганистаном и Пакистаном способствуют проникновению в СУАР радикальной исламской идеологии. Определенная часть уйгуров относит себя к салафитам и имеет налаженные связи с движением «Талибан» и Исламским движением Узбекистана. Положение осложняется тем, что в сопредельных центральноазиатских республиках есть уйгурские диаспоры, наиболее многочисленная из них находится в Казахстане – около 260 тыс. человек[1], что для не очень населенного Казахстана также является фактором нестабильности. По некоторым данным, на территории Казахстана на нелегальном положении действуют несколько уйгурских организаций, в частности: Исламская партия возрождения, Организация объединенного национального революционного фронта Восточного Туркестана, Восточнотуркестанский объединенный союз молодежи, Партия освобождения Уйгурстана. Таким образом, уйгурская проблема является не только головной болью Китая, но и в определенной степени может стать спусковым механизмом для необратимых процессов в сфере безопасности во всей Центральной Азии.

Для того чтобы смирить сепаратистские устремления уйгуров, центральное правительство Китая не раз прибегало к жестким мерам в отношении активных членов политических и религиозных организаций. Был принят ряд

[1] См.: Халық санағы. 2021 / Қазақстан Республикасы Стратегиялық жоспарлау және реформалар агенттігі Ұлттық статистика бюросы = Перепись населения. 2021 / Бюро нац. статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам РК // URL: https://stat.gov.kz/for_users/national/2020

политико-правовых мер, в частности, запрет на религиозное образование для несовершеннолетних, введение т. н. «социального рейтинга» и ID-карточек для уйгуров. Очевидно, что китайские власти отлично осознают степень угрозы уйгурской проблемы, которая может стать ахиллесовой пятой сотрудничества в рамках ОПОП со странами Центральной Азии, поскольку всё сотрудничество завязано на этот беспокойный регион.

Таким образом, в условиях замедления экономического роста, проблем перепроизводства и избытка промышленных мощностей, усиливающейся тенденции непропорционального развития регионов, а также вызовов в сфере безопасности и нарастания кризиса с США Китай предложил новую геополитическую стратегию – ОПОП, для того чтобы приступить к следующему большому этапу развития, который должен привести к новой заветной цели – построению к началу 2030 гг. «общества всеобщего благоденствия», что позволит приступить к главной битве за «китайскую мечту» – возрождение великой китайской нации к 2050 г.[1].

Казахстан

Определяющим фактором участия Казахстана в качестве одного из важных региональных субъектов в рамках проектов ОПОП является его географическое положение и достаточно большая территория. Казахстан фактически находится в центре Евразийского континента, где сходятся главные транспортные коридоры между Китаем, Россией, Европой и Западной Азией. Это положение определило Казахстан в качестве главного партнера в Центральной

[1] Акаев А. А., Садовничий В. А. Математическое измерение мегапроекта «Один пояс – один путь»… С. 760.

Азии. Во многом современная экономическая программа Казахстана напрямую завязана на региональные проекты ОПОП. Казахстанские эксперты полагают, что «для Казахстана это несомненно важнейший проект, который в долгосрочной перспективе позволит модернизировать экономику и политические отношения с соседними странами, а также стать главным транспортно-логистическим хабом Евразии»[1]. Они же выделяют несколько преимуществ данного проекта для Казахстана, которые нельзя назвать бесспорными. Например, они полагают, что «в отличие от российских и американских геополитических проектов, китайский открыт для большого количества стран и несет существенные выгоды»[2]. Мы думаем, сам факт того, что в проект вовлечено большое количество стран, не означает его выгодности для кого-либо. Как известно, обмануть большое количество людей всегда проще, а главное, выгоднее, чем обманывать одного, это так же, как ловить рыбу сетью более продуктивно, чем удочкой. Другой аргумент в пользу реализации проекта в Казахстане, выдвинутый экспертами: «преимущество традиций, так как Шелковый путь в силу исторических аналогий воспринимается руководством страны положительно»[3] – тоже, на наш взгляд, весьма сомнителен. Возможно, политическое руководство воспринимает данный проект положительно, но странно, почему «в силу исторических аналогий». Если говорить о средневековом Шелковом пути, то историки отмечают, что государства на территории Семиречья и Южного

[1] Искаков Г. А., Кегенбеков Ж. К. Роль республики Казахстан в проекте «Один пояс и один путь» // Научные проблемы водного транспорта / Russian Journal of Water Transport. 2021. № 67 (2). С. 96.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 97.

Казахстана, где проходил Великий Шелковый путь, находились в вассальной зависимости от Китая, более того, китайцы периодически нападали на степные государства и нещадно грабили их[1]. В раннем Средневековье территории империи Тан простирались от Китайского моря до границ Персии – это самая большая территория за всю историю существования Китая, а это, надо сказать, эпоха расцвета Великого Шелкового пути. Однако, несмотря на то, что мы не разделяем некоторых позиций экспертов по поводу радужных перспектив для Казахстана в рамках проекта ОПОП, тем не менее мы также считаем, что данный проект может дать дополнительный импульс для развития страны, но при условии равноправного и взаимовыгодного сотрудничества.

Безусловно, Казахстан для Китая это, по сути, ворота в Центральную Азию, а поэтому Казахстан является важнейшим партнером в рамках ОПОП. Дипломатические отношения Китая и Казахстана начинают свою историю в 1992 г. В 1990-х гг. шло достаточно интенсивное наращивание объемов двустороннего оборота. Серьезные изменения в отношениях произошли в 2005 г., когда был подписан договор о стратегическом партнерстве двух стран. С этого времени Китай значительно нарастил объемы вложений в экономику Казахстана. По данным Евразийского банка развития (ЕАБР), за период с 2005 по 2015 гг. Китай вложил в Казахстан 23,6 млрд долларов[2], что в разы превышает все вложения Китая в экономки стран СНГ, включая Россию.

---

[1] См. напр.: Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 346 с. С. 111–118.

[2] Лисоволик Я., Винокуров Е. Китай предпочитает Казахстан (14 января 2016) // URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/01/15/624086-kitai-predpochitaet-kazahstan

Подавляющий объем инвестиций (98%) в Казахстан приходится на топливно-энергетический комплекс. Эксперты из Центра интеграционных исследований ЕАБР отмечают, что «Казахстан становится для Китая важным и очень надежным (потому что легко контролируемым) источником топливно-энергетических ресурсов, что позволяет снизить риски зависимости от поставок из других, более отдаленных стран. Казахстан также помогает диверсифицировать магистральные направления "Шелкового пути", что дает возможность выбора в реализации проектов, призванных обеспечить взаимодействие между Европой и Азией в инфраструктурной и топливно-энергетической сферах»[1].

Что касается энергоресурсов, то Китай практически сразу после объявления Казахстаном независимости приступил к сотрудничеству в этой сфере, однако, видимо, не столь активно, как ему хотелось. Надо отметить, что республика имеет значительные подтвержденные запасы как нефти (5,5 млрд т), так и газа (более 2 трлн м^3)[2]. Уже в 1997 г. казахское правительство и крупнейшая китайская компания China National Petroleum Corporation (CNPC) подписали соглашение о сотрудничестве в нефтегазовом секторе, а также соглашение о строительстве нефтепровода из Казахстана в Китай. После запуска проекта ОПОП CNPC приобрела 8,33% акций Кашаганского месторождения[3] и выкупила долю ЛУКОЙЛа в «КазахойлАктобе».

[1] Лисоволик Я., Винокуров Е. Китай предпочитает Казахстан...

[2] См.: Kazakhstan Energy Data: Country Analysis Briefs / U.S. Energy Information Administration // BP Statistical Review of World Energy. 2011. P. 20 = Данные по энергетике Казахстана: Краткий анализ стран / Управление энергет. информации США // Стат. обзор мировой энергетики. 2011 // URL: www.eia.doe.gov/countries/cab.cfm?fips=KZ

[3] Китай купил часть месторождения Кашаган в Казахстане (09.09. 2013) // Сайт НПФ «Пакер». URL: https://npf-paker.ru/news/industry/kit

В период с 1997 по 2014 гг. китайские нефтегазовые компании приобрели казахстанских активов на сумму более 16 млрд долларов, особенно активно они скупались в период мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. Основная часть этих активов принадлежит компаниям, занимающимся добычей нефти и газа на суше. Согласно данным, которые приводят в своей статье эксперты аналитического проекта «Центральная Евразия» В. Парамонов и А. Строков, Китаю принадлежат «94,47% активов казахстанской государственной компании ОАО «Актобемунайгаз» (включая 94,47% акций Жанажольских газоперерабатывающих заводов), 100% активов американской компании First International Oil Company (FIOC), 48% акций оффшорной компании (формально индонезийской) Central Asia Petroleum Ltd., 11% акций казахстанской государственной компании АО «Разведка Добыча КазМунайГаз», 100% акций российско-индийской компании Caspian Investments Resources Ltd., 50,12% частной казахстанской компании ОАО «Каражанбасмунай», 67% канадской компании PetroKazakhstan Inc. (включая 50% активов Шымкентского нефтеперерабатывающего завода) и 8,4% Северо-Каспийского проекта»[1]. Кроме того, китайские компании приобрели доли в освоении мелких месторождений. При этом столь внушительные цифры не должны никого вводить в заблуждение, поскольку доля Китая на казахстанском рынке углеводородов достаточно скромная. Согласно данным за 2020 г., которые приводит Ли Юнг Хонг, вице-президент CNPC Central Asia и одновременно генеральный директор CNPC International Kazakhstan Ltd.,

ay_kupil_chast_mestorozhdeniya_kashagan_v_kazakhstane.html

[1] Парамонов В. Строков А. Китайское присутствие в нефтегазовой отрасли Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. 2015. Т. 18. Вып. 2. С. 93.

из 85,7 млн т добытой нефти 30,6% приходится на казахстанские компании, 28,7% – на американские, 18,7% – на европейские и только 16% – на китайские[1]. Китайцы признают, что они сильно припозднились с приходом на казахский рынок, по словам того же Ли Юнг Хонга, в 1990-х гг., когда рынок делили, у Китая не было для этого средств и возможностей, поэтому лакомые куски достались американским и европейским компаниям. Доля Китая в переработке казахстанских углеводородов тоже достаточно скромная, не более 14% в переработке нефти и около 10% в газе. Кроме того, Китай не числится в качестве главного покупателя казахстанской нефти, как ни странно, им является Италия. Китай, по данным за 2020 г., получил по трубопроводу Западный Казахстан – Западный Китай 12 млн тонн[2]. Вероятнее всего, Китай рассчитывает нарастить свою долю и ждет удобного момента, как это было во время мирового финансового кризиса 2008–2009 гг.

Кроме добычи и переработки углеводородов, важным аспектом сотрудничества в нефтегазовом секторе являются транзитные возможности Казахстана. Главным направлением в этом плане стало расширение возможностей транспортировки сырья из прикаспийских месторождений в Китай, это должно разрушить монополию России на транспортировку нефти и газа в западном направлении. В перспективе Казахстан может стать главной транзитной страной по доставке углеводородов в Китай из стран Персидского бассейна.

Казахстан совместно с Китаем уже реализовали несколько крупных проектов, связанных с транспортировкой

[1] Юрицын В. Нефтегазовый симбиоз Казахстана и Китая (16.11.2021) // Интернет-газета «ZONAkz». URL: https://zonakz.net/2021/11/16/...

[2] Там же.

углеводородов. В 2006 г. был введен в строй нефтепровод Атасу – Алашанькоу, пропускная способность нефтепровода на сегодняшний день незначительна в сравнении с общими объемами экспорта казахской нефти в год, большая часть нефти продолжает идти в западном направлении. В 2015 г. запущен газопровод Бейнеу – Бозой – Шымкент, в 2018 г. АО «КазТрансГаз» и компания PetroChina International Company Limited увеличили прокачку в два раза, с 5 млрд м^3 до 10 млрд м^3 газа с 2019 г.[1].

Другим важным направлением сотрудничества в рамках ОПОП является строительство транспортных магистралей и инфраструктурные проекты в сфере логистики. Ключевым проектом в плане транспортной логистики стало строительство железнодорожной магистрали Жетыген – Коргас общей протяженностью 293 км, она проходит через пограничный переход Хоргос, где построены перегрузочные терминалы. Строительство дороги и «сухого порта» Хоргос позволило значительно сократить время доставки китайских товаров в западном направлении. В 2017 г. введена в строй автомагистраль Коргас – Алматы – Кордай – Тараз – Шымкент – Кызылорда – Актобе, как часть транспортного коридора «Западная Европа – Западный Китай». В то же время на сегодня Казахстан практически закончил работы по созданию транспортных хабов на своих западных границах. Таким образом, проблема создания транспортных коридоров в рамках ОПОП со стороны Казахстана уже решена, решена она и со стороны китайцев, однако Россия несколько запаздывает с реализацией проектов по созданию транспортной инфраструктуры в рамках ОПОП,

[1] Казахстан в два раза увеличит объемы экспорта газа в Китай (15.10.2018) // Власть: Интернет-журнал. URL: https://vlast.kz/novosti/29960-kazahstan-v-dva-raza-uvelicit-obemy-eksporta-gaza-v-kitaj.html

что не позволяет на сегодня реализовать все намеченные планы. Россия предполагает закончить строительство только к началу 2030-х гг.

После визита в сентябре 2015 г. президента Казахстана Н. А. Назарбаева в Китай в торгово-экономических отношениях Китая и Казахстана наметился новый этап сотрудничества. В частности, было подписано соглашение между казахстанским Национальным управляющим холдингом «Байтерек» (АО НУХ «Байтерек») и Международной китайской инвестиционной корпорацией по управлению имуществом (CITIC GROUP) в сфере индустриально-инновационного сотрудничества. Данное соглашение изначально предполагало выделение Банком Китая средств в размере 5 млрд долларов, которые должны были пойти через банки, входящие в АО НУХ «Байтерек», для переноса китайских предприятий на территорию Казахстана. В 2017 г. министерство по инвестициям и развитию РК сообщило о согласовании списка из 51 предприятия и увеличении инвестиционного фонда почти до 28 млрд долларов[1]. Позднее список увеличился до 55 предприятий. Предполагалось создание 20 тыс. рабочих мест, однако не уточнялось, сколько из них займут граждане Казахстана, что очень важно, поскольку Китай зачастую привлекает своих специалистов и рабочих.

Часть проектов по переносу производственных мощностей из Китая уже реализована. В частности, в 2015 г. был введен в строй завод по производству порошкового полипропилена в г. Павлодар (ТОО «Компания Нефтехим LTD», XinjiangSanbao), в этом же году был запущен завод

[1] Бекбасова А. Список китайских предприятий в Казахстане изменится (18 июля 2017) // URL: https://ratel.kz/raw/spisok_kitajskih_predprijatij_v_kazahstane_izmenitsja

по производству автомобилей «JAC» (ТОО «СарыаркаАвтоПром», JAC Motors, СМС), в 2016 г. китайская компания Xi'An Aiju Oil and Grain Co. Ltd. открыла производство по переработке рапса. По мнению казахстанского эксперта Сергея Демина, редактора журнала «Эксперт Казахстан», сегодня пока сложно говорить о хоть каком-нибудь эффекте от реализации проектов, поскольку часть предприятий находятся на стадии реализации, а другая часть находятся на стадии подготовки или заморожены[1]. Необходимо отметить, что открытие предприятий проходит на фоне недовольства жителей Казахстана. Обеспокоенность людей и ряда экспертов основывается на том, что власти Казахстана реализуют непрозрачную политику при выделении земель под китайские предприятия, а также люди опасаются вытеснения с рынка труда местных специалистов и заменой их китайцами, что, по их мнению, может превратить Казахстан в сырьевую базу китайской экономики.

Если говорить о привлечении рабочей силы из Китая, то это является одним из важнейших условий инвестиционной стратегии Китая, мы об этом писали выше. За период 2010–2017 г. из Китая в Казахстан прибыло почти 100 тыс. китайских специалистов и рабочих, что составило 47% в общей структуре иностранной рабочей силы[2]. Так, по сообщениям сайта Forbes.kz, в 2019 г. начались протестные акции, жители областных центров выступили против строительства предприятий, авторы статьи пишут: «Исходя из выступлений протестующих, формируется общий месседж: люди недовольны экономической экспансией

[1] Подборка материалов по теме «Сергей Домнин» // Сайт Forbes. Казахстан. URL: https:// forbes.kz/themes/Сергей%20Домнин

[2] Казахстан & Китай: риски или выгода? (11.11.2019) // Inbusiness.kz. URL: https://inbusiness.kz/ru/last/kazahstan-kitaj-riski-ili-vygoda

Китая и выступают против "55 старых китайских заводов на западе Казахстана"»[1]. После начала протестов казахстанские власти ввели квоты, ограничивающие доступ иностранной рабочей силы, поэтому Китай вынужден был вывезти значительную часть своих рабочих и специалистов, в связи с чем их количество к 2019 г. сократилось в 3 раза[2]. Таким образом, мы видим, что Китай проводит достаточно гибкую политику и лишний раз не провоцирует ненужные ему эксцессы.

Если говорить вообще о внешнеторговых отношениях, то на сегодня доля Китая в казахстанском импорте и экспорте составляет 17% и 13% соответственно, что обеспечивает Китаю вторую позицию как по импорту, так и по экспорту[3]. Таким образом, очевидно, что Казахстан наращивает сотрудничество с Китаем, а проекты в рамках ОПОП стали важным инструментом развития отношений. Но при этом надо отметить, что власти Казахстана действуют весьма осторожно, руководствуясь в большей степени практическими реалиями современности, нежели «историческими аналогиями», о которых мы говорили выше.

---

[1] «55 китайских заводов в Казахстане»: Forbes.kz объясняет, о чем идет речь (05 сентября 2019) // Сайт Forbes. Казахстан. URL: https://forbes.kz/process/economy/55_kitayskih_zavoda_forbeskz_obyyasnyaet_pochemu_v_kazahstane_etih_predpriyatiy_ne_poyavitsya

[2] Китайских рабочих в Казахстане стало меньше в 3 раза - заместитель премьер-министра РК (06.09.2019) // Almaty.tv. URL: https://almaty.tv/news/politika/0150-kitayskikh-rabochikh-v-kazakhstane-stalo-menshe-v-3-raza-zamestitel-premer-ministra-rk

[3] Пак Е. В. Участие КНР в инфраструктурном строительстве на территории России и Казахстана на территории России и Казахстана. Инициатива «Один пояс, один путь» // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 1. С. 93–104. С. 96.

Кыргызстан

Кыргызстан является одним из ключевых партнеров Китая в Центральной Азии. Дипломатические отношения между Кыргызстаном и КНР начинают свою историю практически с момента объявления Кыргызстаном о своей независимости. На всем протяжении этих отношений они имели подчеркнуто дружественный характер. Эксперты Института стратегического анализа и прогноза при КРСУ им. Б. Н. Ельцина подчеркивают, что «с момента установления дипломатических отношений в январе 1992 г. и по сей день между Кыргызстаном и Китаем не было зафиксировано каких-либо противоречий или споров, способных оказать влияние на исключительно дружеские и добрососедские отношения[1]. Однако очевидно, что КНР и КР это страны с разным экономическим, ресурсным и иными потенциалами. В связи с этим у властей и населения Кыргызстана возникают вполне естественные опасения перед большим и мощным соседом, поскольку экономические проекты, особенно связанные с инфраструктурой, могут стать инструментом влияния и контроля.

На сегодняшний день отношения Китая и Кыргызстана имеют уже сформированную за десятилетия нормативно-правовую базу, которая позволяет смотреть в будущее этих отношений с определенной долей оптимизма. Исследователь Лу Чунься пишет, что «Кыргызстан важен для Китая в силу своей протяженной границы с Синьцзян-Уйгурским автономным районом КНР, многочисленных общин уйгуров и дунган, транзитных возможностей маршрута Фергана – СУАР, наличия полезных ископаемых,

[1] «Китайский фактор» во внешней политике Кыргызстана: двусторонний и региональный уровни / Под общ. ред. А. Л. Салиева. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2011. 138 с. С. 4.

недавнего вступления в ЕАЭС»[1]. Еще в 1993 г. КНР и КР на межправительственном уровне заключили Соглашение о международном автомобильном сообщении. Это соглашение стало частью договоренностей Китая с другими республиками Центральной Азии об объединении сети автомобильных дорог и выходом их на китайскую границу. В это же время Китай открыл прямое авиасообщение с Кыргызстаном. В 1998 г. между КНР, Кыргызстаном и Узбекистаном был подписан трехсторонний протокол «Об установлении системы разрешений на выполнение международных автомобильных перевозок». На протяжении 1990-х гг. было еще подписано около 10 подобных документов. С началом нового века Китай несколько изменил подходы в двусторонних отношениях со странами региона. Как нами отмечалось выше, они приобрели в большей степени системный характер, Китай стал готовить пакетные соглашения для развития отношений. Поэтому КНР и КР в 2004–2014 гг. в своих отношениях реализовывали пункты Программы сотрудничества[2]. Данная программа предполагала расширение сфер сотрудничества с акцентом на научно-техническое и культурное взаимодействие, также предполагалось активизировать туристические потоки и расширить культурные и социальные контакты.

Объявление инициативы ОПОП в 2013 г. стало новым этапом в развитии отношений между Китаем и Кыргызстаном. Для Кыргызстана участие в проектах ОПОП является важным условием развития экономики. Кыргызстан –

[1] Лу Чунься. Китай и Кыргызстан: сотрудничество или экспансия // Развитие и актуальные вопросы науки. 2018. № 1 (8). С. 64–73. С. 67.

[2] Программа сотрудничества между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой на 2004–2014 годы // Офиц. сайт Минюста КР. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17460

небольшая горная республика, экономический потенциал которой еще мало в чём реализован. Кыргызстан имеет значительные запасы природных ресурсов, которые еще не освоены, в связи с чем это вызывает практический интерес со стороны Китая, потребности которого в ресурсах постоянно растут. Выше мы уже отмечали, что Кыргызстан имеет значительные водные энергоресурсы, позволяющие обеспечить не только потребности республики, но и поставлять электроэнергию странам региона. У республики прекрасный туристический потенциал, который также может принести значительные дивиденды.

Однако, как и любая другая небольшая страна, Кыргызстан имеет целый ряд проблем как внутреннего, так и внешнего характера. Главная проблема состоит в том, что в республике отсутствует необходимый объем средств для осуществления крупных проектов за собственный счет, по этой причине Кыргызстан вынужден строить либо на заемные средства, либо кооперироваться с другими странами региона. Кыргызстан является страной с одним из самым высоких внешних долгов на душу населения, при этом около 40% вех кредитов приходится на Китай. Специалисты отмечают, что экономика Кыргызстана является достаточно открытой и либеральной, особенно что касается привлечения иностранных инвестиций. Самым крупным инвестором с 2013 г. является Китай – около 50% всех прямых инвестиций в экономику Кыргызстана[1]. Китай инвестировал средства в перерабатывающую промышленность, недвижимость, развитие торговой и финансовой сферы. За последние десятилетия он реализовал несколько

[1] Глинкина С. П., Тураева М. О., Яковлев А. А. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба Евразийского союза: Доклад. М.: Ин-т экономики РАН, 2016. 59 с. С. 31.

важных и нужных для Кыргызстана проектов, которые имеют стратегическое значение для инициативы ОПОП.

Еще в апреле 1997 г. был подписан трехсторонний меморандум о строительстве автомобильной дороги Ташкент – Андижан – Ош – Кашгар, данный проект долгое время обсуждался, а получил свое разрешение только в феврале 2018 г. уже в рамках стратегии ОПОП как часть трансконтинентального транспортного коридора Китай – Центральная Азия – Южная Азия – Ближний Восток. Данная автомобильная дорога позволяет сократить время доставки грузов с 8–19 дней до 2–3 дней и удешевить на 300–500 долларов[1].

Важным проектом в реализации стратегии «Пояс и путь» должна стать железнодорожная магистраль Китай – Кыргызстан – Узбекистан. Соглашение о строительстве кыргызского участка этой дороги было подписано 14 сентября текущего года в Самарканде на полях саммита ШОС. Трехстороннее соглашение предполагает, что реализация этого проекта начнется с 1 июня 2023 г.[2].

Проект строительства этой магистрали обсуждается уже четверть века, впервые о нем заговорили еще в далеком 1997 г., после этого несколько раз приступали к реализации, сначала в 2003 г., затем в 2012 г. Однако всё заканчивалось работами по технико-экономическому обоснованию (ТЭО) и обсуждением проблемы ширины колеи. Сама проблема строительства дороги давно уже стала фактором

[1] Коридор «Ташкент – Андижан – Ош – Иркештам – Кашгар» заработает 25 февраля (19 февраля 2018) // Газета.uz. URL: https://www.gazeta.uz/ru/2018/02/19/road/

[2] В Самарканде подписано соглашение о сотрудничестве по проекту строительства железной дороги «Китай – Кыргызстан – Узбекистан» (15.09.2022) // URL: https://kun.uz/ru/news/2022/09/15/v-samarkande-podpisano-soglasheniye-o-sotrudnichestve-po-proyektu-stroitelstva...

внутриполитической борьбы между различными политическими силами в Кыргызстане.

Магистраль действительно имеет стратегическое значение для Китая, поскольку позволяет диверсифицировать доставку товаров и сократить время поставок. Кроме этого, постройка магистрали даст дополнительный импульс для развития Синьцзяна.

Новый трансграничный транспортный коридор должен стать южной веткой евразийского континентального моста и позволит расширить возможности по доставке товаров на рынки Юго-Восточной, Западной Азии и в Европу. Общая протяженность магистрали – 440 км, бо̀льшая ее часть – 270 км – пройдет через Кыргызстан. Планируемый маршрут по Кыргызстану протянется через Казарман – Торугарт – Джалал-Абад, дальше магистраль пойдет по узбекской территории, где дорога уже построена. Основная часть маршрута пройдет по горной местности, поэтому необходимо будет построить 95 мостов и 48 тоннелей общей протяженностью 60 км[1]. По самым скромным подсчетам, магистраль позволит доставлять до 15 млн т грузов в год. За транзит по своей территории Кыргызстан рассчитывает получить около 200 млн долларов в год[2].

Одним из крупнейших проектов Китая в Кыргызстане стало строительство ЛЭП «Датка – Кемин» протяженностью 405 км. Благодаря этому проекту Кыргызстан перестал платить миллионы долларов ежегодно своим соседям –

[1] Осенью 2022 г. начнется строительство железнодорожной линии Китай – Кыргызстан – Узбекистан (24.05.2022) // INFOTRANS. URL: https://infotrans.by/2022/05/24/osenyu-2022-g-nachnetsya-stroitelstvo-zheleznodorozhnoj-linii-kitaj-kyrgyzstan-uzbekistan/

[2] Ж/д пояс Китай – Киргизия – Узбекистан: стратегическая важность или корыстный интерес? (14.04.2021) // Ритм Евразии. URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2021-04-14--141411555555-54183

Казахстану и Узбекистану за транзит электричества по их территориям в северные области республики. На сегодня потребители Иссык-Кульской, Нарынской, Таласской, Чуйской областей, а также г. Бишкека получают электроэнергию напрямую с гидроэлектростанций, находящихся на юге Кыргызстана[1]. Возможно, данный проект не имеет прямого отношения к стратегии ОПОП, однако он решает массу проблем республики в сфере энергетической безопасности и делает более доступными энергетические мощности для северных областей, что, в свою очередь, даст возможность реализовывать намеченные планы в рамках ОПОП.

В 2015 г. Китай и Кыргызстан подписали меморандум о реконструкции ирригационных систем. Благодаря этому проекту кыргызстанские аграрии получат дополнительно около 6 тыс. га орошаемых земель и повысят водообеспеченность еще на 22 тыс. га. Китай выделил грант в размере 32 млн долларов на строительство и реконструкцию 6 крупных водохозяйственных объектов в Баткенской, Таласской, Чуйской и Иссык-Кульской областях[2]. На сегодняшний день реализация проекта еще не закончилась, были введены в строй только несколько гидротехнических объектов.

Еще одним важным проектом для Кыргызстана стало строительство кольцевой дороги вокруг озера Иссык-Куль: Балыкчи – Тамчы – Чолпон-Ата – Корумду. Стройка началась ударными темпами в 2015 г., проект был рассчитан до 2017 г., однако до сегодняшнего дня он остается на стадии

[1] Достроили ЛЭП «Датка» – «Кемин». Что изменится? (26.08.2015) // Sputnik Кыргызстан. URL: https://ru.sputnik.kg/20150826/1017714321.html

[2] КНР выделила Кыргызстану $32 млн для реконструкции ирригационной системы (04.05.2018) // Акчабар: Фин. портал № 1. URL: https://www.akchabar.kg/ru/news/china-grant-water/

реализации. Работы худо-бедно велись в 2016–2018 гг., когда в Кыргызстане проводились первые и вторые Всемирные игры кочевников, после этого проект заглох.

Большой интерес Китай проявляет к разработке месторождений полезных ископаемых. Крупные китайские компании имеют преобладающие доли в компаниях, ведущих разработку золоторудных месторождений. Например, кыргызско-китайская компания «Алтынкен» ведет разработку месторождения Талды Булак Левобережный. Китайским компаниям принадлежат права на разработку месторождений Иштамбери, Бучук, Куру Тегерек и Шамбесай. При этом, как отмечает исследователь Я. В. Лексютина, китайские компании «получили права на разработку золоторудных месторождений Киргизии (нередко по схеме "инвестиции/кредиты в обмен на месторождения")»[1].

Сотрудничество в нефтегазовом секторе отмечено несколькими проектами. В 2002 г. китайская корпорация Sinopec получила лицензию на разработку месторождения Майлуу-Суу IV – Избаскент, а также права на разведку в Алайской долине. Общая сумма инвестиций в эти проекты составила 57 млн долларов[2]. Кроме того, по территории Кыргызстана прошла ветка магистрального газопровода «Центральная Азия – Китай», протяженность участка – 215 км.

В целях поэтапной интеграции в проект ОПОП намечен целый ряд проектов в различных сферах. В частности,

[1] Лексютина Я. В. Контуры экономического присутствия Китая в Центральной Азии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. Т. 25. № 25. С. 305–320. С. 315.

[2] Гэн Чжэ. Сотрудничество между Китаем и странами Центральной Азии в нефтегазовой области // Региональная экономика и управление: Электрон. науч. журнал. 12.09.2017. № 3 (51) // URL: https://eeeregion.ru/article/5110/

в рамках реализации стратегии ОПОП предполагается строительство железных дорог для перевозки интермодальных контейнеров и создание хаба в Ат-Башинском районе Нарынской области. Кроме того, Кыргызстан нацелен стать важным звеном Цифрового Шелкового пути. Правительство КР предложило включить национальную систему «Таза коом» в общую цифровую стратегию ОПОП, для этого предполагается расширить сети волоконно-оптической передачи на территории республики, которые идут из КНР в Европу[1]. Правительство КР планирует создать несколько высокотехнологичных логистических центров для электронной торговли[2].

Как и в ситуации с Казахстаном, Китай планирует перенос избыточных производственных мощностей в Кыргызстан. Правительство КР еще в 2016 г. определилось со списком из 42 предприятий для переноса в Кыргызстан. Со слов нынешнего министра экономики А. Кожошева ясно, что данный проект еще находится в стадии согласования, однако у проекта есть хорошие перспективы на реализацию. Но еще много нужно сделать, чтобы планы стали реальностью, в частности, в обществе зреет недовольство, вызванное пресловутой китайской экспансией, по этой причине необходимо уберечь себя, приняв ряд законодательных мер по ограничению привлечения рабочей силы из Китая[3].

---

[1] Тогусаков О. А., Рахимов Б. А. Дорога перемен: реализация инициативы «Один пояс – один путь» в Кыргызской Республике // Власть. 2022. № 3. С. 250–257. С. 253.

[2] Рахимов Б. А. Реализация международных транспортных проектов в Кыргызстане: перспектива строительства железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политич. науки. 2020. № 2. С. 80–90.

[3] Трактор или iPhone. Министр о переносе заводов Китая в Кыргызстан (30.05.2016) // URL: https://ru.sputnik.kg/20160530/1025896596.html

Безусловно, важным проектом для Кыргызстана в плане реализации инициативы ОПОП могут стать договоренности с Казахстаном о строительстве Казарманского каскада ГЭС на р. Нарын. Данные договоренности нашли отражение в меморандуме, который был подписан в августе текущего года между ОАО «Электрические станции» и казахстанской компанией Orient Trade Investment Company. Казахстанская компания предполагает вложить 1 млрд долларов в строительство каскада[1]. Очевидно, что Казахстан заинтересован в расширении своих энергетических возможностей, поскольку нацелен на реализацию целого ряда крупных проектов в рамках договоров с Китаем, что приведет к росту энергопотребления. Необходимо отметить, что в 2016 г. китайская компания State Power Investment Corporation уже проявляла интерес к строительству каскада ГЭС на р. Нарын, но из-за политической нестабильности в тот период и роста антикитайских настроений проект так и не был реализован. Вероятно, чтобы не провоцировать лишний раз население республики, китайцы решили зайти через казахстанскую компанию.

На сегодняшний день на территории Кыргызстана работают более 400 предприятий и коммерческих фирм, которые так или иначе аффилированы с китайским бизнесом или госкорпорациями КНР. Понятно, что получивший доступ к ресурсам и экономической инфраструктуре китайский бизнес будет наращивать свое влияние на политические процессы в республике. Об этом отчасти свидетельствует коррупционный скандал с премьер-министром Темиром Сариевым, который привел к его отставке в 2016 г.

[1] Каскад ГЭС на $1 млрд: Кыргызстан и Казахстан подписали меморандум по проекту строительства Казарманского каскада ГЭС (23 августа 2022) // Tazabek. URL: https://www.tazabek.kg/news:1800129

Таджикистан

Сотрудничество Китая с Таджикистаном определяется в первую очередь особым географическим положением этой страны. Таджикистан – это горная республика, без выхода к морю и основным торговым маршрутам. Сложившаяся еще при СССР транспортная инфраструктура, связывающая Таджикистан с мировым рынком, шла через Узбекистан, который нередко по тем или иным причинам тормозил экспорт таджикских товаров через свою территорию. Учитывая нестабильную ситуацию в Афганистане, у еще одного соседа Таджикистан находился в транспортном тупике. Единственная реальная возможность наладить бесперебойный грузооборот – это организовать поставку своих товаров в восточном направлении, через Китай, тем самым диверсифицировать свои внешнеторговые связи.

Таджикистан и Китай имеют достаточно протяженную границу (477 км), однако сложность заключается в том, что вся эта граница проходит на Памире по Сарыкольскому хребту. Началом организации нового транспортного маршрута стало подписание в 1996 г. соглашения об открытии временного торгового коридора через перевал Кульма/Карасу. В 2004 г. на его месте был уже постоянный контрольно-пропускной пункт и новая автомагистраль протяженностью 669 км. Этот пункт находится на границе Горно-Бадахшанской области Таджикистана и Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, на высоте 4362 м над уровнем моря[1]. Столь сложные географические условия не позволяют эксплуатировать этот пункт в круглогодичном режиме. До 2011 г. он работал только 120 дней в году, затем

[1] География Таджикистана // URL: https://comunicom.ru/geografiya/246-geografiya-tadzhi kistana

переведен на круглогодичный режим, однако фактически работает не более 250 дней в году[1]. Тем не менее это позволило Таджикистану значительно нарастить как импортные, так и экспортные возможности. Исследователь Р. Алимов отмечает, что «КПП "Кульма/Карасу" играет роль "золотого моста" дружбы и торговых связей между Таджикистаном и Китаем»[2]. Кроме этого маршрута, связывающего Таджикистан с Китаем, есть дорога Китай – Кыргызстан – Таджикистан, которая, как правило, используется во время затруднений, обусловленных климатическими и техническими проблемами на перевале Кульма/Карасу. Таким образом, очевидно, что Таджикистан кровно заинтересован в развитии торгово-экономических отношений с Китаем.

Таджикистан для Китая также представляет очевидный практический интерес, поскольку обладает значительными запасами разного рода природных ресурсов. В частности, мы уже отмечали, что Таджикистан обладает значительными гидроэнергетическими ресурсами. Потенциальные энергетические возможности только крупных рек Таджикистана, по оценкам специалистов, составляют 283 млрд кВт•ч, что сопоставимо с 54,3% совокупных возможностей всех стран Центральной Азии[3]. На современном этапе, по всей видимости, Китай намерен использовать эти преимущества республики по максимуму для обеспечения мощностей в рамках стратегии ОПОП.

За годы независимости Таджикистан смог нарастить свои энергетические возможности. Были построены

---

[1] Алимов Р. К. О роли Китая в выходе Таджикистана из транспортного тупика // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2015. № 3. С. 292–305. С. 296.

[2] Там же.

[3] География Таджикистана…

и модернизированы при помощи России 1-я и 2-я Сангтудинские ГЭС, отремонтирована после аварии ГЭС «Памир-1», введена в строй 241 малая гидроэлектростанция. В 2018 и 2019 гг. были запущены соответственно первый и второй гидроагрегаты Рогунской ГЭС; с запуском еще четырех гидроагрегатов и выходом станции на проектную мощность 3600 МВт станция станет самой мощной в Центральной Азии, что позволит поставлять электроэнергию в соседние страны. На сегодняшний день объявлено о реконструкции Нурекской и Кайраккумской ГЭС, зарубежные инвесторы выделили значительные средства под этот проект.

С помощью Китая в Таджикистане отремонтированы и построены новые ЛЭП. Китайская компания ТВЕА осуществила строительство ЛЭП-500 «Юг – Север» протяженностью 350 км; ЛЭП-220 «Лолазор – Хатлон» протяженностью 90 км; ЛЭП-220 «Худжант – Айни». На эти цели были потрачены кредитные средства в размере 400 млн долларов, выделенные китайским Эксимбанком[1]. Всё это позволит стать Таджикистану самым крупным поставщиком электроэнергии в регионе.

Развитие гидроэнергетики может дать дополнительные мощности для развития местной промышленности, в первую очередь это относится к горнодобывающей отрасли. Таджикистан обладает значительными запасами разнообразных полезных ископаемых. В республике находятся богатейшие месторождения золота, серебра, сурьмы,

[1] Алимов Р. К. Взаимодополнение экономик РТ и КНР: реальность или пожелание? // Таджикистан и Китай: опыт и возможности соразвития: Мат-лы междунар. конф. Пекин, 8 декабря 2011 г. / Ин-т России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общест. наук. С. 93–104 // URL: http://russian.people.com.cn/31521/7670143.html

цинка, меди, вольфрама и других металлов. Разведку и добычу полезных ископаемых в Таджикистане начали еще в советское время. В период 1970–1990 гг. были детально исследованы недра республики, выявлено более 600 перспективных месторождений, 100 из которых находятся в разработке. Добычей и переработкой сырья в Таджикистане занимаются 37 крупных предприятий, подавляющее большинство из которых китайские. Китаю принадлежит, по разным данным, от 70 до 80% золоторудных месторождений, полученных по схеме «месторождение в обмен на выплаты по выданным кредитам». Китаю принадлежит крупнейшее месторождение золота Тарор, где добычей занимается СП «Зарафшон», в этом предприятии Таджикистану принадлежит 30%, Китаю – 70%, прибыль распределяется в тех же пропорциях. Еще одна золотодобывающая компания – ООО «Пакрут» на 100% принадлежит китайской компании China Nonferrous Gold Limited, начала разработку в 2016 г. одноименного месторождения Пакрут. На сегодняшний день вложенные средства уже окупились сполна. Само месторождение полностью принадлежит государственной Китайской корпорации цветных металлов – China Minmetals Corporation (CMC)[1].

Кроме золоторудных месторождений, китайские инвесторы вложили средства в добычу серебра. В 2019 г. нижняя палата парламента одобрила передачу китайским инвесторам серебряных рудников месторождения Якджилва на Памире. Добычей занимается китайская компания Kashgar Xinyu Dadi Mining Investment Company Ltd.,

[1] Пять успешных горнорудных предприятий Таджикистана (28.08.2019) // Новости Таджикистана ASIA-Plus. URL: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20190828/pyat-uspeshnih-gorno-rudnih-predpriyatii-tadzhikistana

которая рассчитывает в течение семи лет ежегодно добывать до 40 т серебра. Компания не намерена строить обогатительные мощности, а вывозит руду в Китай. Кроме того, компания освобождена от всех налогов на семь лет[1]. Необходимо отметить, что драгоценные металлы стали главной статьей экспорта Таджикистана на сегодня. В 2019 г. республика продала драгоценных металлов на сумму 690 млн долларов, что составляло около 50% всего экспорта. На начало 2021 г. эта доля уже составляла более 75%[2]. Таким образом, на сегодняшний день горнодобывающая отрасль Таджикистана является главным источником валютных поступлений в страну. К слову сказать, в горнодобывающей отрасли присутствуют инвесторы из других стран, в частности России, США и ЕС, однако доля китайских инвесторов является преобладающей.

Столь активное сотрудничество с Китаем имеет свою оборотную сторону, причем не совсем светлую для Таджикистана. Очевидно, что Китай наращивает свое влияние в этой республике, продолжая выдавать кредиты. Более 40% внешнего долга Таджикистана приходится на Китай, китайский Эксимбанк владеет 49% активов страны. Некоторые эксперты даже называют Таджикистан «провинцией» Китая. Китай дает кредиты несмотря на рекордно низкий кредитный рейтинг страны, при этом условия кредитования зачастую не раскрываются.

Сегодня уже понятно, что Таджикистану придется рассчитываться по процентам за полученные кредиты участием китайских компаний в разработке месторождений, примеры этому уже есть, о них мы говорили выше, или

[1] Парламент Таджикистана одобрил передачу Китаю серебряного рудника на Памире (02.10.2019) // URL: https://fergana.media/news/ 111307/

[2] Пять успешных горнорудных предприятий Таджикистана…

даже своими территориями. Так, например, произошло в 2011 г., когда Таджикистан вынужден был отдать 1000 км^2 Китаю на восточном Памире, что составляет примерно 3% его территории. Тогда это вызвало широкий общественный резонанс. Видный таджикский историк, академик Рахим Масов, будучи участником межгосударственной комиссии по демаркации и делимитации границы между Таджикистаном и Китаем, отказался подписывать итоговый протокол и осудил ратификацию парламентом этой незаконной передачи земель, которые исторически всегда принадлежали таджикам.

Туркменистан

Туркменистан, также как и другие страны Центральной Азии, вовлечен в орбиту долгосрочного влияния Китая. Интересы Китая в Туркменистана определяются в первую очередь сотрудничеством в нефтегазовой сфере. Туркменистан рассматривается как один из главных поставщиков углеводородов на китайский рынок.

Туркменистан и Китай установили дипломатические отношения в начале 1992 г. В этом же году подписали договор о защите инвестиций, который стал важным инструментом экономического сотрудничества между двумя странами. Однако в течение 1990-х гг. не было предпринято каких-либо важных решений, которые бы значительно расширяли сотрудничество. Товарооборот между странами держался в пределах 4,5–5 млрд долларов[1].

Новый этап в отношениях начинается с 1998 г., когда Китай и Туркменистан создали межправительственный

[1] Туркменистан и Китай подписали ряд двусторонних межправдокументов (13 мая 2014) // URL: https://www.trend.az/casia/turkmenistan/2273278.html

комитет, координирующий усилия двух стран в экономическом и торговом сотрудничестве. В 2000 г. Китайская национальная нефтегазовая корпорация (КННК) и правительство Туркменистана подписали Меморандум о взаимопонимании в нефтегазовой сфере. После подписания этого документа сотрудничество между странами заметно оживилось, товарооборот между ними достиг 10 млрд долларов[1]. К началу осуществления инициативы ОПОП в 2013 г. Китай уже закрепился в качестве крупного внешнеэкономического партнера Туркменистана, заняв долю в 19,5% от общего товарооборота[2]. За этот же период в Туркменистане начали работу около 40 крупных китайских компаний, принявших участие в 66 инвестиционных проектах[3].

На сегодняшний день китайский капитал присутствует практически во всех сферах туркменской экономики. С правительством Туркменистана достаточно активно сотрудничает КННК, участие которой является определяющим в разработке газоносных месторождений в восточной части Туркменистана – нефтегазовый проект «Багтыярлык», месторождение Южный Иолотань и др. В 2011 г. Туркменистан объявил об открытии нового нефтегазового месторождения Галкыныш с общими запасами 27,4 трлн куб. м[4]. Однако российские специалисты

[1] Туркменистан и Китай подписали ряд двусторонних...

[2] Мирзеханов В. С. Тюльпаков М. В. Потенциал и перспективы современных туркмено-китайских отношений // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. 2018. № 4. С. 30–35.

[3] An Interview of President of Turkmenistan Gurbanguly Berdimuhamedov to Chinese Journalists // Turkmenistan: The Golden Age. 2011. November 24 // URL: http://www.turkme nistan.gov.tm/_eng/?id=188

[4] Соловьев Н. Н., Салина Л. С. Гигантское месторождение Галкыныш: мифы и реальность? // Вести газовой науки: Науч.-тех. сб. 2018. № 3 (35). С. 208–215. С. 209.

сомневаются как в гигантских объемах, так и в самом его существовании. Н. Н. Соловьев и Л. С. Салина полагают, что указанные объемы сильно завышены, а само месторождение Галкыныш является объединением территорий уже известных с советских времен смежных месторождений: Южный Иолотань – Осман – Минара[1]. Тем не менее, по данным на 2016 г., потенциальные ресурсы природного газа в Туркменистане оцениваются в 26,2 трлн м^3.

Важной вехой в развитии нефтегазового сотрудничества стало подписание в 2006 г. рамочного Соглашения о прокладке газопровода «Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай» (другое название «Центральная Азия – Китай») и поставках природного газа. Местные СМИ, описывая это событие, пишут о наступлении «новой эры» и «проекте века» для Туркменистана, что отчасти соответствует действительности. Трубопровод был построен в достаточно сжатые сроки, уже в 2009 г. была запущена первая ветка и осуществлены первые поставки газа. На сегодняшний день поставки газа в Китай осуществляются по трем веткам, общий объем поставляемого газа – около 40 млрд м^3 в год. В 2014 г. было подписано соглашение о строительстве четвертой ветки этого трубопровода.

Строительство новой ветки газопровода «Центральная Азия – Китай» имеет в определенном смысле геостратегический характер. Поскольку в отличие от трех других параллельных веток трубопровода новая будет проходить через территорию Кыргызстана и Таджикистана, по горным участкам, это потребует строительства дополнительных газокомпрессорных станций. Кроме того, около 250 км трубопровода пройдет по территории неспокойной в политическом плане Ферганской долины, что обеспечивает

[1] Соловьев Н. Н., Салина Л. С. Гигантское месторождение Галкыныш...

дополнительные риски этому проекту. Однако очевидно, что Китай прокладкой новой ветки пытается завязать эти страны ЦА во взаимозависимый единый энергетический узел и обеспечить энергетические условия под проекты ОПОП в этом регионе.

Очевидность того, что Китай необходим Туркменистану как экономический партнер, не вызывает никакого сомнения, поскольку никто, кроме Китая, не сможет купить столько газа, сколько есть у республики. Китай позволил диверсифицировать поставки газа и решить проблему зависимости от поставок в западном направлении.

Китайские инвестиции также пришли в химическую отрасль республики, заметно их присутствие в телекоммуникационной сфере, где работают крупнейшие китайские компании ZTE и Huawei Technologies Co. Ltd. При этом необходимо отметить, что Туркменистан не спешит продавать или дарить свои активы кому-либо, государство продолжает контролировать все ключевые отрасли экономики, особенно это касается газовой отрасли.

Еще одной важной сферой сотрудничества с Китаем в рамках ОПОП является строительство транспортной инфраструктуры. Туркменистан расположен на пересечении основных маршрутов из Азии в Европу, в Средневековье туркменский город Мерв был одним из опорных пунктов Великого Шелкового пути.

В Национальной программе социально-экономического развития Туркменистана на 2011–2030 гг. отражены стратегические задачи развития[1], некоторые из них напрямую связаны с инициативой ОПОП. В частности,

[1] Добровольный национальный обзор Туркменистана: Расширение прав и возможностей людей и обеспечение всеобщего охвата и равенства. Ашхабад, 2019 // URL: https://sustainabledevelopment.un.org/...

в качестве главной инфраструктурной задачи определяется создание транспортных коридоров «Север – Юг» (из Северной Европы к Персидскому заливу) и коридор «Восток – Запад» (из Китая и стран Юго-Восточной Азии в страны Южной и Центральной Европы).

В рамках инициативы ОПОП Туркменистан определен как один из важнейших логистических хабов. В рамках ОПОП в 2014 г. запущена железнодорожная магистраль Казахстан – Туркменистан – Иран. Продолжается строительство железной дороги Туркменистан – Афганистан – Таджикистан, причем Туркменистан построил свой участок и восстановил старую, построенную СССР дорогу на территории Афганистана, и только Таджикистан, ссылаясь на нехватку средств, прекратил прокладку железнодорожного полотна по своей территории.

Важнейшим звеном транспортной логистики стал запущенный в 2018 г. международный морской порт «Туркменбаши» на Каспии. Этот проект был реализован в сжатые сроки, строительством занималась турецкая компания Gap Inshat, общая стоимость проекта составила 1,5 млрд долларов. Этот крупномасштабный проект имеет исключительное значение для всего региона, его по праву называют «морскими воротами» Центральной Азии, поскольку он позволит расширить и активизировать интеграцию стран региона в мировое экономическое пространство. Уже сегодня новый порт позволяет сократить время доставки товаров из Европы, Ближнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона. Общая пропускная способность порта – около 17 млн т груза в год, без учета нефтепродуктов[1].

[1] В Туркменистане введён в строй самый крупный порт на Каспии (02.05.2018) // URL: https://turkmenportal.com/blog/14434/v-turkmenistane-vveden-v-stroi-samyi-krupnyi-port-na-kaspii

Постройка железной дороги Афганистан – Туркменистан, а также открытие порта «Туркменбаши» стали частью созданной транзитной транспортной системы между пятью странами, известной более под названием «Лазуритовый пояс». Эта система должна объединить автомобильные и железнодорожные магистрали Афганистана, Турции, Туркменистана, Азербайджана и Грузии. Проект был запущен в 2017 г., а уже 13 декабря 2018 г. состоялся торжественный запуск большей части этого маршрута, первые тестовые автомобили прибыли в Бакинский международный морской торговый порт. Грузия по разным причинам тормозит строительство своего участка, хотя два главных порта страны – Поти и Батуми – позволяют продлить данный маршрут до Турции. Проект «Лазуритовый пояс» рассматривается как одно из ответвлений проекта ОПОП.

Таким образом, Туркменистан, используя свое выгодное географическое положение, последовательно реализует стратегические планы инициативы ОПОП. Кроме того, сам инициирует важные транспортные проекты, которые расширяют внешнеэкономические возможности страны и способствуют ее социально-экономическому развитию.

Узбекистан

Узбекистан – самая населенная республика Центральной Азии, в ней проживает около 34 млн человек[1]. Древние города Узбекистана были неотъемлемой частью Великого Шелкового пути. На сегодняшний день Узбекистан относится к числу самых быстро развивающихся экономик

[1] Цифра примерная, дана по данным Государственного комитета по статистике, поскольку за всю историю независимости с 1991 г. Узбекистан не проводил переписи населения.

мира. В допандемийный 2018 г. экономика страны выросла на 8%, при этом Узбекистан имеет один из самых низких показателей ВВП на душу населения – 1500 долларов; если сравнивать с Казахстаном – 9000 долларов, то очевидно, что стране есть куда расти. Узбекистан имеет относительно небольшой внешний долг, соотношение общего долга к ВВП составляет 19,8%, что является самим низким показателем из всех стран Центральной Азии.

Одна из основных задач, стоящих перед нынешним руководством Узбекистана, – привлечение инвестиций. Это обстоятельство является определяющим в инвестиционном сотрудничестве Узбекистана с Китаем. Участие республики в проекте ОПОП должно привлечь новые инвестиции и позволит открыть новые рынки для узбекских товаров.

Современная история отношений двух стран началась с признания независимости Узбекистана Китаем 27 декабря 1991 г., а 2 января 1992 г. между двумя странами были установлены дипломатические отношения. С этого момента сотрудничество в торгово-экономической, инвестиционной, финансовой и других сферах неуклонно растет. За последнее десятилетие Китай превратился в основного торгово-экономического партнера Узбекистана. Согласно данным Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике, Китай в последние годы прочно удерживает первое место с удельным весом в 17% во внешнеторговом балансе. За 2010–2020 гг. общий объем товарооборота между странами вырос в 2,9 раза, с 2,2 млрд до 6,4 млрд долларов[1].

[1] Эрмаматов Ш. Ж., Норалиев У. Современные тенденции сотрудничества Узбекистана и КНР // Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. 2021. Vol. 1. С. 686–691. С. 687.

На современном этапе очевиден перекос между импортом и экспортом, Узбекистан во внешнеторговом обороте с Китаем имеет отрицательное сальдо, которое за последние десять лет выросло в 8 раз. Это связано с тем, что Узбекистан в рамках инвестиционных программ ОПОП по строительству инфраструктуры и производственных мощностей промышленных предприятий закупает большое количество машин и промышленного оборудования, в том числе и в Китае. По мнению современных экспертов, Узбекистан сегодня переживает новую индустриализацию. По этой причине инвестиционное сотрудничество с Китаем является важным фактором экономического развития Узбекистана. Согласно данным Министерства инвестиций и внешней торговли РУз., объем освоенных Узбекистаном китайских инвестиций за период с 2017 по 2019 гг. составил 2,2 млрд долларов. На территории Узбекистана за последние несколько лет запущено 284 китайских долгосрочных проекта на общую сумму 30,4 млрд долларов[1]. Наибольшее число инвестиций было привлечено в нефтегазовую и транспортно-логистическую сферы. Китайцы также охотно вкладывают в сельское хозяйство и легкую промышленность Узбекистана.

Для привлечения инвестиций и ускоренного развития высокотехнологических отраслей производства Узбекистан пошел проторенным путем развитых и быстроразвивающихся стран и начал создавать свободные экономические зоны (СЭЗ). Отельные из них созданы исключительно под подписанное соглашение о создании Узбекско-Китайского промышленного парка в Узбекистане. Например, еще в 2013 г. китайскими инвесторами и властями республики

[1] Эрмаматов Ш. Ж., Норалиев У. Современные тенденции сотрудничества Узбекистана и КНР... С. 688.

была создана свободная индустриальная зона (СИЗ) в Джизакской области с филиалом в Сырдарьинской области[1]. Все создаваемые зоны предлагают примерно одни и те же льготные условия для инвесторов: на 3–7 лет, в зависимости от вложенных средств, компании освобождаются от налогов. Как правило, в пределах таких зон разворачиваются различные производства – от выпуска мобильных телефонов до производства продуктов питания и лекарств. На сегодняшний день в республике функционирует 21 СЭЗ, 19 из них многоотраслевые и только две специализируются на конкретной деятельности – одна на сельхозпроизводстве, вторая на сфере туризма. Во всех СЭЗ присутствует значительная доля китайского капитала[2].

Одной из важных статей дохода республики является экспорт плодоовощной продукции; по данным на 2019 г., Узбекистан экспортировал более 4 млн тонн. Спрос на данную продукцию в мире постоянно растет, и республика рассчитывает в ближайшее время увеличить экспорт этой продукции до 32 млн тонн. Надо отметить, что во многом узбекский экспорт тормозится из-за неразвитой транспортной и логистической инфраструктуры. В ближайшее время власти республики планируют построить 17 логистических центров по переработке и хранению плодоовощной продукции, а наращивание транспортных возможностей, в том числе за счет международных транспортных коридоров, позволит расширить географию

[1] В Узбекистане создана третья свободная экономическая зона (19.03.2013) // Информ. портал «Узинформ». URL: https://www.uzinform.com/ru/news/20130319/17571.html

[2] Свободные экономические зоны Узбекистана: итоги 2020 года и перспективы развития на 2021 год // Сайт Мин-ва инвест. и внеш. торговли РУз. URL: https://mift.uz/ru/menu/svobodnye-ekonomicheskie-zony-uzbekistana-itogi-2020-goda-i-perspektivy-razvitija-na-2021-god

поставок. Очевидно, что появление возможности быстро осуществлять доставку имеет исключительное значение для скоропортящейся плодоовощной продукции. По этой причине Узбекистан крайне заинтересован в строительстве новых автомобильных и железнодорожных магистралей в рамках проекта ОПОП.

Часть транспортной и логистической инфраструктуры в рамках ОПОП уже запущена в Узбекистане и успешно работает. Так, в 2017 г. запущен в строй международный центр логистики United Cargo Center (UCC), который оказывает широкий спектр логистических услуг, общая площадь крытых складов составляет 18 га. В аэропорту г. Навои действует интермодальный международный логистический центр. На базе свободной экономической зоны «Ангрен» создан Центр логистики «Ангрен», обслуживающий автомобильные и железнодорожные перевозки. Подобный комплекс действует в Наманганской области – Центр логистики «Пап». Новый логистический центр строится на территории АО «Узтемирйулконтейнер», который будет крупнейшим в своем роде, только под контейнерный терминал выделено 16 га, на 25 га планируется построить крытые склады[1]. Все существующие и планируемые логистические центры имеют автоматизированную систему управления, зоны таможенного контроля и администрацию.

Узбекистан активно занимается строительством железных дорог, за годы независимости проложено более 1000 км. Из последних проектов, связанных с железнодорожным строительством, наиболее важной является ветка

[1] Ярошова В. К. Развитие транспортно-логистической системы республики Узбекистан // Россия: тенденции и перспективы развития. 2019. № 1 (14). С. 368–372. С. 370.

Навои – Учкудук – Нукус (341 км). С одной стороны, эта магистраль решила проблемы внутреннего сообщения – соединила северо-западные районы с центром, а с другой – стала частью Транскавказского транспортного коридора. Также построена железная дорога Ташгузар – Байсун – Кумкурган (223 км), которая обеспечила транспортный коридор на Таджикистан и Афганистан. Важное экономическое и геостратегическое значение имеет строительство железнодорожной ветки Ангрен – Пап, дорога проходит по территории наиболее развитых районов республики, дающих более 50% дохода страны. Дорога связала в единый транспортно-экономический узел несколько областей: Ташкентскую, Андижанскую, Наманганскую и Ферганскую[1]. Эта дорога примечательна тем, что на ее пути находится один из самых длинных тоннелей в мире – Камчикский тоннель, имеющий протяженность 19 200 м. Дорога была простроена в кратчайшие сроки – в 2013–2016 гг. Деньги на проект дал всё тот же китайский Эксимбанк, тоннель и дорогу проектировали и строили также китайские компании.

Из емкости логистических объектов и построенных железнодорожных линий становится очевидным, что Узбекистан рассчитывает стать одним из главных логистических хабов в Центральной Азии.

Еще одной важной сферой узбекско-китайского сотрудничества является добыча и транспортировка полезных ископаемых. Узбекистан обладает значительными запасами природных ресурсов. На сегодняшний день в республике разрабатывается более 2000 месторождений

[1] Умаров Х. К., Свинцов Е. С. Строительство железнодорожной линии Ангрен – Пап и ее роль в формировании сети железных дорог республики Узбекистан // Известия Петербург. ун-та путей сообщения. 2014. № 4 (41). С. 80–86.

полезных ископаемых, 235 из них приходится на долю углеводородного сырья.

На узбекском нефтегазовом рынке присутствуют несколько крупных китайских компаний, таких как: CNPC (China National Petroleum Corporation), CNODC (China National Oil and Gas Exploration and Development Corporation), а также Китайская нефтегазовая инженерно-строительная корпорация CPECC (China Petroleum Engineering & Construction Corporation). Директор научно-аналитического центра по исследованию развития стран Востока при Ташкентском государственном институте востоковедения отмечает, что «сотрудничество Узбекистана и КНР в сфере добычи минеральных ресурсов является одним из значительных и успешных направлений двусторонних отношений. Наиболее значимым направлением совместного сотрудничества в данной сфере следует отметить добычу и транспортировку углеводородного сырья, а также обустройство и эксплуатацию месторождений»[1].

За период 1991–2020 гг. китайские инвестиции в нефтегазовый комплекс Узбекистана составили 7,2 млрд долларов. При этом китайские компании вкладывают средства не только в разработку месторождений, но и в трубопроводную сеть. Наиболее значительным проектом в этой области стало строительство трубопровода «Узбекистан – Китай» как части магистрального трубопровода «Центральная Азия – Китай». Китай вложил в этот маршрут 4,8 млрд долларов. Ежегодно по трубопроводу прокачивается 10 млрд м^3 газа. Поставки углеводородов являются

[1] Хакбердиев К. К. Сотрудничество Узбекистана и Китайской Народной Республики в области добычи минеральных ресурсов // Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. 2021. Special Iss. № 1. Т. 1. С. 713–718. С. 714.

существенным фактором во внешнеторговом сотрудничестве двух стран, по итогам 2019 г. на поставки нефти и газа приходится 46,2% всего экспорта Узбекистана[1].

Устойчивые темпы развития узбекской экономики требуют постоянного наращивания добычи углеводородов. По этой причине властями республики была реализована Программа по повышению объемов добычи углеводородного сырья в 2017–2021 годы. Под осуществление этой программы китайский инвестиционный фонд – Фонд Шелкового пути выделил кредиты на сумму 585 млрд долларов[2]. Благодаря этим инвестициям Узбекистан благополучно модернизировал более 300 старых скважин, запустил в строй компрессорные станции и пробурил около 400 новых скважин. Реализация проектов в рамках этой программы позволит в следующее десятилетие нарастить добычу природного газа до 100 млрд м^3, что полностью закроет внутренние потребности и позволит нарастить экспортные мощности. Очевидно, что основная часть природного газа будет направлена в Китай.

Сотрудничество Китая и Узбекистана в переработке углеводородного сырья нашло свое отражение в ряде крупных проектов. Китайские инвестиции в строительство Устюртского и Шуртанского газохимических комплексов позволили обеспечить моторным топливом внутренний рынок и значительно нарастить поставки за рубеж. Сотрудничество узбекской государственно-акционерной компании «Узхимпром» и китайской компании CITIC Construction позволили ввести в строй Кунградский содовый завод и Дихканабадский завод калийных удобрений.

[1] Хакбердиев К. К. Сотрудничество Узбекистана и Китайской Народной Республики в области добычи минеральных ресурсов... С. 715.

[2] Там же. С. 717.

В качестве оплаты деятельности китайских компаний узбекские власти передали часть мощностей Дихканабадского завода под управление китайцев.

На сегодняшний день осуществляется масштабный проект по модернизации угольного месторождения Шаргунькумир в Сурхандарьинской области, с доведением проектной мощности до 900 тыс. т каменного угля. Завершение проекта планируется в текущем году. Данный проект осуществляет консорциум китайских компаний China Railway Tunnel Group (CRTG) и China Coal Technology & Engineering Group (CCT&EG). После завершения модернизации предполагается увеличить объем добычи угля со 100 тыс. т в 2022 г. до 900 тыс. т в 2025 г.[1].

На современном этапе уже стало очевидным, что Китай и Узбекистан будут наращивать сотрудничество в разных отраслях экономики. На это указывает и тот факт, что в 2019 г. было подписано соглашение о создании совместного инвестиционного фонда с уставным капиталом в 1 млрд долларов.

Выводы

Рассмотренные в рамках параграфа промежуточные результаты сотрудничества Китая со странами Центральной Азии в рамках проекта ОПОП позволяют сделать определенные выводы. Безусловно, взаимодействие в рамках данного глобального проекта является важным стимулом экономического развития всего региона и каждой республики в отдельности, об этом мы уже выше немало сказали.

[1] Новиков В. «Шаргунькумир» ищет управленца (14.01.2022) // URL: https://nuz.uz/ekonomika-i-finansy/1220288-shargunkumir-ishhet-upravlencza.html

Однако у этого сотрудничества есть свои «но». Наиболее угрожающим фактором является опасность попасть под прямую зависимость от Китая и превратиться в одно из звеньев его логистических возможностей. Важным средством противодействия этому может стать только общая стратегия взаимодействия всех стран Центральной Азии.

Видимо, сегодня лидеры центральноазиатских республик уже осознают степень данной угрозы, поэтому ими предпринимаются определенные шаги, призванные купировать проблемы, возникшие в процессе сотрудничества с КНР и другими странами. В течение только этого года лидеры республик несколько раз встречались в разных форматах. В частности, летом этого года в г. Чолпон-Ата (Кыргызстан) состоялась четвертая Консультативная встреча глав государств Центральной Азии, на которой был согласован Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии в XXI в. и начата процедура его подписания. В итоговом коммюнике встречи сказано, что «главы государств отметили важность укрепления политического взаимодействия и продолжения на регулярной основе пятисторонних консультаций на уровне внешнеполитических ведомств, дипломатических учреждений и представительств при международных организациях по актуальным вопросам региональной и международной повесток дня, представляющим взаимный интерес»[1].

Безусловно, сегодня между республиками решены еще не все проблемы, в первую очередь это касается взаимных территориальных претензий. Однако важно отметить, что

[1] 21 июля в г. Чолпон-Ата состоялась четвертая Консультативная встреча глав государств Центральной Азии (21 июля 2022) // Сайт Исполкома СНГ. URL: ata_sostojalas_chetvertaja_konsultativnaja_vstrecha...

в республиках есть понимание того, что необходимо договариваться между собой без посредничества глобальных игроков в регионе – США, ЕС, Китая и России. Вполне понятно, что любая из этих стран будет действовать в регионе по принципу «разделяй и властвуй». В связи с этим страны Центральной Азии должны иметь консолидированную позицию по наиболее важным региональным вопросам. На нынешнем этапе необходимо создать постоянно действующие механизмы, координирующие сотрудничество с внешними акторами. Необходимы надправительственные органы, действующие по единому стратегическому плану и формирующие позицию стран ЦА в рамках различных международных организаций.

Сегодня уже заметны сдвиги в этой проблеме. На прошедшей в конце октября текущего года в г. Астане встрече глав государств Центральной Азии с президентом Европейского совета Шарлем Мишелем президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев отметил, что в регионе «создан эффективный механизм регулярных Консультативных встреч глав государств Центральной Азии. … Усиливаются кооперационные связи, созданы совместные инвестиционные компании и другие финансовые инструменты реализации крупных проектов»[1].

Что касается Китая, то его позиция и претензии вполне ясны. Задуманный Китаем проект ОПОП призван стать системной моделью взаимоотношений между странами в экономической, социальной и культурной областях. Его главная задача – заменить существующую на данной момент модель, которая основана на гегемонии Запада.

[1] «Господин Мишель, я приведу несколько примеров»: Мирзиёев рассказал, как меняется ситуация в странах ЦА (27.10.2022) // URL: https://kun.uz/ru/news/2022/10/27/gospodin-mishel-ya-privedu-neskolko...

На сегодняшний день уже очевидны и основные тенденции. С одной стороны, китайский юань реально становится одной из мировых резервных валют, а с другой – расширяется сфера расчета в национальных валютах. И то и другое значительно подрывают позиции доллара как мировой валюты. Кроме того, созданы и весьма продуктивно функционируют механизмы финансового сотрудничества в рамках межбанковских объединений, где Китай является главным бенефициаром, а также создана глобальная система контроля и координации инвестиционных средств.

Китай вовлек в сотрудничество большое количество стран, сегодня уже можно сказать, что мир, который создал Китай, на порядок больше мира, созданного Западом. Однако одной из слабостей Китая является отсутствие глобальной идеологической платформы, объединяющей страны и народы. Сегодня человечество оделось во всё китайское, но продолжает жить и думать по-европейски. Вероятно, у Китая пока нет задачи заставить человечество думать по-китайски. Стратегия ОПОП предлагает мультикультурную модель развития, что, на наш взгляд, себя вполне оправдывает. При этом нельзя утверждать, что это навсегда. Уже сегодня Китай наращивает свое идеологическое и культурное влияние. Китайские специалисты ищут возможности и инструменты, позволяющие расширить это влияние. Китайский исследователь Цзи Юешэн отмечает, что для реализации долгосрочной программы культурной китайской экспансии необходимо решить несколько задач. Во-первых, устранить существующее недоверие и предубеждение к набирающему мощь Китаю. Во-вторых, необходимо укрепить культурное взаимодействие и сотрудничество в глобальном масштабе. В-третьих, предложить мировому сообществу культурное потребление и культурные достижения,

альтернативные западным. Юешэн полагает, что главным инструментом культурного влияния должна стать зарубежная китайская диаспора, особый статус которой закреплен в конституции КНР[1].

Если рассматривать общую геополитическую ситуацию в регионе в контексте проблемы взаимоотношений центральноазиатских республик с Китаем, то, отвергая любую возможность предсказаний, с определенной долей вероятности можно предположить, что Центральная Азия в ближайшее время станет регионом, где будут разворачиваться важнейшие события, глубина и характер этих изменений зависят от большого количества привходящих факторов и от мудрости среднеазиатских политиков.

Определяющим фактором будущего региона является нарастающее противостояние глобальных геополитических игроков – США, ЕС, Китая и России. Очевидно, что если геополитические интересы Китая и России определяются в регионе не только экономическим фактором, но и безопасностью, то два других игрока рассматривают присутствие в регионе как рычаг давления на Китай и Россию, а поэтому они в большей степени заинтересованы в дестабилизации ситуации в регионе, что в ближайшее время они и будут пытаться делать. Выше мы уже говорили, что присутствие Китая в Центральной Азии позволяет ему рассчитывать на глобальную гегемонию в мире, поэтому китайские власти постараются сделать всё, чтобы закрепиться в Центральной Азии. Вероятно, что наиболее серьезные события произойдут в обозримом будущем в ближайшие два-три года.

[1] Цзи Юешэн. Приоритеты внешней культурной политики Китая в условиях глобализации // Власть. 2017. № 10. С. 148–154.

2.3 Политика США и их концептуальные программы

В своем выступлении 13 мая 2022 г. после заседания Совета министров иностранных дел стран Содружества Независимых Государств (СНГ) в Душанбе глава МИД РФ Сергей Лавров заявил, что США, ЕС и НАТО предпринимают усилия по укреплению своего влияния в Центрально-Азиатском регионе «за счет нанесения ущерба отношениям в рамках ОДКБ, в рамках СНГ, в рамках ШОС и Евразийского экономического союза»[1]. Данное заявление свидетельствует о том, что политика США и ее западных союзников в Центральной Азии на данный момент рассматривается Российской Федерацией как агрессивная, направленная на переформатирование существующих политических и экономических отношений в регионе с целью вытеснения ими своих геополитических противников из ЦА-региона.

Украинский кризис обострил существующие противоречия между США и РФ в вопросах безопасности РФ, обнажил попытки США вместе с союзниками установить однополярный мир, в котором они осуществляют тотальное, глобальное доминирование во всём мире. Очевидно, что нынешняя ситуация на Украине является прямым следствием отказа США и НАТО в предоставлении России гарантий безопасности по нерасширению НАТО на восток и непринятию Украины в Североатлантический альянс. Выход США и их союзников по НАТО из Афганистана и по-

[1] Лавров заявил о попытках Запада нанести ущерб отношениям стран ОДКБ и ЕАЭС (13.05.2022) // URL: https://iz.ru/1333872/2022-05-13/lavrov-zaiavil-o-popytkakh-zapada-nanesti-ushcherb-otnosheniiam-stran-odkb-i-eaes

следующий провал их плана по размещению своих военных баз и военной инфраструктуры в Центральной Азии, «тотальная гибридная война» коллективного Запада с Россией, которую ведут США, ЕС и НАТО – всё это актуализирует вопрос об усилении их влияния в Центральной Азии.

Таким образом, Центральная Азия становится ареной острого геополитического соперничества глобальных внешних акторов за влияние в регионе. С украинским кризисом странам Центральной Азии едва удается лавировать в проводимой ими многовекторной политике, пытаясь оставаться нейтрально отстраненными в отношении специальной военной операции (СВО) России на Украине. В силу этих обстоятельств политика США и их союзников по НАТО в отношении центральноазиатских государств, скорее всего, будет кардинально меняться.

Вызывает также озабоченность заявление председателя Комитета начальников штабов вооруженных сил США генерала Марка Милли о готовности США нанести удары по Афганистану в случае террористической угрозы, исходящей с его территории[1]. Это значит, что Афганистан попрежнему остается в фокусе внимания США и их союзников по НАТО, а следовательно, Центральная Азия может стать очагом военной напряженности в случае начала ударных операций США в регионе, а также развертывания соответствующей военной инфраструктуры для ее осуществления в Центральной Азии. Помимо этого, северные районы Афганистана продолжают по-прежнему оставаться зонами риска для своих соседей. Данные обстоятельства

[1] США готовы нанести удары по Афганистану в случае выявления угрозы (11.05.2022) // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14600045

представляют прямую внешнюю угрозу региональной и международной безопасности Центрально-Азиатского региона, что влечет необходимость «укрепления общей безопасности» государств региона совместно с РФ по линии ОДКБ[1]. В свете этого обстоятельства и беспрецедентного санкционного давления Запада на Россию из-за СВО на территории Украины, экономические последствия которого значительно отражаются на ближайших центральноазиатских партнерах РФ, возникает необходимость укрепления сотрудничества центральноазиатских государств в рамках существующих интеграционных объединений ОДКБ, ШОС, СНГ и ЕАЭС.

Центральная Азия в силу своего стратегического положения всегда оставалась зоной интересов ключевых акторов мировой политики. Она находится на пересечении путей с Востока на Запад, с Ближнего Востока в Восточную Азию, из Европы в Южную Азию. С распадом Советского Союза и обретением бывшими союзными республиками независимости политика США в Центральной Азии приобрела новый импульс – в понимании наличия долгосрочных целей в регионе. Во многом этому способствовал ресурсный фактор – запасы углеводородов и полезных ископаемых[2]. Збигнев Бжезинский пишет о геостратегических целях США в Центральной Азии следующее: «…первостепенный интерес Америки состоит в том, чтобы помочь обеспечить такую ситуацию, при которой ни одна держава не контролировала бы данное геополитическое пространство, а мировое сообщество имело бы к нему

[1] Руденко заявил об осложнении ситуации на севере Афганистана (17.05.2022) // URL: https://tass.ru/politika/14643175

[2] Гарбузарова Е. Г. Центральная Азия в современных мирополитических процессах. М., 2020. С. 30–33.

беспрепятственный финансово-экономический доступ»[1]. Политика США в Центральной Азии изначально сочетала в себе разные подходы и направления – экономическое, политическое, военное.

Казахстанский ученый М. Лаумулин выделяет в политике США три подхода к Центральной Азии, предложенных китайским ученым Тянем Р. Гуанем: «сбалансированное укрепление», «прежде всего демократия», «прежде всего безопасность»[2].

Принцип «сбалансированного укрепления» предполагает курс на сбалансированную реализацию всех своих стратегических целей в области политики, демократии и энергоресурсов, проведения в жизнь всестороннего подхода, направленного на одновременное решение проблем безопасности, демократии и экономических интересов.

Сторонники принципа «прежде всего демократия» считают, что акцент на отношениях с главами центральноазиатских государств при решении других вопросов, таких как война с терроризмом, обеспечение безопасности и др., должен делаться, прежде всего, на приверженности демократическим принципам и соблюдении прав человека. В противном случае лидеры этих государств могут получить неверный посыл от США, а дело демократии и права человека при этом могут отойти на второй план[3].

Сторонники принципа «прежде всего безопасность», признавая большое значение демократических реформ для стабильности Центральной Азии, считают необходимым

---

[1] Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы / Пер. с англ. М., 2014. С. 178.

[2] Лаумулин М. Политика США и ЕС в Центральной Азии (Сравнительный анализ) // Россия и мусульманский мир. 2014. № 9 (267). С. 82.

[3] Там же.

превалирование соображений безопасности над демократией в регионе. В силу сосредоточения в Центральной Азии интересов крупных держав и для реализации долгосрочных американских интересов в регионе, по мнению сторонников вышеуказанного принципа, США необходимо проявлять осторожность в вопросе продвижения демократии в центральноазиатских государствах, акцентируя внимание на сотрудничестве против терроризма.

Отношения США со светскими режимами в Центральной Азии во многом зависели от соответствия проводимой последними политики американскому внешнеполитическому курсу, который в разное время носил диаметрально противоположный характер. Неизменным при этом всегда оставалось использование «мягкой силы» для достижения своих геополитических интересов в регионе, мониторинг соблюдения прав человека как средства давления на неугодные отдельные светские режимы государств ЦА. Общей целью, которой США придерживаются в Центральной Азии, является долгосрочное присутствие в регионе и нивелирование влияния РФ, а затем КНР на центральноазиатские страны.

Госдепартамент США продвигает свои интересы в Центрально-Азиатском регионе посредством Бюро по делам Южной и Центральной Азии, проводящего внешнюю политику США в пяти центральноазиатских странах – Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане, а также в Афганистане, Пакистане, Бангладеш, Бутане, Индии, Непале, Шри-Ланке, на Мальдивах[1].

Регион Центральной Азии включается в сферу ответственности Центрального командования вооруженных

[1] Bureau of South and Central Asian Affairs // URL: https://www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-political-affairs/bureau-of...

сил США (CENTCOM) наряду со странами Южной Азии, Ближнего и Среднего Востока[1]. Данная типологизация является частью наследия проекта США «Большого Ближнего Востока», стратегическими целями которого являлись «диверсификация стратегических интересов и "стабилизация пространства"»[2]. Таким образом, в политическом плане Центральная Азия рассматривается как регион во взаимосвязи с Южной Азией, а в военно-политическом – в дополнении к Южной Азии со Средним и Ближним Востоком.

Привязка Центральной Азии к Южной Азии вызывает споры среди научного сообщества и является понятием скорее геополитическим, нежели историко-географическим. Термин «Центральная Азия» вместо «Средняя Азия и Казахстан» был введен лидерами среднеазиатских государств в 1993 г. в г. Ашхабаде с обозначением территории пяти независимых государств – Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Туркменистана и Таджикистана и предложен к всеобщему употреблению в шеститомнике «История народов Центральной Азии»[3]. Хотя согласно «Истории цивилизаций Центральной Азии», изданной под эгидой ЮНЕСКО, границы Центральной Азии включают Афганистан, северо-восток Исламской Республики Иран,

[1] Area of Responsibility // URL: https://www.centcom.mil/AREA-OF-RESPONSIBILITY/

[2] Лаумулин М. «Большая Центральная Азия» (БЦА) – новый мегапроект США? // Новая Большая игра в Большой Центральной Азии: мифы и реальность. Бишкек, 2005. С. 30.

[3] Бойко В. С. Большая Центральная Азия и Россия: особенности историко-цивилизационного, геополитического и экономического взаимодействия // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности, перспективы / Под ред. А. А. Князева. Бишкек, 2007. С. 52.

Пакистан, северную Индию, западный Китай, Монголию, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан[1].

Данный термин, подразумевающий единство региона, по мнению некоторых кыргызстанских и российских исследователей, является понятием «конструированным» извне[2], из-за отсутствия как такового единого региона[3] и «какой-то единой и непротиворечивой культурно-идентификационной структуры»[4] внутри региона. «Война определений» о границах Центральной Азии является способом политической борьбы внешних внерегиональных акторов за данный регион, их манипуляций для его привязки к конкретному политико-географическому пространству[5]. «США принимали деятельное участие в проектировании Центральной Азии извне»[6].

По мнению ряда экспертов, Центральная Азия является нестабильным регионом, «несущим в себе огромную неопределенность»[7]. Преобладающее мусульманское население и наличие режимов, не отвечающих демократическим принципам, делает Центрально-Азиатский регион

[1] Adle Chahryar, Habib Irfan, Baipakov K. M. History of civilizations of Central Asia. Vol. 5: Development in contrast, from the sixteenth to the mid-nineteenth century / UNESCO. 2003. P. 32 // URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000130205?posInSet=7&queryId=dcd279b5-19bc...

[2] Казанцев А. А. Взаимосвязь глобальных и региональных политических процессов (на примере Центральной Азии): Автореф. дис. … д-ра полит. наук. М., 2011. С. 31.

[3] Богатырёв В. Б. Центральная Азия: новый регион // Ориентир: Аналит. бюллетень. 2003. № 4 (12). С. 5.

[4] Там же. С. 24.

[5] Там же.

[6] Роль и место основных внешних акторов в центрально-азиатских политических процессах… С. 118.

[7] Там же. С. 78.

в глазах США неустойчивым, требующим постоянной поддержки извне. По мнению американского эксперта А. Коэна, «один из главных интересов американцев и их союзников – обеспечить распространение идеологии и ценностей Запада в противовес исламскому радикализму или доминированию авторитарных рынков таких стран, как Россия и Китай»[1]. Следовательно, Центральная Азия является местом столкновения интересов региональных и внерегиональных крупных держав.

До украинского кризиса многовекторность политики центральноазиатских стран оставляла достаточное пространство для маневрирования США в достижении своих геополитических целей в регионе, а центральноазиатским странам давала возможность лавирования между крупными внешними акторами для достижения своих национальных интересов, получения внешней помощи и привилегий.

Для понимания основных направлений и подходов внешней политики США в Центральной Азии в настоящее время необходим ретроспективный взгляд на эволюцию политики США и их концептуальных программ в данном регионе. Это даст объяснение существующим целям и задачам, стоящим перед США в Центрально-Азиатском регионе, а также причинам корректировок американских концептуальных программ в свете внешнеполитического курса США. Формирование различных концептуальных программ во внешней политики США осуществлялось в рамках разных доктрин и стратегий, имевших место при сменяющихся администрациях президентов США.

[1] Анашкина Е. Б. Роль постсоветского пространства во внешней политике США // США и Канада: Экономика, политика, культура. 2015. № 6. С. 24 // Цит. по: Гарбузарова Е. Г. Приоритеты внешней политики Д. Трампа в Центральной Азии // Вестник Томск. гос. ун-та. 2020. № 455. С. 97.

Фактором, выступившим, по сути, водоразделом между ними и определившим последующие стратегии США, являются события 11 сентября 2001 г. в США и ввод войск США и НАТО в Афганистан в ходе антитеррористической операции «Несокрушимая свобода».

Среди экспертного сообщества в научной среде существуют различные точки зрения о количестве этапов внешней политики США в Центральной Азии, в рамках которых осуществлялась реализация их концептуальных политик. Наиболее точной, с точки зрения автора, является классификация этапов в хронологическом порядке в соответствии с этапами прихода к власти президентов США, предложенная российским исследователем А. А. Казанцевым[1].

Согласно данной классификации, можно выделить следующие этапы.

1989–1993 гг. – администрация Дж. Буша-старшего – это период, характеризуемый дипломатическим признанием новых независимых государств, укреплением становления их государственности и независимости. У США отсутствует «последовательная и целостная политика по отношению к странам региона»[2]. Центральная Азия воспринимается как «задний двор» РФ, приоритет отдается отношениям с РФ. Сотрудничество США с центральноазиатскими государствами ограничивалось политикой поддержки демократии и рыночных преобразований в новых независимых государствах Центральной Азии. 30 октября 1992 г. в США был принят Закон «О поддержке

[1] Казанцев А. А. Политика США в постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4. С. 155–164.

[2] Там же. С. 155.

свободы», который предусматривал оказание экономической помощи, вложение инвестиций и предоставление кредитов новым независимым государствам в зависимости от выполнения ими конкретных условий – в частности, продвижения и внедрения демократической системы и экономических рыночных реформ, соблюдения прав человека и т. п.[1]. Данный закон предусматривал грантовую поддержку институтов демократического управления и неправительственных организаций гражданского общества.

1993–1997 гг. – первая администрация У. Клинтона – начало активной политики США в Центральной Азии. США используют концепцию «вовлечения», в рамках которой продолжается укрепление независимости новых суверенных государств, оказание поддержки проведению демократических реформ и рыночных преобразований, в том числе в ускоренном виде в Кыргызстане и Казахстане. В этот период отмечается активная поддержка США «планов внутрирегиональной интеграции между Казахстаном, Узбекистаном и Киргизией как альтернативы СНГ»[2].

Помимо экономического и политического направлений политика США в Центральной Азии стала включать и военную в сфере безопасности. В 1994 г. была принята программа «Партнерство ради мира», предусматривавшая двустороннее сотрудничество между НАТО и отдельными государствами-партнерами. «На двустороннем уровне такое партнерство предполагает развитие практических рабочих отношений между отдельными государствами-партнерами и НАТО в соответствии с их конкретными обстоятельствами

[1] S. 2532 – Freedom Support Act // URL: https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/ senate-bill/2532

[2] Казанцев А. А. Политика США в постсоветской Центральной Азии… С. 156.

и требованиями»[1]. Первоначальная цель программы «Партнерство ради мира» заключалась в устранении существующих барьеров, укреплении доверия, установлении диалога и сотрудничества, но затем политика программы трансформировалась в сотрудничество по отражению вызовов безопасности XXI в. – терроризма, распространения оружия массового уничтожения, проблем, исходящих от недееспособных государств и нестабильных регионов[2]. В этот период США продолжают придерживаться концепции, согласно которой Центральная Азия выполняет роль «заднего двора» России.

1997–2001 гг. – вторая администрация У. Клинтона – данный период характеризуется, согласно А. А. Казанцеву, ростом борьбы США за влияние в новых независимых государствах, частичным оспариванием стратегического приоритета в Центральной Азии[3] при сохранении концепции Центральной Азии как «заднего двора» России. Критика республиканцами слишком «мягкой» и «пророссийской» политики, проводимой У. Клинтоном по отношению России, привела к ужесточению внешней политики США в отношении РФ и оспариванию ее влияния в Центральной Азии. Правда, соперничество ограничивалось только вопросами военно-политической сферы, проектами региональной интеграции, углеводородными ресурсами и их транспортировкой[4].

2001–2009 гг. – администрация Дж. У. Буша-младшего – период, характеризуемый как «агрессивный реализм»,

---

[1] Безопасность посредством партнерства / НАТО. 2005. С. 6 // URL: https://www.nato.int/ docu/sec-partnership/sec-partner-rus.pdf

[2] Там же.

[3] Казанцев А. А. Политика США в постсоветской… С. 163.

[4] Там же. С. 157.

предполагающий активное продвижение национальных интересов США в регионе в ключе защиты демократических свобод. Реализация данной концепции привела к «цветным революциям» на постсоветском пространстве, в частности в Кыргызстане. «Администрация Дж. Буша-младшего рассматривала распространение демократии как механизм нейтрализации угроз национальной безопасности, исходящих от диктаторских режимов и терроризма»[1]. Теракт 11 сентября 2001 г. и последовавшая за ним антитеррористическая операция в Афганистане кардинально изменили отношение США к Центрально-Азиатскому региону. В регионе отмечается значительный рост влияния США, связанный с военно-политическим сотрудничеством – прежде всего, с открытием с согласия РФ военных баз в Кыргызстане (авиабаза им. Ганси в аэропорту «Манас») и Узбекистане (на территории военного аэродрома «Карши-Ханабад»). Узбекистан и Кыргызстан становятся ключевыми странами для военного присутствия США в регионе. США резко увеличили экономическую помощь центральноазиатским государствам. С военной активностью США в Афганистане серьезно активизировалась деятельность НАТО в регионе.

В рамках этого этапа следует особо остановиться на Концепции «Большая Центральная Азия». Данная доктрина была разработана Ф. Старром, председателем Института Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса, в марте 2005 г. и опубликована в журнале Foreign Affairs в июле-августе этого же года как «Партнерство для

[1] Berman Sh. How Democracies Emerge. Lessons from Europe // Journal of Democracy. January. 2007. Vol. 18. № 1. P. 29 // Цит. по: Таткало Н. С. Продвижение США в Центральной Азии политики глобального доминирования… С. 46.

Центральной Азии». В данной концепции Ф. Старр предлагает Соединенным Штатам рассматривать Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан с Афганистаном как единый регион, одно целое. По его мнению, этот регион мог бы выступить «мостом между Ближним Востоком и Южной и Восточной Азией»[1]. Он предложил создать Партнерство по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии (ПБЦА) для планирования, координации и осуществления ряда программ США. Создание данного партнерства означало бы для США признание долгосрочных интересов в Центральной Азии[2]. В своей концепции Ф. Старр выделяет следующие стратегические цели концепции «Большой Центральной Азии»: во-первых, создание «замкнутых на США инфраструктур безопасности» и война с терроризмом; во-вторых, защита от радикального исламизма и наркоторговли; в-третьих, укрепление региональной экономики, интеграция региона в мировую торговлю – соединение между Ближним Востоком, Южной и Восточной Азией; в-четвертых, развитие демократических политических систем как образец для других стран с многочисленным мусульманским населением[3].

По мнению Ф. Старра, торговля и транспортные коридоры должны были помочь переместить Афганистан и его соседей в центр нового региона – Большой Центральной Азии. Афганистан и Центрально-Азиатский регион должны были «превратиться в безопасную зону суверенных

---

[1] Старр Ф. Партнерство для Центральной Азии: дефицит внимания // Новая Большая игра в Большой Центральной Азии: мифы и реальность: Сб. ст. / Под ред. М. Н. Омарова. Бишкек, 2005. С. 9.

[2] Там же. С. 7.

[3] Там же. С. 9–10.

государств, сделавших выбор в пользу эффективной рыночной экономики, отличающихся светскими и открытыми системами государственного управления и поддерживающих позитивные отношения с Вашингтоном»[1].

Исходя из того, что Афганистан и страны Центральной Азии являются преимущественно аграрными, «основанными на натуральном сельском хозяйстве», без развитой промышленности, торговля, по мнению Ф. Старра, должна была выступить тем экономическим инструментом, который обеспечил бы огромные экономические преимущества для стран региона. Афганистан на момент начала реализации концепции «Большая Центральная Азия» рассматривается страной, добившейся определенных успехов в проведении демократических преобразований, стабилизации экономики и укрепления в сфере безопасности[2].

Концепция «Большая Центральная Азия», по мнению российского исследователя Е. Ф. Троицкого, была направлена на выполнение следующих задач: а) создание альтернативных интеграционных проектов, существующих в Центральной Азии, с российским участием (несмотря на официальные заявления администрации США о том, что они не стремятся подорвать отношения с «традиционными торговыми и стратегическими партнерами»); б) ограничение роли Китая в Центральной Азии, «опираясь на контроль над Афганистаном и сотрудничество с Дели и Исламабадом»[3].

[1] Старр Ф. Партнерство для Центральной Азии: дефицит... С. 6.

[2] Роль и место основных внешних акторов в центрально-азиатских политических процессах… С. 122.

[3] Троицкий Е. Ф. Политика США в Центральной Азии: подходы второй администрации Дж. Буша (2005–2009 гг.) и Б. Обамы (2009–2010 гг.) // Сравнительная политика. 2011. № 4 (6). С. 65–74. С. 66.

Концепция «Большая Центральная Азия» оказалась неуспешной в силу ряда причин: во-первых, из-за отсутствия экономических инвестиций в торгово-транспортные проекты со стороны США; во-вторых, из-за активного вмешательства США во внутреннюю политику центральноазиатских государств, свержения неугодных США режимов посредством «цветных революций»; в-третьих, из-за влияния американских внутриэкономических процессов на внешнюю политику США и военной операции в Ираке[1]; в-четвертых, из-за восприятия центральноазиатскими странами Афганистана как «источника нестабильности, терроризма и наркоторговли»[2]; в-пятых, из-за того, что Афганистан в силу существующих проблем в строительстве демократии и стабильной экономики не мог стать эпицентром интеграции для центральноазиатских государств[3].

2005–2008 гг. – кризис политики США в Центральной Азии. Политика «агрессивного реализма» с вмешательством во внутренние дела суверенных государств и сменой режимов в отдельных центральноазиатских государствах «в пользу демократии» привела к ухудшению отношений с большинством стран региона, а отношения с Россией и Китаем приобрели характер резкой конкуренции[4].

---

[1] Казанцев А. А. Политика США в постсоветской Центральной Азии… С. 160.

[2] Роль и место основных внешних акторов в центрально-азиатских политических процессах… С. 119–120.

[3] Акматалиева А. От идеи Большой Центральной Азии до стратегии «Новый Шелковый путь» (11 июня 2012) // URL: http://analiz.kg/analytics/125-ot-idei-bolshojczentralnoj-azii-do-strategii-lnovyj-shelkovyj-put // Цит. по: Роль и место основных внешних акторов в центрально-азиатских политических процессах… С. 120.

[4] Казанцев А. А. Политика США в постсоветской Центральной Азии… С. 160.

2009–2017 гг. – администрация Б. Обамы – перед администрацией Б. Обамы стояли задачи вывода войск из Ирака, решение афганской проблемы и выхода из Афганистана. Необходимость обеспечения северного маршрута (через Россию и Центральную Азию) снабжения войск НАТО в Афганистане потребовала корректировки стратегии «агрессивного реализма» и пересмотра концепции «Большой Центральной Азии» для обеспечения интересов США в Центральной Азии в среднесрочной перспективе. В декабре 2009 г. Вашингтон сформулировал политику США в Центральной Азии: «расширить сотрудничество с центральноазиатскими государствами, направленное на поддержку действий коалиции… в Афганистане и Пакистане» (в том числе повысить «возможности и надежность» северной сети доставки), обеспечить «развитие и диверсификацию энергетических ресурсов региона и путей их транспортировки», содействовать «политической либерализации и соблюдению прав человека», стимулировать формирование в странах Центральной Азии «конкурентоспособной рыночной экономики» и предотвратить появление в регионе «несостоявшихся государств»[1].

Необходимость обеспечения экономической самостоятельности и устойчивости Афганистана в свете предстоящего выхода НАТО из него, его будущего социально-экономического развития без прямого финансирования США поставила вопрос о разработке *новой концепции* – «*Нового Шелкового пути*». Госсекретарь США Х. Клинтон в ходе ее

[1] Krol G. Testimony before the Senate Committee on Foreign Relations, Subcommittee on Near Eastern and South and Central Asian Affairs, December 15, 2009 // URL: https://www. foreign.senate.gov/imo/media/doc/KrolTestimony091215a1.pdf // Цит. по: Троицкий Е. Ф. Политика США в Центральной Азии… С. 72–73.

визита в Индию в июле 2011 г. впервые озвучила концепцию «Нового Шелкового пути»: «Исторически сложилось, что народы Южной и Центральной Азии были связаны друг с другом и с остальной частью континента разветвленной торговой сетью, называемой Шелковым путем. ... Давайте работать вместе, чтобы создать новый Шелковый путь. Не единый путь сообщения, как его одноименный проект, а международную паутину и сеть экономических и транзитных связей. Это означает строительство новых железнодорожных линий, автомобильных дорог, энергетической инфраструктуры, такой как предлагаемый трубопровод из Туркменистана через Афганистан и Пакистан в Индию. Это означает модернизацию пунктов пересечения границ. Кроме того, это, безусловно, означает устранение бюрократических барьеров и других препятствий для свободного движения товаров и людей»[1]. Х. Клинтон, выступая в Нью-Йорке на встрече с представителями внешнеполитических ведомств, заявила: «…постоянная стабильность и безопасность находятся в тесной связи с экономическим ростом»[2].

Концепция «Новый Шелковый путь» является продолжением концепции «Большая Центральная Азия», с перемещением акцента на экономическую составляющую – создание торговой, транспортной и энергетической инфраструктурной сети, связывающей Центральную Азию с Южной Азией, с интеграцией Афганистана в региональную экономическую сеть. В результате реализации данного

[1] Clinton H. Remarks on India and the United States: A Vision for the 21st Century // (20.07.2011) // URL: https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/07/168840.htm

[2] Hormats R. D. The United States' «New Silk Road» Strategy: What is it? Where is it Headed? (29.09.2011) // URL: https://2009-2017.state.gov/e/rls/rmk/20092013/2011/174800.htm

проекта центральноазиатские страны и Афганистан должны были стать частью мировых рынков торговли и мировой финансовой системы.

Структурными элементами геополитического проекта «Новый Шелковый путь» явились TAPI (газопровод Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия), CASA-1000 (международный энергетический проект с участием Кыргызстана, Таджикистана, Пакистана, Афганистана), железнодорожные магистрали между Узбекистаном и Афганистаном, CAREC (ЦАРЭС, Программа Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества)[1]. Данные инициативы были направлены на создание альтернативы интеграционным процессам в Центральной Азии с участием России. Проект транснационального магистрального газопровода TAPI из Туркменистана в Афганистан, Пакистан и Индию общей протяженностью 1814 км, из которых более 700 км пролегает по территории Афганистана, с пропускной мощностью 33 млрд м^3 газа и проектной стоимостью 10 млрд долларов США начал реализоваться в 2015 г. и находится на стадии реализации[2]. Международный проект CASA-1000, со стоимостью 1,2 млрд долларов США, призван обеспечить связь энергетических систем Центральной Азии с Южной Азией (Кыргызстана и Таджикистана с Афганистаном и Пакистаном) и создание условий устойчивой торговли, экспорта электроэнергии – 1300 МВт Кыргызстаном и Таджикистаном в летнее время

[1] Мураталиева З. Т. Центральная Азия как объект геополитического проектирования: ориентиры и перспективы // Вестник КРСУ. 2017. Т. 17. № 9. С. 59.

[2] Туркменистан и Индия обсудили строительство газопровода ТАПИ (20.12.2021) // URL: https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/716877-turkmenistan-i-indiya-obsudili-stroitelstvo-gazoprovoda-tapi/

в Пакистан и Афганистан[1]. Осуществление проекта, после многих лет согласования, началось в 2016–2018 гг.[2].

Программа Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (CAREC/ЦАРЭС) является объединением 11 стран и партнеров для содействия развитию посредством сотрудничества с целью ускоренного экономического роста и сокращения бедности и действует с 2001 г. По состоянию на декабрь 2021 г. CAREC, с момента своего создания в 2001 г., привлекла 41 млрд долларов США в виде инвестиций, которые способствовали построению мультимодальных транспортных сетей, увеличению торговли энергоносителями и безопасности, снятию препятствий в свободном передвижении людей и грузов и созданию базы для развития экономических коридоров[3].

В 2004 г. в Вашингтоне было подписано Рамочное соглашение о торговле и инвестициях (TIFA) между США и пятью странами Центральной Азии с целью расширения сотрудничества между США и государствами региона[4].

Практическая реализация концепции «Новый Шелковый путь» была затруднена в силу ряда причин: во-первых, из-за нестабильности военно-политической и экономической ситуации в Афганистане; во-вторых, масштабности проектов по созданию транспортно-энергетических коммуникаций, объединяющих центральноазиатские

[1] CASA-1000: Increasing clean energy availability and access in Central and South Asia // URL: https://www.casa-1000.org/#whatiscasa; About us // URL: https://www.casa-1000.org/ about-casa-1000/#about5

[2] О проекте: CASA-1000 Kyrgyz Republic // URL: https://casa-1000.kg/about-casa-1000

[3] CAREC Program // What is CAREC? // URL: https://www.carecprogram.org/?page_id=31

[4] Гарбузарова Е. Г. Приоритеты внешней политики Д. Трампа в Центральной Азии… С. 99.

республики со странами Южной Азии[1]; в-третьих, большой привлекательности для центральноазиатских государств Евразийского экономического союза (ЕАЭС) – из-за того, что «он предполагает восстановление разрушенных с распадом СССР социально-культурных и политико-экономических связей с бывшими советскими республиками, но на качественно иной основе»[2]; в-четвертых, евразийский проект предлагает институциональную интеграцию[3] и кооперацию, а не сотрудничество в рамках отдельных экономических проектов; в-пятых, из-за большой практической осязаемости и финансирования российских и китайских «контрпроектов»[4].

По мнению профессора стратегических разработок Центра политических исследований в Нью-Дели Б. Челлани, реальной целью проводимого в регионе политического курса администрации Б. Обамы является укрепление альянсов и дружбы со странами по всей периферии Китая для его изоляции в долгосрочной перспективе[5].

2017–2021 гг. – администрация Д. Трампа – в этот период политика США в Центральной Азии была сфокусирована в основном на вопросах безопасности и экономики, что нашло отражение в Стратегии национальной безопасности США, принятой в декабре 2017 г. В данной Стратегии был сделан акцент на необходимости борьбы

[1] Роль и место основных внешних акторов в центрально-азиатских политических процессах… С. 121.

[2] Мураталиева З. Т. Центральная Азия как объект геополитического проектирования: ориентиры и перспективы… С. 59.

[3] Там же.

[4] Кули А. Центральная Азия после американского вторжения (02.09. 2021) // URL: https://globalaffairs.ru/articles/czentralnaya-aziya-posle-usa/#

[5] См.: Челлани Б. Азиатская «ось» Америки без петель (18 ноября 2012) // URL: http://inosmi.ru/usa/20121118/202301312.html

с террористической угрозой и сведения к минимуму любого внешнего влияния в регионе[1]. В Стратегии закрепляется продолжение прежнего внешнеполитического курса США на интеграцию Центральной Азии и Южной Азии, укрепление экономических связей и взаимодействие с центральноазиатскими государствами для осуществления контртеррористической деятельности[2].

Стратегия США для Центральной Азии на 2019–2025 гг.: продвижение суверенитета и экономического процветания

В феврале 2020 г. США опубликовали Стратегию, которая заменила предыдущую стратегию США для Центральной Азии от 2015 г.[3].

В новой Стратегии наряду с прежними принципами изложены следующие новые принципы в отношении Центрально-Азиатского региона:

– провозглашение «самоценности региона», его геостратегической важности для интересов национальной безопасности США, независимо от вовлеченности Соединенных Штатов в Афганистан;

– необходимость сотрудничества с центральноазиатскими государствами в областях, где США имеют конкурентное преимущество, «в частности, для поощрения участия частного сектора и прозрачной государственной политики и правил, которые способствуют соблюдению

[1] National Security Strategy of the USA. 2017. P. 50 // URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSSFinal-12-18-2017-0905.pdf

[2] Там же.

[3] United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity (Overview): Report / Bureau of South and Central Assian Affairs. February 5, 2020 // URL: https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty...

международных стандартов, включая меры по защите окружающей среды»[1].

Несмотря на то, что в Стратегии на 2019–2025 гг. провозглашается «самоценность региона» (Центральной Азии), в данном документе Афганистан продолжает занимать важное место в обозначении конкретных целей США, а также общих целей политики, проявляющихся в призыве в укреплении мира, стабильности и экономического процветания Афганистана, обеспечения его торговой интеграции со странами региона в рамках площадки С5+1. В следующих целях Стратегии: «расширять и поддерживать стабильность в Афганистане» и «поощрять связь между Центральной Азией и Афганистаном» – звучит призыв к центральноазиатским республикам присоединиться к международным усилиям по стабилизации ситуации в Афганистане, развивать экономические и торговые связи с ним по линии энергетики, экономики, культуры, торговли и безопасности для обеспечения региональной стабильности.

Как отмечает В. Одинцов, наличие в Стратегии афганского вопроса, сопровождающегося призывом к недопущению распространения в регионе террористической и экстремистской угрозы, и готовность США оказать в этом посильную помощь, а также отсутствие критики в адрес действующих в Центральной Азии интеграционных структур – ОДКБ и ШОС – является свидетельством попытки США возложить ответственность за восстановление Афганистана на центральноазиатские государства, и неважно, кто разделит с ними эту ответственность – Россия или Китай[2].

---

[1] United States Strategy for Central Asia 2019–2025...

[2] Одинцов В. Борьба США за Центральную Азию в условиях новой «Стратегии» (24.02.2020) // URL: https://rusevr.asia/borba-ssha-za-central nuyu-aziyu-v-usloviyax-novoj-stra tegii/

В новой Стратегии, как и в предыдущей, главной проблемой безопасности в регионе обозначен внутренний и трансграничный терроризм, а радикальный экстремизм, незаконный оборот наркотических средств и дезинформация рассматриваются в качестве угроз стабильности.

В Стратегии указывается, что основной стратегический интерес США в Центрально-Азиатском регионе заключается, помимо построения сильных демократических институтов, соблюдения верховенства закона и прав человека, обеспечения связи региона с глобальными рынками и открытия его для международных инвестиций, «в построении более стабильной и процветающей Центральной Азии, которая может свободно преследовать политические, экономические интересы и интересы безопасности с различными партнерами на своих условиях»[1].

В Стратегии подчеркивается необходимость поддержки и укрепления независимости центральноазиатских государств в целом, как региона. Обеспечение энергетической независимости, по мнению США, снизит зависимость Центральной Азии от внешних акторов, под которыми они подразумевают, прежде всего, Россию. Данную задачу планируется осуществить через реализацию проектов CASA-1000 и «Лазуритовый коридор», последний, предполагается, должен привести к резкому росту торговли Центральной Азии и Афганистана с Европой и Евразией.

Проект «Лазуритовый коридор» – транспортный маршрут, проходящий от афгано-туркменской границы через Каспийское море, Кавказ и Турцию в Европу[2]. Хотя

---

[1] United States Strategy for Central Asia 2019-2025:...

[2] Шустов А. Куда ведет «Лазуритовый коридор»? (11.08.2019) // URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2019-08-11--kuda-vedet-lazuritovyj-koridor-44278

он прорабатывался с 2012 г., подписание его произошло лишь в 2017 г. Данный маршрут должен выступить альтернативой транспортным маршрутам с участием России. По мнению аналитика Центра стратегических исследований при президенте Азербайджана Фуада Шахбазова, данный транспортный коридор «поможет освободить Афганистан от зависимости от пакистанских, иранских и российских портов для экспорта своих продуктов»[1].

Согласно Стратегии, США предоставили Центрально-Азиатскому региону для поддержания мира и безопасности, демократических реформ и экономического роста более 9 млрд долларов в виде прямой помощи, инвестировали более 90 млн долларов в обеспечение безопасности границ в Центральной Азии, провели более 200 учебных мероприятий и обучили более 2600 пограничников, создали 13 оперативных пограничных постов по всему региону, более 40 тыс. студентов, специалистов и официальных лиц из стран Центральной Азии получили финансирование США для посещения Соединенных Штатов в целях профессионального развития[2]. Частный сектор США инвестировал более 31 млрд долларов в коммерческие предприятия региона, а через Всемирный банк, Международный валютный фонд, Европейский банк реконструкции и развития и Азиатский банк развития было предоставлено более 50 млрд долларов в виде кредитов, займов и технической помощи, предназначенных для поддержки развития региона[3].

Скрытой целью Стратегии, вне всякого сомнения, является максимальное снижение влияния России, Китая и Ирана в Центрально-Азиатском регионе, углубление

[1] Шустов А. Куда ведет «Лазуритовый коридор»?...

[2] United States Strategy for Central Asia 2019–2025...

[3] Там же.

сотрудничества евроатлантических структур с центральноазиатскими государствами. Это подтверждается и в самой Стратегии: «Тесные отношения и сотрудничество со всеми пятью странами будут продвигать ценности США и обеспечивать противовес влиянию региональных соседей»;

2021 г. – настоящее время – администрация Дж. Байдена. Политика Дж. Байдена сохраняла свою преемственность политике администрации Д. Трампа в рамках принятой Стратегии на 2019–2025 гг. до украинского кризиса 2022 г.

Региональная дипломатическая платформа С5+1

Продвижение и защита интересов США в регионе осуществляется через формат сотрудничества С5+1. Данный формат является действенной и эффективной формой сотрудничества США с центральноазиатскими государствами, позволяющей США максимально быстро, в режиме прямого, открытого диалога со всеми участниками реагировать на изменения ситуации в регионе. Многосторонний формат сотрудничества обозначает «общий (самый широкий) круг общерегиональных проблем, по которым может вестись многосторонний диалог»[1], прежде всего проблем безопасности[2].

Согласно Стратегии правительством США выделено более 34 млн долларов США на проекты С5+1 в области безопасности, экономических связей и защиты окружающей среды в Центральной Азии.

---

[1] Алексеенкова Е. Сравнительный анализ деятельности созданных в Центральной Азии форматов «5+1» (с участием США, Южной Кореи, Японии и ЕС) (25.07.2017) // URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sravnitelnyy-analiz-deyatelnosti-sozdannykh...

[2] United States Strategy for Central Asia 2019–2025...

В соответствии с совместным заявлением С5+1 по итогам международной конференции «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Проблемы и возможности» (Ташкент, Узбекистан, 15–16 июля 2021 г.), принятым правительствами Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и США, подтверждается приверженность участников формата к процветанию и безопасности в Центральной Азии. Общерегиональное взаимодействие предполагается за счет модернизации инфраструктурного и транспортного потенциала Центральной Азии, расширения трансграничных деловых связей, укрепления торговых, транспортных и энергетических связей между регионами Центральной и Южной Азии, в том числе через Афганистан; продвижения сотрудничества с Афганистаном в различных сферах, сотрудничества для устранения вызовов и угроз региональной безопасности и в других сферах, в том числе в вопросах экологии[1].

Следует отметить, что первая встреча платформы С5+1 состоялась 1 ноября 2015 г. в Самарканде, с участием госсекретаря США Джона Керри. Он предложил расширить сотрудничество в следующих сферах: экономический рост и взаимосвязанность, окружающая среда, региональная безопасность и стабильность, человеческое измерение. В экономическом плане – развитие сильных торговых и инвестиционных связей, поддержка проектов «Новый Шелковый путь» CASA-1000, Smart Waters с целью подготовки специалистов по управлению водными ресурсами (планирование речных бассейнов и устойчивое управление

[1] Joint Statement of the C5+1 on the International Conference «Central and South Asia: Regional Connectivity. Challenges and Opportunities» (July 16, 2021) // URL: https://www.state. gov/joint-statement-of-the-c51-on-the-international-conference-central-and-south-asia-regional-connectivity...

водными ресурсами)[1]. В ходе встречи он озвучил позицию, отражающую общий подход США к центральноазиатским государствам: нивелирование влияния основных региональных акторов (России, Китая, Ирана и др.) и усиление многовекторности их политики: «Со своей стороны, мы хотим расширять и углублять наши двусторонние отношения в регионе. И нам нужно четко понимать, что дружба с одной страной не уменьшает – по крайней мере, не должна уменьшать – возможности дружбы с другой страной. Это не игра с нулевой суммой. Каждая страна имеет право свободы отношений с любой страной по своему выбору; быть свободной от внешнего давления и запугивания. И это фундаментальный принцип, который приводит нас за стол переговоров»[2].

«Мягкая сила» США в Центрально-Азиатском регионе

В отношении стран Центральной Азии США продолжают использовать концепцию «мягкой силы» (soft power), которая дает возможность геополитической конкуренции с другими ключевыми игроками региона и обеспечивает влияние США на государства Центральной Азии как в среднесрочной, так и долгосрочной перспективе. Специальная военная операция России на Украине и принятие в состав РФ Донецкой Народной Республики (ДНР), Луганской Народной Республики (ЛНР), Запорожской и Херсонской областей только усиливают применение США

[1] Kerry John, Secretary of State. Remarks at the Opening of the C5+1 Ministerial Meeting (Samarkand, Uzbekistan, November 1, 2015) // URL: https://2009-2017.state.gov/secretary/rem arks/2015/11/249046.htm

[2] Там же.

«мягкой силы» для достижения своих геополитических, военных интересов в регионе, которая будет направляться, прежде всего, против России и региональных объединений с ее участием. Подтверждением тому является заявление помощника госсекретаря США по делам Южной и Центральной Азии Дональда Лу на слушаниях в комитете по иностранных делам Палаты представителей Конгресса США, который отметил, что противодействие влиянию России в Центрально-Азиатском регионе проявляется не только в экономической сфере, но и в области образования и культуры[1].

«Мягкая сила» используется США как средство достижения своих политических ценностей в мире, носящее «заведомо либерально-демократический характер»[2]. Реализация американских ценностей обеспечивается за счет их привлекательности для других стран, в том числе центральноазиатских. Дж. Най, основатель данной концепции, дает следующее определение «мягкой силы»: «…способность привлекать других на свою сторону, добиваясь поддержки собственной повестки дня в международных отношениях путем демонстрации культурно-нравственных ценностей, привлекательности политического курса и эффективности политических институтов страны»[3]. Как средство международной политической коммуникации

[1] Госдеп: целью США должно быть «разъединение экономик» России и стран Центральной Азии (14.09.2022) // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15751827?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

[2] Кошкар-оол А. А. «Мягкая сила» в международной политической коммуникации: подходы к интерпретации концепции // Международные коммуникации. 2019. № 1 (10) // URL: https://intcom-mgimo.ru/2019/2019-10/soft-power-in-int-political-communication

[3] Nye J. «Soft Power». Foreign Policy. 1990. № 8. P. 153–171. C. 168.

«мягкая сила» транслируется через реализацию культурно-языковых и образовательных программ.

В Стратегии США в Центральной Азии в 2019–2025 гг. одной из целей является содействие реформированию системы верховенства закона и соблюдения прав человека, предполагающих, кроме прочего, поддержку укрепления организаций гражданского общества для обеспечения участия граждан в решении ключевых вопросов государственной политики[1].

Ключевыми финансирующими и управляющими агентствами программ США в Центральной Азии являются: Агентство по международному развитию США (U. S. Agency for International Development, или USAID), Госдепартамент США (U. S. Department of State). Госдепартамент и USAID запросили у Конгресса больше 60 млрд долларов США в 2023 г. на финансирование зарубежных проектов и развитие демократии в других странах[2].

Общая иностранная помощь США центральноазиатским государствам за период с 2001 по 2021 гг. составила:

Кыргызстан – 724 млн долларов США;

Таджикистан – 573 млн долларов США;

Казахстан – 547 млн долларов США;

Узбекистан – 317 млн долларов США[3].

---

[1] Стратегии США в Центральной Азии в 2019–2025 гг. // URL: https://uz.usembassy. gov/wp-content/uploads/sites/78/20200206_US_STRATEGY_FOR_CENTRAL_ASIA_201920 25_Russian.pdf

[2] Почему «просветители» интересуются политикой // Ложное движение // URL: https://nko.iz.ru/2

[3] Как, куда и кем распределяются миллиарды на якобы миролюбивые проекты // $60 млрд на «демократию» / Институт развития интернета; USAID // URL: https://nko.iz.ru/video

Казахстан

Деятельность USAID в Казахстане сосредоточена на следующих основных направлениях: демократия, права человека и государственное управление, экономическое развитие и здравоохранение[1]. Созданное с поддержкой USAID Руководство по грамотному потреблению информационной продукции используется в 29 университетах республики[2].

Согласно информации USAID, в направлении «Демократия, права человека и управление» агентство в Казахстане добилось следующих результатов:

– содействие Министерству информации и социального развития РК в разработке прозрачных и справедливых процедур присуждения и мониторинга грантов местным НПО;

– поддержка создания Юридической академии организаций гражданского общества (ОГО), обучившей тринадцать ОГО пропаганде улучшения благоприятной среды;

– обучение на основе передового опыта США и международного права в партнерстве с Верховным судом Казахстана более 300 судей и членов судебной системы;

– предоставление технической поддержки местным негосударственным СМИ;

– содействие в партнерстве с Международной организацией по миграции принятию соглашения 2020 г. между Казахстаном и Узбекистаном о защите прав рабочих-мигрантов[3].

---

[1] Казахстан. Профиль страны / USAID // URL: https://www.usaid.gov/ru/kazakhstan/fact-sheets/kazakhstan-country-profile

[2] Там же.

[3] Демократия, права человека и управление / Сайт USAID. URL: https://www.usaid.gov/ru/kazakhstan/democracy-human-rights-and-governance

Для граждан Казахстана Государственным департаментом по делам образования и культуры при Госдепе США (Bureau of Educational and Cultural Affairs) предусмотрены 15 языковых и образовательных программ обмена: Community Solutions; TechGirls; TechWomen; Fortune – U. S. Department of State Global Women's Mentoring Partnership; Study of the U. S. Institutes for Scholars; Study of the U. S. Institutes for Student Leaders; Sports Visitor Program; Fulbright Foreign Language Teaching Assistant (FLTA); Community College Initiative Program, International Writing Program Fall Residency; Fulbright Scholar-in-Residence Program; Global Undergraduate Exchange Program (Global UGRAD); Fulbright Foreign Student Program; Fulbright Visiting Scholar Program; Future Leaders Exchange[1].

В Казахстане действуют следующие американские программы обмена в области культуры и образования: Программа совершенствования педагогического мастерства Fulbright TEA; Программа совершенствования педагогического мастерства, посвященная медиаграмотности; Программа «Институт изучения Соединенных Штатов (SUSI) для молодых женщин-лидеров»; Global UGRAD; Программа Techgirls; Программа обмена опытом 2021 год; Программа Community Solutions на 2021 год; Программа FLEX; Программа совершенствования педагогического мастерства Fulbright TEA; Программа TechWomen; Программа SUSI для представителей сферы среднего образования[2]. По всей республике активно создаются и функционируют «американские уголки»[3].

[1] Exchange Programs / Bureau of Educational and Cultural Affairs // URL: https://exchanges.state.gov/non-us

[2] Программы в области культуры и образования // Сайт Посольства и Консульства США в Казахстане. URL: https://kz.usembassy.gov/ru/.../

[3] Американские уголки // Сайт Посольства и Консульства США в Казахстане. URL: https://kz.usembassy.gov/ru/education-culture-ru/...

Кыргызстан

Деятельность USAID в Кыргызстане сосредоточена в следующих направлениях: государственное управление и права человека; экономический рост и торговля; поддержка социального сектора[1].

В КР действуют следующие программы USAID в сфере госуправления и защиты прав человека: «Успешный аймак 2» (2021–2025); «Независимое наблюдение за выборами в Кыргызской Республике» (2020–2021); Проект «Безопасная миграция в Центральной Азии» (2019–2024); Проект «Жигердуу жарандар» (2019–2024); Проект «Инициативная молодежь» (2017–2022); Инициатива по поддержке независимости медиа в Кыргызстане – «Медиа-К» (2017–2022); Программа по политическим процессам (2016–2022): Международный фонд по поддержке выборов (IFES), Международный республиканский институт (IRI), Национальный демократический институт (NDI)[2]. Завершенные проекты USAID в этой области за последние пять лет: Доверие суду (2018–2021); «Успешный аймак» (2016–2021); Содействие парламенту, избирательному образованию и наблюдению за выборами (2016–2019); Совершенствование правовой среды (октябрь 2014 – сентябрь 2018); Содействие адвокатскому сообществу Кыргызстана (февраль 2012 – январь 2017); Доступ к информации (A2I) (октябрь 2014 – сентябрь 2017); Программа по укреплению судебной реформы (JSP) (сентябрь 2011 – март 2018); Поддержка общественного телевещания (2012–2017) и др.[3].

[1] Наша работа // Сайт USAID. URL: https://www.usaid.gov/ru/kyrgyz-republic/our-work

[2] Демократия, права человека и управление // Сайт USAID…

[3] Там же.

В настоящее время в области образования USAID осуществляет проект «Окуу керемет!» (2019–2024)[1]. Завершенными проектами USAID в области образования за последние пять лет являются проекты: «Время читать» (2016–2021); «Построим будущее вместе» (2016–2019); «Читаем вместе» (июль 2013 – июнь 2017)[2].

Для граждан Кыргызстана Государственным департаментом по делам образования и культуры при Госдепе США (Bureau of Educational and Cultural Affairs) предусмотрены 3 языковые и образовательные программы обмена: TechGirls; Fulbright Programs for International Primary and Secondary Teachers; Global Undergraduate Exchange Program (Global UGRAD)[3].

В Кыргызстане действуют следующие программы обмена: Исследовательская программа стипендий Фулбрайта; Магистерская/исследовательская программа стипендий Фулбрайта; Программа Фулбрайта «Ассистент преподавателя иностранного языка» (FLTA); Программа Хьюберта Хамфри; Программа школьного обмена (FLEX); Обменная программа для молодых музыкантов «OneBeat^{SM}»; Международная программа студенческого обмена (Global UGRAD)[4]. По всей территории республики активно создаются и действуют «американские уголки»[5].

---

[1] Образование // Сайт USAID. URL: https://www.usaid.gov/ru/kyrgyz-republic/education

[2] Там же.

[3] Exchange Programs / Bureau of Educational and Cultural Affairs…

[4] Программы обмена // Сайт Посольства США в КР. URL: https://kg.usembassy.gov/ru/educa tion-culture-ru/exchange-programs-ru/

[5] Американские уголки // Сайт Посольства США в КР. URL: https://kg.usembassy.gov/ru/ education-culture-ru/american-corners-ru/

Узбекистан

Основными направлениями деятельности агентства USAID в Узбекистане являются: экономический рост и сельское хозяйство, демократия и управление, а также здравоохранение[1].

Согласно информации USAID в области демократии, прав человека и управления, агентство оказывает в Узбекистане техническую помощь в разработке новых законов о прозрачности деятельности правительственных органов и общественного контроля деятельности органов исполнительной власти. Кроме того, агентство USAID:

провело тренинги для более чем 250 должностных лиц местных органов управления с целью улучшения предоставления качественных услуг (улучшение планирования бюджета, стратегического планирования);

оказало содействие в установлении надежного сотрудничества между правительством и гражданским обществом в борьбе с торговлей людьми и в области реабилитации жертв торговли людьми[2].

Государственный департамент по делам образования и культуры при Госдепе США (Bureau of Educational and Cultural Affairs) предусматривает 15 образовательных обменных программ для граждан Узбекистана: Community Solutions; TechGirls; TechWomen; Fortune – U. S. Department of State Global Women's Mentoring Partnership; OneBeat; Study of the U. S. Institutes for Scholars; Study of the U. S. Institutes for Student Leaders; Sports Visitor Program; Fulbright Foreign Language Teaching Assistant (FLTA); International Writing Program Fall Residency; Fulbright Scholar-in-Residence Program;

[1] Наша деятельность // Сайт USAID. URL: https://www.usaid.gov/ru/uzbekistan/our-work

[2] Демократия, права человека и управление // Сайт USAID…

Fulbright Programs for International Primary and Secondary Teachers; Global Undergraduate Exchange Program (Global UGRAD); Fulbright Foreign Student Program; Fulbright Visiting Scholar Program[1]. Активно реализуется программа «американских уголков»[2].

По информации посольства США в Узбекистане, в республике реализуются следующие программы образовательного обмена: Программа Фулбрайта для специалистов; Программа Фулбрайта для приглашенных ученых; Программа Фулбрайта для иностранных студентов; Программа Уильяма Фулбрайта для преподавателей английского языка (FLTA); Программа стипендий Хьюберта Хамфри; Программа обучения мастерству и успеху (Fulbright TEA); Международная программа студенческого обмена (Global UGRAD); Future Leaders Exchange Program (FLEX); TechGirls[3].

Таджикистан

Деятельность США в Таджикистане осуществляется в следующих направлениях: сельское хозяйство и продовольственная безопасность, демократия, права человека и управление, здравоохранение и образование[4].

Согласно информации USAID в области демократии, прав человека и управления, результатами деятельности агентства являются:

---

[1] Exchange Programs / Bureau of Educational and Cultural Affairs…

[2] Американские уголки // URL: https://uz.usembassy.gov/ru/education-culture-ru/american-spaces-ru/

[3] Программы по образовательному обмену // Сайт Посольства США в Узбекистане. URL: https://uz.usembassy.gov/ru/education-culture-ru/exchange-programs-ru/

[4] Наша деятельность // Сайт USAID. URL: https://www.usaid.gov/ru/tajikistan/our-work

– укрепление потенциала организаций гражданского общества;

– предоставление юридических консультаций по вопросам миграции 62 500 обратившимся за помощью;

– оказание помощи 290 жертвам торговли людьми;

– обучение и помощь 100 рабочим-мигрантам в открытии малого бизнеса;

– регистрация 155 объединений соседей для защиты интересов граждан на местном уровне принятия решений[1].

Для граждан Таджикистана Государственным департаментом по делам образования и культуры при Госдепе США (Bureau of Educational and Cultural Affairs) предусмотрены 16 языковых и образовательных программ обмена: Community Solutions; TechGirls; TechWomen; Fortune – U. S. Department of State Global Women's Mentoring Partnership; OneBeat; Study of the U. S. Institutes for Scholars; Study of the U. S. Institutes for Student Leaders; Sports Visitor Program; Fulbright Foreign Language Teaching Assistant (FLTA); International Writing Program Fall Residency; Fulbright Scholar-in-Residence Program; Fulbright Programs for International Primary and Secondary Teachers; Global Undergraduate Exchange Program (Global UGRAD); Fulbright Foreign Student Program; Fulbright Visiting Scholar Program; Future Leaders Exchange[2].

По всей территории республики активно создаются и действуют «американские уголки»[3].

---

[1] Демократия, права человека и управление // Сайт USAID…

[2] Exchange Programs / Bureau of Educational and Cultural Affairs…

[3] Посольство США возобновляет деятельность Американского уголка в городе Душанбе // Сайт Посольства США в РТ. URL: https://tj.usembassy.gov/ru/u-s-embassy-re-opens-american-corner-dushanbe-ru/?_ga=2.50353706.289894123.1667124219-1336050239.1667124219

Экономическое сотрудничество США со странами Центральной Азии (Казахстаном, Кыргызстаном, Узбекистаном, Таджикистаном)

Торгово-экономическое сотрудничество Казахстана с США

Одним из приоритетных направлений развития сотрудничества между Республикой Казахстан и США является торгово-экономическое[1]. За последние пять лет – с 2017 по 2021 гг., за исключением 2020 г., отмечается рост внешнеторгового товарооборота между РК с США и улучшение торгового баланса Казахстана, при сохранении отрицательного сальдо торгового баланса во внешней торговле с США (см. *табл. 4*).

Доля США в общем объеме экспорта Казахстана является сравнительно небольшой по сравнению с другими основными партнерами по торговле. В 2019 г. она составляла 1,5% и в 2020 г. – 1,1%, занимая 14-е и 19-е места соответственно в показателях основных торговых партнеров по экспорту[2]. В 2019 и 2020 гг. США входили в топ-10 основных партнеров по импорту в Казахстан: 3,4% в 2019 г. и 3,0% в 2020 г. доли в общем объеме импорта, занимая 7-е и 5-е места соответственно[3].

Удельный вес США в общем объеме товарооборота Казахстана по итогам 2021 г. составил 2,2% (1,4% – экспорт, 3,3% – импорт), при общем объеме товарооборота страны

[1] Торгово-экономическое сотрудничество // Сайт Посольства РК в США. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-washington/activities/1997?lang=ru

[2] Внешняя торговля стран Содружества Независимых Государств 2020 (Стат. сб.) / Статкомитет СНГ. М., 2021 // URL: http://www.cisstat.org/0base/frame-rus.htm

[3] Там же.

с миром – 101,7 млрд долларов США за этот период[1]. В 2020 г. общий внешнеторговый товарооборот Казахстана со всеми странами составил 86,5 млрд долларов США[2].

Таблица 4

Внешняя торговля Казахстана с США

(2017 – январь–август 2022 г., *млн долл. США*)

Годы	Товарооборот	Экспорт	Импорт	Сальдо	Удельный вес страны в общем объеме товарооборота, %
2017	1635,6 (1635,9)**	390,4 (390,4)	1245,1 (1245,5)	-854,7*	2,1 (2,71)
2018	2223,4 (2218,0)	955,2 (955,2)	1268,2 (1262,7)	-313,0	2,3 (2,97)
2019	2246,1 (2233,7)	894,8 (894,8)	1351,3 (1338,9)	-456,5	2,3 (2,94)
2020	1699,9 (1660,3)	536,1 (536,1)	1163,8 (1124,2)	-627,7	2,0 (2,51)
2021	2223,2 (2219,6)	872,2 (872,2)	1351,0 (1347,5)	-478,8*	2,2 (2,94)
2022 (январь–август)	1863,4	865,0	998,4	-133,4*	2,2

Источник: Межгосударственный статистический комитет СНГ[3], Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК)[4], Бюро национальной

[1] Статистика внешней и взаимной торговли // Основные показатели внешней торговли РК по странам // URL: https://stat.gov.kz/official/industry/31/statistic/6

[2] Там же.

[3] Внешняя торговля стран Содружества Независимых Государств 2019 (Стат. сб.) // Статкомитет СНГ. М.: 2020 // URL: http://www.cis-stat.com/base/sb_extrd2020/sb_extrd2020.pdf; Внешняя торговля стран Содружества Независимых Государств 2020 (Стат. сб.)…

[4] Внешняя торговля с третьими странами // Сайт ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/tradestat/tables/extra/

статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан[1].

Примечания:

*Некоторые суммы, указанные в таблице, вычислены нами самостоятельно из-за отсутствия данных по этим графам за данные периоды в открытом доступе.

**Суммы, указанные в скобках, являются данными ЕЭК. В целях единого формата и удобства пользования эти данные округлены составителем таблицы до миллиона долларов США. Округленные суммы товарооборота могут различаться от общей суммы округленных сумм экспорта и импорта.

Расхождения в статистике: данные Статкома СНГ незначительно отличаются от статданных ЕЭК, имеются некоторые расхождения в части данных импорта товаров Казахстаном из США.

Внешнеторговый товарооборот Казахстана с США по итогам 2021 г. составил 2,2 млрд долларов США (по статданным министерства торговли США – 2,5 млрд долларов США[2]), увеличившись на 30,8% по сравнению с показателями соответствующего периода предыдущего года (1,7 млрд долларов США)[3]. Экспорт Казахстана в США по итогам 2021 г. составил 872,2 млн долларов США, увеличившись на 62,7% по сравнению с показателями соответствующего периода 2020 г. Импорт Казахстана из США по итогам 2021 г. составил 1,4 млрд долларов США, увеличившись на

[1] Статистика внешней и взаимной торговли // URL: https://stat.gov.kz/official/industry/ 31/statistic/6

[2] Tradestats express – U. S. trade by Partner (Countries and Regions) // International Trade Administration (ITA). URL: https://www.trade.gov/data-visualization/tradestats-express-us-trade-partner-countries-and-regions

[3] Товарооборот между Казахстаном и США за 2021 год составил 2,2 млрд долл. США (25.02.2022) // Сайт Мин-ва торговли и интеграции РК. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mti/press/news/details/332607?lang=ru

16,1% по сравнению с показателями соответствующего периода 2020 г.[1]. Дефицит торгового баланса Казахстана по США по итогам 2021 г. составил 478,8 млн долларов США против 627,7 млн долларов США в 2020 г. (см. *табл. 4*).

Рост экспорта Казахстана в США в 2021 г. произошел за счет увеличения поставок сырой нефти, ферросплавов, серы, урана, тантала и изделий из него (*табл. 5*).

Таблица 5

Топ-5 экспортных товаров Казахстана в США в 2021 г.

Наименование товара	**2020 г.,** *млн долл. США*	**2021 г.,** *млн долл. США*	**Физ. объем 2021 г.**	**Прирост 2020–2021 гг.**
Всего экспорт	**536,1**	**872,2**	**100,0%**	**+62,7%**
нефть сырая	245,9	468,3	53,7%	+90,4%
ферросплавы	97,7	174,6	20,0%	+78,7%
сера (кроме серы сублимированной, осажденной или коллоидной)	17,9	69,9	8,0%	рост в 3,9 р.
уран	1,9	24,8	2,8%	рост в 13,2 р.
тантал и изделия из него	15,0	21,7	2,5%	+44,7%

Источник: inbusiness.kz[2].

[1] Торговый баланс между Казахстаном и США улучшился в 2021 году (25.02.2022) // URL: https://inbusiness.kz/ru/news/torgovyj-balans-mezhdu-kazahstanom-i-ssha-uluchshilsya-v-2021-godu

[2] Там же.

В структуре экспорта Казахстана в США в 2021 г., помимо вышеназванных, основная доля поставок пришлась на следующие товары: двигатели турбореактивные и турбовинтовые, газовые турбины прочие – 47,7 млн долларов США; водород, газы инертные и прочие неметаллы – 21 млн долларов; машины для сборки электрических или электронных ламп – 9,5 млн долларов; бериллий, хром, германий, ванадий, галлий и другие редкие металлы и изделия из них – 3,3 млн долларов; клейковина пшеничная – 2,9 млн долларов[1].

Основная доля импортных поставок в Казахстан из США, помимо указанных в таблице 6, пришлась на изделия из черных металлов – 42,4 млн долларов США; лекарства – 40 млн долларов; приборы и устройства, применяемые в медицине, – 35 млн долларов; иммунологические препараты (вакцины, сыворотки из крови, кровь) – 30,4 млн долларов; краны, клапаны и прочая арматура для труб, цистерн и аналогичных емкостей – 25,4 млн долларов и др.[2].

Таблица 6

Топ-5 импортных товаров из США в Казахстан в 2021 г.

Наименование товара	**2020 г.,** *млн долл. США*	**2021 г.,** *млн долл. США*	**Физ. объем 2021 г.**	**Прирост 2020–2021**
1	2	3	4	5
Всего импорт	**1163,8**	**1 351,0**	**100%**	**+16,1%**

[1] Торговый баланс между Казахстаном и США улучшился в 2021 году…

[2] Саруар А. Казахстан продает США нефть в обмен на самолеты, авто и мясо. Инфографика (04.03.2022) // URL: https://lsm.kz/tovarooborot-s-ssha-v-2021-godu-infogra fika#

1	2	3	4	5
летательные аппараты	2,5	129,6	9,6%	рост в 51,8 р.
автомобили легковые	59,4	127,0	9,4%	рост в 2,1 р.
двигатели турбореактивные и турбовинотовые, газовые турбины и прочие	95,4	98,9	7,3%	+3,7%
мясо и пищевые субпродукты домашней птицы	90,3	81,5	6,0%	-9,7%
инициаторы, ускорители и катализаторы химических реакций	6,1	51,3	3,8%	рост в 8,4 р.

Источник: Данные Медиахолдинга «Atameken business» на сайте inbusiness.kz[1].

Согласно данным Министерства национальной экономики РК, товарооборот между Казахстаном и США за январь–июль 2022 г. составил 1,5 млрд долларов США, что на 36,6% выше показателя соответствующего периода предыдущего года (1,1 млрд долларов)[2]. Увеличение роста экспорта в США произошло за счет увеличения на 98,1% поставок нефти сырой, или на 228 млн долларов США, и ферросплавов – в 2,3 раза, или на 117,5 млн долларов США. Экспорт в США за указанный период составил 769,2 млн долларов США, увеличившись на 77,2% по сравнению с показателями соответствующего периода предыдущего

[1] Торговый баланс между Казахстаном и США улучшился в 2021 году…

[2] Экспорт из Казахстана в США вырос на 77,2% за 7 месяцев (19.09. 2022) // URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/economy/press/news/details/427775?lang=ru

года, а импорт – 778,3 млн долларов США, или 11,4%. Наибольший физический объем в экспортных поставках Казахстана в США с января по июль 2022 г. занимают: нефть сырая – 460,6 млн долларов США (с долей 59,9%); ферросплавы – 205,8 млн долларов (26,7%); сера, кроме сублимированной, коллоидной и осажденной, – 21 млн долларов (2,7%); водород, газы инертные и прочие неметаллы – 16,7 млн долларов (2,2%); трубы, трубки и профили бесшовные из черных металлов – 14 млн долларов (1,8%); тантал и изделия из него – 13 млн долларов (1,7%)[1].

Внешнеторговый оборот Казахстана с США уже за январь–август 2022 г. составил почти 1,9 млрд долларов США, или 2,2% удельного веса в общем товарообороте со всеми странами, из них экспорт – 865 млн долларов, или 1,5% в общем объеме экспорта, импорт – 998,4 млн долларов, или 3,3% в общем объеме импорта[2].

Инвестиции США в экономику Казахстана

США являются одним из ключевых иностранных инвесторов в экономику Казахстана, после Нидерландов[3]. По итогам 2021 г. объем прямых иностранных инвестиций США в экономику Казахстана составил 2,8 млрд долларов США, что на 25% больше показателя предыдущего года (2,2 млрд долларов)[4]. Валовый приток прямых иностранных инвестиций США в Казахстан с 1993 по 2021 гг.

[1] Экспорт из Казахстана в США вырос на 77,2% за 7 месяцев…

[2] Статистика внешней и взаимной торговли // Основные показатели внешней торговли РК по странам…

[3] Составлен топ-10 стран инвесторов в казахстанскую экономику (04.02.2022) // URL: https://forbes.kz/finances/investment/sostavlen_top-10_stran-investorov_v_kazahstanskuyu_ekonomiku

[4] Торгово-экономическое сотрудничество // Сайт Посольства РК в США…

достиг 57,5 млрд долларов США[1]. Большая часть инвестиций – почти 945 совместных предприятий и компаний с участием американского капитала, зарегистрированных в РК. Наибольший интерес для инвестиционного сотрудничества представляют следующие отрасли экономики: финансовый сектор, энергетика, розничная торговля, машиностроение, горнодобывающая отрасль, транспорт, связь, фармацевтика, недвижимость[2]. В крупнейшем нефтедобывающем предприятии «Тенгизшевройл» 75% доли участия принадлежит американским компаниям Chevron (50%) и ExxonMobil (25%)[3].

Таблица 7

Валовый приток иностранных прямых инвестиций в Казахстан от иностранных прямых инвесторов, *млн долл. США*

	2017	**2018**	**2019**	**2020**	**2021**	**I–II кв. 2022**
США	3693,2	5342,4	5547,6	2240,2	2807,4	3240,9
Всего (по всем странам)	20 960,0	24 271,0	24 437,0	17 166,0	23 838,0	14 459,0

Источник: Национальный банк РК[4].

[1] Торгово-экономическое сотрудничество....

[2] Там же.

[3] Бондал К. США направили больше прямых инвестиций в Казахстан, чем Россия и Китай (26.08.2021) // URL: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2021/08/ 26/feature-01

[4] Валовый приток прямых инвестиций в Казахстан от иностранных прямых инвесторов (по видам экономической деятельности резидентов, по странам, в разрезе регионов Казахстана) (03.10.2022) // URL: https://nationalbank.kz/ru/news/pryamye-investicii-po-naprav leniyu-vlozheniya

Торгово-экономическое сотрудничество Кыргызстана с США

Торгово-экономическое сотрудничество Кыргызстана с США за последние пять лет – с 2017 по 2021 гг. – является стабильным, с разной динамикой внешней торговли. Значительный спад торговли с США отмечен в 2019 г. (*табл. 8*). Сальдо торгового баланса КР во внешней торговле с США за указанные годы является отрицательным.

Таблица 8

Внешняя торговля Кыргызстана с США

(2017 – январь–август 2022 г., *млн долл. США*)

Годы	Товарооборот	Экспорт	Импорт	Сальдо	Удель. вес во внешней и взаимной торговле респуб.,%
2017	156,2 (156,25)**	0,9 (0,95)	155,3 (155,3)	-154,4*	2,5 (4,05)
2018	130,7 (130,7)	1,9 (1,9)	128,8 (128,8)	-126,9	2,0 (3,02)
2019	92,7 (92,4)	2,6 (2,6)	90,1 (89,7)	-87,5	1,3 (2,18)
2020	122,9 (122,97)	2,6 (2,6)	120,4 (120,36)	-117,8	2,2 (3,78)
2021	105,7 (104,7)	4,5 (4,5)	101,2 (100,2)	-96,6	1,5 (2,75)
январь–август 2022	121,2	3,7	117,4	-113,7*	1,7

Источник: Межгосударственный статистический комитет СНГ[1],

[1] Внешняя торговля стран СНГ 2019 (Стат. сб.)…; Внешняя торговля стран СНГ 2020 (Стат. сб.)…

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК)[1], Министерство экономики и коммерции КР[2], Национальный статистический комитет КР[3].

Примечания:

*Некоторые суммы, указанные в таблице, вычислены нами самостоятельно из-за отсутствия данных по этим графам за данные периоды в открытом доступе.

**Суммы, указанные в скобках, являются данными ЕЭК. В целях единого формата и удобства пользования эти данные округлены составителем таблицы до миллиона долларов США. Округленные суммы товарооборота могут отличаться от общей суммы округленных сумм экспорта и импорта.

Доля США в общем объеме экспорта Кыргызстана является довольно небольшой по сравнению с другими основными партнерами по торговле. В 2019 и 2020 гг. США не входили в двадцатку основных торговых партнеров по экспорту[4], при этом США входили в топ-10 основных партнеров по импорту в Кыргызстан и заняли 6-е место

[1] Внешняя торговля с третьими странами // Сайт ЕЭК…

[2] Внешнеторговый оборот КР 2019, 2020, 2021, 2022 // URL: https://mineconom.gov. kg/ru/direct/13

[3] Социально-экономическое положение Кыргызской Республики в январе 2018 г. (21.02.2018) // URL: http://www.stat.kg/ru/socialno-ekonomicheskoe-polozhenie-kyrgyzskoj-respubliki-v-2018g-arhiv/; Социально-экономическое положение Кыргызской Республики в январе 2019 г. (20.02.2020) // URL: http://www.stat.kg/ru/socialno-ekonomicheskoe-polozhenie-kyrgyzskoj-respubliki-v-2019g-arhiv/; Социально-экономическое положение Кыргызской Республики в январе 2020 г. (24.02.2020) // URL: http:// www.stat.kg/ru/socialno-ekonomicheskoe-polozhenie-kyrgyzskoj-respubliki-v-2020g-arhiv/; Социально-экономическое положение Кыргызской Республики в январе 2021 г. (24.02.2021) // URL: http://www.stat.kg/ru/socialno-ekonomicheskoe-polozhenie-kyrgyzskoj-respubliki-v-2021g-arhiv/; Социально-экономическое положение Кыргызской Республики в январе 2022 г. (25.02.2022)…; Социально-экономическое положение Кыргызской Республики в январе–сентябре 2022 г.(21.10.2022)…

[4] Внешняя торговля стран СНГ 2020 (Стат. сб.)…

в общем объеме импорта Кыргызстана за эти годы. В общем объеме импорта КР доля США составила 1,8% в 2019 г. и 3,2% в 2020 г.[1] (см. также *табл. 9, 10*).

Таблица 9

Топ-5 экспортных товаров из США в Кыргызстан в 2021 г.

п/н	**Наименование товара**	**Код по классификации США,** *HS-4*	**Сумма,** *млн долл. США*
1.	Специальные условия по классификации (статьи возврата импорта улучшенных товаров, экспорт товаров, связанных с благотворительностью) (Expts Charity; Impts Return Articls Advancd)	9802	4
2.	Оборудование для сортировки, грохочения, сепарации минеральных ископаемых (Machinery For Sorting Screening Minerals Pts)	8474	3
3.	Гражданский самолет, двигатели и его части (Civilian Aircraft, Engines, And Parts Civilian Aircraft)	8800	3
4.	Кровь человеческая; кровь животных, сыворотки иммунные, вакцины (Human Blood; Animal Blood; Antisera, Vaccines)	3002	2
5.	Машины и механизмы прочие для перемещения (Mach moving)	8430	2

Источник: Управление международной торговли Министерства торговли США (ITA)[2].

[1] Внешняя торговля стран СНГ 2020 (Стат. сб.)…

[2] U. S. Exports: Kyrgyzstan, Top 5 Products in 2021 (HS-4) // TradeStats

Таблица 10

Топ-5 импортных товаров в США из Кыргызстана в 2021 г.

п/н	Наименование товара	Код по классификации США	Сумма, *млн долл. США*
1.	Продукты животного происхождения (Animal Products)	0511	1
2.	Части и принадлежности моторных транспортных средств (Parts & Access For Motor Vehicles)	8708	1
3.	Двигатели внутреннего сгорания поршневые с воспламенением от сжатия (дизели или полудизели) (Compression-Ignition Internal Comb Piston Engines)	8408	1
4.	Сигары, сигареты из табака или его заменителей* (Cigars, Cigarettes, Of Tobacco Or Substitutes)	2402	1
5.	Изделия для праздников, карнавалов или прочие изделия для увеселения (Festive Carnival Or Other Entertainment Art)	9505	1

Источник: Управление международной торговли Министерства торговли США (ITA)[1].

Express – U. S. Trade by Partner (Countries and Regions) // International Trade Administration (ITA) of the United States Department of Commerce. URL: https://www.trade.gov/data-visualization/ tradestats-express-us-trade-partner-countries-and-regions

[1] U. S. Imports: Kyrgyzstan, Top 5 Products in 2021 (HS-4) // TradeStats Express – U. S. Trade by Partner (Countries and Regions) // International Trade Administration (ITA) of the United States Department of Commerce. URL: https://www.trade.gov/data-visualization/ tradestats-express-us-trade-partner-countries-and-regions

Примечания:

Данные по внешнеторговому обороту США (экспорту и импорту) с оборота (экспорту и импорту) Кыргызстана с США (см. вышеприведенные таблицы).

*Согласно статистическим данным ЕАЭС, на экспорт в США из Кыргызстана в 2021 г. были осуществлены поставки табачного сырья, а не табачных изделий[1].

В 2021 г. и январе–августе 2022 г. удельный вес США во взаимной и внешней торговле КР составил 1,5% и 1,7%, или 105,7 млн и 121,2 млн долларов США соответственно[2]. Общий объем товарооборота со всеми странами мира в 2021 г. составил 7229,0 млн долларов США (экспорт – 1658,9, импорт – 5570,1 млн долларов), в январе–августе 2022 г. – 7245,5 млн долларов (экспорт – 1219,8 млн долларов, импорт – 6025,7 млн долларов)[3].

В 2021 г. уровень прямых иностранных инвестиций в Кыргызстан составил 1006,1 млн долларов США, или 187,2%, со снижением объемов в основной капитал на 5,9% по сравнению с 2020 г.[4].

---

[1] Распределение экспорта товаров ЕАЭС по странам за январь–декабрь 2021 г. // Сайт ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/tradestat/tables/extra/2021. php

[2] Социально-экономическое положение Кыргызской Республики в январе 2022 г. (25.02.2022) // URL: http://www.stat.kg/ru/publications/doklad-socialno-ekonomicheskoe-polozhenie-kyrgyzskoj-respubliki/; Социально-экономическое положение Кыргызской Республики в январе–сентябре 2022 г. (21.10.2022) // URL: http://www.stat.kg/ru/publications/doklad-socialno-ekonomicheskoe-polozhenie-kyrgyzskoj-respubliki/

[3] Социально-экономическое положение Кыргызской Республики в январе 2022 г. …

[4] Программа по привлечению инвестиций в Кыргызскую Республику на 2022–2026 гг. Утв. пост. Кабмина КР от 30.06.2022 № 352 // URL: http://cbd. minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/159444?cl=ru-ru#pr1

Таблица 11

Поступление прямых иностранных инвестиций по странам (США), *тыс. долл. США*

	2017	2018	2019	2020	2021	Январь–июнь 2022
США	7366,0	5740,3	6594,7	6262,0	5246,9	8204,6
Всего (по всем странам)	616 793,1	851 743,6	1 076 918,7	537 553,8	1 006 091,2	628 087,0

Источник: Нацстатком КР[1]

Торгово-экономическое сотрудничество Узбекистана с США

Значительный рост внешнеторгового оборота Узбекистана с США наблюдался в 2019 г., когда, по данным Национального статистического комитета страны, он достиг 603,9 млн долларов США против 415,0 млн долларов в 2018 г. В 2020 г. произошел спад темпов роста взаимного товарооборота в связи с ограничениями во время пандемии COVID-19. В последние два года наблюдается позитивная динамика роста товарооборота. Так, с января по сентябрь 2022 г. внешнеторговый оборот Узбекистана с США достиг 336,9 млн долларов, при сохранении отрицательного

[1] Поступление прямых иностранных инвестиций по странам // Из стран вне СНГ // URL: http://www.stat.kg/ru/opendata/category/248/; Поступление прямых иностранных инвестиций по странам // Всего // URL: http://www.stat.kg/ru/opendata/category/5154/; Иностранные инвестиции в январе–июне 2022 г. // URL: http://www.stat.kg/ru/statistics/investicii/

сальдо торгового баланса во внешней торговле с США, как и в предыдущие годы (см. *табл. 12*). Общий объем товарооборота со всем миром в 2021 г. составил 42,1 млрд долларов против 36,3 млрд долларов в 2020 г.[1].

Доля США в общем объеме экспорта Узбекистана является сравнительно небольшой по сравнению с другими основными партнерами по торговле. По объему экспорта США не входят в двадцатку основных торговых партнеров Узбекистана. Что касается импорта, то в 2019 г. доля США составляла 2,3% и в 2020 г. – 1,1%, занимая 7-е и 15-е места соответственно[2]. Удельный вес США как торгового партнера во внешнеторговом обороте за последние пять лет варьировался от 0,8% до 1,4%.

Таблица 12

Внешняя торговля Узбекистана с США

(2017 – январь–сентябрь 2022 г., *млн долл. США*)

Годы	**Товарооборот**	**Экспорт**	**Импорт**	**Сальдо**	**Уд. вес во внешнеторг. обороте**, *%*
1	2	3	4	5	6
2017	215,0	32,1	182,9	-150,8	0,80*
2018	415,0 (319,0)*	36,8 (4,8)**	378,2 (314,2)	-341,4 (-309,4)	1,20*
2019	603,9 (504,9)*	36,6 (6,8)	567,2 (498,1)	-530,6* (-491,3)	1,40*
2020	277,0 (220,2)*	28,5 (8,6)	248,5 (211,6)	-220,0* (-203,0)	0,76*

[1] Внешнеторговый оборот Республики Узбекистан (предварит. данные за январь–декабрь 2021 г.) // Госкомстат РУз. URL: https://stat.uz/images/uploads/reliz2021/ tashqi-savdo_dekabr_210122ru.pdf

[2] Внешняя торговля стран СНГ 2019 (Стат. сб.)…; Внешняя торговля стран СНГ 2020 (Стат. сб.)…

1	2	3	4	5	6
2021	426,3*	60,8	365,5	-304,7*	1,01*
Январь–сентябрь 2022	336,9	47,2	289,7	-242,5*	0,94*

Источник: Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике[1], Межгосударственный статистический комитет СНГ[2].

Примечания:

*Цифры, помеченные звездочкой, вычислены нами самостоятельно из-за отсутствия в открытом доступе данных за указанные периоды.

**Суммы, указанные в скобках, являются данными Межгосстаткома СНГ.

Расхождения в статистике: Имеются существенные расхождения между данными по товарообороту РУ за 2018–2020 гг. Гос. комитета РУ и Межгос. стат. комитета СНГ.

Данные по внешнеторговому обороту США (экспорту и импорту) с Узбекистаном различаются от данных внешнеторгового оборота (экспорту и импорту) Узбекистана с США (см. вышеприведенные таблицы).

[1] Внешняя торговля – экспорт (по странам) (25.07.2022) // Сайт Госкомстата РУз. URL: https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/merchandise-trade; Внешняя торговля – импорт (по странам) (25.07.2022) // Там же; Экспорт товаров и услуг Республики Узбекистан в разрезе стран за 2022 г. (22.09.2022) // Там же; Импорт товаров и услуг Республики Узбекистан в разрезе стран за 2022 г. (22.09.2022) // Там же; Внешняя торговля (XLSX) (25.07.2021) // Там же; Внешнеторговый оборот Республики Узбекистан (предварительные данные за январь-декабрь 2021 г.)…; Внешнеторговый оборот Республики Узбекистан (предварительные данные за январь–декабрь 2019 г.) // Госкомстат РУз. URL: https://stat.uz/uploads/docs/tashqi_savdo_dekabr_ru.pdf; Внешнеторговый оборот Республики Узбекистан (предварительные данные за январь–декабрь 2020 г.) // Госкомстат РУз. URL: https://stat.uz/images/uploads/docs/tashqi_savdo_dec_2020_ru.pdf; Внешнеторговый оборот Республики Узбекистан (предварительные данные за январь–сентябрь 2022 г.) // Госкомстат РУз. URL: https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/28995-o-zbekiston-respublikasi-tashqi-savdo-aylanmasi-2022-yil-yanvar-sentabr-2

[2] Внешняя торговля стран СНГ 2019 (Стат. сб.)…; Внешняя торговля стран СНГ 2020 (Стат. сб.)…

Таблица 13

Топ-5 экспортных товаров из США в Узбекистан в 2021 г.

п/н	Наименование товара	Код по классификации США, HS-4	Сумма, *млн долл. США*
1.	Гражданский самолет, двигатели и части, относящиеся к гражданскому самолету (Civilian Aircraft, Engines, And Parts Civilian Aircraft)	8800	227
2.	Двигатели турбореактивные и турбовинтовые, газовые турбины прочие (Turbojets Turbopropellers & Oth Gas Turbines)	8411	24
3.	Моторные транспортные средства для перевозки грузов (Motor Vehicles For Transport Of Goods)	8704	20
4.	Кровь человеческая; кровь животных, сыворотки иммунные, вакцины (Human Blood; Animal Blood; Antisera, Vaccines)	3002	18
5.	Специальные условия по классификации (статьи возврата импорта улучшенных товаров, экспорт товаров, связанных с благотворительностью) (Expts Charity; Impts Return Articls Advancd)	9802	17

Источник: Управление международной торговли Министерства торговли США (ITA)[1].

[1] U. S. Exports: Uzbekistan, Top 5 Products in 2021 (HS-4) // TradeStats Express – U.S. Trade by Partner (Countries and Regions) // International Trade Administration (ITA) of the United States Department of Commerce. URL: https://www.trade.gov/data-visualization/tradestats-express-us-trade-partner-countries-and-regions

Таблица 14

Топ-5 импортных товаров в США из Узбекистана в 2021 г.

п/н	Наименование товара	Код по классификации США	Сумма, *млн долл. США*
1.	Специальные условия по классификации (экспорт отремонтированного импорта, импорт возвращенного экспорта) (Expts of Repaired Impts; Impts of Returned Expts)	9801	87
2.	Серебро необработанное (Silver Unwr)	7106	57
3.	Проволока медная (Copper Wire)	7408	22
4.	Перец, перец рода Piper (Pepper, Genus Piper)	0904	3
5.	Ювелирные изделия и их части из драгоценных металлов или металлов, плакированных драгоценными металлами (Articles of Jewelry & Pts of Prec Metal or Clad)	7113	3

Источник: Управление международной торговли Министерства торговли США (ITA)[1].

В результате улучшения инвестиционного климата Узбекистану по итогам 2019 г. удалось войти в топ-5 стран с переходной экономикой, получивших самый большой объем прямых иностранных инвестиций. Узбекистану удалось увеличить приток прямых иностранных инвестиций в страну с 1,1 млрд долларов США в 2018 г. до 4,2 млрд долларов в 2019 г. Если приток прямых иностранных

[1] U. S. Imports: Uzbekistan, Top 5 Products in 2021 (HS-4) // TradeStats Express – U.S. Trade by Partner (Countries and Regions)…

инвестиций в РУ в 2017 г. составлял всего 2,2 млрд долларов, то в 2021 г. он уже составил 8,6 млрд долларов[1]. По другим данным, Узбекистан по итогам 2021 г. освоил 11,1 млрд иностранных инвестиций. Инвестиции в основной капитал составили 9,8 млрд долларов, что на 110% больше по отношению к показателям 2020 г.[2]. Доля США в общем объеме иностранных инвестиций в экономику РУ за 2019 г. составила 1,9% против 55,6% инвестиций России[3].

В открытом доступе отсутствуют данные, касающиеся притока инвестиций США в экономику РУ за последние несколько лет. Накопленный объем инвестиций США в республику с 1991 по май 2018 гг. составил 4,3 млрд долларов США (33 трлн сумов), из них 300 млн долларов (2,3 трлн сумов) за первые четыре месяца 2018 г.[4]. В 2021 г. позиция США по прямым инвестициям в Узбекистан (инвестиции за рубежом) составила 35,0 млн долларов, что на 9,4% больше, чем в 2020 г. В 2020 г. – 32 млн долларов, 2019 г. – 32 млн долларов, 2018 г. – 71 млн долларов, в 2017 г. – 69 млн долларов США[5]. За последние годы количество предприятий

---

[1] Как Узбекистан будет привлекать иностранный капитал в условиях мировой рецессии (08.10.2020) // URL: https://kz.kursiv.media/2020-10-08/kak-uzbekistan-budet-privlekat-inostrannyy-kapital-v-usloviyakh-mirovoy/; В 2021 году Узбекистан привлек $8,6 млрд прямых иностранных инвестиций (07.01.2022) // URL: https://review.uz/post/v-2021-godu-uzbekistan-privlek-86-mlrd-pryamx-inostrannx-investiciy

[2] Какие страны и сколько инвестировали в Узбекистан в 2021 году (10.03.2022) // URL: https://www.spot.uz/ru/2022/03/10/ivestments/

[3] Как Узбекистан будет привлекать иностранный капитал в условиях мировой рецессии…

[4] Енисеев М. Инвестиции США в Узбекистан резко возросли в 2018 году (06.07.2018) // URL: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2018/07/06/feature-01

[5] U. S. Direct Investment Position with Uzbekistan // URL: https://apps.bea.gov/international/ factsheet/factsheet.html#345

с американским капиталом удвоилось и достигло 315[1]. Согласно СМИ, на рассмотрении Финансовой корпорации международного развития США (DFC) находится 38 проектов для финансирования в области сельского хозяйства, добычи полезных ископаемых, текстильной и химической промышленности в Республике Узбекистан[2].

Торгово-экономическое сотрудничество Таджикистана с США

Анализ внешнеторгового оборота Таджикистана с США за последние пять лет – с 2017 по 2021 гг. – характеризуется стабильной динамикой, за исключением 2020 г., при сохранении отрицательного сальдо торгового баланса во внешней торговле с США (см. *табл. 15*). Общий объем товарооборота Таджикистана со всеми странами мира в 2021 г. составил, по предварительным данным, 6359,1 млн долларов США в 2021 г. и 4557,8 млн долларов в 2020 г.[3].

Доля США в общем объеме экспорта Таджикистана является сравнительно незначительной. В 2019 и 2020 гг. США не входили в двадцатку основных торговых партнеров

[1] Узбекистан намерен расширить сотрудничество с США и привлечь американские компании (11.08.2022) // URL: https://nova24.uz/uzbekistan/uzbekistan-prodolzhit-sotrudnichat-s-usaid-v-razvitii-zelenoj-energetiki/

[2] США рассматривают 38 проектов в Узбекистане для финансирования – Дональд Лу (24.05.2022) // URL: https://www.podrobno.uz/cat/politic/ssha-rassmatrivayut-38-proektov-v-uzbekistane-dlya-finansirovaniya-donald-lu/

[3] Макроэкономические показатели // URL: https://stat.tj/ru/macroeconomic-indicators; Аналитическая таблица экспорта–импорта товаров по странам // Сайт Нац. банка Таджикистана. URL: https://nbt.tj/ru/payments_balance/analytical_table.php

по экспорту[1]. Что касается импорта, то здесь США являются основным торговым партнером Таджикистана. В 2019 г. доля США в общем объеме импорта составляла 1,3% и 1,2% в 2020 г., занимая 10-е и 12-е места соответственно[2].

Таблица 15

Внешняя торговля Таджикистана с США

(2017 – январь–июнь 2022 г., *млн. долл. США*)

Годы	Товарооборот	Экспорт (FOB)	Импорт (CIF)	Сальдо	Удельный вес во внешнеторговом обороте, %
2017	38,7*	15,2	23,5	-8,3	0,97*
2018	43,1*	0,8 (0,8)**	42,3 (42,3)	-41,5 (-41,5)	1,02*
2019	45,5*	1,1 (1,1)	44,4 (44,4)	-43,2 (-43,3)	1,00*
2020	38,1*	0,1 (0,1)	38,0 (38,0)	-37,9 (-37,9)	0,83*
2021	44,9*	0,072	44,8	-44,7	0,70*
январь–июнь 2022	44,8*	0,059	44,72	-44,7	1,27*

Источник: Межгосударственный статистический комитет СНГ[3], Национальный банк Таджикистана[4].

Примечание:

*Цифры, помеченные звездочкой, вычислены нами самостоятельно из-за отсутствия в открытом доступе данных за указанные периоды.

**Суммы, указанные в скобках, являются данными Межгосстаткома СНГ.

[1] Внешняя торговля стран СНГ 2020 (Стат. сб.)…; Внешняя торговля стран СНГ 2019 (Стат. сб.)…

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Аналитическая таблица экспорта–импорта товаров по странам (2017–2021) // Нац. банк Таджикистана…

Таблица 16

Топ-5 экспортных товаров из США в Таджикистан в 2021 г.

п/н	**Наименование товара**	**Код по классификации США, HS-4**	**Сумма,** *млн долл. США*
1.	Кровь человеческая; кровь животных, сыворотки иммунные, вакцины (Human Blood; Animal Blood; Antisera, Vaccines)	3002	6
2.	Смеси душистых веществ (Odoriferous Mixture)	3302	2
3.	Приборы и инструменты гидрографические (Survey Hydrogr)	9015	1
4.	Осциллоскопы, анализаторы спектра (Oscilloscopes Spectrum Analyzers)	9030	1
5.	Центрифуги; оборудование и устройства для фильтрования или очистки жидкостей или газов; части (Centrifuges; Filter Mach For Liq Or Gases; Pts)	8421	1

Источник: Управление международной торговли Министерства торговли США(ITA)[1].

[1] U. S. Exports: Tajikistan, Top 5 Products in 2021 (HS-4) // TradeStats Express – U. S. Trade by Partner (Countries and Regions) // International Trade Administration (ITA) of the United States Department of Commerce. URL: https://www.trade.gov/data-visualization/tradestats-express-us-trade-partner-countries-and-regions

Таблица 17

Топ-5 импортных товаров в США из Таджикистана в 2021 г.

п/н	Наименование товара	Код по классификации США	Сумма, *млн долл. США*
1.	Сурьма и изделия из нее (Antimony & Artcls)	8110	0*
2.	Части для печатающих устройств и другой конторской техники (Parts for Typewriters & Other Office Machines)	8473	0
3.	Драгоценные и полудрагоценные камни, ненанизанные (Precious & Semiprec Stones not Strung)	7103	0
4.	Смеси орехов или сушеных плодов (Mixtures of Nuts or Dried Fruit)	0813	0
5.	Вторичное использование; оценка малоценных импортных операций (Salvage; Estimate of Low Valued Import Transactions)	9999	0

Источник: Управление международной торговли Министерства торговли США (ITA)[1].

Примечание: *Согласно ITA сумма «0» означает торговлю на сумму меньше, чем 500 тыс. долларов США.

[1] U. S. Imports: Tajikistan, Top 5 Products in 2021 // TradeStats Express – U. S. Trade by Product // TradeStats Express – National // International Trade Administration (ITA) of the United States Department of Commerce // Там же.

Инвестиции США в экономику Таджикистана

В 2007–2021 гг. США инвестировали в экономику Таджикистана 712,8 млн долларов США, или 6,5% от общего объема иностранных инвестиций в следующих областях: строительство, геологические и горные исследования, промышленность, коммуникации, финансовые услуги, образование, сельское хозяйство, здравоохранение, водоснабжение и др.[1]. Прямые инвестиции США в экономику Таджикистана с 2015 по 2021 гг. составили 41,5 млн долларов из 297,8 млн долларов всего объема инвестиций в экономику Таджикистана[2].

Таблица 18

Поступление прямых иностранных инвестиций по странам (США), *тыс. долл. США*

	2017	2018	2019	2020	2021
США	9829,8	13 172,7	4483,37	5030,01	608,0 (I кв)
Всего (по всем странам)	307 029,7	359 617,6	364 480,31	192 746,7 (162 500,0)	98 452,3 (I, II кв) (342 200,0)

Источник: Нац. банк Таджикистана[3], Агентство по статистике при Президенте РТ[4].

[1] Информация о притоке иностранной инвестиции в экономику Республики Таджикистан в 2021 году // URL: https://investcom.tj/uploads/docfiles/620b3ba05fa62.pdf

[2] Встреча Председателя Государственного комитета по инвестициям и управлению государственным имуществом Республики Таджикистан с заместителем руководителя Международной финансовой корпорации развития США (26.05.2022) // URL: https://investcom.tj/ru/novosti/1271...

[3] Прямые иностранные инвестиции в Республику Таджикистан по странам // URL: https://nbt.tj/ru/statistics/tavozuni-pardokhti...

[4] Макроэкономические показатели // URL: https://stat.tj/ru/macroeconomic-indicators

Примечание: Суммы, указанные в скобках, являются данными Агентства по статистике при Президенте РТ. Данные за 2021 г. являются предварительными.

Перспективы внешней политики США в Центральной Азии

Специальная военная операция России на Украине углубила существовавшие противоречия между США и Россией, а также другими ключевыми игроками региона Центральной Азии. В противостоянии коллективного Запада и России страны Центральной Азии, по мнению США, должны занимать если не их сторону и других стран коллективного Запада, то по крайней мере максимально дистанцироваться от России по украинскому кризису. В силу этого центральноазиатские государства, зависимые от внешней донорской помощи и финансирования международных институтов, стараются проводить многовекторную политику с целью избежать напряженности в отношениях с основными партнерами по внешней торговле и иностранным инвестициям вне ЕАЭС и СНГ, а также введения вторичных санкций, которые отразятся самым негативным образом на их экономиках. Это дает рычаги США и странам коллективного Запада для реализации своих интересов в регионе, осуществляемых преимущественно через дипломатическую платформу С5+1, а также иные форматы.

Центральная Азия, включающая в себя Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, продолжает оставаться важным геостратегическим регионом влияния США и их союзников в противовес влиянию России, Китая, Ирана и других акторов для интересов

национальной безопасности США[1]. Целью США в среднесрочной и долгосрочной перспективе является экономическое «разъединение» и отрыв от существующих форматов взаимодействия с участием РФ (СНГ, ЕАЭС, ШОС, ОДКБ и др.) стран Центральной Азии. Средствами достижения данной цели являются как непосредственно экономические и военно-политические средства, так и инструменты «мягкой силы» через образовательные и культурные программы обмена, а также деятельность неправительственных организаций, выступающих часто в качестве иноагентов в силу зарубежного финансирования. Это подтверждается конкретными документами и действиями американских официальных должностных лиц. В Стратегии регионального сотрудничества в области развития (СРСР) на 2020–2025 гг. миссией USAID в Центральной Азии провозглашается «обеспечение взаимосвязанности и независимости экономически самодостаточных стран Центральной Азии и их устойчивости к злонамеренному влиянию»[2].

На слушаниях в комитете по иностранным делам Сената Конгресса США координатор американской санкционной политики Джеймс О'Брайен заявил, что центральноазиатские государства (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) «будут счастливы иметь альтернативы отношениям, которые у них ранее были с Москвой»[3]. Выработка такой альтернативы, по его

[1] Стратегия регионального сотрудничества в области развития (СРСР), декабрь 2020 – декабрь 2025. С. 4 // URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/RDCS_Central_Asia_December_2025_external_rus_final.pdf

[2] Там же.

[3] США уведомили Центральную Азию об ожиданиях касательно соблюдения санкций против России (29.09.2022) // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15902935

словам, будет включать «будь то физические альтернативные маршруты (транспортировку их продукции на мировые рынки в обход России. – *Авт.*) или другие способы разработки инвестиций наличными средствами»[1].

Ранее заместитель помощника директора Агентства США по международному развитию (USAID) Анджали Каур обозначила, что конечной целью действий США в Центральной Азии является «разъединение экономики» центральноазиатских государств с экономикой России. Для достижения этой цели США предпринимают действия, направленные, в том числе, на «укрепление взаимосвязанности» экономик стран региона, «стимулирование экономического роста и совместных действий в области борьбы с изменением климата»[2].

Анализ взаимодействия США со странами Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан) позволяет сделать следующие предположения о перспективах реализации внешней политики США в отдельных странах Центрально-Азиатского региона.

Казахстан

Республика Казахстан рассматривается США в качестве стратегического партнера США в обеспечении стабильности в регионе и превращении ее, при содействии США, в регионального лидера. Казахстан среди остальных стран региона представляет наибольший экономический интерес со стороны США, что подтверждается объемом внешнеторгового оборота и величиной американских инвестиций.

---

[1] США уведомили Центральную Азию об ожиданиях касательно соблюдения санкций против России...

[2] Госдеп: целью США должно быть «разъединение экономик» России и стран Центральной Азии (14.09.2022)…

Значительный запас энергетических и природных ресурсов, граница с Россией и Китаем делают его весьма притягательным для включения в орбиту постоянного интереса со стороны США. Для Казахстана и США важно поддержание, прежде всего, экономических отношений, сопровождаемых военным сотрудничеством и «мягкой силой».

Кыргызстан

США рассматривают Кыргызстан как самый успешный американский проект в Центральной Азии в области реализации реформ в области демократии, государственного управления и прав человека, а также деятельности НПО, влияющих на процесс принятия политических решений. Неслучайно Кыргызстан называют «страной НПО», поскольку в стране в 2020 г. было зарегистрировано более 30 тыс. некоммерческих организаций[1]. В этой связи США будут продолжать поддерживать инициативы, направленные на усиление гражданского общества и независимости СМИ. США будут осуществлять политику, направленную на развитие региональной взаимосвязанности Кыргызстана с другими странами Центральной Азии, а также странами Южной Азии.

Узбекистан

Узбекистану Соединенными Штатами отводится роль ключевого игрока в регионе в силу своего центрального местоположения среди других стран Центральной Азии и близостью к Афганистану. В настоящее время степень экономического взаимодействия США с Узбекистаном является второй по значимости, после Казахстана. Для

[1] О секторе НКО Кыргызстана / МЦ «Интербилим» // URL: http://interbilim.org.kg/wp-content/uploads/2021/03/...pdf

увеличения своего влияния в Узбекистане США с большой долей вероятности будут демонстрировать заинтересованность в экономике страны посредством значительного вливания прямых инвестиций в действующие предприятия или создания совместных новых проектов. В силу экономического кризиса в США данная инициатива, скорее всего, будет иметь ограниченный характер или перенесена на перспективу, за исключением отраслей энергетики и природных ресурсов, представляющих первоочередной интерес для США и ЕС. Реализация «мягкой силы» в ближайшей перспективе будет являться основным инструментом влияния США в Узбекистане.

Таджикистан

Республика Таджикистан рассматривается США как важный элемент в системе безопасности и стабильности стран Центральной Азии в силу своей большой протяженности границы с Афганистаном. Значительная роль отводится Таджикистану и в энергетическом и торговом сотрудничестве стран Центральной Азии со странами Южной Азии, прежде всего с Афганистаном и Пакистаном. Проведение военных учений «Региональное сотрудничество – 22», организованных Центральным командованием США с участием военных из США, Таджикистана, Казахстана, Кыргызстана, Монголии, Пакистана и Узбекистана в августе текущего года на территории Таджикистана, свидетельствует о большом интересе НАТО к РТ с военной точки зрения. Можно спрогнозировать, что военная помощь и содействие США программам по обеспечению безопасности Таджикистана, как и других центральноазиатских государств, будет являться одним из важнейших приоритетов внешней политики США в ближайшей перспективе.

2.4 Эволюция стратегии ЕС в Центральной Азии

История взаимоотношений стран ЦА и ЕС до 2007 г.

Европейский союз как субъект международного права начал складываться еще в середине XX в., когда в 1951 г. некоторыми странами Европы был подписан Договор об учреждении Европейского объединения угля и стали. Окончательная интеграция Европы на данном современном историческом этапе была осуществлена в 1992 г., когда страны Европы договорились о более тесном, чем прежде, сотрудничестве. Преобразование Европейского сообщества (создано в 1957 г.) в Европейский союз (ЕС) произошло путем заключения европейскими странами Договора о создании Европейского союза. Так как подписание документа состоялось в городе Маастрихт (Голландия), за данным учредительным договором закрепилось название «Маастрихтский договор».

Что касается Центральной Азии (ЦА), то она как единый признанный субъект международного права фактически не существует и представляет собой лишь понятие, объединяющее ряд стран. Регион Центральной Азии сформировался после развала СССР, когда независимыми стали пять бывших советских республик Средней Азии – Кыргызстан, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан. Термин «Центральная Азия» в современном понимании появился благодаря Первому президенту Казахстана Нурсултану Назарбаеву, который на первом саммите государств постсоветской Средней Азии в 1992 г. предложил изменить наименование «Средняя Азия и Казахстан» в пользу понятия «Центральная Азия»,

охватывающего все постсоветские государства указанного региона. С геополитической точки зрения Центральная Азия представляет собой весьма важную территорию, где пересекаются интересы ведущих мировых держав. По прошествии тридцати лет со дня обретения независимости государства Центральной Азии в политическом дискурсе принято выделять в «пятерку» республик ЦА в качестве единого субрегиона, то есть региона, объединяющего несколько соседних стран с общими особенностями развития (например, в следующих форматах: «С5+1» – США и государства ЦА; «5+1» – РФ и республики ЦА, где РФ рассматривается как шестой член центральноазиатского объединения; «Китай + страны ЦА» и др.).

Политически в Европейском союзе как субъекте международного права участвует множество независимых стран-акторов, что придает ей богатство и разнообразие, но с другой стороны, современная структура ЕС отчасти ограничивает дееспособность стран-членов и вынуждает их выступать с общей позиции и действовать на международной арене как единый игрок, что зачастую вызывает противоречия внутри союза по некоторым вопросам, в том числе в международной сфере. Европейский союз представляет собой довольно сложную бюрократическую структуру, возглавляемую тремя руководящими органами: Европейской комиссией, Советом ЕС и Европейским парламентом, в составе которой также действует ряд институциональных и неинституциональных органов, в том числе специальный представитель ЕС по Центральной Азии. Что характерно, в ЕС нет традиционного разделения управления на три ветви власти, законодательные и исполнительные функции присущи одновременно либо всем, либо части руководящих органов. Из-за этого возникают

внутренние противоречия между административными службами, тем более что выделяемые ресурсы для региона ограничены и таковыми, скорее всего, и останутся.

Фактически, с момента обретения бывшими советскими центральноазиатскими республиками независимости мало известный на тот момент ЦА-регион не представлял особого интереса для Европейского союза и непосредственно для европейских стран. До определенного времени отношения, помимо отчасти экономических, сводились к двустороннему сотрудничеству, оказанию ведущими европейскими странами гуманитарной и экономической помощи новым независимым республикам в связи с последовавшим после распада СССР кризисом. Согласно Решению Европейской комиссии 1995 г., ЕС сосредоточил свое внимание, в основном, на экономическом потенциале Центральной Азии как рынка сбыта европейских товаров и как поставщика энергоресурсов[1]. Данной позиции ЕС придерживался даже в те острые моменты, когда речь шла об укреплении демократических институтов или уменьшении конфликтности в регионе. Указанный документ ссылается, в основном, на торговлю и инвестиции как часть стратегии, направленной на экономические реформы в республиках ЦА. Так, например, 9 февраля 1995 г. в Брюсселе, Бельгия, между европейскими сообществами и их государствами-членами и Кыргызской Республикой было подписано Соглашение о партнерстве и сотрудничестве[2] (СПС),

[1] Anghelescu A.-M. Drawing Lessons of Past Cooperation between EU and Central Asia for the Implementation of 2019 Strategy // Policy Brief / OSCE Academy in Bishkek. 2020. № 58, April. 14 c. C. 4 // URL: https://www.osce-academy.net/upload/file/PB_58.pdf

[2] Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Европейскими сообществами и их государствами-членами с одной стороны, и Кыргызской Республикой с другой стороны, подписанное 9 февраля 1995 г.,

направленное на выстраивание политического диалога между странами, укрепление демократии в республике, а также содействие в развитии ее экономики и установление гармоничных экономических и торговых отношений между договаривающимися сторонами. В период 1994–1996 гг. аналогичные документы были подписаны почти со всеми новыми независимыми республиками Центральной Азии: соглашения с ЕС заключили Казахстан и Узбекистан; Таджикистан из-за гражданской войны присоединился к ним позже – в 2004 г., а отношения ЕС с Туркменистаном до сих пор регулируются подписанным в 1998 г. Временным торговым соглашением, поскольку Европейский парламент откладывает ратификацию СПС с Туркменистаном, ссылаясь на неудовлетворительное положение с правами человека в республике[1]. Соглашения о партнерстве и сотрудничестве государств Центральной Азии с ЕС охватывают, в основном, такие области, как торговля, инвестиции и экономическое сотрудничество, но также включают институциональные политические диалоги.

Подписание соглашений о партнерстве и сотрудничестве с большинством государств Центральной Азии обеспечило основу для двустороннего сотрудничества, где основное внимание уделялось поддержке в развитии и технической помощи государствам ЦА, тем самым укреплялась роль Европейского союза как фактически донора

г. Брюссель (ратифиц. Законом КР от 5 июля 1997 г. № 43) // Офиц. сайт Минюста КР. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17139/10?mode=tekst

[1] Европарламент вновь отложил ратификацию СПС с Туркменистаном // Информ. сайт StanRadar.com. URL: https://stanradar.com/news/full/21266--evroparlament-vnov-otlozhil-ratifikatsiju-sps-s-turkmenistanom.html

с определенной повесткой[1]. Ключевыми приоритетами СРС обозначены: партнерство для обеспечения устойчивости, основное внимание в котором уделено продвижению демократии, прав человека, проблемам миграции и верховенства закона, а также выполнению экологических обязательств по Парижскому соглашению[2]; партнерство во имя развития за счет продвижения конкурентоспособного частного бизнеса, а также стимулирования разнообразных исследований и инноваций, особенно в среде молодежи; формирование более тесного сотрудничества между субъектами, что дает надежду на более конструктивные взаимоотношения со странами Центральной Азии, способствуя при этом в том числе политическому диалогу с участием гражданского общества. Содействие устойчивым взаимоотношениям следует рассматривать, в частности, в контексте развивающегося евро-азиатского соединения, где ЕС расширяет сотрудничество, выходящее за рамки строительства транспортных или энергетических коридоров, к цифровым соединениям и контактам между людьми. Хотя эти планы ясны и разумны, следует отметить, что видимость ЕС в регионе была ограниченной, а другие страны усилили свое присутствие и установили связи с местными органами власти в той или иной степени[3].

[1] Anghelescu A.-M. Drawing Lessons of Past Cooperation…

[2] Парижское соглашение – соглашение в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата, регулирующее меры по снижению содержания углекислого газа в атмосфере, подписано 12 декабря 2015 г. Подписали и ратифицировали все страны ЦА // Офиц. сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/climatechange/paris-agreement

[3] Kizekova A. The European Union in Central Asia: Balancing Competing Actors and Opportunities for the V4 Countries (12.11.2019) // URL: https://www.iir.cz/the-european-union-in-central-asia-balancing-competing-actors-and-opportunities-for-the-v4-countries

С момента обретения странами региона независимости Евросоюз старался вести свою политику с учетом своих прагматических интересов с точки зрения безопасности и экономики. Однако у него, в отличие от других крупных мировых и региональных игроков, вряд ли имеется достаточно средств и политической воли для достижения своих амбиций в регионе. Тем не менее можно, особенно в последнее время, зафиксировать, что Европейский союз обозначил себя в ЦА-регионе как довольно активного актора международных отношений. В связи с этим необходимо рассмотреть более детально программы и стратегии ЕС в ЦА.

Одной из крупных программ по оказанию странам бывшего СССР (в том числе республикам ЦА-региона) консультационной политической и экономической помощи со стороны Европейского союза как единого субъекта международного права стала инициированная им в 1991 г. программа содействия развитию экономических и политических связей Европейского союза со странами Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии – Technical Assistance for Commonwealth of Independent States (TACIS/ТАСИС/Tacis). Изначально программа была ориентирована на техническое содействие странам Содружества Независимых Государств, однако в дальнейшем сфера ее действия распространилась за пределы СНГ, в частности на Монголию[4]. TACIS предполагала помощь в форме оказания консультаций, направления групп экспертов, проведения исследований и профессиональной подготовки путем создания правовой и нормативной базы, экспериментальных проектов, разработки бизнес-планов и методических

[4] Что такое Tacis (03.07.2002) // ИД «Коммерсантъ». URL: https://www.kommersant.ru/doc/330469

рекомендаций для постепенного перехода стран к демократическому обществу и рыночной экономике. Реализация программы осуществлялась, в основном, в бывших республиках СССР: Армении, Азербайджане, Белоруссии, Грузии, Казахстане, Кыргызстане, Молдавии, России, Таджикистане, Туркмении, на Украине и в Узбекистане. Среди наиболее важных направлений программы TACIS являлись: реструктуризация предприятий, развитие частного сектора, реформа государственного управления, сельское хозяйство, энергетика и транспорт. В период 1991–1999 гг. в рамках TACIS было выделено около 4,2 млрд евро, что позволило приступить к осуществлению более 3 тыс. проектов. В течение 2000–2006 гг. (заключительный период действия программы) TACIS фокусировалась уже на 13 государствах (к 12 постсоветским странам добавилась Монголия). В этот период бюджет программы составил примерно 3,1 млрд евро. Большая часть заложенных средств программы TACIS была направлена и реализовывала различные проекты в Российской Федерации. Например, в период 1991–2002 гг. на цели программы в России было выделено порядка 2,3 млрд евро (что позволило осуществить более 1,5 тыс. проектов), в то время как на деятельность TACIS в странах Центральной Азии было предоставлено лишь около 366 млн евро. В течение 2002–2004 гг. бюджет для стран Центрально-Азиатского региона удвоился – с 25 до 50 млн евро в год. В дальнейшем, в 2005 и 2006 гг., объем финансирования проектов в ЦА составлял около 60 млн евро ежегодно. Также известно, что в период 2001–2006 гг. размер грантов в рамках программы TACIS в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане, как правило, варьировался от 100 до 200 тыс. евро[1]. Для определения

[1] Парамонов В. В., Строков А. В., Абдуганива З. А. Влияние Европей-

направления использования средств TACIS работала в сотрудничестве со странами-партнерами, а также другими инвесторами и международными организациями. В 2007 г. было принято решение о сворачивании данной программы, так как, по заключению европейских экспертов, программа TACIS оказалась малоэффективной. Хотя в период действия программы – с 1991 по 2007 гг. – ЕС выделил странам – участникам программы более 7 млрд евро, из них около 1 млрд евро было направлено непосредственно на страны ЦА. После сворачивания программы TACIS Европейский союз некоторое время довольно успешно использовал в регионе еще одну свою программу для финансовой поддержки развивающихся и наименее развитых стран мира, довольно успешно продвигаемую ЕС в других регионах, – программу «Инструмент сотрудничества для развития».

Помимо помощи в реформировании государственных структур и проведения реформ, направленных на становление молодых демократий в государствах ЦА, ЕС рассматривал Центрально-Азиатский регион как один из возможных источников для закрытия своих потребностей в энергоресурсах. Обеспечение Европы энергоресурсами из ЦА-региона осуществлялось по линии созданной в 1993 г. программы ТРАСЕКА/TRACECA (Transport Corridor Europe – Caucasus – Asia) – организации транспортного коридора «Европа – Кавказ – Азия» в целях улучшения системы международных перевозок, ориентированных на Европу. Фактически, TRACECA представляет собой межправительственную комиссию. Главной целью данной программы

ского союза на Центральную Азию: обзор, анализ и прогноз / Под общ. ред. и рук. В. В. Парамонова. Алматы: Фонд им. Фридриха Эберта, 2017. 117 с. С. 5.

ставилась задача развития транспортного коридора между Европой и странами Центральной Азии, минуя Россию, через Черное море, Кавказ и Каспийское море. Данный транспортный маршрут рассматривался как альтернатива российскому «Транссибу». С технологической точки зрения программа ориентирована на перевозку грузов по единому для всего маршрута транспортному документу при использовании различных видов транспорта. Главный офис программы TRACECA находится в Азербайджане, в г. Баку.

Параллельно с программой TRACECA в 1996 г. Евросоюз запустил другую программу сотрудничества между ЕС и ЦА по энергоресурсам – ИНОГЕЙТ/INOGATE (Interstate Oil and Gas Transportation to Europe) – по формированию энергетической инфраструктуры для транспортировки энергоресурсов в Европу. Благодаря ей в энергетический сектор стран – экспортеров нефти и газа из ЦА вошли такие крупные европейские компании, как Shell (Нидерланды), Total Fina Elf и Schlumberger (Франция), ENI и Agip (Италия), British Petroleum и Lasmo (Великобритания), REPSOL (Испания), Wintershall (Германия), Petrom (Румыния) и Statoil (Норвегия)[1]. Учитывая, что основным экспортером нефти и газа в ЦА является Казахстан, то фактически экономические интересы данных компаний осуществлялись, в основном, на территории Казахстана.

Помимо этого, с момента объявления республиками ЦА в 1991 г. государственной независимости в регионе довольно успешно функционирует Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) (European Bank of Reconstruction and Development, EBRD). Страны ЕС

[1] Малышева Д. Европейский союз в Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 2. С. 54–63. С. 55.

обеспечивают больше половины капитала ЕБРР[1]. Наибольшую активность ЕБРР проявляет в Казахстане. Известно, что в течение 1991–2008 гг. ЕБРР выделил странам ЦА чуть более 3 млрд евро (в основном, кредитов), в том числе Казахстану – порядка 2 млрд евро, Кыргызстану – 165 млн евро, Таджикистану – 96 млн евро, Туркменистану – 123 млн евро, Узбекистану – около 545 млн евро[2].

Однако, несмотря на деятельность в Центральной Азии ЕБРР, а также целого ряда европейских программ, собственно экономический интерес ЕС к ЦА стал активнее проявляться только к концу 90-х гг. Это выразилось в значительной интенсификации торговых связей, усилении проектно-инвестиционного присутствия европейских компаний (главным образом в нефтегазовой отрасли Казахстана и в меньшей степени – Туркменистана), а также запуске крупных инфраструктурных программ, в основном в рамках TACIS, а с 2007 г., после ее закрытия, в рамках программы ИСР – «Инструмента сотрудничества для развития» (The Development Cooperation Instrument, DCI)[3].

Немаловажным объединяющим фактором для сотрудничества ЕС и стран ЦА является площадка ОБСЕ – Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, крупнейшей организации в мире, занимающейся вопросами безопасности, объединяющей 57 стран на пространстве Евразии и Северной Америки. После развала СССР, в течение 1992 г. все новообразованные государства ЦА

[1] См.: EBRD Shareholders and Board of Governors // Офиц. сайт EBRD/ЕБРР. URL: https://www.ebrd.com/shareholders-and-board-of-governors.html

[2] Бунстра Й., Хейл Ж. Содействие ЕС Центральной Азии: назад к чертежной доске? Брюссель: EU – Central Asia Monitoring: Раб. докл. 2010. № 8. Февраль. 16 с.

[3] Парамонов В. В., Строков А. В., Абдуганива З. А. Влияние Европейского союза на Центральную Азию: обзор, анализ и прогноз… С. 10.

подписали Хельсинский заключительный акт и стали членами СБСЕ (Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе), переименованное в 1995 г. в ОБСЕ. На данной встрече был принят документ под названием «Вызов времени перемен», который фактически положил начало реформированию сути самой ОБСЕ, когда из политического форума между государствами-членами произошла, по существу, трансформация в межрегиональную международную организацию, ставящую целью поддержание военно-политической стабильности и развитие заявленного сотрудничества «от Ванкувера до Владивостока». ОБСЕ получила широкие полномочия и возможность принимать меры практического характера для предотвращения и урегулирования локальных и региональных конфликтов. Уже в 1994 г. в раздираемый гражданской войной Таджикистан была направлена миссия наблюдателей по линии ОБСЕ. Сотрудничество стран ЦА с ОБСЕ позволило в дальнейшем открыть центры ОБСЕ в Узбекистане, Казахстане, Кыргызстане и Туркменистане. Благодаря ОБСЕ, при непосредственной финансовой поддержке ЕС, центральноазиатские республики смогли осуществить многие реформы, а также обновить специальную технику и специальные средства в правоохранительных структурах стран ЦА[1]. Роль ОБСЕ в выстраивании отношений ЕС – ЦА велика, так как фактически все члены ЕС являются государствами – участниками ОБСЕ и зачастую по многим вопросам цели ЕС и ОБСЕ совпадают, в ЦА-регионе они пересекаются в различных сферах – в области предотвращения конфликтов,

[1] В Кыргызстан прибыла делегация ОБСЕ по оценке реформы органов внутренних дел (11 мая 2022) // ИА «24.kg». URL: https://24.kg/obschestvo/233238_vkyirgyizstan_pribyila_delegatsiya_obse_pootsenke_reformyi_organov_vnutrennih_del/

в вопросах управления границами, верховенства закона, свободы СМИ, расширения прав и возможностей гражданского общества и прав человека в целом[1]. Также велика роль ЕС в формировании бюджета ОБСЕ – к примеру, в 2015 г. страны – члены ЕС внесли более двух третей сводного бюджета ОБСЕ. При этом следует иметь в виду, что в то время, как ЕС с его безопасностью и стабильностью действует за пределами территории государств-членов, ОБСЕ воплощает в себе систему совместной безопасности, направленную на решение внутренних проблем безопасности государств-участников, в том числе и стран ЦА.

Поворотным моментом для активизации сотрудничества между Европейским союзом и странами Центральной Азии можно назвать 2001 год, когда после терактов 11 сентября 2001 г. в США было принято решение начать специальную операцию под названием «Несокрушимая свобода» в Афганистане силами объединенной группировки войск НАТО. Вовлечение Европы в войну в Афганистане и использование силами НАТО территории Центральной Азии создало здесь своего рода плацдарм для укрепления региональных позиций Запада. Европейцам стали ближе возникающие в этом регионе угрозы Евросоюзу и миру, включая растущий экспорт наркотиков из Афганистана, значительная часть которых попадала на улицы европейских городов транзитом через Центральную Азию и Россию через так называемый «северный маршрут». Значение региона возросло после формирования таких центров исламского фундаментализма, как Исламское движение Узбекистана или Свободный Туркестан, ставших частью террористической угрозы миру, что заставило обратить более

[1] Майер С. В одиночку или вместе? // Отношения ОБСЕ-ЕС в Центральной Азии: Ежегод. сб. аналит. ст. Бишкек, 2021. 264 с. С. 107.

пристальное внимание на действия исламистских организаций и включиться в создание широкого фронта борьбы с терроризмом[1]. В этот период в Центрально-Азиатском регионе появилось несколько военных объектов и баз, которые использовались Международными силами содействия безопасности[2], где ведущую роль играли страны НАТО – США и страны ЕС. Наиболее крупными военными объектами, размещенными Международными силами содействия безопасности на территории ЦА, были следующие:

– в Узбекистане, пос. Ханабад Кашкадарьинской области, на военном аэродроме «Ханабад» в 2001 г. была образована вспомогательная авиабаза для авиационной поддержки операций на территории Афганистана, а также для поставок продовольствия и военного имущества коалиционным войскам (соглашение о размещении авиабазы на территории республики было денонсировано со стороны Узбекистана в 2005 г. после Андижанских событий);

– в Кыргызстане, на территории международного аэропорта «Манас» под Бишкеком, в 2001 г. была образована авиабаза им. Ганси (впоследствии авиабаза «Манас», с 2009 г. – Центр транзитных перевозок). Основной задачей базы являлись воздушные перевозки пассажиров и грузов в Афганистан и из него и дозаправка военных самолетов в воздухе в небе над Афганистаном. Авиабаза «Манас» являлась основным аэромобильным центром для операции «Несокрушимая свобода» Антитеррористической коалиции (база была закрыта в 2014 г. по инициативе кыргызской стороны).

---

[1] Носов М. Евросоюз и Центральная Азия // Современная Европа. 2006. Вып. IV. С. 10–21 // URL: https://www.perspektivy.info/oykumena...

[2] Международный воинский контингент, действовавший на территории Афганистана с 2001 по 2014 гг., возглавляемый НАТО.

Фактически, после начала операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане у ЕС появился определенный интерес к Центральной Азии. Таким образом, с 2001 г. ЕС начал практику активного взаимодействия с центральноазиатскими государствами, и тогда это сотрудничество в основном было связано с антитеррористическими задачами. Страны ЦА были включены в Стратегию безопасности ЕС, принятую в 2003 г. Также в стратегическом документе на 2002–2006 гг. и ориентировочной программе на 2002–2004 гг. для Центральной Азии[1] Евросоюзом подчеркивалась необходимость сосредоточить помощь на областях, представляющих взаимный интерес для стран-партнеров, тем самым способствуя стабильности и безопасности в регионе, а также устойчивому экономическому развитию и сокращению бедности. Основным инструментом, предлагаемым для этого, была региональная программа, направленная на содействие сотрудничеству между странами Центральной Азии в областях, представляющих интерес для ЕС, таких как: транспортные проекты, энергетика, управление природными ресурсами и окружающей средой, правосудие и внутренняя стабильность. Более того, ЕС предложил региональную программу, реализуемую в соответствии с национальными потребностями с точки зрения торговли и управления границами, а также создание пилотной схемы для борьбы с нищетой в конкретных областях. Несмотря на довольно ограниченное воздействие и полное понимание проблем регионального сотрудничества, этот документ обеспечивает первую последовательную политическую попытку ЕС создать региональную

[1] European Commission, Strategy Paper 2002–2006 & Indicative Programme 2002–2004 for Central Asia // URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/central_asia/rsp/02_06_en.pdf

структуру по отношению к ЦА с точки зрения конкретных целей помощи в развитии отношений между именно ЕС и ЦА, отойдя от практики двустороннего сотрудничества, использовавшейся ранее.

Площадками для активизации политического диалога государств Центральной Азии и Евросоюза стали ООН, ОБСЕ, Совет Европы (Казахстан имеет статус наблюдателя в Совете Европы, остальные республики принимают участие в различных партнерских программах организации), НАТО, ВТО и др. Североатлантический альянс, в составе которого находятся многие государства – члены ЕС, учредил Совет североатлантического сотрудничества для установления отношений с участниками бывшего Варшавского договора (страны бывшего СССР), куда вошли все пять стран ЦА-региона, также была запущена по инициативе НАТО программа «Партнерство ради мира» для кооперации в том числе с центральноазиатскими республиками. На саммите НАТО в 2004 г. было принято решение сделать партнерство с Центральной Азией и Южным Кавказом приоритетным направлением деятельности военно-политического блока[1]. Бюджетные ассигнования для Центральной Азии в период с 1991 по 2006 гг. показывают, что Европейский союз был сосредоточен не столько на развитии политических отношений с каждой страной, сколько на создании модели, применимой ко всему единому региону, не ставя целью амбициозные политические цели[2].

[1] Прохоренко И. Л. Новая стратегия Европейского союза в Центральной Азии: возможности и пределы «мягкой силы»: анализ и прогноз // Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 4. С. 68–80.

[2] Anghelescu A.-M. Drawing Lessons of Past Cooperation… С. 4–5.

Стратегия нового партнерства ЕС с Центральной Азией 2007 г.

После довольно ограниченной роли Европейского союза в Центральной Азии в 1990-х – начале 2000-х гг. Евросоюзом была разработана Стратегия нового партнерства с Центральной Азией, утвержденная в 2007 г., чтобы придать новый импульс отношениям между двумя регионами. В рамках нового инструмента внешнего содействия на основе сформированного бюджета ЕС на 2007–2013 гг. Европейский союз заложил финансирование, позволяющее вдвое увеличить финансовую поддержку по разнообразным программам и проектам в странах Центральной Азии. Столь существенное увеличение финансирования со стороны ЕС подтверждает его определенный интерес к региону и выход отношений между ЕС и ЦА на более высокий уровень. К 2007 г. во взаимоотношениях между ЕС и государствами ЦА были выработаны общие «точки соприкосновения», и отношения между ними получили устойчивое развитие и выявили близость ценностей и интересов в области экономики, политики и безопасности. Растущая динамика двусторонних отношений между ЕС и странами ЦА подтвердила наличие существенного потенциала для стратегического сотрудничества Евросоюза со всеми странами региона, в том числе и по отдельности. В Стратегии 2007 г. приняты во внимание индивидуальные особенности каждого государства ЦА-региона и разработаны индивидуальные подходы к каждому из них. Следующим этапом стали инициативы, ориентированные на практическое применение Стратегии 2007 г. в таких приоритетных направлениях, как: общие вызовы безопасности, правовое государство, образование, охрана окружающей среды,

водные ресурсы. Стратегия 2007 г. предусматривала сотрудничество в самых разных областях – от регионального, экологического и энергетического до сотрудничества в сферах безопасности, прав человека и верховенства права[1].

Отличительной особенностью Стратегии 2007 г. было то, что со стороны Евросоюза предполагалось сотрудничество не только на двустороннем (с отдельными странами ЦА), но и на многостороннем, региональном уровне – между ЕС и Центральной Азией в целом. То есть, фактически, ЕС рассматривает ЦА-регион как относительно самостоятельный единый субъект международного права, и данное взаимодействие должно было носить сбалансированный двухсторонний региональный подход. Согласно Стратегии 2007 г., ЕС предпринял попытку сбалансировать свой подход к взаимодействию со странами ЦА-региона в соответствии с различными потребностями и показателями каждой из них. В том числе ЕС в рамках принятых на себя обязательств стимулировал усиление регионального сотрудничества не только между странами ЦА, но и между странами ЦА и другими регионами.

Особый упор в Стратегии 2007 г. делался на двустороннее сотрудничество, которое должно было формироваться с учетом индивидуальных особенностей каждого из государств Центральной Азии. Основной акцент в двустороннем сотрудничестве делался по следующим вопросам и отраслям: права человека, экономическая диверсификация, энергетика и другие отраслевые проблемы, в том числе связанные с молодежью и образованием. Активность

[1] Джураев Э., Мураталиева Н. Стратегия ЕС в Центральной Азии: к успешной реализации новой стратегии / Представительство фонда им. Ф. Эберта в КР (март 2020) // URL: http://library.fes.de/pdf-files/bueros/bischkek/16167.pdf

и плодотворность двустороннего сотрудничества с ЕС напрямую зависели от способности и успешности каждой страны ЦА в проведении демократических и экономических преобразований и реформ внутри государства.

Также взаимодействие в рамках регионального сотрудничества между ЕС и странами ЦА, согласно Стратегии 2007 г., активно способствовало решению таких общих региональных и мировых проблем, как наркотрафик, борьба с незаконной миграцией и торговлей людьми, с незаконным оборотом оружия и др. Для решения перечисленных проблем ЕС со своей стороны оказывает полное содействие и усиливает взаимодействие с заинтересованными международными организациями и странами.

На фоне проводимой антитеррористической операции в Афганистане, в том числе с участием военнослужащих стран ЕС, особая роль в Стратегии 2007 г. отводилась обеспечению региональной безопасности. В Стратегии содержались положения о том, что ЕС расширяет свою финансовую, консультационную и техническую поддержку для развития современных систем управления границами в Центральной Азии, в том числе акцентируя внимание на общей границе республик ЦА (Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана) с Афганистаном.

Для скорейшей стабилизации ситуации внутри Афганистана ЕС разработал несколько специальных программ для Центральной Азии, в том числе для оказания помощи Афганистану. В 2002 г. в стратегическом документе Европейской комиссии упоминается «распространение афганской войны»[1], что усилило интересы безопасности ЕС в регионе, и как следствие, была учреждена Программа

[1] European Commission, Strategy Paper 2002–2006 & Indicative Programme 2002–2004 for Central Asia…

содействия управлению границами в Центральной Азии (Border Management in Central Asia, BOMCA). Также одной из основных программ содействия в стабилизации ситуации в Афганистане и в Центрально-Азиатском регионе, реализуемых ЕС, является Программа действий по предотвращению распространения наркотиков в Центральной Азии (Central Asia Drug Action Programme, CADAP). Усилия данной программы направлены на поддержку, в том числе финансовую и консультативную, деятельности властей Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана по внедрению политики и мер по искоренению и/или снижению спроса на наркотики. Немаловажное место в программе отводится продвижению профилактических инициатив и улучшения качества лечения, которое предоставляется государственными медицинскими учреждениями для наркозависимых лиц. К примеру, благодаря программе CADAP в уголовно-исполнительной системе Кыргызской Республики были созданы реабилитационные центры для лечения химически зависимых лиц, а также условия по социальному сопровождению пациентов, обучению социальных работников для работы с наркозависимыми пациентами. На финансирование обеих вышеприведенных программ с момента их запуска (2003 г.) было потрачено более 70 млн евро[1]. Данные программы направлены в том числе на расширение сотрудничества между центральноазиатскими государствами и Афганистаном в области безопасности и борьбы с распространением наркотиков. Условия программ также подразумевали объединение нескольких действующих

[1] Саруханян Ю. Политика Европейского союза в Центральной Азии: хочет ли Брюссель превратиться в стабильного игрока основы? (01.04.2019) // CABAR.asia. URL: https://cabar.asia/ru/politika...

международных проектов и программ для реформирования таможенных служб стран ЦА-региона.

Исходя из текста Стратегии 2007 г., можно проследить, какие основные цели преследует ЕС в Центральной Азии:

– обеспечение безопасности и стабильности государств Центральной Азии;

– поддержка в борьбе с бедностью населения стран региона, а также содействие в улучшении уровня жизни;

– развитие и усиление внутрирегионального сотрудничества между государствами Центральной Азии в сфере энергообеспечения, транспорта, высшего образования и защиты окружающей среды.

Следует заметить, что в Стратегии 2007 г. ЕС фактически рассматривал Центральную Азию (пять постсоветских центральноазиатских республик: Кыргызстан, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан) как единый геополитический регион (при этом частично учитывались «индивидуальные особенности» стран), что не совсем верно, так как страны региона даже с момента обретения независимости имели существенные отличия как в экономическом, так и политическом плане. Соответственно, выработка ЕС единых критериев для взаимодействия со странами региона зачастую была ошибочной.

Новая Стратегия партнерства ЕС с Центральной Азией 2019 г.

Стратегия, принятая ЕС в отношении Центральной Азии в 2007 г., по времени действия была рассчитана до 2013 г., ее планировалось обновить одновременно с принятием нового многолетнего финансового плана ЕС

на период 2014–2020 гг. Стратегия поддержки Центральной Азии Европейским союзом на 2007–2013 гг. разрабатывалась как инструмент для укрепления и расширения политического диалога с государствами ЦА на региональном и национальном уровне. Частично Стратегия 2007 г. была несколько обновлена в 2015 г., но из-за различных обстоятельств новая Стратегия ЕС для ЦА была принята только в июне 2019 г. Необходимо отметить, что за год до принятия новой Стратегии ЕС для ЦА, в 2018 г., была принята единая Стратегия ЕС для всего азиатского направления[1], и в Стратегию 2019 г. отчасти были заложены принципы и условия сотрудничества ЕС со странами ЦА, которые уже были прописаны в Стратегии ЕС для Азии 2018 г.

Действующая на сегодняшний день Стратегия ЕС в отношении Центральной Азии датируется 2019 г., она была официально представлена 7–8 июля 2019 г. в г. Бишкеке, Кыргызская Республика, на ежегодной встрече представителей ЕС и правительств центральноазиатских республик. Объявляя о новой Стратегии партнерства ЕС со странами ЦА, верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Федерика Могерини подчеркнула, что ЕС не намерен ввязываться в какие-либо геополитические игры в ЦА, и призывала правительства центральноазиатских республик не закрывать глаза на геополитические интересы других держав в регионе: «Вы находитесь на перекрестке континентов и культур. И явно не для того, чтобы быть шахматной доской для внешних сил и геополитических игр»[2].

---

[1] Ерёмина Н. Евросоюз в Центральной Азии: стратегия проникновения // Информ.-аналит. изд. «Евразия. Эксперт». URL: https://eurasia.expert/evrosoyuz-v-tsentralnoy-azii-strategiya-proniknoveniya

[2] ЕС и страны Центральной Азии договорились о партнерстве // ИА

В Стратегии 2019 г. Центральная Азия названа «ключевым регионом во взаимодействии Востока и Запада», а общая цель ЕС связана с концепцией устойчивости. При этом официальные лица ЕС заявляют о постепенном укреплении своих позиций в Центральной Азии, объясняя это тем, что Европейский союз остается «ключевым партнером» стран региона в решении проблем окружающей среды, верховенства права, внутренних государственных реформ, связанных с государственным управлением, контролем над границами и др. Учитывая, что большой процент населения стран ЦА составляет молодежь, ЕС указывает на необходимость поддерживать молодежь, а также всё более активно развивать внутрирегиональное сотрудничество между странами ЦА.

В Стратегии 2019 г. основные области взаимодействия между ЕС и странами ЦА остались всё те же, что были определены в Стратегии 2007 г.: транспортные, энергетические, цифровые сети, усиливающие взаимосвязь между странами, а также сотрудничество между гражданскими обществами стран региона[1].

Стратегия 2019 г. выделяет три приоритетных направления во взаимодействии Европейского союза со странами Центральной Азии:

– партнерство с государствами ЦА и гражданским обществом, нацеленное на стабильность (соблюдение прав человека и демократических основ, государственная безопасность, экологическая безопасность);

– партнерство во имя процветания (поддержка экономической диверсификации и развитие частного сектора

Deutsche Welle. URL: https://www.dw.com/ru/a-49501463

[1] Ерёмина Н. Евросоюз в Центральной Азии: стратегия проникновения…

в экономике, продвижение внутрирегиональной торговли и устойчивая связь между странами региона);

– поддержка регионального сотрудничества в Центральной Азии.

Новая Стратегия 2019 г., в отличие от Стратегии 2007г., содержит ряд важных дополнений, таких как:

– отказ от попыток агрессивной перестройки политической системы региона, то есть ЕС берет на себя «обязательство» не поддерживать «цветные революции» и масштабные кампании, проводимые с использованием подконтрольных заинтересованным субъектам неправительственных и общественных организаций в целях оказания давления на действующие правительства. Таким образом, в Стратегии 2019 г. делается ставка на действующие региональные правительства и режимы в обеспечении развития и безопасности региона;

– упоминание в качестве важных субъектов региональной политики таких организаций, как ОДКБ, ЕАЭС, ШОС, и продвигаемой КНР инициативы «Один пояс – один путь», которые чаще всего игнорировались в предыдущих стратегических документах ЕС;

– отказ от навязывания эксклюзивных отношений с ЕС в ущерб проектам иных государств. Так, в Стратегии заявлено о непротиворечивости расширенных соглашений о партнерстве ЕС и региональных государств с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС)[1] (структурные различия стратегий 2007 и 2019 гг. представлены ниже в *табл. 19*).

Стратегия 2019 г. призывает к более тесному сотрудничеству с ОБСЕ, «в том числе на местном уровне». Данный

[1] The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership // URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for...pdf

посыл был обусловлен тем, что обе организации фактически столкнулись со снижением соблюдения стандартов демократии и прав человека в государствах Центральной Азии, заметным исключением является рост приверженности данным стандартам в Узбекистане с 2016 г., после прихода к власти Шавката Мирзиёева. В Стратегии 2019 г. описываются ключевые функции каждой из организаций – ЕС и ОБСЕ – в Центральной Азии, исследуются их взаимоотношения и делается ряд выводов для политики. Взаимоотношения между ЕС и ОБСЕ в ЦА-регионе сформированы с определенным призывом Европейского союза к сотрудничеству для продвижения «принципов и обязательств ОБСЕ» и «поддержки ее полевых миссий».

Новая Стратегия ЕС в отношении ЦА также содержит рекомендации для подготовки программы финансовой помощи странам региона на период 2021–2027 гг.

Вместе с тем анализ Стратегии 2019 г. показывает, что ЕС фактически не столько готов активизировать свою деятельность в регионе, сколько делает упор на общие глобальные и геополитические изменения, которыми необходимо воспользоваться и которые необходимо учитывать в укреплении партнерства[1]. Обновление Стратегии ЕС в ЦА не означает решения Брюсселя расширить свое влияние в регионе, на данный момент можно констатировать, что европейскую сторону вполне устраивает та ниша, которую она занимает, – быть, в основном, в роли донора в вопросах, связанных с экологией, гуманитарным сотрудничеством, образованием и т. п. Фактически, признав со своей стороны определенную неготовность к самостоятельному управлению региональными процессами в ЦА,

[1] Ерёмина Н. Евросоюз в Центральной Азии: стратегия проникновения...

ЕС всё больше склоняется к необходимости действовать по ряду вопросов в русле сотрудничества с ведущими региональными игроками, дабы решить собственные экономические, ресурсные и логистические задачи.

Пересмотр Европейским союзом своей стратегии в отношении стран ЦА обусловлен также принятием в 2016 г. Глобальной стратегии ЕС и, следовательно, необходимостью адаптировать всю свою внешнеполитическую деятельность к новым реалиям. В октябре 2016 г. министры иностранных дел ЕС согласовали наиболее важные стратегические приоритеты для реализации Глобальной стратегии ЕС, среди них: оборона и безопасность, повышение устойчивости, интегрированный подход к разрешению конфликтов и кризисов, внутренние и внешние взаимосвязи, подготовка новых стратегий и укрепление механизмов общественной дипломатии.

Европейский союз стремится укрепить свои позиции в системе международных отношений и поэтому обновляет механизмы взаимодействия с внешним миром. В частности, ЕС продолжит реализовывать программы в целях укрепления устойчивости новых независимых государств Центральной Азии, поддерживая эффективное государственное управление и подотчетные учреждения, а также тесно сотрудничая с гражданским обществом. А также поддерживать интегрированный подход к разрешению конфликтных и кризисных ситуаций, что делает необходимым всестороннее участие ЕС на всех стадиях конфликта, включая действия по его предотвращению. По возможности, ЕС также намеревается сохранять свое присутствие в зоне конфликта до окончательного перехода к мирной жизни[1].

[1] Общее видение, единый подход: сильная Европа: Глобальная стратегия Европейского союза по внешней политике и политике безопасности //

Также, основываясь на своем опыте интеграции, ЕС выступает за усиление интеграции стран ЦА между собой, и ЕС со своей стороны готова оказывать содействие и делиться опытом в интеграционных процессах.

Таблица 19

Основные различия в стратегиях Европейского союза в Центральной Азии 2007 и 2019 гг.[1]

Стратегия ЕС 2007 г.	**Стратегия ЕС 2019 г.** *(действующая)*
Упор на выстраивание нового партнерства	Упор на укрепление и расширение партнерства
Структура – более общая и всеобъемлющая	Структура – более подробная и конкретизированная
Описательный характер стратегии	Более глубокий, аналитический характер стратегии
Общее описание средств реализации Стратегии	Конкретные инициативы в каждом подразделе
Афганистан – приоритет в плане угроз региональной безопасности	Помимо сложной ситуации в Афганистане, учет новых угроз для безопасности (кибербезопасность и т. п.), включая ИГИЛ
Целевая разбивка бюджета: 70% средств – на двусторонние проекты, 30% – на содействие региональному сотрудничеству	Более крупный бюджет без признаков детализации; приоритетные сферы для финансирования определенных проектов будут определяться дополнительно

URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eu_global_strategy_ru.pdf

[1] Джураев Э., Мураталиева Н. Стратегия ЕС в Центральной Азии…

Состояние взаимоотношений ЕС со странами ЦА на современном этапе

Вопросы сотрудничества по ситуации в Афганистане

Помимо вышесказанного, интерес ЕС к Центральной Азии как геополитическому региону обусловлен также афганским фактором. После окончательного вывода американских войск из Афганистана в августе 2021 г., а также уход оттуда западных компаний и посольств некоторых стран (в том числе стран ЕС) интерес к Афганистану со стороны ЕС немного ослаб, что главным образом связано со сложностями выстраивания политических отношений с нынешним руководством Афганистана – запрещенным практически во всех странах мира движением «Талибан»[1]. Хотя страны ЕС и не рассматривают Афганистан как часть Центрально-Азиатского региона, тема урегулирования ситуации в этой стране так или иначе стоит на повестке дня сотрудничества с Центральной Азией в области безопасности и борьбы с терроризмом. Кроме того, и сами государства региона начинают уделять более пристальное внимание процессам в Афганистане. Евросоюз, чтобы избежать большого количества беженцев из Афганистана, пытается поддержать инфраструктурные и гуманитарные проекты, которые действуют в республиках ЦА для афганских беженцев[2]. В частности, за счет ЕС финансируются программы по обучению граждан Афганистана (основной

[1] Движение «Талибан» – организация, запрещенная в КР на основании решения Первомайского районного суда г. Бишкека от 15 сентября 2006 г.

[2] FT: ЕС готов заплатить соседям Афганистана за прием беженцев (02.09.2021) // ИА «Газета.uz». URL: https://www.gazeta.uz/ru/2021/09/02/refugees/

упор делается на женщин) в высших учебных заведениях Казахстана и Узбекистана и в рамках специальных образовательных программ в Кыргызстане, Таджикистане и Туркменистане[1]. Данные программы финансовой поддержки приграничных с Афганистаном стран, в том числе республик ЦА, запускаются для того, чтобы не допустить притока беженцев в Европу и создать условия для долговременного и/или постоянного размещения беженцев из Афганистана на территории стран ЦА. Также в Центральной Азии продолжают реализовываться программы ЕС по поддержанию безопасности в регионе, такие как: Программа содействия управлению границами в Центральной Азии (BOMCA) и Программа действий по предотвращению распространения наркотиков в Центральной Азии (CADAP).

Сотрудничество в области образования

В политической части стратегий ЕС 2007 и 2019 гг. большое внимание уделяется сотрудничеству в области образовательных и гуманитарных проектов в Центрально-Азиатском регионе. В частности, предусматривается развитие виртуальных контактов между европейскими и центральноазиатскими университетами и исследовательскими центрами на основе уже функционирующего «Виртуального Шелкового пути» – межрегионального проекта по созданию компьютерной сети на территории Евразии при помощи спутниковых технологий, финансируемого научной программой НАТО.

[1] Главы государств ЦА и Президент ЕС обсудили расширение гуманитарной помощи Афганистану (27.10.2022) // ИА «Курсив». URL: kz.kursiv.media/2022-10-27/glavy-gosudarstv-ca-i-prezident-es-obsudili-rasshirenie-gumanitarnoj-pomoshhi-afganistanu/

На сегодняшний день более половины населения Центральной Азии составляют лица моложе 30 лет и темпы естественного прироста населения остаются довольно высокими во всех республиках Центральной Азии. Молодые люди до 30 лет наиболее уязвимы перед опасностью попасть под влияние деструктивных и радикальных организаций, а также подвержены риску криминализации и маргинализации. В предотвращении таких угроз немаловажную роль играет образование, предоставляющее молодежи альтернативные возможности развития. В целях эффективного развития образования в странах Центральной Азии ЕС запустил Европейскую образовательную инициативу (ЕОИ) в рамках комплексного подхода, обозначенного в Стратегии 2007 г. Данная инициатива ЕС была направлена на оказание помощи государствам ЦА в укреплении национальных систем образования и выработку приближенных к европейским образовательных стандартов. В ЕОИ были включены уже существующие европейские программы в области повышения квалификации, высшего и профессионального образования, а также предполагалась разработка новых моделей сотрудничества – например, в феврале 2012 г. запущена Центральноазиатская образовательная платформа (ЦОП).

ЕОИ была призвана стать рамочной структурой, определяющей европейское содействие системе образования в Центральной Азии. Европейские образовательные программы нацелены на различные секторы в образовании, например:

– программа «Erasmus+» направлена на возможность обучения по обмену студентами, а также на повышение квалификации научных кадров в университетах ЕС. Благодаря программе «Erasmus+» участники получают

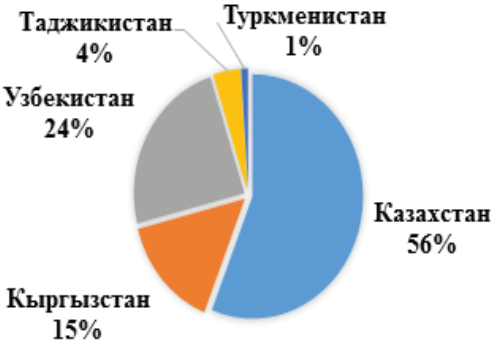
финансовую поддержку в осуществлении обмена студентами, обмена идеями и передовым опытом университетов и других образовательных и научных организаций стран-участников программы и стран-партнеров. По результатам действия программы «Erasmus+» в странах ЦА можно констатировать, что хотя количество сотрудников и студентов вузов стран Центральной Азии, участвующих в образовательных программах «Erasmus+» по обмену с европейскими вузами, относительно невелико, тем не менее это имеет положительный эффект, когда студенты или преподаватели, обучавшиеся в рамках данной программы по обмену в Европе, возвращаются в высшие учебные заведения своих стран для продолжения обучения или преподавательской деятельности. Программа «Erasmus+» также финансирует совместные проекты по наращиванию потенциала для университетов Центральной Азии, которые, помимо прочего, разрабатывают учебные программы для новых курсов (115 млн евро выделено в 2014–2020 гг.). К примеру, за период 2014–2020 гг. казахстанские студенты и образовательные учреждения РК были главными бенефициарами данной программы в регионе. За этот период около 3300 студентов из Казахстана получили возможность продолжить свое образование в учебных учреждениях ЕС. Около 1500 граждан ЕС за этот же период обучались в образовательных учреждениях Казахстана. Кроме того, 220 магистрантов из Казахстана получили стипендию для завершения совместной магистерской программы в Европе. Проекты по наращиванию потенциала для университетов по-прежнему пользуются большой популярностью в Казахстане, который участвует в 61 из 99 проектов, финансируемых в Центральной Азии[1]. В период с 2015

[1] См.: EU – Kazakhstan relations. [Офиц. сайт ЕС] // URL: https://www.

по 2020 гг. в рамках «Erasmus+» в Кыргызстане было профинансировано 279 проектов по программе «Международная кредитная мобильность» на сумму более 4,5 млн евро[1];

Диаграмма 1

Процент участия граждан стран Центральной Азии в проекте «Erasmus+» в период с 2015 по 2020 гг.



– проект «Центральноазиатская научно-образовательная сеть» (Central Asian Research and Education Network, CAREN). Не всегда качественное интернет-соединение не позволяет университетам, исследовательским центрам и больницам стран Центральной Азии обмениваться данными, что является серьезным препятствием для совместных исследований и другого сотрудничества. Проект CAREN запущен в 2010 г. с целью предоставления постоянного и бесперебойного высокоскоростного интернет-соединения

eeas.europa.eu/sites/default/files/eeas-ca_ministerial_factsheets-2021...pdf

[1] «Международная кредитная мобильность» (МКМ) – проекты по мобильности (краткосрочному обмену) для студентов и сотрудников вузов. См.: Офиц. сайт программы «Erasmus+» в КР // URL: https://erasmusplus.kg/statistics/

научно-исследовательским центрам, образовательным и медицинским учреждениям стран ЦА. По замыслу авторов проекта, ученые и студенты получат возможность использовать передовые технологии для общения со сверстниками из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и стран ЕС. CAREN соединяет более одного миллиона пользователей в более чем двухстах университетах и научно-исследовательских институтах и обеспечивает доступ к европейскому и глобальному сообществу исследователей. Высокоскоростное интернет-соединение в рамках CAREN способствует дальнейшему региональному и глобальному сотрудничеству в области научных исследований по проектам с высоким социальным воздействием в таких областях, как экология, сейсмология, телемедицина и др. Благодаря CAREN молодежь получает доступ к новым знаниям посредством дистанционного изучения[1];

Туринский процесс, запущенный в 2010 г. и возглавляемый Европейским фондом образования ЕС, является совместным обзором развития политики в области профессионального образования и обучения, который осуществляется каждые два года всеми странами – партнерами Европейского фонда образования. Данный проект координирует реформы, направленные на модернизацию профессионального образования, чтобы выпускники школ были лучше подготовлены к поиску работы. За 2014–2020 гг. 75 млн евро в виде двусторонней помощи было выделено на профессиональное и общее среднее образование в Таджикистане, а Кыргызстан получил 72 млн евро из бюджета

[1] См.: Проект «CAREN»: Центральноазиатская научно-исследовательская и образовательная сеть // Сайт Ассоциации «Кыргызская научная и образовательная компьютерная сеть». URL: http://krena.kg/index.php/ru/projects/-qcarenq

ЕС на улучшение своей системы образования в целом. Начальное образование во всех пяти центральноазиатских странах получает косвенную выгоду от финансовой поддержки со стороны ЕС глобальной инициативы Всемирного банка «Образование для всех».

Ставку в реформах в образовании среди стран ЦА ЕС сделал на Казахстане, так как Казахстан является членом Европейского пространства высшего образования (ЕПВО), а в 2022 г. был избран сопредседателем (наряду с Чехией) в Болонском процессе до конца текущего года. Казахстан выдвинул инициативу установить высокие стандарты и выработать единые требования к единому центральноазиатскому высшему образованию, формирование которого будет основываться на параметрах Болонского процесса. Задача – объединить образовательное пространство Центральной Азии, установив приоритетные направления развития на взаимовыгодных условиях, придерживаясь единой цели: надлежащее и полное осуществление согласованных принципов в сфере образования в странах Центральной Азии на региональном и национальном уровнях[1].

Сотрудничество в транспортно-логистических проектах и в углеводородной сфере

В связи с постоянным ростом потребности стран Европы в энергоресурсах важное место во всех стратегиях ЕС занимают вопросы, связанные с формированием общих принципов для решения задач в сфере разработки,

[1] Сопредседательство Казахстана в Болонском процессе // Сайт Центра Болонского процесса и академической мобильности. URL: https://enic-kazakhstan.edu.kz/ru/sopredsedatelstvo-kazahstana...

транспортировки энергоресурсов, в том числе с территории Центральной Азии. Руководство ЕС неоднократно выражало заинтересованность в импорте газа и нефти из Центральной Азии, в частности из Узбекистана и Туркменистана. Подписание в 2018 г. Конвенции о статусе Каспия[1] актуализировало тему о возможности строительства газопровода по дну Каспийского моря, что позволит экспортировать туркменский газ через Южный газовый коридор[2]. Подтверждением серьезной заинтересованности ЕС в осуществлении данного проекта стало открытие в 2019 г. полноценного представительства ЕС в Туркменистане (даже несмотря на геополитические разночтения и позицию ЕС в отношении прав человека в республике). Реализация данного проекта потребует не только серьезных финансовых ресурсов, но и сложных дипломатических ходов, которые позволят разработать правила игры, устраивающие все заинтересованные стороны, и предотвратят возможность дестабилизации региона.

Важное значение для ЕС сегодня имеют поставки энергоресурсов из Центральной Азии. На фоне сложившейся ситуации с поставкой нефти на европейский рынок, обусловленной санкциями в отношении РФ, в связи с чем покупатели из ЕС отказываются от российской нефти, казахстанские нефтяные компании, не желая попасть под вторичные санкции, стали активно использовать альтернативные пути продажи нефти в ЕС в обход России – минуя транзит через систему Каспийского трубопроводного консорциума

[1] Конвенция о правовом статусе Каспийского моря – международный договор между Азербайджаном, Ираном, Казахстаном, Россией и Туркменистаном, подписанный 12 августа 2018 г. в рамках Пятого Каспийского саммита в казахстанском городе Актау.

[2] Саруханян Ю. Политика Европейского союза в Центральной Азии: хочет ли Брюссель превратиться в стабильного игрока основы?...

(соединяет месторождения на западе Казахстана с портом Новороссийска). Так, казахстанско-французская нефтяная компания Total & Dunga до конца 2022 г. планирует отгрузить до 200 тыс. т нефти через каспийский порт Актау в трубопровод Баку – Тбилиси – Джейхан (транспортирует азербайджанскую нефть через Грузию в турецкий порт Джейхан). Первые отгрузки начались в сентябре, за месяц было поставлено 25 тыс. т нефти[1]. По информации из открытых источников, еще 3,5 млн т казахстанской нефти в год могут начать поступать в 2023 г. по другому азербайджанскому трубопроводу в грузинский черноморский порт Супса[2]. Казахстанская государственная нефтяная компания «Казмунайгаз» и азербайджанская государственная компания SOCAR отказались комментировать сделку. В июле текущего года компания BP Azerbaijan заявила, что перенаправит потоки с трубопровода Баку – Супса на более крупную трубу трубопровода Баку – Тбилиси – Джейхан. Однако новый маршрут означает, что Казахстану придется полагаться на флот небольших танкеров для перевозки нефти через Каспийское море в Баку из порта Актау, который имеет ограниченные запасные мощности. Помимо этого, в Европу Казахстан отдельно экспортирует до 1 млн т, или 250 тыс. баррелей в сутки нефти марки «Urals» через российскую трубопроводную систему в порты Черного и Балтийского морей[3].

[1] Казахстан начал использовать альтернативные маршруты экспорта нефти (20.10.2022) // URL: https://www.vedomosti.ru/business/...

[2] Казахстан планирует с сентября транспортировать нефть через Азербайджан – Reuters (12.08.2022) // URL: https://vlast.kz/novosti/ 5118 3-kazahstan-planiruet-s-sentabra-transportirovat-neft-cerez...

[3] Казахстан начнет продажу нефти по азербайджанскому трубопроводу в обход России (12 августа 2022) // Независимое ИА «Туран». URL: https://www.turan.az/ext/news/ 2022/8/free/Worldwide/ru/8238.htm

Немаловажен интерес Европейского союза и к сотрудничеству со странами ЦА в области безопасности, энергетики, транспорта и цифровой сети. Внимание со стороны ЕС к Центральной Азии подогревают транспортно-логистические проекты, активно продвигаемые Китаем в рамках инициативы программы «Нового Шелкового пути», – в частности, «Один пояс – один путь». В рамках проекта «Экономический пояс Шелкового пути» рассматривается создание трех трансевразийских экономических коридоров: северного (Китай – Центральная Азия – Россия – Европа), центрального (Китай – Центральная и Передняя Азия – Персидский залив и Средиземное море) и южного (Китай – Юго-Восточная Азия – Южная Азия – Индийский океан). В Брюсселе растущее влияние Пекина (особенно в странах Центральной и Восточной Европы) вызывает тревогу. Поэтому активное участие в транспортных проектах, которые в перспективе будут доходить до европейского континента, отвечает интересам ЕС. В Брюсселе понимают, что в выстраивании торгового сотрудничества с Китаем Центральная Азия является потенциально важным транзитным регионом.

Страны ЦА также озабочены вопросами логистических путей, особенно учитывая нынешнюю геополитическую ситуацию, когда из-за конфликта на Украине на Россию был наложен западными странами ряд санкций, что также отразилось на логистическом и транзитном потенциале Российской Федерации. Данная ситуация обсуждалась лидерами стран Центральной Азии на Четвертой консультативной встрече глав государств ЦА, которая прошла 20–21 июля 2022 г. в г. Чолпон-Ата (Кыргызстан). Наложение западных санкций на Россию прямо отразилось в разной степени на странах ЦА. Так, из-за сокращения транспортных

путей (последствия антироссийских санкций) странам ЦА-региона необходимо выработать новые альтернативные логистические, торговые пути. Вопросы, касающиеся участия стран региона в строительстве железных дорог Китай – Кыргызстан – Узбекистан, Мазари-Шариф – Кабул – Пешевар, эффективного использования железной дороги Казахстан – Туркменистан – Иран, которая на данный момент не работает в полную силу, и развития транспортного коридора через Индию и Китай, также обсуждались на встрече.

Особенно активно сейчас развиваются транспортные проекты, связывающие Восточную и Юго-Восточную Азию со странами ЕС через территорию Центральной Азии. На сегодняшний день в этом направлении наибольшие успехи Европейский союз достиг во взаимодействии с Казахстаном, Кыргызстаном и в некоторой степени с Узбекистаном.

Казахстан

В частности, очень динамично в последнее время развивается международный транспортный коридор по Транскаспийскому международному транспортному маршруту (Срединный коридор)[1] из Китая через Казахстан, акваторию Каспийского моря, Азербайджан, Грузию и далее в Турцию и страны Европы. После геополитического давления на Россию и возникших от этого рисков в международных перевозках, а также в связи с недавним инцидентом с контейнеровозом «Ever Given», временно перекрывшим сообщение в Суэцком канале[2], Срединный коридор является выгодной альтернативой Северному маршруту

[1] В Казахстане планируют в шесть раз увеличить объем ж/д перевозок в обход РФ (11 мая 2022) // ИА REGNUM. URL: https://regnum.ru/...

[2] Гайва Е. Гигантский контейнеровоз перекрыл Суэцкий канал (24.03.2021) // RG.RU. URL: https://rg.ru/2021/03/24/gigantskij...

(через Россию) и Южному коридору (через Иран), так как сопряжен с меньшими геополитическими рисками для стран Европы и Юго-Восточной Азии. Фактически, из-за ситуации на Украине и последовавших после этого санкций, наложенных на Российскую Федерацию, странам ЦА удалось расширить свои логистические возможности, в том числе увеличив свой транзитный потенциал.

Кыргызстан и **Узбекистан**

В рамках уже упомянутого китайского проекта «Экономический пояс Шелкового пути» немаловажную роль играет уже долго обсуждаемый и наконец фактически сдвинутый с нуля вопрос строительства железной дороги КНР – Кыргызстан – Узбекистан с перспективой выхода в Турцию и далее в страны ЕС. Данный проект играет большую роль для Центральной Азии, так как еще больше позволит изменить статус региона с фактически «тупикового» до транзитного.

Экономическое и политическое сотрудничество

Помимо гуманитарного сотрудничества, сотрудничества в области безопасности и логистики, Евросоюз также выстраивает, и зачастую довольно успешно, экономические и политические отношения со странами Центральной Азии. ЕС оказывает поддержку странам региона в экономической интеграции ЦА в мировую экономику. Например, ЕС помог Таджикистану и Казахстану стать членами ВТО в 2013 и 2015 гг. соответственно (Кыргызстан стал членом ВТО в 1998 г., а Узбекистан и Туркменистан являются государствами-наблюдателями ВТО).

Для Центрально-Азиатского региона Евросоюзом предусмотрено взаимодействие в рамках Всеобщей системы преференций+ (ВСП+) – программы, которая предоставляет возможность развивающимся странам импортировать в ЕС товары без пошлин при условии соблюдения ими ряда международных конвенций в области прав человека, охраны окружающей среды и добросовестного управления. ВСП+ предоставляет возможность выхода на рынок на преференциальных условиях 28 странам ЕС с населением свыше 508 млн человек, с высоким уровнем покупательской способности. Одна из целей – помощь малому бизнесу стран-участниц продавать свою продукцию в странах ЕС и в том числе соответствовать европейским стандартам качества. Таможенные льготы на 6200 товарных позиций (66% всей товарной номенклатуры), предоставляемые разнообразным товарам в рамках ВСП+, ведут к значительной экономии средств за счет сокращения расходов на таможенные пошлины.

Но ВСП+ это больше, чем торговый инструмент. Присоединяясь к схеме ВСП+, страны с низким и низко-средним уровнем доходов обязуются эффективно выполнять 27 основных международных конвенций о правах человека и трудовых правах, защите окружающей среды и климата и надлежащем управлении. Регламент программы предусматривает постоянный мониторинг обязательств получателей ВСП+. Кроме того, благодаря участию в данной программе, повышается инвестиционная привлекательность и узнаваемость определенной страны за счет расширения преференциальных рынков сбыта и повышения имиджа страны, как соблюдающей требования международных конвенций в области прав человека, труда и охраны окружающей среды.

Товарные позиции, подпадающие под преференции ВСП+, охватывают широкий спектр товаров, включая, например, фрукты/овощи, сухофрукты, текстильную продукцию, продукты животноводства, пищевые продукты, химическую продукцию и т. д.[1]. Необходимо отметить, что требования по стандартам (качеству) к товарам сохраняются прежними, т. е. ВСП+ предоставляет только тарифные преференции.

Двусторонние отношения ЕС со странами ЦА до недавнего времени основывались на соглашениях о партнерстве и сотрудничестве, подписанных еще в 1990-е гг. Большую роль в выстраивании двусторонних торговых отношений также играет проведение институциональных реформ. Данный факт вкупе с довольно скромными взаимными показателями товарооборота – около 27,8 млрд евро (за 2021 г.) – свидетельствует о не особо активной торговле между регионами (см. *табл. 20*).

Также, несмотря на довольно скромные цифры взаимного товарооборота, ЕС довольно активно инвестирует в страны ЦА. За последние 10 лет страны – члены ЕС инвестировали в страны Центральной Азии более 105 млрд евро, или 121,3 млрд долларов США, что превышает 40% от общего объема прямых иностранных инвестиций в регионе. На ЕС приходится более трети общего объема внешней торговли Центральной Азии[2].

Неоднозначно между странами Центральной Азии и Евросоюзом развивалось политическое сотрудничество,

[1] По данным официального сайта Мин-ва экономики и коммерции КР // URL: https://mineconom.gov.kg/ru/question/68

[2] Ekberova E. Казахстан предложил создать деловой совет «Центральная Азия – ЕС» (05.11.2021) // ИА «Anadolu Agency». URL: https://www.aa.com.tr/ru/2412992

особенно в сферах проведения демократических реформ, диалога о правах человека и обеспечения эффективного управления. Не секрет, что руководства стран ЦА всегда довольно болезненно воспринимают любую критику в свой адрес. Поэтому ЕС старается действовать аккуратно, ограничиваясь проведением консультаций с местными правозащитниками и властями, организацией семинаров, тренингов и конференций, не форсируя развитие событий и не оказывая серьезного давления на политические элиты. И в этом плане ЕС проигрывает другим действующим в постсоветской Центральной Азии международным игрокам, имеющим с центральноазиатскими республиками солидные двусторонние и многосторонние (ЕАЭС, ОДКБ) договоренности, – России, активно продвигающему в регионе инициативу «Один пояс – один путь» (ОПОП) Китаю, взаимодействующим с центральноазиатскими странами в формате С5+1 (министры иностранных дел пяти государств ЦА плюс американский госсекретарь) США и даже Турции с ее Советом сотрудничества тюркоязычных государств[1].

Следует отметить, что программы взаимодействия ЕС с ЦА, завися от множества сопутствующих факторов, за все время с момента развала СССР проявили себя отчасти противоречиво. Понимая свое ограниченное влияние, ЕС в своих стратегиях и программах по региону пытается позиционировать себя, в основном, как балансирующего игрока между различными заинтересованными сторонами – Россией, Китаем, США, а также Турцией и Ираном. В ряде вопросов, в том числе безопасности и экономических отношений, принятые стратегии ЕС демонстрируют как точки сближения, так и определенные расхождения

[1] Малышева Д. Европейский союз в Центральной Азии… С. 54.

с ключевыми региональными игроками – Россией, Китаем, Турцией, Пакистаном, Индией и Ираном, которые с определенным успехом пытаются развивать политические и экономические отношения с ЦА-регионом. При этом ЕС не может избежать сотрудничества с Россией и Китаем в Центральной Азии.

Казахстан

ЕС поддерживает текущую правовую политику Казахстана, реформы и продвижение прав человека, предлагая опыт и ноу-хау, в частности, через финансовое и техническое сотрудничество и конкретные проекты, финансируемые в рамках Европейского инструмента в области демократии и прав человека (ЕИДПЧ). С бюджетом в 1 млн евро в год ЕС финансирует различные проекты в Казахстане, которые поощряют развитие плюралистической политической системы, при участии гражданского общества Казахстана.

Среди стран Центральной Азии наиболее интенсивно развивается экономическое партнерство ЕС с Казахстаном, на который приходится львиная доля товарооборота с ЦА-регионом. Доля Казахстана в общем экспорте Центральной Азии увеличилась с 64% в 2001 г. до 97% в 2020 г. При этом доля Казахстана в общем импорте региона демонстрирует снижение – с 64% в 2001 г. до 57% в 2020 г.

Двусторонние торговые отношения ЕС с Казахстаном регулируются Соглашением о расширенном партнерстве исотрудничестве (СРПС), подписанным в г. Астане 21декабря 2015 г. (вступило в силу 1 марта 2020 г.). Данное соглашение является первым такого рода соглашением, подписанным ЕС с одним из центральноазиатских партнеров, и поднимает отношения между ЕС и Казахстаном

на новый уровень. СРПС является правовой основой казахстанско-европейских отношений, обеспечивая широкие рамки для активного политического диалога, взаимодействие в отраслевой торговле, а также помощь во взаимной торговле и инвестициях. Это позволяет обеспечивать сотрудничество в 29 ключевых областях межгосударственных взаимоотношений и политики, в том числе в таких отраслях, как: экономическое и финансовое сотрудничество; энергетика и транспорт; окружающая среда и вопросы изменения климата; обеспечение занятости населения и социальные вопросы; культура, образование и совместные научные исследования.

На сегодняшний день ЕС является самым значительным торговым партнером Казахстана, представляющим 40% экспортной торговли. Экспорт Казахстана в ЕС почти полностью сосредоточен в нефтегазовом секторе, наряду с полезными ископаемыми, химикатами и продуктами питания. Казахстан импортирует из ЕС технику (40% всего импорта), транспортное оборудование и фармацевтику, наряду с химическими изделиями, пластмассой, медицинскими приборами и мебелью.

Кроме того, более 50% прямых иностранных инвестиций в казахскую экономику осуществляется странами ЕС. Как заявил президент РК К.-Ж. Токаев на встрече с президентом Европейского совета Шарлем Мишелем в 2021 г., «ЕС является крупнейшим инвестором в экономику Казахстана с общим объемом инвестиций 160 млрд долларов»[1].

Товарооборот между Казахстаном и странами ЕС за январь–февраль 2022 г. составил 6,0 млрд долларов, что на

[1] Главы Казахстана и Евросовета обсудили вопросы инвестиций, признания вакцин и ситуацию в Афганистане (29.09.2022) // Центр деловой информации Kapital.kz. URL: https://kapital.kz/finance/109255/v...

70,9% выше, чем за аналогичный период предыдущего года (3,5 млрд долларов). В частности, экспорт из Казахстана в страны ЕС за январь–февраль 2022 г. вырос на 84,4% и составил 5,2 млрд долларов, импорт в Казахстан из стран ЕС за тот же период вырос на 14% и составил 767,5 млн долларов. Рост экспорта в страны ЕС произошел за счет увеличения поставок таких товаров, как: нефть сырая – на 81,2% (4,6 млрд долларов), ферросплавы – в 2,5 раза (до 96,3 млн долларов), алюминий необработанный – в 2,5 раза (до 58,0 млн долларов), пшеница – в 13,2 раза (до 31,7 млн долларов), нефтепродукты – на 40,4% (до 94,6 млн долларов), природный газ – в 4,3 раза (до 35,5 млн долларов). Основными товарами импорта в Казахстан из стран Евросоюза являются: лекарственные средства, расфасованные для розничной продажи; вакцины, сыворотки из крови, кровь; двигатели турбореактивные и турбовинтовые, газовые турбины прочие; насосы воздушные или вакуумные, компрессоры и вентиляторы; вычислительные машины; арматура для трубопроводов; телефонные аппараты; изделия из черных металлов[1].

Европейский союз оказывает поддержку Казахстану с момента обретения им независимости в 1991 г. За этот период Евросоюзом профинансировано более 350 двусторонних проектов на сумму около 185 млн евро, направленных на: укрепление потенциала регионального и местного самоуправления и гражданского общества; поддержку правовых и законодательных реформ; повышение потенциала общественного сектора для внедрения социальных и экономических реформ.

[1] Сарсенова М. Взаимная торговля Казахстана со странами ЕС выросла на 70% (29.09.2022) // Центр деловой информации Kapital.kz. URL: https://kapital.kz/tehnology/109258/kazakhstanskaya-kompaniya...

Сотрудничество между ЕС и Казахстаном также формируется в рамках региональных программ, финансируемых ЕС в ЦА:

– политический диалог ЕС и Центральной Азии по водным ресурсам, окружающей среде и изменению климата (WECOOP);

– совместно с Всемирным банком – водно-энергетическая программа Центральной Азии (CAWEP);

– совместно с Всемирным банком и Глобальным фондом по снижению опасности стихийных бедствий и восстановлению – программа укрепления финансовой устойчивости и ускорения снижения риска бедствий в Центральной Азии.

Кыргызстан

Относительно положительный имидж Кыргызстана как эдакого «островка демократии», который еще в 90-е гг. являлся лидером в сфере демократизации и проведения рыночных реформ в Центрально-Азиатском регионе, позволил республике стать участником ВСП+ в 2016 г. Предоставление статуса ВСП+ Кыргызской Республике открыло новые возможности для отечественных товаропроизводителей по экспорту продукции из КР на рынок ЕС в соответствии с санитарными, фитосанитарными и техническими требованиями ЕС.

Но несмотря на то, что экспорт из КР в ЕС имеет положительные тенденции, он остается относительно невысоким. В настоящий момент благодаря предоставленным ЕС преференциям (ВСП+) кыргызские предприниматели могут экспортировать на рынок ЕС более 6000 наименований товаров без уплаты тарифных пошлин. Основными статьями кыргызского экспорта в ЕС являются: фасоль,

мед и продукция пчеловодства, войлочные изделия, швейные и текстильные изделия, грибы, лекарственное сырье (мумие, БАДы), яблоки, масло натуральное (ореховое, миндальное), сушеные бобовые овощи, табачное сырье и табачные отходы, семена цветов, лом и отходы цветных металлов, а также охотничьи трофеи. ЕС импортирует в Кыргызстан: машины (промышленное оборудование, механические устройства, электрические машины и компоненты), транспортные средства и их части, оптические приборы и инструменты, фармацевтические препараты, различные пищевые продукты, минеральные масла (смазки), бумагу, картон и продукцию из них. Так, доля ЕС в товарообороте Кыргызской Республики по состоянию на 2019 г. составила 17,2%, в т. ч. экспорт – 47,2%, импорт – 5,6%. За 2019 г. товарооборот Кыргызстана со странами ЕС составил 1193,9 млн долларов США, в том числе экспорт – 884,9 млн долларов, импорт – 309,1 млн долларов[1].

Учитывая, что получение статуса участника Соглашения ВСП+ предусматривает не только соответствие поставляемых товаров и продукции в ЕС определенным стандартам качества, но и требует, как отмечалось выше, ратификации и соблюдения некоторых международных конвенций о правах человека и трудовых правах, защите окружающей среды и климата, ЕС уделяет особое внимание законодательным реформам в странах-участниках. Исходя из этого, Кыргызстан мог лишиться преимуществ участника ВСП+ из-за разработки нового проекта закона «О профсоюзах», некоторые положения которого противоречат нормам ратифицированной республикой

[1] Кыргызская Республика приняла участие в обзоре торговой политики Европейского союза (27 февраля 2020) // Офиц. сайт Мин-ва экономики и коммерции КР. URL: https://www.mineconom.gov.kg/ru/post/6209

Конвенции Международной организации труда (МОД)[1]. Следует заметить, что на данный момент создана депутатская комиссия по выработке новых положений законопроекта «О профсоюзах», не противоречащих международному праву.

Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, подписанное между КР и ЕС в г. Брюсселе 9 февраля 1995 г.[2], обеспечивает основу для усиленного политического диалога, всеобъемлющего сотрудничества и поощрения взаимной торговли и инвестиций между Кыргызской Республикой и Европейским союзом. С декабря 2017 г. в целях дальнейшего укрепления двусторонних отношений Кыргызстан начал вести официальные переговоры о подписании нового Соглашения о расширенном партнерстве и сотрудничестве между Кыргызстаном и Европейским союзом, 6 июля 2019 г. Соглашение было сторонами парафировано[3]. Однако в 2020 г. из-за выхода из ЕС Великобритании, а также мировой пандемии COVID-19 экономическая активность между Евросоюзом и Кыргызской Республикой сократилась.

Европейский союз является одним из основных инвесторов в устойчивое развитие и проведение реформ

---

[1] Кудрявцева Т. Садыр Жапаров в третий раз отклонил закон о профсоюзах (06 декабря 2021) // ИА «24.kg». URL: https://24.kg/vlast/216156_sadyir_japarov_vtretiy_raz_otklonil_ zakon_oprofsoyuzah/

[2] Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Европейскими сообществами и их государствами-членами с одной стороны, и Кыргызской Республикой с другой стороны, подписанное 9 февраля 1995 г., г. Брюссель…

[3] Парафировано новое Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве между Кыргызской Республикой и Союзом (07.06.2019) // Офиц. сайт МИД КР. URL: https://mfa.gov.kg/en/Main-menu/Press-service/novosti/-5d20b526c0b30

в Кыргызской Республике. За 2014–2020 гг. ЕС выделил Кыргызстану 174 млн евро, эта сумма в первую очередь направлена на меры поддержки в трех основных отраслях: комплексное сельское развитие (61,8 млн евро), образование (71,8 млн евро) и верховенство права и закона (37,8 млн евро).

В 2021 г. ЕС принял новую Многолетнюю индикативную программу (МИП) для Кыргызской Республики на период 2021–2027 гг.[1], которая полностью согласуется с целями и задачами, намеченными как в Национальной стратегии развития КР до 2040 г.[2], так и в Стратегии ЕС для ЦА и Целях устойчивого развития (ЦУР)[3]. В рамках МИП на период до 2024 г. ЕС выделит гранты для финансирования проектов в таких направлениях, как: управление и цифровизация, человеческое развитие, «зеленая» и климатоустойчивая экономика.

Помимо двусторонних программ, в рамках Стратегии ЕС для Центральной Азии Кыргызская Республика получает выгоду от региональных программ в таких областях, как: управление, энергетика, окружающая среда, изменение климата, предупреждение природных бедствий и их последствий, торговля, поддержка частного сектора, управление границами и борьба с незаконным оборотом наркотиков. ЕС также вносит свой вклад в химико-

[1] Европейский союз определил совместные приоритеты сотрудничества с Кыргызской Республикой (23.12.2021) // Офиц. сайт Представительства ЕС в КР. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/kyrgyz-republic/%D0%B5%D0%B2%D1%80%...

[2] Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы. Бишкек, ноябрь 2018 // Офиц. сайт МИД КР. URL: https://mfa.gov.kg/uploads/content/1036/3ccf962c-a0fc-3e32-b2f0-5580bfc79401.pdf

[3] Набор из 17 взаимосвязанных целей, разработанных в 2015 г. Генеральной ассамблеей ООН.

биологическое снижение радиологических и ядерных рисков – инициировал создание управляемого Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР) фонда, который объединяет взносы доноров для оказания помощи в консервации и поддержании безопасного состояния наиболее опасных объектов советского уранового «наследия» в Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане. ЕС инвестировал для этого более 36 млн евро, что, безусловно, свидетельствует о нем как основном вкладчике в данный фонд[1].

Узбекистан

Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Республикой Узбекистан действует с 1999 г. Соглашение формирует основу для широких взаимоотношений в различных сферах деятельности, в частности: политический диалог, государственное управление, правосудие и верховенство права, демократия и гуманизм, торговля и облегчение ведения бизнеса и инвестиционных отношений, экономическое и финансовое сотрудничество.

Из-за Андижанских событий 2005 г. и обвинений узбекских властей в нарушении прав человека Узбекистан с 2005 по 2009 гг. находился под санкциями, что негативно сказалось на его отношениях с ЕС, которые долгое время развивались в довольно сложном ключе. После смерти первого президента Узбекистана Ислама Каримова и прихода к власти Шавката Мирзиёева наметилось улучшение ситуации на фоне проводимых новым руководством республики реформ. Например, в связи с позитивными экономическими и политическими реформами Европейский

[1] См: EU – Kyrgyz Republic Relations // URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eeas-ca_ministerial_factsheets-2021-kyrgyzstan_18nov_003.pdf

союз предоставил Узбекистану в 2021 г. льготы в рамках Всеобщей системы преференций (ВСП+). Присоединяясь к ВСП+, страны с низким и средним уровнем дохода должны быть привержены и эффективно реализовывать положения 27 основных международных конвенций по правам человека и трудовым правам (в частности, для Узбекистана – об искоренении детского и принудительного труда при сборе хлопка), охране окружающей среды и климата, а также эффективному управлению[1]. Участие в ВСП+ позволит Узбекистану экспортировать более 6200 товарных позиций в страны ЕС без тарифов, в то время как при стандартной системе ВСП количество беспошлинных товарных позиций достигало 3000, остальные 3200 наименований товаров могли быть экспортированы по сниженным ставкам, и увеличит двустороннюю торговлю между республикой и ЕС. Так, благодаря ВСП+, объем товарооборота между Узбекистаном и странами ЕС по итогам 2021 г. составил 3,9 млрд долларов, при этом наблюдался рост экспорта из Узбекистана оборудования, а также продукции текстильной, химической и кожевенно-обувной промышленности. Крупнейшими торговыми партнерами среди стран ЕС стали Германия, Литва и Италия. Стороны сошлись во мнении о необходимости активизации совместных усилий по наращиванию объемов взаимной торговли посредством задействования дополнительных инструментов. Так, в частности, отмечена важность полноценного использования возможностей, предоставленных Узбекистану за счет получения им статуса бенефициара ВСП+ Европейского союза, благодаря чему экспорт узбекских товаров в страны ЕС в 2021 г. вырос на 30%. Узбекской стороной была

[1] GSP+. Преимущества и обязательства Узбекистана (12.04.2021) // Газета.uz. URL: https://www.gazeta.uz/ru/2021/04/12/gsp/

выражена приверженность поддержанию тесного взаимодействия с делегацией ЕС в Узбекистане и соответствующими институтами Евросоюза для совместной реализации инициатив по охране труда и обеспечению прав человека в стране, а также эффективной реализации положений всех 27 международных конвенций, которые были ратифицированы Узбекистаном в процессе получения данного статуса[1].

Также Узбекистан совместно с Евросоюзом прорабатывают вопрос по разработке Соглашения о расширенном партнерстве и сотрудничестве с ЕС (СРПС). Узбекистаном активно ведутся переговоры и по вопросу вступления страны в ВТО, и ЕС в этом плане обещает Узбекистану оказать содействие.

После прихода к власти в 2016 г. Ш. Мирзиёева правительством Узбекистана реализуются масштабные реформы по интеграции страны в мир глобальной экономики, улучшения делового климата, судебной системы и правоохранительных органов, улучшения условий труда и гарантирования соблюдения прав человека. ЕС приветствует и со своей стороны поддерживает данные реформы путем консультационной, технической и финансовой помощи Узбекистану. С 2017 г. Европейский инвестиционный банк и Европейский банк реконструкции и развития возобновили совместные проекты с Узбекистаном, а также значительно увеличилось количество и объем текущих проектов. С 2014 по 2020 гг. ЕС выделил Узбекистану 168 млн евро на поддержку сельского хозяйства, в которую вошли,

[1] Узбекистан – ЕС: к активному развитию партнерства в приоритетных направлениях (10 февраля 2022) // Офиц. сайт Мин-ва инвестиций и внешней торговли РУз. URL: https://mift.uz/ru/news/uzbekiston-ei-ustuvor-junalishlarda-amkorlikni-faol-rivozhlantirish-julida

в частности, проекты по совершенствованию управления водными ресурсами и орошения, развитию садоводства, животноводства и др. В следующем программном периоде (2021–2027 гг.) для ЕС в приоритете будут направления сотрудничества с Узбекистаном в области поддержки демократического управления и цифровой трансформации государственного управления, развитие «зеленой» экономики и поддержка экологически чистого агропродовольственного сектора[1].

Таджикистан

Для Таджикистана Европейский союз разработал Многолетнюю индикативную программу на период 2021–2027 гг., которая имеет очень близкие цели и условия с обозначенными в принятой Национальной стратегии развития Таджикистана на 2016–2030 гг.[2]. Главной целью этих двух документов является повышение уровня жизни населения Таджикистана за счет устойчивого экономического развития, который в том числе должен быть обеспечен путем проведения реформирования государственного управления в стране.

Республика Таджикистан – самый малый торговый партнер ЕС в Центральной Азии. Нынешней основой отношений между ЕС и РТ является Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, которое действует с января 2010 г.,

---

[1] См.: EU – Uzbekistan Relations (2021) // URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eeas-ca_ministerial_factsheets-2021-uzbekistan_18nov_003.pdf

[2] Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года // Офиц. сайт Посольства РТ в КР. URL: https://www.mfa.tj/ru/bishkek/view/4513/natsionalnaya-strategiya-razvitiya-respubliki-tadzhikistan-na-period-do-2030-goda

с момента его ратификации всеми странами ЕС. В соответствии с данным Соглашением взаимодействие сторон является всеобъемлющим и включает поддержку перехода Таджикистана к более тесному экономическому сотрудничеству с ЕС, продвижение инклюзивного, устойчивого человеческого и экономического развития республики. ЕС также готовится к расширенному партнерству с Таджикистаном, и переговоры по подписанию данного соглашения о сотрудничестве планируются на 2022–2023 гг.[1].

Торгово-экономические отношения между ЕС и РТ регулируются нормами и положениями ВТО и двусторонним Соглашением о партнерстве и сотрудничестве. Соглашение предусматривает, что стороны предоставляют друг другу режим наибольшего благоприятствования в части таможенных тарифов. Соглашение также предусматривает постепенное нормативное сближение национального законодательства и правовой практики в соответствии с наиболее важными торговыми стандартами ЕС[2]. Это должно привести к лучшему доступу таджикских товаров на рынки ЕС.

Таджикистан также является участником Всеобщей системы преференций (ВСП). Льготный импорт из Таджикистана сконцентрирован, в основном, в двух промышленных секторах: недрагоценные металлы и текстиль.

В 2019 г. ЕС экспортировал в Таджикистан товаров на 169 млн евро и импортировал на 44 млн евро (в основном,

---

[1] Таджикистан и Евросоюз обсудили расширенное соглашение о сотрудничестве (23 ноя 2021) // URL: https://centralasia.news/12440-tadzhikistan-i-evrosojuz-obsudili-rasshirennoe-soglashenie-o-sotrudnichestve.html

[2] Отношения с ЕС: Европейский союз и Таджикистан (04.08.2021) // URL: https://www.eeas.europa.eu/tajikistan/evropeyskiy-soyuz-i-tadzhikistan_ru?s=228

алюминий и текстиль), однако без существенной эволюции по сравнению с 2018 и 2017 гг. В 2020 г. наблюдался значительный прогресс во взаимных торговых отношениях: ЕС экспортировал в Таджикистан товаров на 186 млн евро (+11,3%) и импортировал на 87 млн евро (+96%) (в основном, так же – алюминий и текстиль). С момента вступления в ВТО в 2013 г. Таджикистан выиграл от резкого увеличения своего экспорта, который удвоился с 527 млн долларов в 2014 г. до 1,06 млрд долларов в 2019 г.[1].

Таджикистан планирует присоединиться к специальному механизму стимулирования устойчивого развития и надлежащего управления – Всеобщей системе преференций+ (ВСП+). ВСП+ может стать позитивным политическим и экономическим сигналом для международного сообщества и бизнес-среды о том, что правительство Таджикистана намерено следовать нормам международного права и в соответствии с ними проводить реформы в различных сферах жизнедеятельности[2].

ЕС также разработал несколько программ кредитования и инвестирования, которыми Таджикистан сумел воспользоваться в прошлом. Таджикистан получил первый кредит от Европейского инвестиционного банка (ЕИБ) в 2011 г., и в том же году ЕС и РТ подписали Соглашение о финансировании по Программе поддержки развития человеческого потенциала в секторах здравоохранения, социальной защиты и управления государственными финансами[3].

[1] См.: EU – Tajikistan Relations // URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/ eeas-ca_ministerial_factsheets-2021-tajikistan_18nov_002.pdf

[2] Отношения с ЕС: Европейский союз и Таджикистан (04.08.2021)…

[3] Европейский союз и Таджикистан (04.08.2021) // Офиц. сайт Представительства ЕС в РТ. URL: https://www.eeas.europa.eu/tajikistan/evropeyskiy-soyuz-i-tadzhikistan_ru?s=228

Помимо двусторонних программ в рамках Стратегии ЕС для Центральной Азии Таджикистан получает выгоду от региональных программ ЕС в сферах управления, энергетики, окружающей среды, изменения климата, управления рисками бедствий, торговли, поддержки частного сектора, пограничного контроля и борьбы с наркотрафиком. ЕС также вносит свой вклад в снижение химических, биологических, радиологических и ядерных рисков.

Роль ЕС как посредника по широкому кругу вопросов

Наряду с вышесказанным ЕС активно участвует в качестве посредника в разрешении внутренних противоречий между государствами Центральной Азии, особенно в приграничных вопросах (в частности, между Кыргызстаном и Таджикистаном), а также содействует в урегулировании спорных вопросов между соседними странами по использованию общей инженерной инфраструктуры и управлению водными ресурсами. Так, региональные программы ЕС направлены на поддержку широкомасштабного диалога и сотрудничества между пятью центральноазиатскими государствами по проблемам водопользования. Региональное сотрудничество в этом вопросе играет большую роль для обеспечения республик электроэнергией, водой, для сохранения окружающей среды, предупреждения угроз изменения климата, для социально-экономического развития всего региона. Рациональное использование природных ресурсов является ключевым фактором для развития и политической стабильности региона. Учитывая уязвимость Центральной Азии к разного рода природным

стихийным бедствиям и последствиям изменения климата, региональные программы при финансовой поддержке ЕС также дают возможность подготовиться к ним и отреагировать на природные катаклизмы, опираясь на результаты и опыт предыдущих программ обеспечения готовности к стихийным бедствиям. Наряду с разнообразными региональными экологическими программами, финансируемыми ЕС, для целей охраны окружающей среды в Центрально-Азиатском регионе на постоянной основе с 2001 г. действует Региональный экологический центр Центральной Азии (РЭЦЦА) с головным офисом в г. Алматы, Казахстан. Учредителями РЭЦЦА выступают все пять республик ЦА, а также ЕС, который является основным донором финансовых средств, выделяемых на экологические программы и проекты по охране окружающей среды в регионе.

Усилия ЕС направлены на укрепление регионального сотрудничества стран ЦА через совместное управление границами для облегчения трансграничной торговли и повышения мобильности людей. В этом плане ЕС может поделиться опытом региональной интеграции, которая ведет к политической стабильности и процветанию[1]. Показывая на своем примере практику объединения субрегиона, ЕС помогает странам Центральной Азии налаживать между собой дружественные двусторонние и многосторонние связи и сотрудничество в целях увеличения внутрирегиональной торговли, расширения взаимодействия граждан стран региона, для совместного противодействия современным вызовам и угрозам. Вместе с тем многие проблемы, с которыми сталкивается Центральная Азия в процессе

[1] Европейский союз и Центральная Азия: новое партнёрство в действии / Генеральный секретариат Совета ЕС. Июнь 2009 // URL: https://www.consilium.europa.eu/media/30829/ru-strategyasia_int.pdf

глобализации, в одинаковой степени влияют и на Европу и, соответственно, требуют их совместного решения[1].

ЕС планирует усилить свою поддержку стран ЦА путем вложения инвестиций, создания рабочих мест, сотрудничества в области образования и развития частного сектора. Региональные программы ЕС, разработанные для ЦА, направлены на поддержание реформ в области политики государств и стимулирование конкурентоспособности в сферах промышленного производства и сельского хозяйства. Одним из важнейших приоритетов для ЕС является поддержка внутрирегиональной торговли между странами ЦА и вывод экономики и торговли ЦА-региона в целом на глобальный уровень. ЕС помогает странам ЦА решать основные нормативные вопросы и преодолевать процедурные препятствия по осуществлению внутри- и внерегиональной торговли, а также способствует созданию рабочих мест с помощью программ, направленных на развитие мелкого и среднего бизнеса в странах региона[2].

Роль Европейского союза в политике Центральной Азии во многом можно охарактеризовать как «инвестор без влияния». Но в связи с геополитической ситуацией в мире, а именно продолжающимся конфликтом на Украине и введенными из-за этого санкциями в отношении России, роль Центрально-Азиатского региона и интерес к нему со стороны ЕС как к одному из возможных поставщиков энергоресурсов значительно возрастает. Также ЕС обращает пристальное внимание на не до конца раскрытый транзитный

[1] Европейский союз и Центральная Азия: новое партнёрство в действии...

[2] См.: EU – Central Asia Relations // Офиц. сайт ЕС. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eeas-ca_ministerial_factsheets-2020-regional-v5.pdf

потенциал стран ЦА, в том числе по доставке товаров на рынки европейских стран. Функционеры ЕС стараются расширить диалог со странами региона, в том числе путем проведения довольно привычного для республик Центральной Азии политического диалога в формате «5+»[1].

При всём при этом необходимо учитывать, что на данный момент республики ЦА фактически заняли «нейтрально-поддерживающую» позицию по отношению к России. Страны региона не вводили санкций против Российской Федерации, к тому же экономически они сильно зависят от нее, в том числе по устойчивости стабильной финансовой ситуации внутри них (по данным за 2020 г., денежные переводы мигрантов из РФ составляют: в Кыргызстане – до 31,3% ВВП, в Таджикистане – до 26,7% ВВП, в Узбекистане – до 11,6% ВВП[2]). Здесь следует заметить, что посредством банковской сферы центральноазиатских республик Россия отчасти имеет возможность обходить наложенные на нее санкции, что, конечно же, может негативно сказаться на республиках региона и они могут подпасть под вторичные санкции стран западного мира, в том числе и ЕС.

В заключение можно предположить, что в связи с меняющейся геополитической картиной в мире и регионе, а именно: полный вывод войск США с территории Афганистана и приход там к власти движения «Талибан», продолжающийся конфликт на Украине и позиция стран ЦА-региона по отношению к РФ и данному

---

[1] В г. Астана состоялась первая встреча лидеров Центральной Азии и Европейского союза (27.10.2022) // Офиц. сайт МИД КР. URL: https://mfa.gov.kg/ru/osnovnoe-menyu/press-sluzhba/novosti/v-g-astana-sostoyalas-pervaya-vstrecha-liderov-centralnoy-azii-i-evropeyskogo-soyuza

[2] Лиллис Д. Переводы из России в страны ЦА рухнут – Всемирный банк (12 марта 2022) // Eurasianet. URL: https://is.gd/70Srv8

конфликту, – действующая на сегодняшний день Стратегия Европейского союза 2019 г. в отношении стран Центральной Азии (согласно которой ЕС предусматривал сотрудничество с такими региональными организациями, как ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, где главную роль играют Россия и Китай), вполне вероятно, будет пересмотрена и переработана в ближайшем будущем.

Глава 3

ПРОГРАММЫ И СТРАТЕГИИ ВНЕРЕГИОНАЛЬНЫХ АКТОРОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

3.1 Турция: изменение стратегии и Организация тюркских государств

Центральная Азия является одним из ключевых направлений внешней политики Турции, что объективно отразилось в признании Анкарой независимости новых суверенных государств региона в числе первых из иностранных государств. За тридцать лет взаимодействия со странами Центральной Азии Турции удалось прочно укрепить свою позицию в регионе, став центром не только торгово-экономического, но и культурно-цивилизационного притяжения. Население четырех из пяти стран ЦА-региона составляют преимущественно тюркские народы, что используется во внешнеполитическом дискурсе Турции в качестве идеологического базиса для налаживания многостороннего сотрудничества.

С 2016 г. стратегия Турции по отношению к Центральной Азии трансформируется из идеалистической к прагматичной – взамен «мягкому» воздействию (soft power) Анкара стала применять так называемой «умную силу» (smart power), которая, согласно Дж. Наю, подразумевает сочетание «мягкой» и «жесткой» силы[1] для формирования

[1] Nye J. Soft Power… P. 153–171.

выигрышной стратегии. Изменения внешнеполитической стратегии Турции были связаны с внутриполитическими событиями, приведшими к кардинальным изменениям архитектуры политической системы, в том числе внешнеполитической стратегии.

Внешняя политика Турции с обозначенного года выражается активным применением средств дипломатического давления, финансовой, военно-технической и иной помощи взамен на определенные условия. Вместе с тем усиливаются тенденции к расширению интеграционного составляющего сотрудничества с Центрально-Азиатским регионом, в том числе через укрупнение и реорганизацию уже имеющихся международных площадок с участием стран региона; актуализируется упор не только на пантюркизм, но и панисламизм, что, с одной стороны, выражается в активном продвижении имиджа Турции как наследника Османской империи, а с другой – служит средством притяжения со странами с преимущественно мусульманским населением.

Концептуальную основу внешней политики современной Турции составляет неоосманизм. Это национальная идея, направленная на возврат «оттоманского прошлого» с учетом современных реалий. В его основе лежат четыре принципа: крови, османского мышления, почвы и языка. Принцип крови означает ориентацию, прежде всего, на тюркские народы. Принцип почвы связывает концепцию с османским прошлым, которое пропагандируют новые лидеры Турции (в отличие от Ататюрка, старавшегося, наоборот, разорвать связь с ним). Обозначенные принципы, в свою очередь, являются идеологической базой для формирования нового османского мышления – надтурецкой идентичности за счет применения средств экономического

и культурно-гуманитарного воздействия, что должно результировать (как считает турецкое руководство) трансформацию Турции в надрегионального лидера[1].

В концепцию неоосманизма эксплицитно включаются такие интегративные идеи, как неопантюркизм и панисламизм. Неопантюркизм предполагает включение в ареал влияния Турции тюркские народы и государства, а в идеале – создание на их основе сверхдержавы Великий Туран[2]. По логике пантюркизма, наряду с тюркоязычными странами Центральной Азии и Кавказа в зону потенциального влияния Анкары подпадают и тюркоязычные территории Российской Федерации. Панисламизм же ставит своей целью использование ислама как фактора сближения с мусульманскими странами и возвращение Турции былой роли Османской империи, как центра мусульманской цивилизации.

Принципы геополитической стратегии Турции в интерпретации одного из главных идеологов внешней политики Турции Ахмета Давутоглу выглядят следующим образом: «неоосманизм + пантюркизм + ислам = Великая Турция»[3].

Говоря собственно о внешней политике Турецкой Республики в Центральной Азии, необходимо отметить, что

---

[1] Мехдиев Э. Т. «Неоосманизм» в региональной политике Турции // Вестник МГИМО. 2016. № 2(47). С. 33.

[2] Туран – упоминаемый в Авесте и среднеиранской литературе исторический регион в Центральной Азии, населенный в древности скифскими иранскими племенами с общим названием «тура». Позднее термин обозначал практически всю Среднюю Азию, где проживали восточно-иранские народы. После проникновения тюрков в Центральную Азию в VI–VIII вв. территория «Туран» стала ассоциироваться с туркáми, которые рассматривали ее как историческую землю тюрков.

[3] Турция рвется в региональные лидеры (Ч. III) (02.02.2014) // URL: https://www.fondsk.ru/news/2014/02/02/turcija-rvetsja-v-regionalnye...

в разные промежутки времени она отличалась доминированием той или иной составляющей и была нелинейной. Исторически, внешнюю политику Турции в Центрально-Азиатском регионе можно разделить на следующие этапы.

Первый этап (1991–1999 гг.) – *вовлечение* – установление первых дипломатических отношений, начало продвижения турецкой культуры через культурно-гуманитарное сотрудничество. Так, в 1992 г. было создано Турецкое (Тюркское) агентство по сотрудничеству и развитию (TIKA). В том же году начал свою работу Саммит государств тюркских языков, который стал первой фазой в образовании Тюркского совета. В 1993 г. в г. Алматы была образована Международная организация тюркской культуры (TURKSOY), в 1998 г. в Баку – Парламентская Ассамблея тюркоязычных стран (TURKPA). Таким образом, в период с 1991 по 1999 гг. турецкая политика в Центральной Азии характеризуется попыткой возрождения влияния в регионе, а также началом создания международных институтов на культурной почве в целях дальнейшего влияния. Тем не менее начальный этап турецкого влияния в Центральной Азии был относительно слабым, поскольку процесс велся в условиях адаптации государств региона к внешней среде и определения внешнеполитических ориентиров. К тому же уже к концу 1990-х гг. у Турции испортились отношения с Узбекистаном. Последний обвинил турецкие структуры в организации покушения на И. Каримова в 1999 г., а также укрывательстве лидера оппозиционного движения в Узбекистане М. Салиха.

Второй этап (2000–2005 гг.) – *смещение акцента на военное сотрудничество*, – связанный с началом военного присутствия России и Соединенных Штатов Америки в регионе и заинтересованностью в решении афганского

вопроса. В частности, проявлялся в финансовой поддержке военной сферы государств региона, в том числе через проекты НАТО. Данный период характеризуется в турецкой стратегии как попытка сохранения статуса-кво в регионе за счет усиления сотрудничества в военно-технической сфере. В то же время данный этап турецкой политики в регионе можно характеризовать как период ослабления культурно-гуманитарной, экономической политики Турции. Завершающим событием данного этапа является еще большее ухудшение отношений с Узбекистаном вследствие критической оценки Анкарой факта силового подавления мятежа в г. Андижан (Узбекистан) в 2005 г. и ответными мерами Ташкента в сторону разрыва сотрудничества с Турцией.

Третий этап (2006–2013 гг.) – *переход к многостороннему сотрудничеству* – расширение по инициативе Казахстана сети протурецких международных институтов; заявление о начале строительства транспортных и энергетических проектов из Европы в Азию. В 2009 г. произошло событие, которое окончательно оформило институциональную базу Турции как агента внешнего воздействия в регионе. В том году формат ежегодного саммита глав тюркоязычных государств расширился образованием в г. Нахичевань (Азербайджан) Совета сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ), также именуемого Тюркским советом. На этапе учреждения в Тюркский совет вошли Турция, Азербайджан, Казахстан и Кыргызстан. Таким образом, третий этап турецкой стратегии в Центральной Азии ознаменовался расширением дипломатических, экономических связей с Казахстаном и Туркменистаном, а также стал этапом, в котором образовалась ведущая организация под турецким началом – ССТГ. Годом раннее

в Стамбуле был подписан договор о создании Парламентской ассамблеи тюркоязычных государств (ТюркПА). Образование ТюркПА и СТГ и их параллельные действия с преимущественно экономическим институтом – ТИКА – создали основу для продвижения экономического сотрудничества через политический и культурный диалог.

Данный этап характеризуется успешным ростом экономического и инвестиционного присутствия Турции в регионе, что придало оснований для дальнейшего выдвижения инициатив уже по линии экономической интеграции.

Четвертый этап (2014 г. – по наст. время) – *новая стратегия Турции.* В экспертной среде достаточно много размышлений о том, какой период считать началом новой внешнеполитической стратегии Турции в Центральной Азии. На наш взгляд, началом новой стратегии Турции в регионе следует считать период избрания Реджепа Тайипа Эрдогана президентом республики с последующим расширением полномочий в 2014 г. На данном этапе происходит усиление пантюркизма и панисламизма в турецкой стратегии, расширение геоэкономических и интеграционных проектов Турции в регионе, что обрело более конкретные очертания с 2016 г. после неудавшейся попытки государственного переворота в Турции, которая стала катализатором изменения внутриполитического и внешнеполитического курса республики.

В своем возвышении на политических должностях Р. Эрдоган пользовался исламской риторикой, что находило немало поддержки в условиях ощутимого контроля религиозной сферы светскими институтами, а также постепенным падением авторитета светской модели государства в Турции. Есть мнения, что на его политические взгляды оказал влияние основатель «политического

ислама» в Турции Неджметтин Эрбакан[1]. С 1984 по 1997 гг. Эрдоган возглавлял Партию благоденствия, которая была запрещена после военного переворота в 1997 г. С 2001 г. Эрдоган возглавил Партию справедливости и развития, с помощью которой он смог стать премьер-министром, а в последующем и президентом Турции. Партии Эрдогана удалось возродить исламские ориентиры республики, но в то же время оставаться одним из активных сторонников вступления страны в Европейский союз.

Эрдоган продолжил заложенные до него идейные принципы неоосманизма и пантюркизма, в то же время возродил исламскую концепцию, что подразумевает под собой возрождение былой соборности народа Турции докемалистского периода, как и претензию на сплочение других мусульманских государств под эгидой Анкары. Символичным показателем акцентуализации панисламистского вектора является и возвращение статуса мечети музею Айя София в Стамбуле в 2020 г.[2].

Современная Турция стремится воссоздать былое величие нации, продвигая региональную инициативу с расширением своего влияния в мире. Турция эпохи правления Эрдогана отмечается сворачиванием модели государства, заложенной реформатором Мустафой Кемалем Ататюрком. Новое руководство страны успешно нейтрализовало предводителей турецкой армии, которая считалась оплотом светскости государства. Эти процессы стали возможны после попытки государственного переворота в ночь с 15 на 16 июля 2016 г., после которых Эрдоган обозначил

[1] Эрбакан вернулся в «большую политику» (18.10.2010) // URL: https://islamnews.ru/news-27267.html

[2] Елкин С. Собор Святой Софии: как Эрдоган музей в мечеть превращал (24.07.2020) // URL: https://www.dw.com/ru/54308508

главным организатором беспорядков богослова, публициста, мецената Фетхуллаха Гюлена, находящегося в эмиграции в США с 1999 г.1. Борьбу с движением «Хизмет» Ф. Гюлена и аффилированной с ним организацией FETO, признанной в Турции террористической, Анкара ставит в ранг защиты национальной безопасности республики.

В настоящее время турецкая внешняя политика отличается своей непредсказуемостью и нелогичностью, что часто выражается в ее противоречивой риторике. Власти Турции стремятся придерживаться разнополюсного вектора, поддерживая связи одновременно как с Западом, так и с Востоком. Часто Турции приходится выступать в роли «среднего звена» в конфликтные периоды между другими мировыми центрами силы и даже придерживаться какой-либо стороны противоборствующих сил. Как отмечает П. Шлыков, «Турция как "держава среднего уровня" в своих действиях нередко оказывается скованной интересами и политикой внерегиональных глобальных акторов»[2].

В свою очередь, внешняя политика Турции по отношению к странам Центральной Азии обрела за период правления Р. Эрдогана более очерченные контуры, которые затрагивают практически все сферы сотрудничества и имеют обозначенные пути развития. На фоне имевшегося политического кризиса в Турции и уголовного преследования организаций и лиц, которых Анкара воспринимает как сторонников оппозиционера Ф. Гюлена, Турция особо акцентирует внимание своих партнеров на необходимости

[1] Переворот в Турции 2016 года: к пожизненному приговорены сотни противников Эрдогана (26.11.2020) // URL: https://www.bbc.com/russian/news-55092669

[2] Шлыков П. В. Внешняя политика Турции в постбиполярной системе координат // Международная аналитика. 2021. № 12 (2). С. 136.

совместной борьбы с «гюленистами», в том числе путем артикуляции данной повестки в Центральной Азии. В целях прикрытия деятельности аффилированных с Гюленом образовательных учреждений Турция прибегала к средствам дипломатического давления, требуя их закрытия и передачи гюленистов Турции. В результате, все учреждения, которые связывают с Гюленом, в Центральной Азии начали закрываться. Кыргызстан стал единственной страной, которая отказалась передать лицеи «Себат» турецкому фонду «Маариф». Но в 2021 г. турецкие спецслужбы организовали похищение из Кыргызстана последователя Гюлена – основателя лицеев «Себат» Орхана Инанды[1]. Таким образом, учитывая применение Анкарой в Центральной Азии средств как «мягкого» воздействия (например, прямая и публичная дипломатия, экономическое сотрудничество), так и средств жесткого характера (дипломатическое давление, несанкционированные действия спецслужб в иностранном государстве), мы можем констатировать переход Турции от стратегии «мягкой силы» (Soft Power) к «умной силе» (Smart Power).

Между тем смена режима в Узбекистане с последующим изменением внешнеполитической парадигмы Ташкента в сторону нормализации отношений с внешним миром привела к желаемой для Турции активизации турецко-узбекских отношений, которые с 2000-х гг. находились в атмосфере взаимного недоверия. Это позволило Анкаре восстановить свой имидж в республике путем введения ускоренных механизмов экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества. Таким образом, в 2017 г. состоялся первый за 20 лет государственный

[1] Эрдоган: Турецкие спецслужбы задержали Орхана Инанды (06.07.2021) // URL: https://www.kp.kg/daily/28299/4439881/

визит президента Узбекистана в Турцию, в ходе которого было подписано 26 соглашений в сфере экономики, образования, культуры, здравоохранения, банкинга и военной промышленности.

Благодаря восстановлению отношений с Узбекистаном Турции удалось интенсифицировать региональную повестку сотрудничества с Центральной Азией. 15 октября 2019 г. на очередном саммите СТГ в Баку Узбекистан официально вступил в состав Союза. Таким образом, в данную организацию вошли уже 3 из 4 тюркоязычных государств региона. А 12 ноября 2021 г. на саммите Совета сотрудничества тюркоязычных государств в городе Стамбуле тюркский Совет (СТГ) был переименован в Организацию тюркских государств (ОТГ)[1].

Способы и средства реализации внешнеполитической стратегии Турции в странах Центральной Азии весьма разнообразны и включают в себя соответствующие механизмы расширения экономического влияния (торговля и инвестиции), так и культурно-гуманитарное и военно-техническое сотрудничество.

Еще с первых годов взаимодействия с регионом Анкара стала претендовать на политическое лидерство над тюркоязычным миром, в том числе над Центральной Азией, что было воспринято новыми независимыми государствами без особого энтузиазма. Страны региона отказались выходить по предложению Турции из «рублевой зоны». Холодно была встречена и попытка вмешательства Анкары в процессы конституционного строительства[2]. Существуют

[1] Совет сотрудничества тюркоязычных государств переименован в Организацию тюркских государств (13.11.2021) // URL: https://rus.azattyk.org/a/31559425.html

[2] Троицкий Е. Ф. Политика Турции в Центральной Азии (1992–2000 гг.)

мнения относительно намерений Турции по созданию в 1990-х гг. политического союза (Великий Туран). Однако турецкий политолог Энгин Озер считает, что на данном периоде такой задачи перед властями Турции не ставилось: «…стратегической целью администрации Турции в те годы была европейская интеграция», – отмечает эксперт[1].

Тем не менее Турции удалось укрепить отношения со странами региона на основе регулярных встреч и взаимных визитов тюркских государств, образовать в последующем соответствующие институты культурно-гуманитарного, политического и экономического влияния.

Однако попытка экономической интеграции Турции с регионом была безуспешной. Уже на первой встрече глав тюркоязычных государств в 1992 г., вопреки ожиданиям Турции, не нашли единогласной поддержки идеи о создании общего рынка тюркских стран и тюркского банка развития. Тогда президент Казахстана Н. Назарбаев подчеркнул, что приоритетным для республики являются обязательства в рамках СНГ. В свою очередь, президент Узбекистана высказался против создания в тюркском сообществе наднациональных институтов[2].

Несмотря на неудавшиеся планы по экономической интеграции, Турция продолжила продвигать инициативы по экономическому охвату региона. Экономическое сотрудничество Турции со странами Центральной Азии берет свое начало еще с 1991 г. За тридцать лет Турецкой Республике удалось прочно обосноваться в обозначенном регионе и упрочнить свое экономическое присутствие

// Вестник Томск. гос. ун-та. 2009. № 328. С. 84.

[1] Мамий С. Турция в Центральной Азии: политэкономический нарратив (23.04.2021) // URL: https://www.ritmeurasia.org/news..

[2] Троицкий Е. Ф. Политика Турции в Центральной Азии... С. 85.

в разных секторах экономики центральноазиатских государств. С 1992 г. Турция начала выделять новым независимым государствам в Центральной Азии гранты и кредиты, началась трансляция турецких телеканалов, каждой стране были выделены по 2 тыс. студенческих стипендий, подписаны документы о сотрудничестве в военной отрасли, запущено прямое воздушное сообщение между Стамбулом, Алма-Атой, Ташкентом, Ашхабадом[1].

Для реализации соглашений в экономической сфере, оказания финансовой помощи тюркским странам и народам, а также укрепления отношений с ними в сфере торговли, образования, культуры в 1992 г. было создано Турецкое (Тюркское) агентство по сотрудничеству и развитию (TIKA). Офисы TIKA были открыты на территории Молдавии, Таджикистана, Грузии, Узбекистана, Кыргызстана, Азербайджана, Украины. В результате, уже к середине 1990-х гг. Турция заняла передовые места в объеме внешних инвестиций в ряде государств региона, а общий объем строительных работ, выполненных турецкими компаниями в Центральной Азии, оценивался в 3,7 млрд долларов США. При этом странами региона уже было использовано около 350 млн долларов США кредитов, выделенных Экспортно-импортным банком Турции[2].

Наибольший интерес Турция стала проявлять к энергетическим проектам, имеющим потенциал коммуникации Центральной Азии с Турцией через Каспийское море. Примечательно в этом отношении и то, что в 1993 г. Турция и Казахстан создали первое совместное предприятие

[1] Троицкий Е. Ф. Политика Турции в Центральной Азии... С. 84.

[2] Нурсултанова Л. Н., Молдалиева А. И. Интересы Турции в Центральной Азии // Scientific E-journal «edu.e-history.kz». 2018. № 2 (14) // URL: https://edu.e-history.kz/en/publi cations/view/830

«Казтуркмунай», которое получило разрешение на разработку газовых месторождений в Западном Казахстане[1]. Также в качестве альтернативы экспорту газа через Иран США и Турция предложили Туркменистану сделать выбор в пользу строительства транскаспийского газопровода. Соответствующий меморандум был подписан между Турцией и Туркменистаном в 1997 г., однако из-за несогласия Ашхабада с финансовыми условиями проекта и готовности Анкары и Вашингтона идти на уступки Азербайджану в части предоставления Баку 50-процентной квоты на транспортировку азербайджанского газа в 2000 г. Туркменистан отказался от участия в проекте[2].

29 октября 1998 г. лидеры Казахстана, Узбекистана, Азербайджана, Грузии и Турции подписали декларацию о поддержке строительства нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан[3]. Проект предполагал транспортировку каспийской нефти в турецкий порт Джейхан. Открытие нефтепровода состоялось в 2006 г. По состоянию на 13 июля 2022 г. с момента ввода в эксплуатацию через нефтепровод транспортировано 518 млн тонн нефти (3,8 млрд баррелей), из которых 463 млн тонн идет из Азербайджана[4].

Параллельно с энергетическими проектами Турецкая Республика делает шаги к транспортно-логистической

---

[1] Кунтубаева А. А. Исторический анализ сотрудничества Турции со странами Центральной Азии в постсоветский период // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2017. № 12. С. 158.

[2] Троицкий Е. Ф. Политика Турции в Центральной Азии... С. 86.

[3] Zeyno B. The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Implications for Turkey // The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Oil Window to the West. The Central Asia-Caucasus Institute, Silk Road Studies Program, 2005. P. 106 // URL: https://www.silkroadstudies.org/resources/pdf/Monographs/2005_01_MONO...pdf

[4] Kazakhstan joining Baku-Tbilisi-Ceyhan oil pipeline project (24.04.2008) // URL: https://portnews.ru/news/10152/

привязке с Центральной Азией, поддерживая запуск путей сообщения из Центральной Азии в Турцию. В 2008 г. министерство промышленности и торговли Турции запустило проект «Шелковый путь», ставящий своей целью обеспечение связи между европейскими и азиатскими рынками. В проект Анкара включила Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан. В перспективе, по задумке Турции, это должно открыть путь из Турции в вышеназванные страны через Каспий. Транспортные и энергетические инициативы, предложенные Турцией нашли поддержку Казахстана, и в 2009 г. между республиками был подписан договор о стратегическом партнерстве.

С 2017 г. функционирует Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ), пролегающий через Китай, Казахстан, Каспийское море, Азербайджан, Грузию и далее выходящий в Турцию. Данный маршрут представляет, по сути, альтернативу существующему Транссибирскому маршруту по доставке грузов из Китая в Европу. Пропускная способность ТМТМ составляет 10 млн тонн груза в год. В настоящее время используется только часть ее возможностей (около 600 тыс. тонн груза в год). В СМИ сообщалось, что в 2022 г. планируется увеличение пропуска грузов в шесть раз – до 3,2 млн тонн[1]. В марте 2022 г. Грузия, Азербайджан, Казахстан и Турция подписали четырехстороннее соглашение «О Транскаспийском коридоре Восток – Запад». В декларации обозначена необходимость развития коридора, повышения объема грузоперевозок, в том числе через интеграцию транспортных коридоров в международную транспортную систему[2].

[1] Объем перевозок по Транскаспийскому маршруту может вырасти в 6 раз (11.05.2022) // URL: https://news.day.az/economy/1460902.html

[2] Грузия, Азербайджан, Турция и Казахстан подписали декларацию

Торгово-экономические отношения со странами Центральной Азии

С 1990-х гг. Турция предоставляет странам Центральной Азии различные виды помощи (гранты, кредиты, техническую поддержку). Тем не менее финансовая ограниченность Турции не позволяет проводить усиленную экономическую интервенцию весомых масштабов и тем более конкурировать с таким крупным экономическим игроком, как КНР. Большинство турецких инвестиций в экономику центральноазиатских государств представлены негосударственными либо государственно-частными субъектами. К примеру, основные ключевые турецкие проекты в Центральной Азии реализуют такие холдинги, как «Калик» и «Йылдырым», а также общественные организации (Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию – TIKA)[1].

Между тем, согласно данным Евразийского научно-исследовательского института, экспорт Турции в регион значительно вырос по сравнению с показателями 2005 г. «Экспорт в Казахстан увеличился с $460 млн в 2005 г. до $979 млн в 2020 г. За отчетный период поставки Турции в Кыргызстан выросли с $90 млн до $416 млн, а импорт Таджикистана из Турции увеличился с $47 млн до $173 млн. В 2020 г. Туркменистан импортировал продукции на $786 млн, тогда как в 2005 г. показатель был низким и составлял $181 млн», сообщается в исследовании[2].

о Транскаспийском коридоре (31.03.2022) // URL: https://sova.news/2022/03/31/gruziya-azerbajdzhan-turcziya-i-kazahstan.../

[1] Лаумулин М. Т. Место и роль Турции в современном мире // URL: https://isca.kz/ru/ analytics-ru/3478

[2] Хитахунов А. Торговля между Турцией и Центральной Азией // URL: https://www.eurasian-research.org/publication/trade-between...

Таблица 20

Динамика турецких инвестиций в экономику государств Центральной Азии с 2017 по 2021 гг.
*(млн долл. США)**

Год	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Узбекистан
2017	256,7	72,6	6,5	н/д
2018	300,3	186,4	15,4	н/д
2019	357,8	209,7	13,5	≈500
2020	362,4	116,0	11,1	≈670
2021	680,0	474,1	25,2	1 180,0

Таблица 21

Динамика товарооборота Турции со странами Центральной Азии с 2010 по 2021 гг. *(млн долл. США)*

Год	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан
2010	1855,5	121,9	436,8	1526,1	967,3
2011	3022,8	171,6	619,1	1886,0	1188,5
2012	3523,0	225,8	600,6	1784,0	1219,1
2013	2909,0	290,3	656,0	2611,3	1347,6
2014	3117,6	394,0	438,3	2854,5	1505,7
2015	2475,5	251,5	366,5	2415,3	1202,7
2016	1415,9	281,1	350,0	1664,0	1171,7
2017	1876,3	356,1	353,6	1441,5	1552,5
2018	1963,4	394,5	401,4	728,3	2057,5
2019	3119,3	312,7	376,0	944,5	2544,0
2020	2977,9	269,5	322,0	985,0	2106,3
2021	4069,3	412,2	390,5	1700,0	3410,0

Таблицы составлены нами по данным из открытых источников.

Казахстан

Наибольший уровень экономических взаимоотношений Турции среди стран Центральной Азии установлены с Казахстаном. За последние пять лет турецкие инвестиции в Казахстане показывают динамику стабильного роста. Но хотя Турция производит непрерывные инвестиционные вливания в экономику Казахстана, ее объемы несопоставимы с вливаниями ЕС, США и КНР. Так, с момента обретения независимости и вплоть до декабря 2019 г. в экономику Казахстана было привлечено прямых иностранных инвестиций на сумму 330 млрд долларов США. Более 50% от этой суммы привлечены из стран Европейского союза, 15% – из США, 5% – из Великобритании и КНР[1]. Для сравнения: в период с 2005 по 2017 гг. Турция инвестировала в Казахстан всего 2,3 млрд долларов США, а ежегодная доля турецких инвестиций составляла всего от 0,4 до 1,1%[2]. Всего за годы независимости объем прямых иностранных инвестиций из Турции в Казахстан составил около 4 млрд долларов[3]. Низкий уровень турецких инвестиций объясняется тем, что Турция почти не заходила в сырьевой сектор[4]. Турецкие компании в Казахстане задействованы

[1] Инвестиции как ключевой драйвер роста казахстанской экономики: новые предприятия, передовые технологии и создание рабочих мест (17.12.2019) // Офиц. информ. ресурс премьер-министра РК. URL: https://primeminister.kz/ru/news/reviews/investicii-kak-klyuchevoy-drayver-rosta-kazahstanskoy-ekonomiki-novye-predpriyatiya...

[2] Шибутов М. «Мягкая сила» Турции: современное состояние казахстано-турецких отношений (30.06.2018) // URL: https://regnum.ru/news/2440405.html

[3] Поляков Д. Турецкие инвестиции в Центральной Азии: во что вкладывается Турция? (13.02.2022) // URL: https://ia-centr.ru/experts/daniil-polyakov/turetskie-investitsii-v-tsentralnoy-azii-vo-chto-vkladyvaetsya-turtsiya/

[4] Шибутов М. «Мягкая сила» Турции…

в таких сферах, как здравоохранение, строительство, образование, обрабатывающая промышленность, и в сфере услуг[1]. Турция находится на втором месте по количеству совместных с Казахстаном компаний после России. При этом в большинстве случаев граждане Турции организуют в Казахстане малый бизнес в сфере общепита, гостиничного дела, логистики и торговли[2].

Согласно отчету Министерства торговли Турции, в число глобальных турецких холдингов, реализовавших в Казахстане проекты в обрабатывающей промышленности и в рамках государственно-частного партнерства, входят: Yıldız Holding; Yıldırım Holding; YDA Holding; Abdi Ibrahim; Aselsan; Anadolu Endüstri Holding; Borusan Holding; TAV Havalimanları Holding; Ulkar Holding и др.[3].

Из крупных инвестиционных соглашений между Казахстаном и Турцией можно привести в пример создание в 1993 г. совместной нефтяной компании «Казтуркмунай». Тогда турецкая нефтяная компания ТПАО вложила в геологоразведочные работы порядка 270 млн долларов США[4].

За последние годы Турция инвестировала в сферу строительства и реконструкции аэропортов в Казахстане. Так, в 2019–2020 гг. турецкая компания YDA Group вложила более 70 млн долларов в строительство международного аэропорта в г. Туркестан – административном центре одноименной области Казахстана[5]. В 2021 г. турецкая

[1] Поляков Д. Турецкие инвестиции в Центральной Азии…

[2] Шибутов М. «Мягкая сила» Турции…

[3] Турецкие компании инвестировали в Казахстан более $360 млн в 2020 году (03.05.2021) // URL: https://www.trtrussian.com/ekonomika/tureckie-kompanii-investirovali-v-kazahstan-bolee-dollar360-mln-v-2020...

[4] «Казахтуркмунай» – 25 лет пути (19 марта 2018) // URL: https://www.kazakhturkmunay.kz/ru/press-center/news/kazakhturkmunay-25-let-puti/

[5] Строительство международного аэропорта в Туркестане завер-

компания TAV Airports стала обладателем 85% акций международного аэропорта Алматы. По условиям соглашения планировалось, что к 2022 г. году в аэропорту появится новый терминал для международных перелетов стоимостью 200 млн долларов[1].

В 2021 г. объем прямых иностранных инвестиций из Турции побил исторический рекорд, составив 680 млн долларов США. По словам президента РК К.-Ж. Токаева, «с участием турецкого бизнеса в Казахстане уже реализован 61 крупный проект на сумму более 2 млрд долларов … осуществляется 25 проектов на сумму более 2,5 млрд долларов. На стадии реализации – 54 перспективных проекта стоимостью более 1,3 млрд долларов»[2]. В МИД Турции отметили, что к 2023 г. планируется в два раза удвоить количество инвестиционных проектов в Казахстане с участием турецких инвесторов относительно 2016 г.[3].

По итогам 2021 г. Турция является пятым по списку торговым партнером Казахстана. Объем товарооборота между республиками по сравнению с предыдущим годом вырос на 33% и составил 4 млрд долларов США[4]. Из этой суммы около 3 млрд приходится на экспорт товаров из Казахстана. Основными экспортируемыми товарами

шится в 2020 году (23.01.2020) // URL: https://ru.sputnik.kz/20200123/aeroport-turkestan-stroitelstvo-zavershenie-12607296.html

[1] Аэропорт Алматы стал собственностью турецкой компании (30.04.2021) // URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/aeroport-almatyi-..

[2] Президент Токаев пригласил турецких инвесторов в Казахстан (11.05.2022) // URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/prezident-tokaev...

[3] Турецкие инвестиции в Казахстан в прошлом году побили рекорд (30.04.2021) // URL: https://www.aa.com.tr/ru/2226151

[4] Товарооборот между Казахстаном и Турцией вырос в 2021 году на 33% (04.03.2022) // URL: https://www.kt.kz/rus/economy/tovarooborot_mezhdu_kazahstanom_i_turtsiey_vyros_ v_ 2021_1377930272.html

из Казахстана являются сырая нефть и нефтепродукты, медь, алюминий, инертные газы и т. д. В свою очередь, Турция поставляет в Казахстан промышленное оборудование, одежду, лекарства, изделия из черных металлов и пластмассы, мебель, медицинское оборудование и т. д.[1].

Кыргызстан

Соглашение об экономическом и торговом сотрудничестве между Республикой Кыргызстан и Турецкой Республикой было подписано в г. Анкаре 23 декабря 1991 г., а в 1992 г. стороны подписали соглашение о взаимных инвестициях. С тех пор договорно-правовая база двусторонних отношений пополнялась множеством межгосударственных, межведомственных документов практически во всех аспектах взаимодействия.

Экономические проекты Турции в Кыргызстане реализуются со стороны ТИКА и Кыргызско-Турецкого общества предпринимателей (КЫТИАД), созданной в 1996 г. в целях сотрудничества между предпринимателями двух государств. Ежегодно турецкие и кыргызские предприниматели проводят совместный бизнес-форум.

К 2022 г. весь объем турецких инвестиций в экономику Кыргызстана составляет свыше 1,4 млрд долларов. По итогам 2021 г. 7,5% от общего притока инвестиций (474,1 млн долларов) приходилось на Турцию. Таким образом, Турция стала для Кыргызстана четвертым инвестором по общей сумме вливаний после Канады, России и Китая[2].

---

[1] Казахстан продает Турции нефть, а покупает одежду и лекарства: Инфографика (01.04.2021) // URL: https://lsm.kz/kazahstan-turciya-tovarooborot-infografika

[2] Инвестиции // Сайт Нацстаткома КР. URL: http://www.stat.kg/ru/statistics/investicii/

Наибольший подъем кыргызско-турецкого экономического сотрудничества начался с 2010-х гг. Так, в 2011 г. Турция выразила намерение инвестировать в Кыргызстан около 450 млн долларов, а также готовность оказать ему финансовую помощь в размере 71 млн долларов. Кроме того, Анкара простила Бишкеку 51 млн долларов внешнего долга[1].

В том же году турецкому бизнесу был предложен проект по созданию в Кыргызстане крупного карго-центра и открытию авиакоридора Стамбул – Бишкек – Шанхай. Для достижения цели Анкара и Бишкек подписали соглашение о создании высшего межгосударственного совета. Цель – оказать содействие в продвижении экономических реформ в Кыргызстане и повысить инвестиционную привлекательность страны[2].

В 2012 г. турецкая авиакомпания Pegasus выкупила 49% акций государственной авиакомпании Air-Manas и в 2013 г. вошла в авиарынок Кыргызстана. Pegasus стала второй турецкой авиакомпанией в республике после Turkish Airlines, долгие годы являвшейся монополистом в авиасообщении между странами[3]. Кроме того, Турция проявляет интерес к воздушным портам Кыргызстана. В 2022 г. турецкая компания Yda Inşaat намеревалась получить управление над аэропортами «Манас» и «Ош» во внеконкурсном порядке. После получения общественного резонанса правительство Кыргызстана отказала турецким инвесторам[4].

---

[1] Турция списала долг Кыргызстана в 51 млн долларов (01.12.2011) // URL: https://rus. azattyk.org/a/24408262.html

[2] Анкара готова вкладывать в Кыргызстан капитал (02.02.2011) // URL: https://rus. azattyk.org/a/kyrgyzstan_turkie_realation/3481932.html

[3] Турецкий «Пегасус» вошел на авиарынок Кыргызстана (02.03. 2013) // URL: https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan_turkey_passenger...

[4] Кабмин отказался от идеи передать аэропорты «Манас» и «Ош» в управление YDA INŞAAT (08.07.2022) // URL: https://rus.azattyk.org/a/...

При непосредственной поддержке турецких властей стабильно укрепляется бизнес-партнерство между республиками. Так, в 2013 г. в Бишкеке при участии глав двух государств был открыт бизнес-центр Bishkek Park, построенный турецкой компанией «Мыстачоглу»[1], а в 2019 г. турецкий инвестор открыл отель международного уровня Sheraton Bishkek[2]. Также среди крупных инвестиций Турции можно отметить строительство в 2018 г. главной мечети Бишкека, что обошлось турецким инвесторам в 25 млн долларов[3]. Частные турецкие инвестиции в Кыргызстане преимущественно рассредоточены в сфере строительства, торговли, банковских услуг, гостиничного бизнеса и общественного питания.

Турция представляет интерес для трудовых мигрантов из Кыргызстана, но преимущественная часть выезжающих всё еще предпочитают Россию. Согласно открытым источникам, в 2020 г. в Турции числилось свыше 30 тыс. мигрантов из Кыргызстана[4], что весьма мало по сравнению с количеством трудовых мигрантов в России, которое составляет, по неофициальным данным, около 1 млн человек.

В торговом балансе двустороннего товарооборота преобладает Турция. По итогам 2021 г. Турция занимает четвертую строчку в списке основных торговых партнеров Кыргызстана. Всего годовой товарооборот составил

[1] Чем запомнился кыргызстанцам ТРЦ Bishkek Park за 5 лет? (24.03. 2018) // URL: https://vesti.kg/obshchestvo/item/50828-chem-zapomnilsya...

[2] Отель Sheraton Bishkek открыл свои двери для гостей (24.09.2019) // URL: https://ru.sputnik.kg/20190924/sheraton-bishkek-otkrytie-24-sentyabr-1045782325.html

[3] Турция построила в Бишкеке крупнейшую мечеть в Центральной Азии (03.09.2018) // URL: https://centrasia.org/newsA.php?st=1535922240

[4] Что делает Турция для трудовых мигрантов (10.05.2020) // URL: https://kloop.kg/blog/2020/05/10/chto-delaet-turtsiya-dlya-trudovyh-migra ntov/

412,2 млн долларов, из которых импорт – 321,6 млн, экспорт – 90,6 млн долларов[1]. Свыше 90% турецкого экспорта в Кыргызстан приходится на товары сельского хозяйства, руды и концентраты драгоценных металлов, нефть и нефтепродукты, свинец необработанный. В свою очередь Кыргызстан экспортирует в Турцию преимущественно сельскохозяйственные товары (бобовые, продукцию животного происхождения, орехи и сухофрукты, необработанные шкуры), цветные металлы (алюминий, цинк, золото) и пр.[2]. Республики намерены довести взаимный товарооборот до 1 млрд долларов[3].

Таджикистан

Таджикистан – единственное нетюркское государство региона, хотя в религиозном отношении мусульмане республики причисляют себя к последователям суннитского толка, аналогично Турции. Тем не менее, по словам Х. Хуррамова, «несмотря на общую религиозную идентичность между странами, межгосударственные отношения оставались на уровне экономического партнерства … в основе внешнеполитического вектора Турции изначально лежала не религиозная мотивация, а историко-геополитическая»[4].

---

[1] Внешнеэкономическая деятельность Кыргызской Республики // Сайт Нацстаткома КР. URL: http://www.stat.kg/ru/statistics/vneshneekonomicheskaya-deyatelnost/

[2] Какими товарами торгуют Турция и Кыргызстан? (21.07.2021) // URL: www.tazabek.kg/news:1718343?f=cp

[3] Кыргызстан и Турция намерены довести товарооборот до $1 млрд (18.08.2022) // URL: https://www.akchabar.kg/ru/news/kyrgyzstan-i-turciya-namereny-dovesti-tovarooborot-do-1-mlrd/

[4] Хуррамов Х. Приоритеты и акценты в таджикско-турецких отношениях (23.09.2016) // URL: https://cabar.asia/ru/hursand-hurramov-prioritety-i-aktsenty-v-tadzhiksko-turetskih-otno sheniyah-2

Экономические отношения Турции и Таджикистана были основаны в 1992 г. с момента признания Турцией независимости республики. Также, как и в остальных странах региона, Турция является одним из главных торговых партнеров Таджикистана, уступая Китаю, России и Казахстану. Общий объем турецких инвестиций в Таджикистане относительно невысок и составляет, по итогам 2007–2021 гг., 221,7 млн долларов США[1]. Тем не менее турецкие предприниматели представлены в Таджикистане в большинстве сфер, таких как легкая, пищевая, автомобильная промышленность, строительство, сфера обслуживания и др. На территории Таджикистана ведут свою деятельность турецкие компании, такие как «Группа Анадолу», представляющая компанию «Coca Cola», «Акиа Авесто» (производство автобусов), «Турецкие авиалинии», «BETA Tea», компании по продаже готовой одежды (DeFacto, L. C. Waikiki и т. п.[2]). К 2023 г. многопрофильная строительная организация АО «Dallmark Ltd» из Турции построит в Душанбе здание пятизвездочного отеля «Исмоили Сомони Marriott». Проектированием будут заниматься три турецкие компании – Kreatif Architects, Dinamik Proje и HB Teknik[3]. Привлекательным для Турции является текстильная, алюминиевая промышленность, горнодобывающая отрасль

[1] Информация о притоке иностранной инвестиции в экономику Республики Таджикистан в 2021 году…

[2] Посол Турции: «Наша цель довести объем торговли с Таджикистаном до $1 миллиарда» (10.08.2021) // URL: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20210810/ posol-turtsii-nasha-tsel-dovesti-obem-torgovli-s-tadzhikistanom-do-1-milliarda

[3] В Душанбе приступят к проектированию нового пятизвездочного отеля «Исмоили Сомони Marriott» (февраль 2022) // URL: https://your.tj/v-dushanbe-pristupjat-k-proektirova niju-novogo-pjatizvezdochnogo-oteljа-ismoili-somoni-marriott/

и сфера энергетики[1]. Так, Таджикистан и Турция планируют расширить совместную деятельность в текстильной промышленности, для этих целей в республике будет создан текстильный кластер[2].

Товарооборот Турции и Таджикистана в 2021 г. составил 390,5 млн долларов, из которых 232,2 млн приходится на экспорт продукции из Таджикистана, а 158,3 млн – на импорт товаров из Турции. Турция занимает третью строчку в структуре экспорта из Таджикистана. Высокий уровень экспорта над импортом связан с тем, что Таджикистан экспортирует в Турцию в больших объемах алюминий и хлопок. Из Турции Таджикистан импортировал в 2021 г. котлы, оборудование и механические устройства, разные готовые изделия, пластмассы и изделия из них[3]. Наибольшие объемы товарооборота между странами приходились на 2011–2013 гг. (свыше 600 млн долларов) и достигли пика в 2013 г. (656 млн). Но с 2014 г. объем товарооборота упал до 438 млн вследствие снижения экспорта из Таджикистана в 2 раза и экспорта из Турции на 25%. С 2015 г. товарооборот между республиками не превышал отметки в 401 млн долларов[4]. Тем не менее Душанбе и Анкара выступают за доведение товарооборота до 1 млрд долларов США[5].

---

[1] Поляков Д. Турецкие инвестиции в Центральной Азии: во что вкладывается Турция? (13.02.2022)…

[2] Турция хочет вложиться в таджикский текстиль (18.11.2021) // URL: https://tj.sputniknews.ru/20211118/tajikistan-turkey-tekstil-1043611715...

[3] Торговые партнеры Республики Таджикистан // URL: https://tajtrade.tj/menu/28?l=ru

[4] Хуррамов Х. Приоритеты и акценты в таджикско-турецких отношениях (23.09.2016)…

[5] Посол Турции: «Наша цель довести объем торговли с Таджикистаном до $1 миллиарда»…

Туркменистан

Отношения Турции и Туркменистана также были основаны в 1991 г. В 1995 г. Анкара поддержала нейтральный статус Туркменистана, принятый при С. Ниязове. Тем не менее из-за изоляционистской внешнеэкономической политики Ниязова двусторонние экономические отношения не имели особого развития[1], а попытки вовлечения Туркменистана в проект транспортировки газа через Каспий, о чем говорилось ранее, были безуспешными и остались замороженными с 2000 г.

Интенсификация экономических отношений началась с 2006 г., в период президентства Г. Бердымухаммедова, чему способствовала в целом более открытая внешняя политика нового лидера. По данным на 2021 г., Турция является одним из основных торговых партнеров Туркменистана после России, Китая и Казахстана. Товарооборот с Турцией занимает 8,1% от всего объема внешнеторгового оборота Туркменистана[2]. Основную долю в товарообороте занимает импорт товаров из Турции (более 70%). Туркменистан импортирует из Турции металл и изделия из него, хозяйственные товары, оборудование, стройматериалы, электротехнику, продукцию химической и легкой промышленности, продовольствие, транспортные средства, медикаменты[3]. В свою очередь, Туркменистан экспортирует в Турцию минеральное топливо, хлопковое

[1] Индео Ф. Туркменистан и Турция: выгодное стратегическое партнерство (29.02.2016) // URL: https://cabar.asia/ru/turkmenistan-i-turtsiya-vygodnoe-strategicheskoe-partnerstvo-2?pdf =13663

[2] Внешнеторговый оборот Туркменистана: достижения и перспективы (28.01.2022) // URL: https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/60487/

[3] Туркменистан провел политические консультации с Турцией (14.03.2019) // URL: https://kabar.kg/news/turkmenistan-provel-politicheskie-konsul-tatcii-s-azerbaidzhanom/

волокно, ткани и пряжу хлопчатобумажные, текстильные изделия. Ежегодная прибыль от экспорта хлопка и текстильных товаров составляет порядка 300 млн долларов[1].

Согласно открытым источникам, в Туркменистане зарегистрировано свыше 600 турецких компаний, задействованных в сфере торговли, инвестиций, строительства, энергетики, транспорта, связи, текстильной и перерабатывающей промышленности[2]. К 2022 г. объем турецких инвестиций в экономику Туркменистана составил порядка 434 млн долларов. Турецкие строительные компании-подрядчики реализовали в Туркменистане 1061 проект на сумму в 50 млрд долларов[3].

Турецкие компании активно участвуют в крупных строительных проектах Туркменистана. В начале 2013 г. ведущая турецкая строительная компания Polimeks подписала контракт в Туркменистане на 2,2 млрд долларов США на строительство нового современного аэропорта в Ашхабаде, который был построен в 2016 г.[4]. Компания Çalık Holding играет значительную роль в строительном секторе. Так, турецкая компания Gap Inşaat, принадлежащая Çalık Holding, выступила в качестве генерального подрядчика по восстановительным и модернизационным работам порта Туркменбаши в Каспийском море,

---

[1] Туркменистан выводит свой хлопок на мировые рынки через Турцию (09.04.2019) // URL: https://rus.azathabar.com/a/29870001.html

[2] В Ашхабаде открылась выставка экспортных турецких товаров (22.02.2013) // URL: http://www.turkmenistan.ru/ru/articles/38326.html

[3] Товарооборот между Турцией и Туркменистаном достиг 1,7 млрд (25.02.2022) // URL: https://rusturkey.com/post/214468/tovarooborot-mezhdu-turciej-i-turkmenistanom-dostig-1-7-mlrd

[4] Бердымухамедов открыл новый аэропорт-рекордсмен в Ашхабаде (17.09.2016) // URL: https://mir24.tv/news/15055058/berdymuhamedov-otkryl-novyi-aeroport-rekordsmen-v-as hhabade

с оценочной стоимостью в 2 млрд долларов США[1]. В 2022 г. сообщалось о сделке с турецкой компанией Çalık Enerji по строительству 10-мегаваттной гибридной солнечно-ветровой электростанции в западной части Балканского велаята. Строительные работы должны завершиться к январю 2024 г.[2].

Узбекистан

Узбекистан, как и все другие страны Центральной Азии, был одной из первых признан Турцией в 1991 г. Бывший президент Узбекистана И. Каримов первым из лидеров центральноазиатских государств совершил визит в Анкару. Каримов выражал заинтересованность турецкой моделью государства, поскольку она была светской, а также финансовой составляющей двустороннего сотрудничества[3]. В 1993 г. оппонент и главный конкурент Каримова на президентских выборах 1991 г. Мухаммад Салих, обвиненный судом в государственной измене, но выпущенный под подписку о невыезде, бежал в Баку, а затем в Турцию. Турецкая сторона отвергала требования Ташкента о его выдаче, что в последующем стало причиной охлаждения двусторонних отношений. В 1999 г., после серии взрывов в Ташкенте, Салих был обвинен в соучастии и подготовке заговора и был приговорен заочно к 15 годам лишения свободы.

В последний раз И. Каримов посещал Турцию в 1999 г., а в 2003 г. премьер-министр Турции Р. Эрдоган совершил

[1] Индео Ф. Туркменистан и Турция: выгодное стратегическое…

[2] Ахал-Теке Туркменистан: сладкие речи Турции (07.07.2022) // URL: https://shorturl.at/ bcoQ0

[3] Узбекистан – Турция: Это любовь? (30.10.2017) // URL: https://russian.eurasianet.org/ node/64861

ответный визит. Однако в 2011 г. отношения между странами окончательно испортились. Власти Узбекистана выдворили из страны турецкие компании, включая владельцев гипермаркета «Туркуаз» и сети супермаркетов «Демир». Турецкие инвесторы столкнулись с серьезными ограничениями[1].

В 2017 г. новый президент Узбекистана Ш. Мирзиёев совершил первый за 20 лет государственный визит в Турцию. После встречи двух лидеров были подписаны соглашения в сфере экономики, образования, культуры, здравоохранения, банкинга и военной промышленности. Сегодня Турция является одним из крупнейших торговых партнеров Узбекистана и занимает четвертое место после России, Китая и Казахстана. Лидеры стран поставили задачу увеличить товарооборот между двумя странами до 10 млрд долларов за 10 лет[2]. В том же году между республиками был подписан договор о стратегическом партнерстве[3]. А в ходе ответного визита Р. Эрдогана в 2018 г. была достигнута договоренность о создании Высшего совета по стратегическому партнерству, возглавляемого главами двух государств[4].

В 2018 г. Национальный банк внешнеэкономической деятельности Узбекистана (NBU) и Türk Eximbank подписали кредитное соглашение на 250 млн долларов. Таким

[1] Узбекистан – Турция: Это любовь?...

[2] Кунтубаева А. А. Исторический анализ сотрудничества Турции со странами Центральной Азии в постсоветский период… С. 158.

[3] Узбекистан – Турция: новый этап стратегического партнерства на высшем уровне (20.02.2020) // URL: https://uza.uz/ru/posts/uzbekistan-turtsiya-novyy-etap-strategicheskogo-partnerstva--20-02-2020

[4] Нурдинова Ш. Узбекистан – Турция: перспективы торгово-экономического сотрудничества (29.03.2022) // URL: https://review.uz/post/uzbekistan-turciya-perspektiv-torgo vo-ekonomicheskogo-sotrudnichestva

образом, Узбекистану был одобрен кредит на финансирование инвестиционных проектов с участием турецких поставщиков и подрядчиков[1]. Между Турцией и Узбекистаном были подписаны соглашения о строительстве ветряной электростанции и дороги Ташкент – Самарканд[2], кроме того, подрядчиком строительства делового центра «Ташкент Сити» стала турецкая компания Tabanlıoğlu Architects[3]. Также в Узбекистане открыли свою деятельность такие турецкие компании, как APEAS, Yıldırım Holding, Sur International Investment, Çalık Enerji, Ziraat Bankası, TIFA и др.

По итогам 2021 г. товарооборот между Турцией и Узбекистаном составил 3,4 млрд долларов США[4]. С 2017 г. странам удалось увеличить взаимный товарооборот в три раза. Если до 2018 г. в структуре взаимного товарооборота возобладал экспорт товаров из Узбекистана, то с 2018 г. баланс незначительно сместился в сторону Турции. В 2021 г. соотношение экспорта-импорта Узбекистана с Турцией составил 49,6% на 51,4% в пользу Турции[5]. В структуре экспорта товаров из Узбекистана в Турцию с 2004 г. преобладает медь и изделия из нее, хлопковое волокно и изделия из него, минеральное топливо, топливно-смазочные материалы и т. п.

---

[1] Турция выделит Узбекистану кредит на $250 млн (02.05.2018) // URL: https://www.aa. com.tr/ru/1133079

[2] Узбекистан и Masdar подписали соглашение о финансировании строительства первой ветряной электростанции (31.08.2022) // URL: https://podrobno.uz/cat/economic/uzbekistan-i-masdar-podpisali...

[3] Tashkent City построят по проекту турецких архитекторов (21.10. 2017) // URL: https://podrobno.uz/cat/economic/tashkent-city-postroyat...

[4] Инфографика: Торговля Узбекистана с Турцией (28.03.2022) // URL: https://review.uz/post/infografika-ozbekiston-va-turkiya-ortasidagi...

[5] Внешнеэкономическая деятельность // Сайт Госкомстата РУз. URL: https://stat.uz/ru/ofitsial naya-statistika/merchandise-trade)

В структуре импорта из Турции имеют высокие доли такие виды товаров, как крупы, сахар и изделия из него, ковры, трикотажная одежда и аксессуары, промышленное и электрическое оборудование и его запасные части[1].

Турция выступает в Узбекистане активным инвестором. Основные инвестиции идут в строительный, горнодобывающий сектор промышленности и торговлю. За 2016–2021 гг. турецкие предприниматели инвестировали в экономику Узбекистана 2,3 млрд долларов США. Возросла и доля Турции в общем объеме инвестиций. Так, если в 2016 г. объем инвестиций, осуществленных Турцией, составил 0,4% от общего объема иностранных инвестиций, то в 2021 г. этот показатель достиг 11,1%. При этом наибольшая доля (65%) вложена в обрабатывающую промышленность. Также была высока доля инвестиций в сельское хозяйство (13%), жилищно-коммунальное хозяйство и питание (9,3%), строительство (6,5%), государственное управление (1,5%) и розничную торговлю 1,3%. Кроме того, турецкие предприниматели инвестировали в водоснабжение, канализацию и сбор отходов и здравоохранение[2]. Всего в Узбекистане работает около 2 тыс. предприятий с турецкими инвестициями, из которых 1,2 тыс. со 100% турецким капиталом[3]. В 2020 г. Турция пробилась в лидеры по количеству открытых в Узбекистане иностранных компаний, опередив Россию и Китай[4].

---

[1] Нурдинова Ш. Узбекистан – Турция: перспективы торгово-экономического сотрудничества…

[2] Там же.

[3] Акрамжон Неъматов: Турция является важным торгово-экономическим и инвестиционным партнером Узбекистана (13.04.2022) // URL: https://isrs.uz/ru/smti-ekspertlari-sharhlari/akramzon-nematov...

[4] Турция – лидер по числу открытых в Узбекистане иностранных компаний (14.01.2021) // URL: https://www.trtrussian.com/novosti-

Культурно-гуманитарное сотрудничество

Помимо экономической сферы Турция придает большое значение культурно-гуманитрному сотрудничеству со странами Центральной Азии, которое реализуется в рамках специальных организаций, например ТюркСОЙ.

С 1991 г. Турция вошла в сектор образования в центральноазиатских государствах. Турция оказала значительное влияние на процессы латинизации письменности в Узбекистане и Казахстане[1]. К тому же путем публичной дипломатии, распространения по турецким информационным ресурсам в Центральной Азии идеи общетюркской идентичности и применения нарративов о якобы колониальной политике России Турция способствует массовой популяризации турецкого языка и культуры в регионе. Так, в Казахстане турецкий язык стал вторым по популярности языком для изучения после английского[2]. В Казахстане с 2010 г. функционирует культурный центр «Институт Юнуса Эмре», где обучают турецкому языку. Также по стране имеется множество центров по изучению турецкого языка.

В Кыргызстане центры турецкого языка и культуры функционируют при Кыргызско-Турецком университете «Манас», Кыргызско-Российском Славянском университете, Бишкекском государственном университете[3].

uzbekistan/turciya-lider-po-chislu-otkrytyh-v-uzbekistane-inostrannyh...

[1] Димитриади М. Прощай, кириллица: как Турция переписала алфавит в Средней Азии (22.07.2021) // URL: https://rtvi.com/stories/proshchay-kirillitsa-kak-turtsiya-perepisala-alfavit-v-sredney-azii/

[2] В Казахстане растет интерес к турецкому языку (23.05.2021) // URL: https://www.aa. com.tr/ru/2251642

[3] В БГУ при поддержке ТИКА открыли Центр турецкого языка и культуры (24.10.2018) // URL: http://bilim.akipress.org/ru/news:1477143/?f=cp

При посольстве Турции работает центр изучения турецкого языка «Tteömer», который способствует не только изучению языка, но и выезду студентов из Кыргызстана в Турцию в целях обучения.

В 2012 г. на саммите СТГ в Бишкеке были подписаны Соглашение по финансовым правилам Совета сотрудничества тюркоязычных государств, Соглашение об образовании Тюркской академии СТГ, Соглашение по созданию Фонда поддержки тюркской культуры и тюркского наследия СТГ. В области культуры и образования Советом была учреждена премия «Гордость тюркского мира»[1].

После известных событий 2016 г. Турция настроена продолжить гуманитарное влияние в Центральной Азии по официальным турецким каналам и готова предложить альтернативу образовательным проектам, аффилированным с Ф. Гюленом. Вместо них Турция предлагает построить сеть учреждений «Маариф». Кроме этого, Турция нацелена на внедрение протурецких учебников в школах региона. Так, в июне 2022 г. на заседании Международной тюркской академии с участием министров образования и науки тюркских государств в штаб-квартире Академии в Астане были утверждены тексты учебников общей тюркской истории, литературы и географии тюркского мира, а также соответствующие учебные программы. Данные книги предложены для изучения в средних школах тюркских государств. В 2020 г. 30 тыс. учащихся в Турции, 15 тыс. в Казахстане и 10 тыс. в Азербайджане выбрали предмет «Общетюркская история» в качестве факультатива[2].

---

[1] Жизнин С. З., Гулиев И. А. Энергетическая дипломатия в Каспийском регионе // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 1. С. 241.

[2] Тюркский мир в школьном учебнике: ближние рубежи, дальние горизонты... (23.08.2022) // URL: https://www.imemo.ru/publications/relev

Весьма активным было участие протурецких организаций в спонсировании и поддержке в проведении в Кыргызстане III Всемирных игр кочевников (ВИК) в 2018 г. Одним из генеральных спонсоров игр выступила авиакомпания Turkish Airlines. Примечательно, что церемония открытия игр сопровождалась также и на турецком языке и транслировалась в прямом эфире на турецких телеканалах. В открытии игр принял участие Р. Т. Эрдоган. После завершения игр Кыргызстан передал Турции эстафету проведения IV Всемирных игр кочевников в 2020 г., однако из-за пандемии сроки сдвинулись на 2022 г. На открытие ВИК-2022 был приглашен в качестве почетного гостя президент Кыргызстана С. Жапаров. Следующие, пятые по счету, Всемирные игры кочевников должны пройти в Казахстане[1].

Укрепляется воздействие Турции через религиозный фактор. К примеру, в Кыргызстане имеются протурецкие общественные благотворительные фонды с религиозным уклоном. Также свою работу ведет турецкая организация Türkiye Diyanet Vakfı, специализирующаяся на религиозной благотворительности, в том числе строительстве объектов религиозного культа. В сентябре 2018 г. при участии Р. Эрдогана и С. Жээнбекова была открыта центральная мечеть Бишкека, построенная на средства Турецкой Республики при поддержке вышеназванного фонда. Общая стоимость строительства составила порядка 25 млн долларов США, а архитектура мечети выдержана в стиле

ant-comments/text/the-turkic-world-in-a-school-textbook-near-frontiers-distant-horizons

[1] Пятые Всемирные игры кочевников пройдут в Казахстане (03.10. 2022) // URL: https://ru.sputnik.kg/20221003/kazakhstan-vsemirnye-igry-kochevnikov-sostoyatsya-106857501 9.html

мечетей османской эпохи[1]. Также сообщалось, что средства на строительство крупнейшей мечети в Центральной Азии в Астане выделила в 2020 г. одна из турецких компаний[2].

Военное сотрудничество

Менее удачными, по сравнению с культурно-гуманитарным и экономическим направлением внешней политики Турции в регионе, являются попытки Анкары вовлечь страны в качестве союзников в свои военные кампании. Здесь все партнеры по Центральной Азии проявляют осторожность, предпочитая придерживаться своих национальных интересов. К примеру, во время вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе в 2020 г. республики Центральной Азии заняли нейтральную позицию, выразив приверженность мирному урегулированию конфликта, хотя незадолго до известных событий Эрдоган призывал членов СТГ поддержать Баку в Карабахском кризисе[3]. Примечательным было и обращение Эрдогана к Кыргызстану проявить солидарность против Израиля в борьбе Турции в защиту Палестины[4].

---

[1] В Бишкеке открылась новая центральная мечеть (02.09.2018) // URL: https://rus.azat tyk.org/a/29466519.html

[2] Крупнейшая мечеть в Центральной Азии строится в Нур-Султане (19.01.2020) // URL: https://ru.sputnik.kz/20200119/mechet-stroitsya-nur-sultan-foto-12574567.html

[3] Эрдоган призвал страны СТГ продолжить сопротивление ФЕТО и поддержать Азербайджан в вопросе Нагорного Карабаха (3.09.2018) // URL: https://kg.akipress.org/news:1467681/org.akipress:/?embed&pack=onek

[4] Президент Турции Эрдоган хочет вместе с Кыргызстаном преподать урок Израилю – пресс-служба аппарата президента Турции (15.05. 2021) // URL: https://kloop.kg/blog/2021/05/15/prezident-turtsii-erdogan...

Тем не менее после карабахской кампании 2020 г., где Азербайджан одержал победу благодаря использованию турецких беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) Bayraktar TB2, интерес к военно-техническому сотрудничеству с Турцией в регионе стал нарастать, тем более на фоне имеющихся конфликтов по границе между Кыргызстаном и Таджикистаном, а также опасений Казахстана и Узбекистана в связи с ситуацией в Афганистане. Начиная с 2021 г. Узбекистан, Казахстан, Таджикистан и Кыргызстан подписали с Турцией рамочные соглашения о сотрудничестве в военной сфере.

В 2021 г. после крупного приграничного конфликта с Таджикистаном Кыргызстан приобрел БПЛА у Турции[1]. Некоторое время спустя в СМИ появилась информация, что военное руководство Таджикистана также договорилось о закупке партии турецких беспилотников для своей армии[2].

После январских событий в Казахстане, когда республика была вынуждена обратиться за помощью к ОДКБ, Турция собрала саммит ОТГ (Организация тюркских государств), на котором министр иностранных дел Турции М. Чавушоглу предложил членам организации создать институциональный механизм реагирования на вызовы безопасности и стабильности, что было воспринято как предложение по созданию некоего аналога ОДКБ. Однако ни одна из постсоветских стран, входящих в состав ОТГ, не поддержала инициативу Турции[3].

[1] Беспилотники «Байрактар» поступили на вооружение Кыргызстана (18.12.2021) // URL: https://rus.azattyk.org/a/31615359.html

[2] Турция поставляет Таджикистану беспилотники «Байрактар» (17.05.2022) // URL: https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/security/20220517/v-tadzhikistane-otkrilos-iranskoe-predpriyatie-po-proizvodstvu...

[3] На саммите Организации Тюркских Государств Турция предложила

Стратегия Турции в новых геополитических реалиях: ситуация на Украине, конфликты на кыргызско-таджикской границе

В условиях нынешней турбулентности мирового порядка Турция активно продвигает свою медиаторскую роль. Членство страны в НАТО, нахождение Турецкой Республики на стыке двух континентов, имеющиеся связи у правящего режима как с Западом, так и Востоком позволяют Анкаре претендовать на роль арбитра в международных спорах. В 2022 г. Турция неоднократно предоставляла свою площадку для переговоров между Россией и Украиной. Анкара старается поддерживать отношения как с Украиной, так и с Россией и Китаем. Так, Турция производит в Украине беспилотники «Bayraktar», а в 2021 г. стороны договорились о строительстве для ВМС Украины двух корветов класса «Ada», первый из которых был спущен на воду в октябре 2022 г.[1].

На деле военно-техническое сотрудничество Турции с Украиной не является препятствием для поддержания Анкарой двухсторонних отношений с Россией. К примеру, Р. Эрдоган был приглашен в качестве почетного гостя на саммит ШОС в Самарканде в сентябре 2022 г., что говорит о сохраняющейся роли Анкары в посредничестве между Западом и Востоком[2].

создать аналог ОДКБ, но никто из бывших республик СССР не поддержал (16.01.2022) // URL: https://cont.ws/@borziy/2183599?fbclid=IwAR1zvyX8ja4vZr3xwE2W_6h8jn4yzZxEdsWGmPx1CZn24rftYidnf88jZbo

[1] Жена Зеленского спустила на воду корвет с «турецким сердцем» (02.10.2022) // URL: https://www.vesti.ru/article/2970049

[2] Эрдоган прибыл на саммит ШОС в качестве почетного гостя (15.09.2022) // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15762247?utm_source=google.com&utm_medium= organic&utm_campaign...

Турция и ОТГ одними из первых отреагировали на конфликты между Кыргызстаном и Таджикистаном, призывая стороны к мирному урегулированию ситуации. После событий апреля-мая 2021 г. на кыргызско-таджикской границе Турция выразила готовность проспонсировать восстановление разрушенных домов в Баткенской области. В свою очередь, С. Жапаров выразил намерение восстановить былые отношения с Турцией, которые ослабли за «последние четыре-пять лет»[1]. «Это случилось после того, как наше руководство вмешалось в русско-турецкие дела, при этом показав свою неправильную позицию», – отметил тогда С. Жапаров[2]. Известно, что кроме критических высказываний экс-президента А. Атамбаева в адрес турецкого руководства в 2015 г. фактором «охлаждения» отношений являлась сеть образовательных учреждений «Себат» в Кыргызстане, которую Турция связывает с опальным Ф. Гюленом.

Во время боестолкновений на кыргызско-таджикской границе в мае 2021 г. в социальных сетях Кыргызстана были высказывания о необходимости поиска помощи у международного сообщества, в первую очередь у Турции. Закуп БПЛА Bayraktar у Турции после конфликта стал восприниматься как символичный показатель поддержки Турцией тюркоязычной республики и партнера по ОТГ. Однако последовавшие переговоры между Турцией и Таджикистаном, в том числе возможность продажи турецких беспилотников таджикской стороне[3], показали, что на деле

[1] Президент Садыр Жапаров намерен улучшить отношения с Турцией (07.05.2021) // URL: https://24.kg/vlast/193325_prezident_sadyir_japarov_nameren_uluchshit_otnosheniya_stu rtsiey/

[2] Там же.

[3] «Просили Турцию быть осторожной в этом вопросе» – МИД

Турция стремится установить военно-техническое сотрудничество со странами Центральной Азии для расширения своего влияния в регионе. Способность президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана лавировать между антагонистическими центрами способствует лишь закреплению геополитического веса Анкары и получению желаемых дивидендов в пользу Турецкой Республики.

По итогам саммита СТГ в Стамбуле в ноябре 2021 г. между членами совета был подписан стратегический документ «Видение тюркского мира 2040». Он представляет собой дорожную карту по углублению сотрудничества между тюркоязычными государствами на ближайшие два десятилетия в приоритетных сферах, в частности в сфере безопасности, транспорта и таможни, информационно-коммуникационных технологий, энергетики, туризма, здравоохранения, окружающей среды, сельского хозяйства, культуры, образования и науки, молодежи и спорта, работы с диаспорами и т. д.[1]. Это говорит о том, что в перспективе Турция ставит стратегическую задачу по полномасштабному вовлечению государств Центральной Азии в свой ареал. На сегодняшний день стоит вопрос о включении Туркменистана в ОТГ в качестве полноценного участника организации.

прокомментировал покупку Таджикистаном «Байрактар» (27.04.2022) // URL: https://kloop.kg/blog/2022/04/27/prosili-turtsiyu-byt-ostorozhnoj-v-etom-voprose-mid-prokommentiroval-pokupku-tadzhikistano m-bajraktar/

[1] По итогам Саммита СТГ в г. Стамбул подписано решение о принятии «Видения тюркского мира – 2040» (13.11.2021) // URL: https://mfa.gov.kg/ru/osnovnoe-menyu/press-sluzhba/novosti/po-itogam-sammita-sstg-v-g-stambul-podpisano-reshenie-o-prinyatii-videniya-tyurkskogo-mira--2040-618f48d2f1082

Выводы

Таким образом, за последние пять лет мы наблюдаем серьезное изменение внешнеполитической стратегии Турции по отношению к Центральной Азии, которая приступила к усилению многостороннего присутствия в регионе, не ограничиваясь культурно-гуманитарным, экономическими сферами. Сегодняшняя Турция в Центральной Азии претендует на роль центра объединения тюркоязычных государств, а также на роль внешнего арбитра между центральноазиатскими республиками.

Изменился и характер имплементации внешней политики Турции в регионе, он стал более жестким. Переход от традиционной «мягкой силы» по отношению к своим партнерам в регионе к «умной силе» выражается в участившемся обращении Анкары к инструментам дипломатического давления, в том числе алармизации региона со ссылкой на возможность дестабилизации общественно-политической ситуации в странах «турецкой оппозицией», пренебрежением суверенными правами отдельных государств региона на самостоятельное определение источников угроз национальной безопасности. Последним примечательным демонстративным проявлением силы Эрдогана стало похищение основателя сети образовательных учреждений «Сапат» (бывший «Себат»), гражданина Турции и Кыргызстана О. Инанды, которого власти Турции обвиняют в связях с признанной в Турции террористической организацией FETO.

Анализ отношений между Турцией и странами Центральной Азии в исторической ретроспективе показывают определенную нестабильность и нелинейность внешней политики Турецкой Республики, что объясняется различными

политическими процессами в отдельных государствах Центральной Азии, а также самой политикой Турции в регионе, которая исходила в зависимости от внешних и внутренних обстоятельств.

За более чем тридцать лет Турция стала одним из важных торгово-экономических партнеров центральноазиатских государств. Инвестиции Турции в экономику этих стран в последние годы демонстрируют положительную динамику. Однако Анкара в силу ограниченности финансовых возможностей не способна претендовать на роль ведущего стратегического партнера. Таджикистан и Кыргызстан зависимы от России в части трудовой миграции и продовольственной безопасности. Казахстан больше ориентирован на отношения с европейскими государствами, а Узбекистан пытается наладить восточное и южное азиатское направление внешнеэкономической деятельности.

Тем не менее понимание того, что Турция является альтернативным дополнением к ближайшим партнерам центральноазиатских государств, таким как Россия и Китай, всё более кристаллизируется внутри региона. Активное участие центральноазиатских стран в работе ССТГ, который недавно был переименован в Организацию тюркских государств (ОТГ), являются еще одним свидетельством этому. В ближайшие годы в рамках ОТГ Турция будет продвигать широкий спектр общих идей, начиная от вопросов транспортно-логистической привязки Турции, Каспия и Центральной Азии, вплоть до предложения экономической и политической интеграции. Преимуществом турецкого влияния в Центральной Азии является культурно-идеологический фактор – пантюркизм.

3.2 Политика арабских стран в Центральной Азии и их подходы

Одними из ключевых внерегиональных партнеров стран Центральной Азии в настоящий момент выступают лидирующие по уровню развитости государства Персидского залива: Саудовская Аравия, Катар, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Султанат Оман и Кувейт. Опыт перечисленных государств в стратегическом использовании энергетических ресурсов, их добыче и продаже на мировых рынках и в становлении мощного экономического базиса является показательным примером в видении властей республик ЦА, в особенности их опыт значим для Туркменистана и Казахстана как государств региона, располагающих наибольшими запасами полезных ископаемых, нефти и газа[1].

Внешнеэкономический вектор государств ЦА в общем и целом также направлен в сторону построения деловых контактов с государствами Персидского залива, о чем свидетельствует активный рост объема торговли между Казахстаном и ОАЭ, практика либерализации визовых режимов между ОАЭ и Кыргызстаном (основной функцией которой является упрощение процесса развертывания торгово-экономической деятельности иностранных предприятий на территории КР), финансирование строительства объектов социальной инфраструктуры и транспортных коммуникаций со стороны Саудовской Аравии, Омана и Кувейта в Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане и т. д.

[1] Ионова Е. Страны Центральной Азии и арабский мир // Россия и новые государства Евразии. 2011. № 1. С. 81–86.

Генезис социоэкономического и культурного взаимодействия арабского мира с Центральной Азией

С момента окончательной дезинтеграции СССР в 1991 г. и появления на политической карте мира независимых Таджикистана, Туркменистана, Кыргызстана, Казахстана и Узбекистана берет свое начало процесс построения первых дипломатических, а следом за ними и политических связей между новообразованными государствами ЦА и странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Столкнувшиеся с неминуемыми последствиями развала Советского Союза, а именно с необходимостью выстраивания новых путей достижения социальной и экономической стабильности, страны ЦА постепенно интегрировались во множество процессов, предполагавших переход от плановой экономики к рыночным механизмам и системе кредитования. Одними из первых стран, безоговорочно и в достаточно сжатые сроки признавших независимость Туркменистана, Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана и Таджикистана, стала так называемая «аравийская шестерка» – наиболее влиятельные и экономически развитые государства ССАГПЗ, выступающие в качестве крупных международных доноров и инвесторов и по сей день. В числе этих государств: Саудовская Аравия, Катар, Кувейт, ОАЭ, Бахрейн и Оман – шесть сырьевых гигантов, чья экспортно-сырьевая промышленность ориентирована, в основном, на добычу и транспортировку нефти и изготавливаемой из нее продукции. Данная коалиция стран, помимо прочего, реализует в том числе и собственные планы по укреплению сфер внешнеполитического и экономического влияния

не только в масштабах Персидского залива и близлежащих ближневосточных регионов, но и далеко за его пределами.

Признание странами ССАГПЗ независимости бывших республик Советского Союза носило одновременно как экономический, так и культурный и политический характер, поскольку, помимо предоставления возможности реализовать концепцию «мягкой силы» в стратегически выгодном для того регионе посредством распределения финансовых активов и создания надежного механизма экономико-социального взаимодействия со странами ЦА, для арабских государств-доноров открывались возможности распространения на международном уровне собственных политических и религиозных факторов влияния. В настоящее время население ЦА в большинстве своем состоит из мусульман, исповедующих ислам суннитского толка, и данный факт открывает странам арабского мира широкое поле для внешнеполитических манёвров. Власти государств ССАГПЗ посчитали своим долгом признать новый статус бывших советских республик ЦА, население которых исповедует ислам и является в цивилизационно-культурном плане частью мусульманской уммы. Государства Центрально-Азиатского региона пополнили ряды Организации исламского сотрудничества (ОИС), продемонстрировав, тем самым, свое стремление разделять и распространять ценности исламской культуры и желание поддерживать идею общемировой исламской солидарности[1]. По итогу первых политических преобразований

[1] Савичева Е. М., Шаар М. О. Отношения арабских стран Персидского залива с центрально-азиатскими государствами СНГ // Вестник РУДН. Сер.: МО. 2014. № 4 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-arabskih-stran-persidskogo-zaliva-s-tsentralno-aziatskimi-gosudarstvami-sng

в новейшей истории государств ЦА на мировой арене начала укрепляться система трансрегионального культурного взаимодействия, созданная странами Персидского залива и краеугольным камнем которой стала религия ислам.

Следом за признанием странами Персидского залива независимости новых суверенных республик был запущен процесс установления первых дипломатических отношений, от успеха которого во многом должна была определиться дальнейшая судьба взаимоотношений и всестороннего сотрудничества стран ССАГПЗ с Центральной Азией. Таким образом, в 1992 г. Саудовская Аравия, уже в те годы игравшая роль ведущего государства Персидского залива, приняла решение об установлении дипломатических отношений сразу с несколькими странами: Узбекистаном, Таджикистаном, Кыргызстаном и Туркменистаном. Спустя пару лет Эр-Рияд подписал протокол и об установлении дипотношений с Казахстаном как одним из ключевых игроков на постсоветском пространстве.

Однако, несмотря на проявленный интерес со стороны ССАГПЗ к построению дипломатического контакта, ответные шаги со стороны уже признанных независимыми республик ЦА были менее стремительными в силу многочисленных преобразований внутриполитического характера, потрясавших их общество и экономику, что создавало барьеры на пути к установлению полноценного дипломатического взаимодействия. По данной причине процесс открытия диппредставительств центральноазиатских республик в Королевстве Саудовская Аравия (КСА) занял несколько лет. Первым в мае 1995 г. свое посольство в столице Саудовской Аравии открыл Узбекистан, годом позже в Эр-Рияде заработало посольство Казахстана, практически одновременно с открытием посольства КСА в РК.

Таджикистан, Кыргызстан и Туркменистан объявили о создании собственных диппредставительств значительно позже: в 2008 г. открылись посольства Таджикистана и Кыргызстана и лишь в 2012 г. Туркменистан официально заявил о назначении посла в Саудовскую Аравию. Соответствующие ответные шаги со стороны саудитов также затягивались, что в немалой степени влияло на общий фон дипломатических отношений и затрудняло процесс активного развития экономико-финансовых и политических проектов в ЦА-регионе.

Помимо торгово-экономических и культурных отношений арабские страны в лице ССАГПЗ также рассматривают и энергетическую карту. Так, страны Персидского залива проявляют, в частности, особенный интерес к сотрудничеству с Казахстаном и Туркменистаном на поприще энергетики, разведки и добычи сырья и энергоресурсов. Процесс построения отношений с Казахстаном, к примеру, для ОАЭ сопровождался выделением в период с середины 2000-х и по наши дни порядка 2,4 млрд долларов США[1]. Первоочередной задачей в отношениях с Астаной для Абу-Даби являлось и остается по сей день активное вовлечение компаний ОАЭ в разработку энергетических проектов на Каспии[2].

Резюмируя приведенные примеры начальных этапов построения в 1990-х гг. первых дипломатических, экономических и политических контактов стран Персидского залива с республиками Центральной Азии, можно констатировать факт сравнительно медленного установления

[1] UAE, Kazakhstan to Strengthen Business Relations in Key Sectors (7 Mar 2021) // URL: https://www.gulftoday.ae/business/2021/03/07/uae...

[2] Başaran D. Birleşik Arap Emirlikleri'nin Orta Asya Politikası: İşbirliğine Dayalı Yapıcı Bir Yaklaşım (12.01.2022) // URL: https://www.ankasam.org/birlesik-arap-emirliklerinin-orta-asya-politikasi-isbirligine-dayali...

экономико-политических отношений в силу сразу нескольких причин, ставших серьезными препятствиями для ССАГПЗ. Главными из них являются: сложная, хаотично развивающаяся и непредсказуемая модель переустройства экономико-социального базиса государств ЦА, их слаборазвитая на период с 1990 до середины 2000-х гг. законодательная база в сфере инвестиций и международного кредитования, ориентированность экономик арабских государств лишь на экспорт сырья и, как следствие, готовность инвестировать в аналогичные экспортно-сырьевые секторы экономик центральноазиатских стран либо в отрасли, не требующие основательного и затяжного строительства сложной промышленной инфраструктуры, со всеми проистекающими издержками финансового характера.

Однако, несмотря на множественные затруднения, отразившиеся на темпах развития контактов ССАГПЗ в Центральной Азии, важным ключевым моментом, ставшим впоследствии краеугольным камнем построения многосторонних отношений арабских государств как с республиками ЦА, так и со многими другими странами мира, стала религия ислам. Распространение и развитие религиозно-концептуальных основ ведения бизнеса, а также лоббирование прав предпринимательской деятельности фондов и организаций, занимающихся предоставлением услуг исламского банкинга, и т. д. с каждым годом становятся одними из главных, первостепенных задач, призванных осуществлять максимально благоприятное воздействие на улучшение фона экономико-политического взаимодействия арабских стран со странами ЦА-региона.

Религиозный фактор всегда имел для стран Персидского залива решающую роль в реализации процессов развертывания политических контактов с государствами

ЦА, преимущественно населенных мусульманами, исповедующими религию ислам суннитского толка. Особенно остро вопрос налаживания контактов с потенциальными союзниками стоял на фоне абсолютного религиозного традиционализма некоторых государств ССАГПЗ. Исламский ортодоксализм всё той же Саудовской Аравии зачастую становился причиной затруднений в установлении доверительных отношений, что особенно подчеркивалось ближе к концу 1990 – началу 2000 гг. во времена всеобщей эскалации напряженности в связи с распространением в мире радикальных преступных формирований религиозного характера.

Говоря об ортодоксальном религиозном мировоззрении государств арабского мира, нельзя не упомянуть и саму роль ислама в жизни каждого государства, провозгласившего нормы шариата в качестве основных нравственно-идеологических и культурных столпов, приверженность к которым во многом определяет благополучие внутрисоциального, а вслед за ним и экономического положения той или иной мусульманской страны. Так, являясь неоспоримой основой государственно-политического базиса в целом ряде стран Ближнего Востока, Африки и Юго-Восточной Азии, ислам становится ключевой идеологической системой, формирующей основы взаимодействия органов законодательной, исполнительной и судебной власти государств указанных регионов, а также предлагающей особенные, соответствующие религиозным предписаниям и нормам формы финансовых, торговых и экономических взаимоотношений как на уровне экономики той или иной конкретной мусульманской страны, так и в макроэкономических масштабах[1].

[1] Социализация ислама в Кыргызстане как неотъемлемая составная часть стратегии безопасного развития Кыргызской Республики

Так, вскоре после дезинтеграции СССР на мировой арене новообразованные государства ЦА пополнили ряды стран – участниц Организации Исламская конференция (ОИК), переименованной впоследствии в Организацию исламского сотрудничества (ОИС). Однако какого-либо внятного положительного эффекта от присоединения к данной организации ни страны ЦА, ни государства ССАГПЗ так и не ощутили, поскольку существенной мощи для оказания конкретного экономического и финансового воздействия данная организация не имела. Являясь во многом лишь вспомогательной структурой, титульной функцией которой было и остается по сей день предоставление каждой из участвующих сторон возможности выражать то или иное мнение касательно единства мусульман всего мира и созывать совещательные собрания с целью обсуждения перспектив борьбы со множеством угроз регионального и международного масштаба, ОИС не сумела, в конечном счете, стимулировать процессы межгосударственного финансового и экономического взаимодействия, а в более поздний период своего существования стала едва справляться с проблемами внутриорганизационной разобщенности и расхождения во взглядах уже между самими странами-участницами данной организации.

Однако на сегодняшний день вопросы построения деловых контактов между государствами посредством религии вновь становятся весьма актуальными на фоне заметного увеличения числа верующих от общего населения стран ЦА. Более того, аналитические агентства прогнозируют сохранение и усиление подобной тенденции вплоть до первой трети XXI в. Так, согласно прогнозам ученых американского PEW-центра, число исповедующих

в XXI веке / Отв. ред. А. А. Салиев; ИСАП КРСУ. Бишкек, 2022.

ислам жителей ЦА, которое составляет на сегодня порядка 50 млн человек, может вырасти к 2030 г. до 64 млн человек[1]. В теории, данное обстоятельство способно в долгосрочной перспективе оказать положительное влияние на укрепление межгосударственных взаимоотношений стран мусульманского мира, однако однозначно положительным назвать его не представляется возможным в силу сохранения в современном мире опасений на фоне распространения ультрарадикальных преступных религиозных формирований, накладывающих тень сомнений в благополучном исходе подобной тенденции.

В отрыве же от скепсиса, основанного на опасениях выхода из-под контроля ситуации с международным терроризмом и радикализацией религиозного мировоззрения в странах с преимущественно мусульманским населением, можно с уверенностью прогнозировать то или иное развитие моделей межгосударственного сотрудничества, наблюдаемых в наши дни. Обозначенные нами выше страны Персидского залива, при всех существующих препятствиях на пути к консолидации исламского мира, в том числе и по вопросам финансово-экономического и политического сотрудничества, в настоящий момент успешно реализуют разные проекты внешнеполитической направленности, многие из которых инкорпорируются в международную систему кредитования и используются наравне с теми механизмами и принципами, что были заложены в современную структуру международных валютно-кредитных отношений в середине XX в. западными государствами.

Таким образом, общность религиозных взглядов дает возможность беспрепятственного торгового, финансово-

[1] Количество мусульман возрастет к 2030 году (3 февраля 2011) // URL: https://rus.ozodi.org/a/9584172.html

экономического и иного сотрудничества со странами ЦА, о чем свидетельствуют тенденции, что на основе принципов религиозных воззрений в последующем создастся большое количество фондов, банков и специализированных организаций, работающих по принципу исламского банкинга и занимающихся ведением экономической деятельности, не противоречащей тем религиозно-мировоззренческим взглядам, что предписываются постулатами и нормами ислама. Благоприятным фактором для подобного рода тенденций становится и отмеченное ранее постепенное увеличение количества верующих в ЦА-регионе. Применение принципов исламского банкинга, заключающихся в установлении конкретных требований для вкладчика и банка, а также соблюдение прав и свобод граждан, пользующихся услугами специализированных исламских банков и коммерческих финансовых организаций, в долгосрочной перспективе способно задать стимул для создания новых финансовых механизмов в каждой отдельно взятой стране, а также иных регионах с преобладающим мусульманским населением. Укрепление финансово-экономической архитектуры в странах ЦА, распространение новообразованных механизмов финансирования на основании принципов религиозного банкинга и исламского налогообложения и основание международных исламских финансовых институтов развития в конечном счете способно задать новый вектор развития для любого государства, заинтересованного в продвижении религии ислам как существенного фактора социокультурной и экономической стабильности[1]. К подобным государствам, безусловно,

[1] Социализация ислама в Кыргызстане как неотъемлемая составная часть стратегии безопасного развития Кыргызской Республики в XXI веке…

относятся и страны ССАГПЗ, избравшие ислам в качестве фундаментального, системообразующего механизма распространения внешнеполитических интересов на международной арене.

Вместе с геоэкономическими и геостратегическими механизмами осуществления важных политических целей государствами Персидского залива предпринимаются попытки реализации на территории государств ЦА концепции «исламского мира» с акцентом на панарабизм и арабоцентризм современного глобалистского мусульманского сознания. В данном аспекте Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар, Кувейт, Оман и Бахрейн сталкиваются с аналогичными, но направленными на национально-политические и конфессиональные особенности и нюансы идеями реализации концепции единого мусульманского мира, лоббируемыми Турцией и Ираном как основными конкурентами арабских стран на международной политической арене в деле распространения сфер своего влияния посредством религии и справедливо признанными ключевыми игроками современных международных отношений. Так называемые пантюркизм и панираниз в глобальном, геополитическом измерении предстают в настоящий момент одними из ключевых доктрин, распространенных на Евразийском континенте и, в частности, на территории стран ЦА.

В основе идей пантюркизма и панираниза лежат важность и безусловность экономико-политической и культурной консолидации народов, объединенных общностью языковой, религиозной и этнической общности. В случае с пантюркизмом речь идет об объединении тюркоязычных народов, населяющих территории от Кавказа и Передней Азии и вплоть до отдаленных рубежей современного Дальнего Востока России.

Столкновение сфер турецкого внешнеполитического влияния с интересами государств ССАГПЗ как на территории ЦА, так и на остальных рубежах мирового пространства базировалось, в основном, на разных подходах к распространению панисламизма как ключевой идеологии, призванной сплотить мусульманское население стран мира. Однако с развитием экономической мощи лидирующих стран Персидского залива и формированием нового центра силы в их лице, способного оказывать непосредственное влияние на множество секторов мирового хозяйства, к проблеме разного видения идеологической направленности распространения исламского единства между Турцией и ближневосточными странами-лидерами добавились и вопросы определения ключевого игрока на международной экономической арене.

Затрагивая тему пантюркизма как идеологии, основанной на этнокультурном и религиозном родстве народов ЦА и Турции, важно отметить, что для Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара, Кувейта, Омана и Бахрейна отсутствие конкретного этнического и культурного родства с тюркоязычными народами ЦА создает многочисленные препятствия на пути к распространению сферы их политического влияния, расширяя, тем самым, возможности турецкой стороны для более успешной экономико-финансовой ассимиляции Кыргызстана, Туркменистана, Казахстана и Узбекистана и освоения их рынков с целью создания прочной синергии экономических механизмов и укрепления сфер торговли и финансирования. В случае с Таджикистаном, чье население не является тюркоязычным и не имеет общих корней с турками, доктрина пантюркизма в некотором смысле сталкивается с доктриной паниранизма, основой которой является объединение

иранских народов, населяющих территорию современных Ирана, Пакистана, Афганистана, Таджикистана, а также Кавказа и частично Ближнего Востока и Передней Азии.

Панираниз в своем современном виде предстает в качестве ведущей внешнеполитической стратегической доктрины современного Ирана, претендующего на установление дипломатических, культурных, религиозных, экономических и политических взаимоотношений со странами Евразийского континента с акцентом в сторону проиранского политического вектора в отношении зависимых от него государств. В отличие от панарабизма и пантюркизма, чьи базовые принципы в том или ином виде перекликаются с соображениями панисламизма, панираниз не преследует (либо не претендует на активную имплементацию) идеи религиозной и мировоззренческой консолидации мусульманских стран под эгидой Исламской Республики Иран.

Таджикистан, чье население в настоящий момент на 84% состоит из этнических таджиков[1], относящихся к группе иранских народов, в данном аспекте становится для Ирана единственным действенным плацдармом реализации его внешнеполитической стратегии. Однако, несмотря на этнокультурную отдаленность значительной доли населения Таджикистана от населения арабских государств Персидского залива, страны ССАГПЗ всё еще имеют возможность имплементации идей панисламизма в процессе реализации распространения своего внешнеполитического влияния на территории ЦА и, в частности, Таджикистана, поскольку в духовно-религиозном смысле таджикское население, являющееся мусульманами-

[1] Национальный состав Таджикистана в динамике с 1926 до 2010 гг. // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D1%81...

суннитами, остается более близким к государствам – лидерам арабского мира, нежели к шиитскому Ирану.

Основные тенденции развития экономического, политического и геостратегического сотрудничества арабских стран с Центральной Азией

В настоящее время лидирующими государствами Персидского залива реализуется множество проектов, напрямую связанных с развитием широкого спектра отношений, начиная от торгово-экономического оборота и заканчивая инвестициями в строительство объектов социальной и стратегической инфраструктуры, на территориях стран Центральной Азии. Несмотря на отмеченный ранее сравнительно затяжной процесс реализации проектов по ускорению роста товарооборота, укрепления экономико-финансового сотрудничества с Центральной Азией и улучшения фона межгосударственных дипломатических контактов, ССАГПЗ по-прежнему видят в центральноазиатских странах партнеров, способных укрепить потенциал международного экономического взаимодействия «аравийской шестерки» на мировой арене.

Казахстан

Первым с точки зрения экономической развитости, инвестиционной привлекательности и потенциала в разработке проектов реализации концепции «мягкой силы» арабских стран к рассмотрению предлагается Казахстан. Являясь одной из крупнейших республик на всём постсоветском пространстве, располагающей внушительными запасами полезных ископаемых, редкоземельных металлов

и энергетических ресурсов и негласно признанной лидером Центрально-Азиатского региона по степени развитости экономики и потенциалу к ее дальнейшему развитию, Казахстан проявлял большую заинтересованность в привлечении финансовых средств для укрепления собственной банковской системы и поддержке банковского сектора от международных доноров, в том числе и из стран Ближнего Востока. Зависимость от внешних вливаний в экономику, являвшаяся общим вызовом для всех республик ЦА на момент начала их суверенной истории, усиливалась на фоне многочисленных геоэкономических потрясений, таких как, например, мировой финансовый кризис 2007–2009 гг., ставший результатом огромного дисбаланса механизмов международного кредитования и остро отразившийся на экономике Казахстана как страны с непрочной системой банкинга и зависимыми от иностранных поступлений банковскими механизмами. В условиях невозможности приобретения финансовых средств посредством банков, а в дальнейшем и полной парализованности процессов международного кредитования в отношении РК правительство страны приняло решение переформатировать коренной механизм внешнего финансирования национальной банковской системы, что и стало толчком к появлению на территории Казахстана первых прототипов финансовых систем, называемых в наши дни исламским банкингом.

Не последнюю роль в выборе исламского банкинга в качестве альтернативы классическому западному банкингу сыграло и то, что в условиях сложившейся кризисной ситуации на рубеже 2000–2010-х гг. исламский механизм банковского взаимодействия продемонстрировал хороший показатель устойчивости и прибыли. Согласно

оценкам, совокупные активы исламских финансовых институтов по состоянию на конец 2009 г. составили при среднегодовом росте приблизительно в 15% более 700 млрд долларов США, из которых две трети приходились на государства Ближнего Востока[1]. Наибольшую активность в реализации ряда проектов банковской инфраструктуры, соотносящейся с требованиями исламского банкинга, в этом отношении проявляют ОАЭ.

Инфраструктурные проекты. Начиная со времен налаживания первых межгосударственных контактов, арабские государства приняли участие и в активном строительстве объектов социальной инфраструктуры. Саудовская Аравия выделила порядка 15 млн долларов США на строительство здания сената парламента Казахстана, около 12 млн долларов было выделено на реконструкцию автомобильной дороги Осакаровка – Вишневка, 2 млн долларов были направлены на строительство мечети в г. Петропавловске[2]. Также в столице Казахстана г. Астане Султанатом Оман были выделены средства на строительство дома приемов «Салтанат Сарайы», общая стоимость которого составляет почти 10 млн долларов[3]. ОАЭ в 1998 г. выделили порядка 15 млн долларов на строительство Дворца Президента в г. Астане[4], годом позже Катар

[1] Ионова Е. Страны Центральной Азии и арабский мир…

[2] Савичева Е. М., Шаар М. О. Отношения арабских стран Персидского залива с центрально-азиатскими государствами СНГ…

[3] На чьи деньги строилась столица Казахстана (20.06.2018) // ИА «Sputnik Казахстан». URL: https://ru.sputnik.kz/20180620/stroitelstvo-astana-dengi-6105421.html

[4] Ускорить строительство «Абу-Даби Плаза» призвал Назарбаев (4 июля 2018) // Информ. портал «Tengrinews». URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/uskorit-stroitelstvo-abu-dabi-plaza-prizval-nazarbaev-348257/

объявил о выделении 6,84 млн долларов на строительство культурного исламского центра «Нур Астана» в столице республики[1]. Одними из наиболее дорогостоящих проектов в Казахстане, главными инвесторами которых выступили Саудовская Аравия, Катар, Кувейт и ОАЭ, стали многофункциональный комплекс «Абуд Даби Плаза» в г. Астане, построенный эмиратской строительной компанией Aldar Properties в 2021 г.,[2] а также строительство современного города «Актау-Сити», стоимость которого оценивается в сумму, превышающую отметку в 20 млрд долларов США[3].

Не отстает от Саудовской Аравии с ОАЭ и Кувейт. В начале 2000 г. между правительством Казахстана и кувейтским Фондом арабского экономического развития было ратифицировано Соглашение о займе по проекту строительства инфраструктуры водопользования в г. Аральск на сумму около 24 млн долларов США[4]. В 2020 г. министр национальной экономики РК Руслан Даленов анонсировал о намерении Катарского инвестиционного фонда (Qatar Investment Authority) начать

[1] Икромов Ш. «Дипломатия мечетей» в Центральной Азии: геополитика, начинающаяся с михраба (3 декабря, 2020) // URL: https://www.caa-network.org/archives/ 21135

[2] Строительство «Абу-Даби Плаза» завершится в 2021 году – акимат (13.10.2020) // Информ. портал «Sputnik Казахстан». URL: https://ru.sputnik.kz/20201013/abu-dabi-plaza-2021-15190291.html

[3] На территории специальной экономической зоны «Морпорт Актау» (Казахстан) началось строительство девяти новых предприятий (12 сентября 2007) // PortNews. URL: https://portnews.ru/news/30368/

[4] Закон РК «О ратификации Соглашения о займе по Проекту водоснабжения города Аральска (регион Аральского моря) между Республикой Казахстан и Кувейтским Фондом Арабского экономического развития» от 1 марта 2001 г. № 161 // Информ.-правовая система НПА РК «Эдилет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000161_

финансирование проектов в области финансов и банкинга, а также об открытии банка Masraf Alrayan и листинге банком Qatar International Islamic Bank финансовой продукции на платформе МФЦА (Международный финансовый центр «Астана»)[1].

Сельское хозяйство. Не менее привлекательной для государств Персидского залива является и сфера сельского хозяйства РК. Так, Казахстан рассматривается государствами ССАГПЗ как страна, способная обеспечить продовольственную безопасность аравийского региона. Обширные территории возделываемых сельскохозяйственных земель позволили Казахстану занять одно из лидирующих мест среди стран, представляющих особый интерес для аравийского аграрного сектора, учитывая, что ежегодная потребность Саудовской Аравии в пшенице составляет 2,7 млн т, в рисе – 1 млн т, в ячмене – 6,3 млн т (45% от общего объема мирового экспорта)[2].

Планируемые инвестиции. В 2021 г. стало известно о намерении руководств Казахстана и ОАЭ в очередной раз реализовать совместные проекты на сумму свыше 6 млрд долларов США. Как сообщает казахстанский информационный портал «Капитал», премьер-министр РК Аскар Мамин в 2021 г. обсуждал с заместителем премьер-министра, министром по делам президента ОАЭ шейхом Мансуром бен Заид Аль Нахаяном и с руководством государственных институтов развития и холдингов Abu Dhabi Developmental

---

[1] Каримова Д. Казахстанские проекты получат поддержку катарского фонда (14 февраля 2020) // ИА «LS». URL: https://lsm.kz/kazahstan-i-katar-planiruyut-sovmestno-finansirovat-proekty

[2] Субх М. А. Об отношениях стран – членов ССАГПЗ с государствами Центральной Азии (3 июня 2012) // Сайт Ин-та Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/?p=14850

Holding Company (ADQ) и других ведущих компаний ОАЭ ход реализации достигнутых договоренностей и перспективы двустороннего сотрудничества в торгово-экономической, финансово-инвестиционной, агропромышленной, транспортно-логистической, энергетической и прочих сферах. По итогам проведенной встречи между сторонами было подписано межправительственное соглашение об установлении долгосрочного стратегического партнерства по развитию проектов в приоритетных отраслях экономики. Основным партнером Казахстана в реализации соглашения станет суверенный фонд Абу-Даби ADQ, широко представленный в таких секторах, как обрабатывающая и добывающая промышленность, агропромышленный комплекс, транспорт и логистика, финансы, туризм, медиа и энергетика[1].

Важно также отметить и то, что для более успешной интеграции в казахстанскую экономику бизнеса стран Персидского залива, а также для укрепления сотрудничества и развития туристической сферы правительством Казахстана была предпринята мера по смягчению визовых ограничений для граждан Саудовской Аравии, Катара, Кувейта, ОАЭ, Бахрейна и Омана, прибывающих на территорию РК.

Ниже предоставлена таблица, отображающая актуальные данные о товарообороте РК со странами ССАГПЗ (Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива).

[1] РК и ОАЭ реализуют совместные проекты на сумму свыше $6 млрд (11.10.2021) // Информ. портал «Капитал». URL: https://kapital.kz/economic/99365/rk-i-oae-realizuyut-sovmestnyye-proyekty-na-summu-sv yshe-6-mlrd.html

Таблица 22

Данные об импорте-экспорте товаров между Казахстаном и странами ССАГПЗ[1] *(долл. США)*

Январь–август 2021 г.	Импорт	Экспорт
Саудовская Аравия	2,5 млн	2,7 млн
Катар	334,7 тыс.	4,1 млн
Кувейт	93,8 тыс.	56,6 тыс.
Оман	27,2 тыс.	2,1 млн
Бахрейн	85,3 тыс.	86,9 тыс.
ОАЭ	58,6 млн	480,1 млн

Источник: lsm.kz

Узбекистан

Являясь фактически одной из самых густонаселенных республик на всем постсоветском пространстве и самым густонаселенным государством Центральной Азии, Узбекистан в наши дни рассматривается государствами ССАГПЗ в качестве перспективного инвестиционного рынка. Схожесть структуры дохода экономики РУз с экономиками стран Персидского залива, ориентированность преимущественно на экспортный потенциал, развитость сельскохозяйственной, пищевой и текстильной промышленности придают Узбекистану вид надежного торгового партнера для ССАГПЗ.

Инфраструктурные проекты. Одним из наиболее существенных факторов укрепления экономического

[1] Саруар А. Дело тонкое: что везут в Казахстан из стран Ближнего Востока (04.10.2021) // Инфографика. URL: https://lsm.kz/torgovlya-s-blizhnim-vostokom-2021-god-infogra fika

взаимодействия Узбекистана со странами «аравийской шестерки» стало подписание в начале 2011 г. Оманом, Ираном, Туркменистаном и Узбекистаном четырехстороннего соглашения по развертыванию процесса строительства стратегического транспортного коридора между Центральной Азией и государствами Персидского залива. Согласно позиции узбекской стороны, налаживание железнодорожного сообщения Узбекистана и Туркменистана с южными портами Ирана способствует созданию важной связующей сети между государствами Персидского и Оманского заливов и всеми странами ЦА-региона[1]. В соответствии с условиями, предписываемыми соглашением о создании транспортного коридора, государства ЦА смогут беспрепятственно осуществлять поставки своей продукции на рынки Саудовской Аравии, Катара, Кувейта, Омана, Бахрейна и ОАЭ, обходя пошлинные ограничения и оптимизируя многочисленные транспортные затраты.

Однако, несмотря на положительные тенденции, текущий уровень торгово-экономических отношений Узбекистана с арабскими государствами Персидского залива остается невысоким. В 2005 г. товарооборот между Узбекистаном и ОАЭ составил порядка 50 млн долларов США. В 2011 г. товарооборот республики с Кувейтом составил около 4,3 млн долларов. Наиболее скромные показатели итогов взаимной торговли в том же 2011 г. демонстрировал товарооборот между Узбекистаном и Саудовской Аравией, едва достигший отметки в 3,9 млн долларов США.

Как и в случае с Казахстаном, страны Персидского залива проявляют интерес и к строительству автомобильных

[1] Транзитно-транспортный коридор свяжет Персидский залив с Центральной Азией (25.04.2011) // Информ. портал «UZ Daily». URL: https://www.uzdaily.uz/ru/post/6434

путей сообщения на территории Узбекистана. Так, Саудовский фонд развития в 2011 г. предоставил Узбекистану кредит в размере 30 млн долларов США на реконструкцию участка автодороги «Гузар – Чим – Кукдала» Узбекской национальной автомагистрали. В этом же году Кувейтский фонд арабского экономического развития (КФАЭР) и правительство Республики Узбекистан также подписали соглашение по предоставлению кредита узбекской стороне в размере 20,4 млн долларов на реализацию проекта по реконструкции обозначенного участка национальной автомагистрали[1].

Энергетика и сельское хозяйство. Энергетическая инфраструктура Узбекистана также подпадает под инвестиционные интересы стран ССАГПЗ. 3 апреля 2018 г. было подписано заемное соглашение по проекту капитально-восстановительного ремонта Каршинского каскада насосных станций за счет предоставленных Саудовским фондом развития и Фондом реконструкции и развития Узбекистана кредитов. Согласно данным, представленным на электронном портале Агентства по реализации проектов в области агропромышленного комплекса и продовольственного обеспечения Республики Узбекистан, данный проект планируется реализовать в 2022 г.[2].

---

[1] Саудовский фонд развития выделил $30 млн на реконструкцию участка узбекской национальной автомагистрали (30 июня 2011) // ИА «Trend». URL: https://www.trend.az/business/economy/1899031.html

[2] Информация о проекте «Капитально-восстановительный ремонт Каршинского каскада насосных станций. Фаза III» за счет кредитных средств Саудовского фонда развития и Фонда реконструкции и развития Республики Узбекистан [Срок реализации проекта: 2017–2022 гг.] // Сайт Агентства по реализации проектов в области агропромышленного комплекса и продовольственного обеспечения Республики Узбекистан. URL: http://www.uzaifsa.uz/ru/content/realizuemye-proekty

В 2021 г. стало известно о намерении Саудовской Аравии построить в Узбекистане три электростанции на общую сумму в 2,5 млрд долларов США. Согласно заявлению Министерства внешней торговли и инвестиций РУз, саудовская компания ACWA Power, являющаяся крупным разработчиком и инвестором проектов возобновляемой энергетики и очистки воды в 11 странах Ближнего Востока, Африки и Юго-Восточной Азии, построит на территории Сырдарьинской области республики термальную электростанцию мощностью в 1500 МВт за 1,2 млрд долларов, а в Бухарской и Навоийской областях по одной ветряной электростанции мощностью до 1000 МВт и общей стоимостью около 1,3 млрд долларов. Введение в эксплуатацию всех трех крупных проектов планируется до 2024 г.[1].

Обозначенный ранее интерес к Узбекистану как к потенциальному и перспективному инвестиционному рынку подтверждает факт участия делегации Саудовской Аравии во главе с председателем Генерального агентства по инвестициям в заседаниях Совместной комиссии по контролю за ходом выполнения Соглашения о сотрудничестве в области торговли, экономики, науки и техники, культуры, спорта и делах молодежи между Королевством Саудовская Аравия и Республикой Узбекистан. По итогам нескольких встреч стороны подписали договоры, гарантирующие защиту инвестиций между государствами, а также были достигнуты договоренности по широкому спектру проектов, связанных с активизацией сотрудничества стран в сфере торговли, экономики, науки и культуры[2].

[1] Саудовская Аравия построит в Узбекистане 3 электростанции на сумму $2,5 млрд (25.01.2021) // ИА «Анадолу». URL: http://v.aa.com.tr/2121986

[2] Узбекистан и Саудовская Аравия развивают отношения (06.06. 2011) // ИА «Газета.uz». URL: https://www.gazeta.uz/ru/2011/06/06/sa/

Помимо основных направлений инвестирования Саудовская Аравия намерена обсудить с руководством Узбекистана финансирование дополнительных сельскохозяйственных проектов, сферы нефтехимии, энергетики и металлургии. Особую заинтересованность Саудовская Аравия проявляет в вопросах привлечения инвестиций в развитие энергетической инфраструктуры Узбекистана, о чем свидетельствует заявление саудовской стороны на двусторонних переговорах 27 февраля 2022 г. о готовности к тесному взаимодействию страны по привлечению финансовых средств в стратегические секторы экономики Узбекистана, в частности в дополнительные сферы сельского хозяйства, химии и нефтехимии, а также в энергетическую промышленность[1].

Дополнительным фактом, подтверждающим особую заинтересованность ССАГПЗ в привлечении инвестиций в энергетику Узбекистана, стало подписание трехстороннего соглашения между НХК «Узбекнефтегаз», саудовской компанией Delta Oil Company и малазийской нефтегазовой корпорацией Petronas о реализации проекта по геологоразведке на Сурханском инвестиционном блоке и разработке нефтегазовых месторождений Бойсунского района в Сурхандарьинской области Узбекистана. Общая стоимость проектов, предложенных к реализации, составляет 500 млн долларов США[2].

---

[1] Саудовская Аравия готова обсуждать с Узбекистаном инвестирование дополнительных сельхозпроектов в сфере химии, нефтехимии, металлургии (28 февраля 2022) // Портал «Народное слово». URL: https://xs.uz/ru/post/saudovskaya-araviya-gotova-obsudit-investirovanie...

[2] Petronas и Delta Oil Company построят в Узбекистане газоперерабатывающий завод. Зачем? (26 мая 2011) // Информ. портал «Neftegaz.RU». URL: https://neftegaz.ru/news/neftechim/266292-petronas-i-delta-oil-company-postroyat-v-uzbekistane-gazopererabatyvayushchiy-zavod-zachem/

Процесс налаживания эффективного экономического сотрудничества наблюдается и в отношениях между Узбекистаном и Кувейтом. Так, в 1997 г. было ратифицировано Заемное соглашение, в соответствии с которым кувейтским Фондом арабского экономического развития были выделены средства в размере 19,8 млн долларов на развитие проектов водоснабжения городов Нукус и Ургенч[1]. В начале 2004 г. стороны подписали Меморандум о сотрудничестве между правительством РУз и Кувейтским фондом арабского экономического развития (КФАЭР), предусматривающий реализацию нескольких проектов в сферах здравоохранения, энергетического обеспечения, улучшения мелиоративного состояния земель и водоснабжения на общую сумму в 215 млн долларов. В частности, при участии КФАЭР в Узбекистане реализованы такие проекты, как электрификация железнодорожного участка Ташкент – Ангрен и оснащение медицинским оборудованием 171 отделения экстренной медицинской помощи центральных районных и городских больниц[2].

Товарооборот. Торговые отношения между Узбекистаном и государствами ССАГПЗ, как и в случае с Казахстаном, базируются в том числе и на товарообороте продукции сельскохозяйственной отрасли между республикой и государствами Персидского залива. Основную часть экспорта в ОАЭ, Саудовскую Аравию и Катар составляют такие товары, как хлопковое волокно, широкий ассортимент сельскохозяйственной продукции, шелк.

[1] Постановление кабинета министров РУз. «О мерах по реализации полномасштабного проекта "Чистая вода, санитария и здоровье населения"» от 15.10.1998 г. № 444 // Сайт Нац. базы данных законодательства РУз // URL: https://lex.uz/docs/1612068

[2] Делегация Государства Кувейт пребывает в Узбекистане // Портал «Yotad.ru». URL: http://yotad.ru/politobshe04.htm

Помимо продукции Республика Узбекистан экспортирует в ОАЭ транспортные и туристические услуги. В 2018 г. объем взаимной торговли между Узбекистаном и ОАЭ составил 141,5 млн долларов (+23,0%), в том числе экспорт – 60,9 млн долларов (+32,4%), импорт – 80,6 млн долларов (+16,8%)[1].

Для исчерпывающего анализа актуальных данных об импорте и экспорте товаров и услуг Республики Узбекистан ниже приводятся данные Госкомитета по статистике за период с 2016 по 2021 гг.

Таблица 23

Данные экспорта товаров и услуг Республики Узбекистан[2] *(тыс. долл. США)*

Страны	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Саудовская Аравия	596,8	1436,4	2160,3	2246,1	1647,6	4908,5
Катар	48,9	448,9	535,4	96,8	9943,6	29 032,3
Кувейт	89,4	247,2	435,8	183,5	1218,6	866,4
Бахрейн	9,9	7,6	133,2	145,6	91,0	170,9
ОАЭ	60 016,8	45 996,0	67 500,1	152 578,2	102 696,0	55 884,7
Оман	63,8	271,7	86,2	130,9	104,0	82,0

Источник: Государственный комитет РУз по статистике.

[1] Стратегия по выходу на рынок Объединенных Арабских Эмиратов // Офиц. сайт Мин-ва инвестиций и внешней торговли РУз. URL: https://mift.uz/ru/markets/oae

[2] Внешнеэкономическая деятельность [Данные по экспорту] // Сайт Госкомстата РУз. URL: https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/merchandise-trade

Таблица 24

Данные импорта товаров и услуг Республики Узбекистан[1] *(тыс. долл. США)*

Страны	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Саудовская Аравия	22 119,3	31 889,1	42 611,3	56 872,8	26 844,8	12 409,6
Катар	15,8	1,0	0,3	2442,4	1014,3	19,3
Кувейт	21,7	41,4	112,9	79,0	22,1	62,9
Бахрейн	30,5	28,0	102,1	125,5	185,7	170,6
ОАЭ	198 493,4	69 048,9	81 153,9	109 783,9	111 023,0	187 108,3
Оман	79,0	0,6	0,3	154,2	5,7	34,7

Источник: Государственный комитет РУз по статистике.

Кыргызстан и Таджикистан

Развитие двусторонних экономических связей. В отличие от сотрудничества стран ССАГПЗ с упомянутыми выше Узбекистаном и Казахстаном, торгово-экономическое и финансовое взаимодействие Кыргызстана и Таджикистана со странами Персидского залива с момента обретения бывшими советскими республиками независимости и их выхода на международную политическую арену характеризовалось как крайне ограниченное в силу многочисленных внутриполитических факторов, сопровождавших первые годы их новейшей истории. Основными потрясениями, спровоцировавшими появление множества затруднений на пути реализации проектов стран ССАГПЗ

[1] Внешнеэкономическая деятельность [Данные по импорту] // Сайт Госкомстата РУз. URL: https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/merchandise-trade

на территории КР и РТ, являются гражданская война 1992–1997 гг. в Таджикистане, причиной которой стали расхождения во взглядах между проправительственными силами и представителями народного ополчения, в том числе коллизия интересов вертикали власти и религиозных партий, составлявших большую часть оппозиционно настроенных организаций в стране, и случившиеся дважды с разницей в 5 лет государственные перевороты в Кыргызстане в 2005 и 2010 гг. Однако, несмотря на достаточно сложный политический и экономический климат в Кыргызстане и Таджикистане и высокие риски повторной эскалации напряженных конфликтов того или иного характера в этих наименее динамично развивавшихся государствах Центрально-Азиатского региона, интенсивность построения политических, экономических и культурных контактов между странами Персидского залива и данными двумя республиками ближе к началу 2010-х гг. стала заметно возрастать.

Так, в рамках первого официального визита президента Таджикистана Эмомали Рахмона в Кувейт 24 июня 2013 г. было подписано шесть соглашений о сотрудничестве между двумя государствами. Согласно данным информагенств, межправительственные соглашения подразумевают аннулирование виз для обладателей дипломатических, особых и служебных паспортов граждан обеих стран, освобождение от двойного налогообложения, налогов от доходов и инвестиций. Кроме того, были подписаны соглашения о сотрудничестве в области культуры, туризма и здравоохранения[1].

[1] Лидеры Таджикистана и Кувейта подписались под шестью документами (24 июня 2013) // ИА «Озоди». URL: https://rus.ozodi.org/a/tajik-president-visits-quveit-/25025850.html

В мае 2016 г. состоялась очередная встреча президента Э. Рахмона с эмиром государства Кувейт. По итогу визита в очередной раз была рассмотрена возможность подписания документов о сотрудничестве в сферах предпринимательства, науки и образования[1].

Осенью 2021 г. состоялась встреча посла РТ в Кувейте с заместителем министра иностранных дел Кувейта по вопросам протокола. В ходе этой встречи стороны обсудили вопрос укрепления сотрудничества в сферах, представляющих взаимный интерес[2].

Инвестиции в социальный и экономический сектора. Саудовская Аравия также проявляет инициативу по налаживанию финансовых и политических контактов с Республикой Таджикистан. 15 мая 2017 г. в г. Джидда (Саудовская Аравия) состоялась церемония подписания соглашения между Исламским банком развития (ИБР) и Таджикистаном по предоставлению таджикской стороне кредита на строительство автодороги Куляб – Калаихумб (участки «А» и «F»)[3]. Годом позже было объявлено о намерении Саудовского фонда развития выделить Таджикистану 35 млн долларов США на реализацию проекта по строительству школ. В рамках проекта запланировано строительство 11 общеобразовательных учреждений в нескольких регионах республики[4].

---

[1] Официальный визит Президента Республики Таджикистан в Государство Кувейт (16.05.2016) // Сайт МИД РТ. URL: https://mfa.tj/ru/main/view/1440/ofitsialnyi-vizit-prezidenta-respubliki-tadzhikistan...

[2] Таджикистан и Кувейт обсудили вопросы развития сотрудничества (17.11.2021) // ИА «Авеста». URL: https://avesta.tj/2021/11/17/...

[3] Исламский банк развития стимулирует развитие Таджикистана в кредит (17 мая 2017) // Портал «Sng.fm». URL: https://sng.fm/3425-islamskiy-bank-razvitiya-stimuliruet-razvitie-tadzhikistana-v-kredit.html

[4] Саудовская Аравия выдала кредит на строительство школ в Таджикистане (5.06.2018) // ИА «Красная Весна». URL: https://rossaprimavera.ru...

Весьма амбициозным шагом, нацеленным на распространение в Таджикистане традиционной арабской исламской культуры, можно назвать реализацию плана по строительству одной из крупнейших соборных мечетей в Центральной Азии. Стоимость проекта оценивалась приблизительно в 100 млн долларов США, из которых порядка 30 млн долларов было выделено правительством РТ, а оставшиеся 70 млн долларов – правительством Катара[1].

Кыргызстан, как и Таджикистан, не может похвастаться большим объемом товарооборота со странами ССАГПЗ, однако, несмотря на изначальный замедленный рост финансовых, торгово-экономических и политических контактов с государствами-лидерами арабского мира, за последние годы на высшем дипломатическом уровне между руководящими органами КР и стран Персидского залива наблюдается значительное улучшение взаимодействия по широкому спектру вопросов.

Товарооборот и развитие экономических связей. Так, с 25 по 28 декабря 2004 г. делегация деловых кругов Кыргызстана во главе с советником президента КР по торгово-экономическим вопросам С. Джээнбековым по приглашению Совета Торгово-промышленной палаты КСА приняла участие в Первой кыргызско-саудовской инвестиционной конференции[2]. В товарообороте КР Саудовская Аравия занимает небольшой объем – 0,018%. За период 2013–2016 гг. товарооборот КР с Саудовской Аравией увеличился в 2,5 раза. В 2016 г. товарооборот между двумя странами сократился на 23,1% и составил 1 млн долларов

[1] Крупнейшую мечеть Центральной Азии строят в Душанбе (02.07. 2019) // ИА «Анадолу». URL: https://www.aa.com.tr/ru/искусство-и-культура...

[2] Политическое сотрудничество // Сайт Посольства КР в КСА. URL: https://mfa.gov.kg/ru/dm/Embassy-of-the-Kyrgyz-Republic-to-the-Kingdom...

США, в том числе экспорт сократился на 40%, а импорт увеличился на 11,1%. Импортируются финики свежие, лекарственные средства, изделия из пластмассы (полиэтилен), ковры, одеяла и пледы дорожные на 0,4 млн долларов. В небольших объемах экспортируются мед натуральный, орехи очищенные, конструкции сборные и авиакеросин на 0,6 млн долларов США[1].

Дорожно-транспортная и социальная инфраструктура. Кыргызстан активно сотрудничает с Саудовским фондом развития (СФР). В настоящий момент официально известно о том, что СФР запустил в КР 5 проектов на общую сумму в 120 млн долларов. Среди проектов: реабилитация автомобильных дорог Бишкек – Торугарт, Тараз – Талас – Суусамыр (фаза III), «север – юг» (проходящая от г. Балыкчи Иссык-Кульской области КР до г. Джалал-Абад), а также реконструкция и расширение детской больницы в г. Бишкеке и строительство зданий общеобразовательных учреждений.

Кыргызстан проявляет заинтересованность в развитии дружественных отношений и с ОАЭ. В декабре 2014 г. состоялся первый официальный визит президента КР А. Атамбаева в ОАЭ, в ходе которого были достигнуты договоренности о партнерстве в экономической сфере и создании благоприятных условий для взаимовыгодного сотрудничества. За период с 2010 по 2016 гг. объем торговли между государствами составил порядка 520 млн долларов, что хоть и является незначительным в масштабах экономики макроуровня, но демонстрирует постепенное улучшение общего климата двусторонних отношений[2].

[1] Торгово-экономическое сотрудничество // Сайт Посольства КР в КСА. URL: https://mfa.gov.kg/ru/dm/posolstvo-kyrgyzskoy-respubliki...

[2] За 2010–2016 годы объем торговли между Кыргызстаном и ОАЭ

В 2021 г. президентом КР С. Жапаровым был подписан Закон КР «О ратификации Кредитного соглашения от 12 июля 2021 г. между КР и КФАЭР по проекту Иссык-Кульской кольцевой автодороги (на участке трассы Корумду – Балбай)»[1]. Также Кувейтским фондом реализуется проект финансирования строительства и оснащения нейрохирургического центра Национального госпиталя в Кыргызстане.

Ниже приведены данные об иностранных инвестициях между странами ССАГПЗ и Кыргызской Республикой за 2021 – первую половину 2022 г.

Таблица 25

Данные о прямых иностранных инвестициях в 2021 г.[2]

	Приток			**Отток**		
	Тыс. долл. США	В % к:		Тыс. долл. США	В % к:	
		соответ. периоду прош. года	итогу		соответ. периоду прош. года	итогу
ОАЭ	2 569,3	3172,0	0,3	244,8	62,0	0,0
Катар	16,4	5,1	0,0	7 516,9	203 159,5	1,0
Кувейт	15,5	–	0,0	29,7	3712,5	0,0
Саудовская Аравия	82,8	31,6	0,0	613,9	79,9	0,1

Источник: Нацстатком КР.

составил 520,7 млн долл. США (23 мая 2017) // Сайт Мин-ва экономики и коммерции КР. URL: http://mineconom.gov.kg/ru/post/4601

[1] Ратифицировано Кредитное соглашение по проекту Иссык-Кульской кольцевой автомобильной дороги (участок Корумду – Балбай) (25.02.2022) // Сайт Президента КР. URL: http://www.president.kg/ru/...

[2] Инвестиции [данные за 2021 г.] // Офиц. сайт Нацстаткома КР. URL: http://www.stat. kg/ru/statistics/investicii/

Таблица 26

Данные о прямых иностранных инвестициях в январе–июне 2022 г.[1]

	Приток			Отток		
	Тыс. долл. США	В % к:		Тыс. долл. США	В % к:	
		соответ. периоду прош. года	итогу		соответ. периоду прош. года	итогу
ОАЭ	5206,4	1914,1	0,8	174,2	1979,5	0,0
Катар	2,5	1,5	0,0	–	–	–
Кувейт	167,1	766,5	0,0	29,0	426,5	0,0
Саудовская Аравия	43,3	42,7	0,0	189,7	51,6	0,0

Источник: Нацстатком КР.

Туркменистан

Многопрофильное развитие отношений с «арабской шестеркой» лидеров Персидского залива в настоящий момент объявлено одним из приоритетных направленной современной геополитической стратегии Туркменистана. Будучи государством, являющимся региональным лидером в области добычи природного газа, Туркменистан рассматривается странами ССАГПЗ одновременно и как потенциальный партнер в нефтегазовой отрасли, и как союзник на политической арене, сотрудничество с которым способно оказать влияние на понижение политического влияния Ирана на Центрально-Азиатский регион. С приходом к власти президента Г. Бердымухамедова сотрудничество с арабскими нефтедобывающими странами вышло

[1] Инвестиции [данные за 2022 г.] // Офиц. сайт Нацстаткома КР. URL: http://www.stat.kg/ru/statistics/investicii/

на новый уровень, и важным шагом на пути к установлению нового вектора внешней политики Туркменистана в отношении ССАГПЗ стал первый официальный зарубежный визит Г. Бердымухамедова в Саудовскую Аравию в начале 2007 г. По итогу визита были подписаны двусторонние соглашения о сотрудничестве в торгово-экономической, инвестиционной, научно-технической, культурной и спортивной областях, а также были определены общие планы по взаимному развитию и защите инвестиций[1].

Однако наиболее значимым результатом визита главы Туркменистана в Саудовскую Аравию можно назвать достижение соглашения об участии саудовской стороны в разведке и разработке нефтяных и газовых месторождений на туркменском участке шельфа Каспийского моря[2].

Взаимовыгодное сотрудничество и инвестиционные проекты. Развитие связей Туркменистана со странами Ближневосточного региона не ограничивается одной только сферой добычи нефти и газа. Так, туркменская сторона проявила большой интерес к привлечению инвестиций и взаимодействию с катарским бизнесом в области развития транспортно-коммуникационной инфраструктуры. В первую очередь это касается таких проектов, как строительство трансконтинентальной железнодорожной магистрали «север – юг», модернизация морских портов на Каспии, обустройство на современном уровне аэропортов (при этом было принято решение о подготовке соглашения о налаживании прямого воздушного сообщения

[1] Косач Г. Г. Первый зарубежный визит президента Туркменистана: Саудовская Аравия (19 апреля, 2007) // Сайт Ин-та Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/?p=5690

[2] Субх М. А. Об отношениях стран – членов ССАГПЗ с государствами Центральной Азии (3 июня 2012)…

между Катаром и Туркменией). Важными сферами вложения арабских инвестиций Ашхабад считает также высокие технологии, туризм и спорт. В частности, арабским инвесторам было предложено принять участие в реализации одного из крупных инвестиционных проектов Туркмении – создании туристического комплекса «Аваза» на Каспии[1].

Обозначенные особенности экономического, финансового и кредитного взаимодействия ССАГПЗ со странами ЦА напрямую указывают на то, что, несмотря на замедленные темпы налаживания контактов, лидеры арабского мира решительно настроены на сохранение своего присутствия в Центральной Азии. Монокультурная природа экономического базиса государств региона, во многом ориентированная на экспорт сырья, энергоносителей и продовольственных товаров, хоть и является серьезным препятствием на пути укрепления и интенсификации взаимовыгодных с экономической точки зрения контактов, однако не лишает Саудовскую Аравию, Катар, Кувейт, Оман, Бахрейн и ОАЭ решимости продолжать политику финансирования и кредитования в отношении ЦА-региона даже при учете рисков снижения эффективности работы тяжелой промышленности и упадка сельскохозяйственного сектора его государств.

Основываясь на приведенных фактах замедленного в силу многочисленных обстоятельств процесса выстраивания тесных экономических и финансовых контактов стран ССАГПЗ с государствами ЦА, а также беря во внимание наблюдаемые и по сей день сложные пертурбационные преобразования во внутренней и внешней политике Кыргызстана, Таджикистана, Казахстана, Узбекистана и Туркменистана, можно оценить перспективу дальнейшего

[1] Ионова Е. Страны Центральной Азии и арабский мир…

развития сотрудничества арабских государств с центральноазиатскими странами. Так, объективно слабый потенциал к развитию экономик значительной части государств ЦА, их привязанность к сырьевому экспорту вместо развития производства и ограниченные финансовые возможности их ключевых акторов внутриэкономических отношений в совокупности создают определенные преграды на пути к полноценному экономико-финансовому, торговому и инвестиционному сотрудничеству арабских государств с Центрально-Азиатским регионом.

Главными конкурентами стран-лидеров Персидского залива за право обладания условного экономического, культурного и политического «господства» в ЦА выступают Российская Федерация, Китай, Иран, страны Запада во главе с Соединенными Штатами, а также Индия, Пакистан и Турция. Распад СССР ознаменовал начало новой исторической эпохи, неразрывно связанной с трансформацией мирового политического устройства и появлением новых очагов военного, экономического и идеологического противостояния. Существенными факторами «сдерживания» амбиций государств ССАГПЗ в их стремлении освоить Центрально-Азиатский регион в качестве плацдарма для развертывания политики распространения сферы своего влияния на первых порах существования независимых республик постсоветского пространства стали обострившаяся внутриполитическая междоусобная борьба за власть в Афганистане, по итогу которой в конфликт были вовлечены по меньшей мере несколько стран, в том числе США, усиливавшаяся внутрисоциальная напряженность в Таджикистане и Кыргызстане, впоследствии приведшая к гражданской войне в Республике Таджикистан и государственному перевороту в Кыргызской Республике, а также

нежелание Российской Федерации утратить сферу своего влияния на территории Центральной Азии.

События, ставшие решающими для судьбы Афганистана в середине 1990-х г., во многом также усилили опасения в связи с эскалацией конфликтов на почве религии. Нарастающая напряженность в связи с возникновением рисков распространения радикальных взглядов на религию ислам на территории ЦА, в особенности на фоне серьезных потрясений, вызванных войной в Афганистане, а также на фоне имевших место событий в Таджикистане, препятствовала и распространению культурно-идеологического влияния государств ССАГПЗ. Недоверие и осторожность в вопросах сближения с арабскими государствами было, в основном, спровоцировано опасениями стремительной радикализации религиозных общин в странах ЦА, что, в теории, могло создать большой риск свержения правящих светских режимов в государствах региона.

В подобных условиях, а также на волне перманентных преобразований в отношениях между лидирующими мировыми державами, отражавшихся в том числе и на инвестиционном и политическом климате в странах ЦА, «аравийской шестерке» лидеров Персидского залива не оставалось ничего, кроме постепенного запуска программ по развитию дипломатических, а вслед за ними и экономико-финансовых и культурных взаимоотношений с каждой отдельно взятой страной ЦА. В этом направлении ведущую роль сыграло намерение арабских стран сплотить страны ЦА вокруг себя посредством ведения активной конкуренции идеологиям упомянутых ранее пантюркизма и паниранизма.

Политолог О. Тимакова в своем исследовательском труде «Стратегия арабских стран Персидского залива:

особенности политики в отношении стран Центральной Азии» отмечает, что арабские страны Персидского залива стремятся, с одной стороны, противостоять влиянию России и Китая на страны региона, а с другой – не допустить утверждения там своих региональных соседей – Турции и Ирана. Автором более подробно обозначены интересы ОАЭ в их стремлении противопоставить свою концепцию распространения «мягкой силы» аналогичным концепциям Ирана и Турции. Так, согласно О. Тимаковой, политика ОАЭ в Таджикистане в значительной мере направлена на противодействие укреплению позиций Ирана и призвана компенсировать персидскую этническую идентичность таджикского общества и общее историческое прошлое, связывающее Таджикистан с Ираном. Противостояние между ОАЭ и Турцией в регионе связано с борьбой разных «видений ислама»: Турция продвигает модернизацию ислама и эволюционную трансформацию традиционных норм, а ОАЭ, как и другие страны Персидского залива, отстаивает классические и даже радикально-традиционные формы ислама[1].

Отдельного внимания заслуживает факт особенной заинтересованности Саудовской Аравии в распространении панисламизма сквозь призму панарабизма в Узбекистане. По разным оценкам, численность этнических узбеков, проживающих на территории Аравийского полуострова, может составлять от 500 до 800 тыс. человек. Большая часть узбекского населения в данном регионе концентрируется в КСА, и обозначенное обстоятельство,

[1] Тимакова О. Стратегия арабских стран Персидского залива: особенности политики в отношении стран Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2020. Т. 23. № 1. С. 36–46 // URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=42620667

в свою очередь, предстает в качестве инструмента внешнеполитического взаимодействия для обеих стран: Узбекистану предоставляется возможность продвижения по линии поддержки узбекской диаспоры собственных стратегических интересов, связанных с актуальными вопросами социоэкономического характера, Саудовская же Аравия имеет возможность совершенствования своих главных аспектов реализации концепции «мягкой силы», связанных с продвижением в рамках доктрины панарабизма сферы своего политического влияния в Центрально-Азиатском регионе.

Продвижение идеи так называемой «исламской солидарности» в ЦА странами-лидерами арабского мира во многом отражается в развитии социальной инфраструктуры. Если в случае с распространением экономического и финансового влияния обозначенные страны чаще опираются на инвестиции в агропромышленный комплекс, добычу энергоресурсов, недропользование и строительство путей транспортного сообщения, то в ситуации с укреплением духовного и культурного взаимодействия с центральноазиатскими республиками арабские государства делают серьезный акцент на строительство муниципальных и административных объектов, социальных городков, учебных учреждений как религиозного, так и светского типа, а также строительство молитвенных домов (мечетей). Вместе с тем странами Персидского залива осуществляется беспрепятственное оказание гуманитарной помощи по линиям арабских благотворительных фондов. Для выстраивания отлаженных механизмов предоставления гуманитарной помощи государствами ССАГПЗ открываются в том числе и специализированные экономические зоны с особым статусом, призванные обеспечивать

своевременную доставку и обработку гуманитарных грузов, отправляемых в государства ЦА[1].

В общем и целом, столкновение интересов арабских стран с интересами Турции и Ирана находится в своей активной фазе и по сей день. Несмотря на обозначенные усилия и приведенные конкретные примеры реализации планов по распространению панарабизма в Центрально-Азиатском регионе, в настоящий момент идеолого-культурная и политическая консолидация народов ЦА в рамках доктрины пантюркизма и протурецкого панисламизма (в сравнении с вероятностью объединения мусульманского населения региона под эгидой «аравийской шестерки») представляется наиболее вероятным сценарием развития событий в силу гораздо более развитых механизмов распространения влияния Турецкой Республики на тюркоязычные страны ЦА. Помимо прочего, обозначенная нами выше общность языка, культуры и истории народов Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана и Туркменистана, с одной стороны, и Турции, с другой, создает для последней весьма благоприятный фон наращивания сферы своего политического, экономического и культурного воздействия на рассматриваемый регион. В связи с этим обстоятельством вопрос успешной реализации внешней политики ССАГПЗ в отношении ЦА становится актуальной темой политологических дискуссий, в то время как распространение сферы влияния государств-лидеров Персидского залива на центральноазиатские страны и вовсе будет нуждаться в постоянном наблюдении и обстоятельном изучении.

[1] Charity Foundations in the United Arab Emirates // United World Cultures Foundation. URL: https://uwcfoundation.com/en/blagotvoritelnost-v-mire/blagotvoritelnyie-fondyi-v-obedine nnyix-arabskix-emiratax

Прогноз развития и главные перспективы социально-экономических и политических интеграционных процессов между арабскими и центральноазиатскими странами

На основании приведенных фактов внешнеэкономического и политического взаимодействия между странами Центральной Азии и государствами Персидского залива, а также при учете примеров культурно-религиозной интеграции в их социальных и экономических сферах, предполагающей организацию специализированных институциональных механизмов, можно рассмотреть наиболее явные выгодные и убыточные стороны сотрудничества стран ЦА с ССАГПЗ (Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива).

Выгоды

Основными выгодными аспектами налаживания процессов внешнеэкономического, торгового, финансового, кредитного и культурного взаимодействия ЦА-региона со странами-лидерами арабского мира являются:

1. Предпосылки к развитию экономического базиса стран Центральной Азии. Стремление ССАГПЗ вкладывать финансовые средства в развитие энергетических отраслей экономик государств ЦА, в частности в развитие нефтегазовой, нефтехимической, металлургической и других сырьевых отраслей горнодобывающей промышленности Казахстана и Туркменистана, способно в долгосрочной перспективе обеспечить укрепление и последующее развитие совокупного энергетического потенциала целого региона, за последние годы претерпевающего потрясения, связанные с проблемами отсутствия отлаженных

механизмов недропользования, водопользования и распределения электроэнергии, добытой на ключевых для энергосистемы Центральной Азии гидроэлектростанциях, а также сталкивающегося с затруднениями, вызванными сменой климата и влекущими за собой риски наступления энергетического кризиса[1].

Помимо энергетики, активное финансирование со стороны стран ССАГПЗ получает и сельскохозяйственный сектор центральноазиатских республик. Многочисленные проекты, ориентированные на активное содействие развитию товарооборота между арабскими странами и странами ЦА, направлены в том числе и на выделение финансовых активов и средств для тех отраслей сельского хозяйства, от которых напрямую зависит эффективность их торговых отношений.

Стоит упомянуть и то, что «аравийская шестерка» рассматривает в качестве перспективного инструмента расширения сферы своего влияния внедрение на территории ЦА принципов исламского банкинга;

2. Активное развитие социальной инфраструктуры. Неоднократно отмеченная нами в данном исследовании готовность лидирующих государств Персидского залива обеспечивать финансирование проектов, связанных со строительством транспортных путей сообщения, также создает для экономик республик ЦА надежную базу для более ускоренного взаимодействия внутренних звеньев экономической системы микроуровня.

Дополнительным фактором, обосновывающим выгоду от сотрудничества с арабскими странами по линии

[1] Маловодный кризис в ЦА: климатические перемены и риски эскалации конфликтов (4 февраля 2022) // Сайт ИСАП КРСУ. URL: https://isap.center/analytics/81

международного финансирования и кредитования, является их вовлеченность в строительство таких объектов социальной инфраструктуры, как муниципальные и административные здания, социальные городки, а также строительство школ и молитвенных домов, что во многом удовлетворяет современные нужды львиной доли населения центральноазиатских стран при учете демографического регионального роста и увеличения числа верующих;

3. Укрепление культурно-религиозного и гуманитарного взаимодействия. Сотрудничество таких крупных инвестиционных институтов, как Саудовский фонд развития и КФАЭР, а также работа многочисленных арабских благотворительных фондов и организаций, чья деятельность отражает интересы ССАГПЗ и направлена в том числе и на укрепление культурного взаимодействия со странами ЦА, вписываются в концепцию «мягкой силы» государств Персидского залива и реализуются со сравнительным успехом. Поддержка уязвимых слоев населения и их материальное обеспечение в условиях непростого экономического положения в целом ряде республик ЦА становится существенным фактором их взаимовыгодного контакта со странами арабского мира. Помимо обслуживания социальных интересов, обозначенные фонды и организации занимаются вопросами укрепления религиозного взаимодействия, что находит свое отражение в уже обозначенном ранее инвестировании странами ССАГЗП строительства мечетей и религиозных школ.

Издержки

Несмотря на рассмотренные позиции, обосновывающие выгоду от соучастия государств-лидеров Персидского залива в политической, экономической, социальной

и культурной жизни стран Центральной Азии, в условиях усиливающихся коллизий интересов государств на международной политической арене, а также по причине перманентных преобразований в современной модели международных отношений все перечисленные выгодные аспекты неизбежно сопровождаются коллатеральными издержками. Главными преобразованиями, оказывающими колоссальное влияние на переустройство политической карты мира, становятся факторы нарастания напряженности и опасений, связанных с распространением религиозных взглядов и сопутствующими ему рисками выхода из-под контроля ситуации с радикализацией религиозных общин в тех или иных регионах, а также усугубляющееся из года в год экономическое положение значительной части стран мира, представляющих собой основные и во многом ключевые опорные звенья в системе распространения сфер политического влияния со стороны ведущих держав мира.

В подобных условиях активность государств ССАГПЗ также может быть рассмотрена в контексте актуальных проблем современной международной геополитики и геостратегии, и в качестве основных существенных издержек их политического воздействия на страны ЦА могут быть рассмотрены следующие факторы:

1. Существенная долговая нагрузка. Финансовые средства, предоставляемые странам ЦА по линии международного кредитования на реализацию крупных инфраструктурных и иных проектов со стороны таких организаций, как СФР и КФАЭР, или же выделяемые непосредственно самими государствами Персидского залива, превращаются в долговые обязательства государства-реципиента. Зачастую именно на подобных условиях осуществляется

процесс привлечения финансовых средств на реализацию проектов в ЦА со стороны ССАГПЗ, что во многом негативно сказывается на общем экономическом положении центральноазиатских республик. Явление внешнего государственного долга является закономерным и вполне привычным в среде новейшей международной финансовой и экономической инфраструктуры, однако отсутствие контроля за ростом внешнего долга чревато неприятными последствиями экономического и даже политического характера. Так, растущие долговые обязательства государства перед страной-кредитором или организацией, занимающейся международным кредитованием, рано или поздно станут рычагом существенного давления, избавиться от которого, как показывает мировая практика, удается далеко не всем странам. Ключевой особенностью рисков, связанных с ростом внешнего долга, как раз и является повышенная сложность их преодоления, поскольку единственными действенными способами погасить долг перед иностранными кредиторами являются полная выплата по займам (что встречается крайне редко) или полное списание задолженности[1];

2. Возможные риски радикализации мусульманских общин и распространения экстремизма. Несмотря на достаточную отдаленность титульных функций крупнейших арабских фондов и деятельность самих государств в отношении распространения сферы политического влияния в парадигме глобальных интеграционных процессов от непосредственной накачки населения стран ЦА фундаменталистской идеологией, основанной на ортодоксальном

[1] Современное состояние внешнего госдолга Кыргызской Республики: сущность, структура и прогноз (15 июля 2021) // Сайт ИСАП КРСУ. URL: https://isap.center/analytics/57

восприятии норм шариата, а также учитывая то, что страны ССАГПЗ официально порицают исламский радикализм и экстремистскую деятельность множества организаций, признанных мировым сообществом террористическими[1], риски, связанные с возникновением очагов распространения среди населения центральноазиатских стран искаженной трактовки базовых принципов, предписанных религией ислам, остаются предметом острых дискуссий и во многом отражают современную проблематику международно-политической архитектуры стран с преимущественно мусульманским населением. Нельзя с абсолютной уверенностью утверждать, что радикализация ислама в ЦА станет неизбежной. Однако, беря во внимание тот факт, что на территории стран ЦА существуют некоторые религиозные организации, чье толкование религии во многом соотносится с идеями фундаменталистского характера, можно предположить, что тенденция развития культурно-религиозных отношений с ССАГПЗ в теории способна создать ситуацию, в условиях которой обозначенные организации получат возможность распространять свою идеологию посредством вовлечения населения в процессы налаживания религиозного и культурного контактов.

Перечисленные в данном разделе исследовательской работы приоритетные направления экономического, финансового и культурного взаимодействия арабских стран с Центральной Азией как с перспективным регионом, обладающим сравнительно большими запасами энергетических ресурсов, полезных ископаемых, а также располагающим

[1] ССАГПЗ считает важным мировое сотрудничество для искоренения терроризма (15.07.2016) // ИА «РИА Новости». URL: https://ria.ru/20160715/1466663872.html

достаточным гидроэнергетическим потенциалом, могут намекать на сохранение и последующее (в теории) развитие установленных каналов торгово-экономического и прочего взаимодействия с акцентом на конкретный внутриполитический фон стран ЦА, претерпевающих за последние годы многочисленные социальные и экономические потрясения. Вместе с тем наблюдаемое за последние несколько десятков лет с момента развала СССР общее замедленное развитие обозначенных контактов, обусловленное всё теми же внутрисоциальными и внутриполитическими кризисами в центральноазиатских республиках, накладывает тень сомнений на то, что дальнейшее развитие взаимодействия будет происходить по более ускоренному и выгодному для ССАГПЗ плану.

Так, события, случившиеся в начале 2022 г. в Казахстане, в теории способны отразиться негативно на инвестиционной привлекательности государства в силу сложившейся ситуации «переформатирования» базовой инвестиционной и бизнес-среды государства как по причине опасений банкротства предприятий, занятых во множестве стратегических экономических сфер республики, так и вследствие предпринимаемых правительством мер по предотвращению последствий массовых беспорядков, предполагающих возмещение ущерба казахстанскому бизнесу. Согласно официальным данным, предоставленным Центром стратегических разработок (ЦСР) РФ, общая сумма потерь экономики Республики Казахстан после случившихся беспорядков может достигать 2,5 млрд долларов США[1], и данное обстоятельство стало одной из главных

[1] Эксперты оценили общую сумму потерь экономики Казахстана после беспорядков (13.01.2022) // ИА «Газета.ru». URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2022/01/13/171 32707.shtml

причин приостановки работы множества предприятий малого, среднего и крупного бизнеса. На основании данного заключения можно предположить, что некоторые коммерческие организации и фонды арабских государств в целях недопущения потери собственной рентабельности пересмотрят свою кредитно-инвестиционную политику в отношении РК до наступления благоприятных условий бизнес-среды и минимизации риска повторной эскалации внутриполитического кризиса. Однако, несмотря на сложившуюся ситуацию в РК и вопреки опасениям потери рентабельности инвестиционной деятельности, некоторые страны «аравийской шестерки» (такие как Катар и ОАЭ) продолжают обсуждать перспективы развития стратегического партнерства с Казахстаном, уделяя особенное внимание активизации торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества.

Еще одним фактором, в теории способным оказать то или иное негативное воздействие на совокупную прибыльность и пользу выстроенной модели контактов арабских государств со странами ЦА, можно назвать изменения в фискальной и налоговой политике определенных центральноазиатских республик, также отражающиеся на их инвестиционной привлекательности и благоприятности делового климата. К примеру, в очередной раз произведенная налоговая реформа в Кыргызстане расширила полномочия налоговых ведомств, которые, в соответствии с новым Налоговым кодексом КР, наделяются функцией дознания и, теоретически, посредством оказания санкционного давления в отношении предприятий способны создавать колоссальную налоговую нагрузку на любой бизнес в стране[1]. В подобных условиях риск потери государством

[1] Шамбетов Т. В новый год с новым Налоговым кодексом. Что

инвестиционной привлекательности повышается, и уход бизнеса стран ССАГПЗ по причине повышенного давления со стороны правительственных структур может стать весьма вероятным следствием данной реформы.

Третьим фактором, носящим серьезный характер и отражающим тенденцию роста внутриполитической нестабильности в Центральноазиатском регионе, является эскалация приграничного конфликта между Кыргызстаном и Таджикистаном. Споры двух республик относительно принадлежности неописанных участков государственных границ, а также многочисленных трансграничных объектов сельскохозяйственной и водно-энергетической инфраструктуры, таких как водоразделы, водохранилища и каналы орошения полей, становятся, в том числе, причиной постепенного снижения инвестиционной привлекательности региона[1]. С начала 2021 г. провокационные события на территории спорных объектов успели перетечь в два масштабных по меркам Центральной Азии военных конфликта, и напряженность в отношениях между правительствами республик только усиливает всеобщее опасение последующего развития конфликтной ситуации. В условиях неопределенности касательно итогов случившихся эксцессов политического характера представители иностранного бизнеса, инвесторы и международные фонды, в том числе и страны ССАГПЗ, рискуют понести серьезные убытки. Боевые действия, сопровождаемые переустройством политических, экономических и дипломатических

изменилось для бизнеса? (20 января 2022) // ИА «Радио Азаттык». URL: https://rus.azattyk.org/a/31663092.html

[1] Таткало Н. Кыргызско-таджикская граница раздора: «приграничные игры» и их значимость в «большой игре» (10 мая 2021) // Сайт ИСАП КРСУ. URL: https://isap.center/analytics/45

отношений между вступившими в коллизию интересов странами, способны лишить представителей иностранного бизнеса, реализующего свою работу в ЦА, полноценной логистической базы, способов передачи финансовых активов и реализации титульных целей и задач по причине возможной блокировки транспортных путей сообщения, авиапространства и стремительного падения стоимости финансовых активов на фоне нарастания сопутствующего экономического кризиса. Вывод активов и временное прекращение работы арабских корпораций вследствие наступления подобного рода событий – один из вероятных прогнозов, которые можно построить с учетом актуальных проблем современной политической обстановки в ЦА.

Дополнительными обстоятельствами, способными повлиять на сокращение активности арабских коммерческих организаций на территории ЦА, являются тенденции роста геостратегического и макроэкономического влияния на регион со стороны КНР и РФ. Развитие торгово-экономических отношений внерегиональных игроков со странами ЦА, к которым относятся в том числе и страны-лидеры Персидского залива, уступает экономическим связям центральноазиатских республик с их непосредственными соседями. Влияние Москвы и Пекина на процессы формирования внешнеполитического стратегического курса в Кыргызстане, Узбекистане, Казахстане, Таджикистане и частично в Туркменистане по линиям международных финансов, энергетических и социальных проектов и торгово-экономической интеграции всегда являлось и является по сей день достаточно затруднительным обстоятельством для стран ССАГПЗ в их стремлении реализовать собственную экономическую и политическую экспансию в отношении рассматриваемого региона. Значительно

превосходящие ССАГПЗ по степени влияния на Центрально-Азиатский регион крупные мировые державы – Китай и Россия – в долгосрочной перспективе имеют шансы дальнейшего укрепления сферы своего влияния, а в некоторых случаях и постепенной ассимиляции экономик стран ЦА с последующим созданием единой экономической базы, опирающейся на интеграцию рыночных механизмов и создание общих экономических зон на значительной части Евразийского континента. В подобных условиях страны Персидского залива, при учете неоднократно упомянутого замедленного темпа построения экономических и политических контактов со странами Центральной Азии с момента обретения ими независимости на рубеже XX–XXI вв., могут строить лишь схоластические прогнозы относительно успешной политической конкуренции с КНР и РФ за возможность реализовать планы по расширению своего геостратегического присутствия на территории Центральной Азии.

Выводы

Основываясь на выявленных особенностях политики арабских государств в отношении стран Центральной Азии, можно прийти к следующим выводам.

1. Процесс построения экономических и политических контактов государствами ССАГПЗ в Центральной Азии – явление, характеризуемое в наши дни как весьма затяжное в силу многочисленных существенных затруднений внутриполитического и внутриэкономического характера, с которыми сталкивались и продолжают сталкиваться бывшие советские республики. Отсутствие гарантий

беспрепятственного ведения деятельности арабских иностранных корпораций и фондов становилось краеугольным камнем современных опасений стран ССАГПЗ, что впоследствии отразилось в длительной «пробуксовке» планов активного развития торговли, кредитования и инвестиционной политики.

2. Религиозный фактор был и остается одним из главных инструментов распространения сферы политического влияния стран Персидского залива. Несмотря на изначальные опасения правящих режимов стран ЦА по поводу возможности культурно-религиозного взаимодействия со странами ССАГПЗ, некоторые из которых придерживаются абсолютного религиозного традиционализма, данный фактор сумел сыграть решающую роль в развертывании деятельности финансовых организаций, работающих по принципу исламского банкинга, а также многочисленных фондов, направляющих свои финансовые активы на поддержку проектов, связанных со строительством зданий молитвенных домов, религиозных школ и прочих объектов социальной инфраструктуры.

3. Обозначенные в тексте исследовательской работы особенности экономического, финансового и кредитного взаимодействия ССАГПЗ со странами ЦА указывают на решительность арабских государств в деле сохранения своего присутствия в Центральной Азии даже при учете медленного темпа развития всех существующих с ней контактов.

4. Политика стран Персидского залива в отношении Центральной Азии во многом базируется и на конкуренции с нарастающим влиянием Турции, стремящейся в рамках доктрины неоосманизма к цели объединения тюркоязычных государств ЦА в рамках новой панисламистской

модели интеграции, главной идеологической базой которой станет пантюркизм. Помимо этого, конкурирующим проектом для панарабизма, апологизируемого и продвигаемого странами ССАГПЗ, является и панираниз, основанный на стремлении Ирана распространить идеи единства, братства и сплоченности среди персидских народов Центральной и Южной Азии.

5. Распространение сферы политического влияния государств ССАГПЗ сопровождается как выгодными аспектами, так и издержками, в одинаковой степени способными оказывать воздействие на внутри- и внешнеполитический вектор республик ЦА, их экономическое и социокультурное положение. В случае выбора государствами ЦА наиболее безопасного, взвешенного и способного надлежащим образом обслуживать их интересы вектора взаимодействия с ССАГПЗ, возможно предотвращение наступления множества рисков, обозначенных нами в тексте исследовательской работы.

6. Нарастающее влияние РФ и КНР, а также многочисленные социально-политические потрясения, с которыми сталкиваются государства ЦА, накладывают тень сомнений в благополучной реализации арабскими странами планов по развитию уже существующих каналов взаимодействия. В условиях интенсификации сотрудничества крупных региональных акторов странам Персидского залива предоставляется наименее широкое поле для политических маневров, отчего снижается шанс ускоренного развития контактов ССАГПЗ с Центральной Азией, но не теряется их актуальность как одного из главных вопросов современной геополитической повестки.

3.3 Роль Ирана и его политики в Центральной Азии

Страны Центральной Азии, находящиеся на важных трансконтинентальных маршрутах, с преобладающим мусульманским населением и располагающие значительными запасами полезных ископаемых, имеют важное геостратегическое значение, что привлекает самым естественным образом внешних игроков с мировой политической арены в борьбу за гегемонию над этим регионом. Исламская Республика Иран (ИРИ) не стала исключением и в 1990-х гг., сразу же после распада Советского Союза, сделала ставку на усиление своего влияния в Центральной Азии. При этом официальному Тегерану пришлось кардинально трансформировать свою внешнеполитическую доктрину под реалии постсоветского пространства. После исламской революции 1979 г. Иран фактически превратился в теократическое государство, которое ставило своей целью мировое распространение политического ислама в виде одного из его направлений – шиизма.

Такая затянувшаяся внешнеполитическая доктрина «войны против всех» привела, в итоге, к международной изоляции ИРИ и значительному снижению ее геополитического потенциала. Тем не менее, как отмечает политолог Э. Усубалиев, «геополитическое положение Ирана остается неизменным по многим параметрам – Иран остается серьезным фактором влияния, в первую очередь, в Персидском заливе, на Ближнем и Среднем Востоке в целом и в перспективе – в Центральной Азии. Не говоря уже о том, что его культурное, религиозно-политическое влияние охватывает куда больший регион фактического расположения его границ»[1].

[1] Эсен Усубалиев: Формат отношений в виде диалога «Иран +

Следует также заметить, что Иран (Персия) являлся важным фактором для Центральной Азии на протяжении более 2500 лет, оказывая влияние на все сферы – политическую, экономическую, религиозную, культурную, языковую.

Исторические и социокультурные связи Ирана (Персии) со странами Центральной Азии

На фоне западных санкций и религиозно-политического противостояния суннитов с шиитами получение своей доли от центральноазиатского «пирога» позволяло бы Ирану преодолеть международную изоляцию и получить доступ к евразийским транспортным коридорам с выходом на Россию и Китай. Поэтому в начале 1990-х гг., сразу же после распада Советского Союза, Иран сделал основную ставку на культурную и языковую близость с Центральной Азией, апеллируя при этом к общности исторических процессов еще со времен империй Ахеменидов и Сасанидов, что стало очевидным инструментом для внешнеполитических амбиций Тегерана по отношению к только что появившимся центральноазиатским республикам. Ведь значительный пласт традиций и обычаев народов Центральной Азии был сформирован под прямым воздействием древней и духовно богатой культуры персов, которые сумели распространить свое влияние в регионе задолго до появления христианства и ислама – в период существования державы Ахеменидов в VI–IV вв. до н. э. Так, Бухара в современном Узбекистане ранее была всемирно

Центральная Азия» крайне необходим [Интервью, специально для cabar.asia] (01.12.2016) // URL: https://cabar.asia/ru/esen-usubaliev-format...

известна как исторический центр персидской культуры и литературы, а персидский язык (фарси) на протяжении долгого времени оставался в Центральной Азии языком литературы, науки, торговли и дипломатии и после исламизации региона в результате арабских завоеваний, в том числе и самой Персии. О подобных фактах, которые характеризуют культурную и историческую общность Персии и Центральной Азии, пишет иранский дипломат и ученый Мехди Санаи в монографии «Взаимоотношения Ирана и стран Центральной Азии: тенденции и перспективы»[1].

Позднее, в XVI–XVII вв., уже в эпоху Сефевидской империи Персия в результате войн с потомками Тамерлана снова смогла добиться временного контроля над южной частью Средней Азии. Как отмечают эксперты, «большая часть нынешнего центральноазиатского региона входила в разные исторические периоды в состав иранских государственных образований или была связана с ними соподчиненностью того или иного уровня. С Ираном связаны многие перипетии истории этого региона на протяжении долгих веков. В таком контексте постепенное внедрение иранской культуры означает возвращение к собственным корням и собственному культурному наследию народов центральноазиатского региона, что входит в полное соответствие с их ментальными особенностями»[2].

Во всех языках народов ЦА-региона до сих пор можно встретить персидские слова, а таджикский язык лингвистами причисляется к одному из вариантов персидского языка. В Центральной Азии популярен и имеет статус

[1] См.: Санаи Мехди. Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии: тенденции и перспективы. СПб., М.: Садра; Петербург. востоковед., 2017.

[2] Месамед В. И. Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога. М., 2010. С. 42.

государственного праздник Нооруз (Навруз), который восходит к зороастризму эпохи Ахеменидов. Кульминация отношений между Ираном и Центральной Азией пришлась на исламскую эпоху, когда жили великие философы, ученые и поэты, такие как Авиценна, аль-Фараби, аль-Бируни, Рудаки, аль-Балхи и др. Как видно, для возрождения влияния Ирана в регионе к моменту распада СССР имелась достаточно структурированная идеологическая база, подкрепленная амбициями ИРИ как региональной державы. Хотя естественное влияние сначала царской России, а затем Советского Союза нивелировало роль Персии как научного и культурного центра для народов региона, она навсегда закрепилась в качестве неотъемлемого феномена в истории Средней Азии.

В целом, после обретения суверенитета в 1991 г. страны Центральной Азии приобрели во внешнеполитической стратегии ИРИ новую, уже переосмысленную роль, основанную на исторической памяти и культурной общности. «К моменту провозглашения независимости государств Центральной Азии внешнеполитическая доктрина Тегерана как раз переживала период замены радикального идеализма прагматическим реализмом»[1], что отразилось в парадигмах возвращения Ирана в регион: вместо пропаганды ислама шиитского толка Тегеран сделал ставку на распространение языка и культуры.

Причины такой стратегии понятны и логически обоснованы: в отличие от Ближнего Востока, где Иран занимается распространением шиизма и ведет религиозно-политическую борьбу (как, например, сейчас в Йемене

[1] Уостнидж Э. Внешняя культурная политика Ирана в Центральной Азии: демонстрация политического прагматизма // Центральная Азия и Кавказ. 2014. № 4. С. 133.

против саудовской коалиции), в Центральной Азии основная часть мусульман представлена суннитами, которые к тому же на протяжении 70 лет советского периода находились в системе «воинствующего атеизма» и коммунистической идеологии. Кроме того, светские правительства центральноазиатских республик в начале 1990-х гг. еще с подозрением относились к проникновению религиозных течений в свои страны и декларировали курс на демократизацию и либерализацию общественных отношений. Прагматизм, который ИРИ проявляет по отношению к странам Центральной Азии, показывает, что Иран умеет и может действовать в соответствии с международными нормами, а также выступать как позитивный фактор в регионе. А такая позиция резко контрастирует с его восприятием как нонконформистского субъекта или «нарушителя спокойствия» на международной арене, как любят изображать Иран в западных СМИ и экспертных кругах, которые часто занимаются демонизацией и созданием образа врага.

С учетом вышеперечисленных факторов Иран перестроил свою внешнеполитическую стратегию в отношении стран Центральной Азии с радикально-религиозного вектора на культурно-исторический. «К моменту обретения независимости центральноазиатскими государствами Иран уже находился в процессе замены радикального идеализма прагматическим реализмом в своих внешнеполитических расчетах. Свидетельство такого прагматизма можно увидеть в понимании Ираном озабоченности России после распада Советского Союза, например, в получении одобрения Москвы на открытие консульств в Центральной Азии»[1]. Именно в постсоветский период

[1] Wastnidge E. Pragmatic Politics: Iran, Central Asia and cultural foreign policy // Central Asia and the Caucasus. 2014. № 4. С. 120.

иранскими экспертами и идеологами провозглашается приверженность классической традиции в культурной политике, демонстрируется стремление объединить ученых Азии и всего мира вокруг ценностей персидской классической поэзии и наследия Фирдоуси (935–1020 гг.) – автора выдающегося памятника персидской литературы эпоса «Шахнаме». Особый акцент при этом делается на роли эпоса Фирдоуси для национальных культур народов Центральной Азии и Кавказа[1].

Таким образом, по мнению самих иранских экспертов, расширение культурных связей между Ираном и республиками Центральной Азии началось и было включено в повестку дня иранских официальных лиц сразу после обретения этими странами независимости. Иран фактически был одной из трех стран, которые первыми признали их независимость и в соответствии с этим установили с ними дипломатические отношения, а затем создали культурные представительства в четырех из пяти республик, обозначив и подчеркнув особые преимущества Ирана во многих общественных сферах стран Центральной Азии[2].

Особенно активно развивались отношения ИРИ с Таджикистаном, что неудивительно, учитывая историческую, культурную и языковую общность двух стран. Иран стал первым иностранным государством, открывшим свое посольство в Душанбе 8 января 1992 г., посольство Таджикистана в Иране, в свою очередь, было открыто в 1995 г. В первые месяцы 1992 г. таджикско-иранские связи развивались

[1] Варнавский Д. Иран и государства Центральной Азии: генезис, состояние и перспективы сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 2 (56). С. 146.

[2] Kiani D. Iran and Central Asia: A Cultural Perspective // Iranian Review of Foreign Affairs. 2014. Vol. 4. № 4. P. 127.

бурно. Этому весьма способствовало то обстоятельство, что наиболее активные политические силы, определявшие в то время политические приоритеты таджикского общества, – движение «Растохез» и Демократическая партия Таджикистана – исповедовали идею национального возрождения и ориентировались на Иран. Это существенно облегчило налаживание широких политических и гуманитарных отношений между двумя странами[1]. Однако затем в Таджикистане началась гражданская война, а Тегеран стал поддерживать одну из сторон конфликта, предоставив свою территорию для оппозиционных сил Таджикистана. На некоторое время отношения Душанбе и Тегерана испортились, приняв характер «холодной войны».

С момента обретения Узбекистаном независимости Иран стал для новой суверенной республики важным партнером. Основой для партнерства стали традиции многовековой религиозной и этнической близости, культурная и цивилизационная схожесть двух стран. Посольство ИРИ в Ташкенте было открыто в ноябре 1992 г., а узбекское посольство в Тегеране – в мае 1995 г. Также в ноябре 1992 г. Узбекистан подписал соглашение с Ираном об экономическом, культурном, транспортно-коммуникационном сотрудничестве. Через год была создана межправительственная комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, деятельность которой должна была улучшить отношения между двумя странами.

Хотя Кыргызстан и не является приоритетной страной для Тегерана, однако дипломатические отношения были установлены уже 10 мая 1992 г., через год Иран открыл

[1] Абдулло Р. Президенты Ирана и таджикско-иранские отношения // Центральная Азия и Кавказ. 2013. № 3. С. 190.

свое посольство в Бишкеке, а в 1994 г. в Тегеране начало свою деятельность посольство Кыргызстана. В Кыргызстане Ираном сразу же были предприняты усилия по возрождению персидского языка, в частности, через открытие в 1992 г. курсов персидского языка на факультете востоковедения Бишкекского гуманитарного университета. Еще одним учреждением, занимающимся популяризацией персидского языка, является факультет востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, на открытии кабинета персидского языка 8 мая 1996 г. присутствовали сотрудники Посольства Исламской Республики Иран в Кыргызстане.

Дипломатические отношения между Тегераном и Ашхабадом были установлены 18 февраля 1992 г. Необходимость в налаживании двухсторонних отношений объяснялась наличием на севере Ирана компактно проживающего туркменского меньшинства, общей границей, исторической и культурной близостью. В 1999 г. по инициативе иранской Организации по культуре и исламским связям в столице Туркменистана был открыт иранский культурный центр.

В 1995 г. Тегеран объявляет о переходе к принципу «возврата к себе», что подразумевало под собой «усиление связей Ирана и Центральной Азии, успех и реальность осуществления которых гарантирует общее для всех этих стран культурное наследие»[1]. В рамках новой парадигмы в 1995 г. была создана Организация по культуре и исламским связям (ОКИС) при Министерстве культуры и исламской ориентации ИРИ, эта организация занимается координацией культурных миссий Ирана за рубежом

[1] Кляшторина В. Культурно-политическая доктрина ИРИ в регионе. М., 1998. С. 127.

и является значимым инструментом иранской культурной дипломатии. Главными целями ОКИС являются «содействие культурным связям с другими народами и сообществами; укрепление культурных связей Исламской Республики Иран с другими народами; надлежащее представление иранской культуры и цивилизации; подготовка основы для единства среди мусульман; возрождение и продвижение исламской культуры и учения в мире; распространение информации о принципах и реалиях Исламской революции»[1]. Таким образом, Организация по культуре и исламским связям является официальным проводником общественной дипломатии Ирана.

Активную деятельность ОКИС сразу же развернула в Казахстане: первые меморандумы Ирана о культурном сотрудничестве с Казахстаном были подписаны уже в 1996 г. и с тех пор ОКИС ежегодно проводит недели культуры, демонстрирующие иранские фильмы, искусство и научные исследования. Также издаются книги и журналы на казахском, персидском и русском языках, посвященных, в основном, связям с иранской культурой, историческим отношениям Ирана и Центральной Азии и преподаванию персидского языка. Кроме того, в 2010 г. в Тегеране было создано общество дружбы между Ираном и Казахстаном, которое позиционируется как неправительственная, неполитическая, некоммерческая ассоциация, нацеленная на улучшение отношений между Ираном и Казахстаном. В других странах также были открыты представительства ОКИС: в Туркменистане в 1999 г., в Кыргызстане в 2010 г. и т. д.

[1] Mirmohammad Sadeghi S. M., Hajimineh R. The Role of Iran's «Soft Power» in Confronting Iranophobia // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 4 (67). С. 222.

Подобный подход к политике в Центрально-Азиатском регионе подчеркивал со стороны Ирана, что его намерения в виде возрождения культурных связей являются продолжением общих исторических процессов, возвращением к своим истокам и органически вписываются в современный мир. Очевидно, что такая интерпретация новой роли Ирана для региона должна была успокоить правительства бывших советских республик, опасавшихся религиозной экспансии со стороны теократического режима ИРИ. Такую характерную особенность в стратегии Ирана по отношению к Центральной Азии отмечают и эксперты, изучающие данную тематику, в частности Лидия Пархомчик, эксперт Евразийского научно-исследовательского института (Алматы, Казахстан). Она пишет: «…в основе избранной ИРИ стратегии по расширению своего влияния на регион исламский фактор выступает скорее фоном для распространения и пропаганды памятников иранской культурной традиции… Иран провел глубокий анализ культурного взаимодействия с регионом, создав идеологический базис для последующего утверждения своих позиций в ЦА. И хотя предлагаемый Ираном концепт исторической близости не был в должной мере реализован на центральноазиатском пространстве в силу различных объективных причин, сам факт его появления свидетельствует о наличии долгосрочных интересов ИРИ в регионе»[1].

[1] Лидия Пархомчик: Модификация внешнеполитических ориентиров Ирана в Центральной Азии (22.08.2016) // URL: https://cabar.asia/ru/lidiya-parhomchik-modifikatsiya-vneshnepoliticheskih-orientirov-irana-v-tsentralnoj-azii/

Другими средствами втянуть страны ЦА в сферу своего протектората для Ирана являются различные инфраструктурные и экономические проекты: строительство автомагистралей, газопроводов, гидроэлектростанций, логистических центров, купля-продажа углеводородов. В приоритете находится именно участие в добыче и транспортировке энергоресурсов. Если взять период последних пяти лет, то за это время ИРИ и страны ЦА подписали ряд соглашений: с Казахстаном – на 1 млрд долларов в сфере транзита и логистики (открытие прямых авиарейсов между странами, строительство логистических центров, зерновых и контейнерных терминалов); с Кыргызстаном подписана Программа долгосрочного сотрудничества между Кыргызстаном и Ираном на 2016–2026 годы»[1]. В Таджикистане в разные годы иранские компании участвовали в строительстве Сангтудинской ГЭС-2 и Шурабадской ГЭС, тоннеля «Истиклол», сооружения ЛЭП Рогунской ГЭС и т. д. С помощью ИРИ были построены важные железнодорожные маршруты: Узень (Казахстан) – Гызылгая – Берекет – Этрек (Туркменистан) – Горган (Иран), а также Теджен – Серахс – Мешхед (соединил Иран и Туркменистан).

Необходимо отметить, что Тегеран давно вынашивает планы интеграции своих железнодорожных сетей с аналогичными в Центральной Азии. Их реализация позволила

[1] См.: Дятленко П. Иран расширяет сотрудничество с соседями по Евразии (30 января 2017) // URL: http://www.foreignpolicy.ru/analyses/iran-rasshiryaet-sotrudnichestvo-s-sosedy ami-po-evrazii/

бы Ирану серьезно «привязать» к себе страны ЦА. Однако существует ряд различных барьеров:

- Иран использует «европейскую» узкую колею в 1435 мм, в то время как центральноазиатские республики – «советскую» широкую в 1520 мм;
- нестабильная ситуация в Афганистане;
- наличие общей границы Ирана только с Туркменистаном;
- санкции США и ЕС, которые ограничивали возможности кооперации компаний региона;
- сложные взаимоотношения в разные периоды времени как внутри региона (например, Таджикистана и Узбекистана, которые «потеплели» только в последние годы), так и с Ираном.

Тем не менее идея создания единой железнодорожной сети в Центральной Азии при участии Тегерана остается еще возможной. В интервью (2016 г.) посол ИРИ в Кыргызстане Али Наджафи Хошруди продекларировал, что в скором времени в Центральной Азии может начаться строительство железной дороги, которая должна связать Иран с Афганистаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Китаем. «Центральная Азия занимает важное место в транзитной и транспортной сферах Ирана, – завил иранский дипломат. – Мы готовы предоставить странам ЦА возможность пользоваться нашими возможностями, портами, которых очень много в нашей стране. Подготовлены и рассматриваются стратегически важные проекты, в числе которых – развитие сотрудничества в сфере транспорта. Наиболее приоритетным из них я бы назвал строительство пятисторонней железной дороги, которая будет пролегать через Китай, Кыргызстан, Таджикистан, Афганистан, Иран… Мы считаем его очень важным и в скором

времени… сможем стать свидетелями начала реализации данного проекта»[1].

Кроме того, Ирану до сих пор интересны проекты по строительству железной дороги из Китая через страны ЦА и территорию ИРИ к Персидскому заливу или к Турции. Однако этот проект находится на стадии обсуждения уже более двадцати лет, поэтому его перспективы более чем туманны, несмотря даже на последние заявления правительства Кыргызстана о скором начале строительства железной дороги. И хотя на последнем саммите ШОС в Узбекистане вроде был дан старт этому проекту, остаются нерешенными ряд ключевых вопросов, в первую очередь о стоимости проекта, которая уже превышает 5 млрд долларов, и источниках его финансирования: Кыргызстан не обладает такой возможностью, а кредитование его со стороны Китая приведет к многократному увеличению внешнего долга Кыргызской Республики. В случае решения этих проблем страны ЦА (Кыргызстан и Узбекистан) смогут стать транзитными странами для товаров из Китая, а Иран сможет подключить свои железнодорожные сети к этой дороге.

Другим важным транспортным проектом, который бы улучшил качество интеграции ИРИ и ЦА, является проект транспортного коридора «Север – Юг». Соглашение о его создании было подписано еще в сентябре 2000 г. Российской Федерацией, Индией и Ираном в ходе Второй Евроазиатской конференции, к 2002 г. оно было ратифицировано всеми его участниками. Позднее к этому проекту

[1] См.: Соков К. Иран вынашивает планы единой сети железных дорог со странами Центральной Азии (12.01.2017) // URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2017-01-12--iran-vynashivaet-plany-edinoj-seti-zheleznyh-dorog-so-stranami-centralnoj-azii-27797

присоединилось более десяти государств: Белоруссия, Казахстан, Таджикистан, Азербайджан, Армения, Кыргызстан, Украина, Болгария, Турция, Оман и Сирия. Также возможность участия в нем рассматривали Туркменистан, Бахрейн, Саудовская Аравия, Кувейт, ОАЭ, Индонезия, Малайзия и Шри-Ланка. География реальных и потенциальных участников проекта говорит о преимущественно «долготном», выстроенном в направлении с севера на юг, характере нового транспортного коридора[1].

Серьезные коррективы в отношения стран Центральной Азии и Ирана внес конфликт между Российской Федерацией и Украиной, который в 2022 г. достиг критического уровня. Последовавшие затем масштабные западные санкции в отношении России заставили, во-первых, скорректировать некоторые инфраструктурные проекты, а во-вторых, усилили уже ранее обозначенное сближение Москвы и Тегерана. В частности, в сентябре этого года наконец-то был решен вопрос со стартом затянувшегося на десятилетия проекта железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан, отсчет которому был дан еще в середине 1990-х гг. Не в последнюю очередь это связано с опасениями Пекина в блокировке существующих логистических маршрутов в случае дальнейшей эскалации противостояния России и Китая с коллективным Западом. К этой железной дроге проявляет интерес и Тегеран, поскольку данная магистраль станет связующей с транспортным коридором Узбекистан – Афганистан – Иран (Мазари-Шариф – Герат – порт Чабахар). Тегеран заинтересован, чтобы эта дорога работала. Кроме этой дороги Иран, учитывая всё

[1] См.: Соков К. ЕАЭС усилится за счет коридора «Север – Юг» (15.08. 2016) // URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2016-08-15--eaes-usilitsja-za-schet-koridora-sever-jug-25219

еще нестабильную обстановку в Афганистане, строит вторую электрифицированную ветку к туркменской границе, это будет прямая магистраль для выхода на порт Чабахар[1].

Таблица 27

Товарооборот Ирана со странами Центральной Азии в 2014–2021 гг. *(млн долл. США)*

Годы	**Казахстан**	**Кыргызстан**	**Таджикистан**	**Туркменистан**	**Узбекистан**
2014	986,0	19,5	226,0	–	375,0
2015	635,5	8,0	184,0	–	377,0
2016	596,0	15,0	115,0	ок. 1 млрд	408,0
2017	620,0	23,0	92,0	–	325,0
2018	519,0	27,0	83,0	ок. 350 млн	306,5
2019	377,0	33,0	65,0	–	424,5
2020	238,0	20,0	58,0	–	249,0
2021	440,0	19,0	121,0	ок. 300 млн	431,0

Таблица составлена нами по данным национальных статистических комитетов стран ЦА, в случае с Туркменистаном – по данным из СМИ.

Как видно из данной таблицы, небольшие объемы торговли у Ирана с Кыргызстаном и Таджикистаном, а значительные – с Казахстаном, Туркменистаном и Узбекистаном. Такой разброс в данных можно объяснить интересом Ирана именно к энергетическим проектам и к купле-продаже

[1] Панфилова В. Центральная Азия меняет тональность в отношениях с Москвой. Страны ШОС соединят транспортными коридорами, минуя Россию (15.09.2022) // URL: https://www.ng.ru/cis/2022-09-15/1_8541_asia.html

углеводородов. Отсюда слабый экономический интерес Тегерана к Кыргызстану и Таджикистану, не обладающим значительными запасами углеводородов. Кроме того, наложенные на Иран западные санкции усложняют финансовые транзакции для банков стран Центральной Азии, которые почти не имеют отношений с банками Ирана. Поэтому Казахстан приостановил поставки горячекатаной рулонной стали в Иран после повторного введения санкций США, и таких примеров, к сожалению, предостаточно.

Тегеран отлично понимает, что, несмотря на возможную угрозу санкций со стороны Вашингтона, республики ЦА нуждаются в новых технологиях в сельском хозяйстве, в иностранных инвестициях, медицине, машиностроении, в том числе и из Ирана. Иран заинтересован в аграрных проектах: в трикотажной промышленности (используя посевы хлопка), мясомолочной продукции, выращивании плодоовощной продукции. В частности, бизнесмены из Ирана реализуют в Центральной Азии проекты тепличных хозяйств и овощехранилищ, разработанные ими по собственным технологиям, которые намного дешевле других аналогов.

Официальные власти ИРИ за последние годы разработали новую внешнеполитическую доктрину, которая получила неофициальное название «героическая гибкость»[1]. Ее суть заключается в попытках компромисса с коллективным Западом в вопросах ядерной программы и постепенного выхода из-под санкций. Но при этом Тегеран не собирается отступать от активной внешней политики: ИРИ намерена усилить свое влияние в соседних регионах,

[1] Выступление Али Хаменеи в штабе Корпуса стражей исламской революции (на араб. яз.) (06.06.24) // URL: https://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=24033

и в Центральной Азии в частности, целенаправленно устраняя имеющиеся препятствия, с целью расширения потенциала обеих сторон, в области торговли, инвестиций и взаимного влияния. При этом ключевым пунктом данной стратегии заявлена реализация крупных инфраструктурных проектов, таких как китайская инициатива «Один пояс – один путь» (ОПОП) или «Belt and Road Initiative» (BRI), который в полной мере соотносится со стремлением ИРИ усилить автомобильную и железнодорожную взаимосвязь с Центральной Азией с последующим выходом на китайские рынки[1]. В рамках данной инициативы в 2020 г. правительства ИРИ и КНР подписали соглашение сроком на 25 лет об экономике и безопасности на сумму 400 млрд долларов китайских инвестиций в Иран, которое официально называется «Китайско-иранское всеобъемлющее стратегическое партнёрство».

Не в последнюю очередь благодаря этому фактору, Иран уделяет большое внимание Казахстану, который занимает стратегическое положение для железнодорожных и автодорожных перевозок из КНР. Иран проявляет интерес к расширению инфраструктурных проектов вдоль ЭПШП (Экономического пояса Шелкового пути) через Казахстан, Туркменистан, Узбекистан и Кыргызстан (строительство железных дорог, грузовых терминалов). В целом, Иран в первую очередь ориентирован на возможности Казахстана, Узбекистана, Туркменистана по транспортным коридорам «Север – Юг» и «Китай – Европа – Китай». Таким образом, есть огромный потенциал сотрудничества Тегерана с постсоветской Центральной Азией, но его

[1] Грозин А. В. Политика и интересы Ирана в Центральной Азии с учетом энергетического и логистического факторов // Геоэкономика энергетики. 2020. № 3. С. 109.

реализация напрямую зависит от геополитической ситуации вокруг Ирана[1]. Как показывает практика сотрудничества стран центральноазиатской «пятерки» с Ираном, такие транспортно-транзитные проекты, как восточный маршрут международного транспортного коридора (МТК) «Север – Юг» (Казахстан – Туркменистан – Иран) и проект «Узбекистан – Туркменистан – Иран – Оман» являются приоритетным направлением для взаимодействия.

Заметен интерес Ирана к сотрудничеству с Туркменистаном в энергетической сфере. ИРИ является одним из крупнейших импортеров туркменской нефти. Иранцы оказывают содействие в доставке нефти из Туркменистана через свою территорию к портам в Персидском заливе. Важное значение имеет территория Ирана и для транзита туркменского газа. Правда, ирано-туркменские отношения были омрачены в 2017 г. из-за ситуации вокруг прекращения поставок туркменского газа в Иран и последовавших за ним судебных разбирательств между Иранской национальной газовой компанией и «Туркменгазом».

Мнение экспертов об экономической заинтересованности Ирана в Центрально-Азиатском регионе подтверждают и официальные представители Тегерана, в частности посол ИРИ в КР Саид Харрази: «Мы в Иране считаем, что Кыргызстан и вся Центральная Азия имеет огромный потенциал для развития и сотрудничества, создания торгово-экономических отношений с третьими странами. Регион обширен и не может быть ограничен. На рынках стран Центральной Азии может и должна быть представлена продукция разных стран, и ограничений в доступе к какой-либо из них вводить нельзя. Это, образно говоря,

[1] См.: О позициях Ирана в Центральной Азии // URL: https://platon.asia/central/o-pozitsiyakh-irana-v-tsentralnoj-azii

открытый досторкан, вокруг которого могут собраться все, чтобы тесно сотрудничать»[1].

Важное значение для развития сотрудничества Ирана с республиками Центральной Азии имел прошедший в сентябре 2022 г. в Самарканде (Узбекистан) ежегодный саммит ШОС. В частности, во время личной встречи с президентом ИРИ Ибрахимом Раиси хозяин саммита президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев сделал акцент на транспортно-логистической сфере. Оба президента отметили, что расширению потенциала в этом направлении будет способствовать построение логистического маршрута по коридору Узбекистан – Туркменистан – Иран и совместное использование морского порта Чабахар в Иране на побережье Оманского залива в Аравийском море. В итоге, было подписано соглашение о международных грузоперевозках и транзите через Чабахар. Ташкент этого добивался с 2020 г. через переговоры с Ираном и Индией для диверсификации доступа к морским путям южных морей и укрепления транспортных связей между Центральной Азией и Южной Азией, что имеет важное значение для Узбекистана, находящегося в двойном окружении стран, также не имеющих выхода к Мировом океану.

Препятствия для сотрудничества

Одним из барьеров для полноценного сотрудничества и расширения торговых связей между странами Центральной Азии и Ираном на протяжении долгого времени

[1] Интервью с Чрезвычайным и Полномочным Послом Ирана в КР Саидом Харрази (01.06.2022) // URL: https://rg.ru/2022/06/01/otkrytyj-dostorkan.html

являлась география. Из стран ЦА-региона Иран имеет общую границу только с Туркменистаном, через который лишь в 2014 г. был открыт транзитный коридор Иран – Туркменистан – Казахстан. «Существует проект уже упомянутого коридора "Север – Юг", который в перспективе соединит рынки России, Центральной Азии с Персидским заливом. Однако сейчас этот путь недостаточно загружен, поскольку объемы рынков Казахстана и Туркменистана недостаточны для Ирана, и полная загруженность этого пути возможна только при подключении к нему России и стран Центральной Азии в целом. При увеличении объемов грузоперевозок, товаров и услуг со временем можно будет говорить о повышении значимости Ирана для Центральной Азии, но пока это еще в долгосрочной перспективе»[1]. Ситуация вокруг создания транспортных коридоров демонстрирует, что это не только проблема логистики товаров, но и проблема доступа и открытости Центральной Азии для внешнего мира и глобальных рынков. А для стран Центральной Азии важно иметь выход к южным морям и, соответственно, к мировому океану.

Другим существенным барьером для сотрудничества между странами Центральной Азии и Ираном выступают западные санкции в отношении ИРИ. Страны Центральной Азии рассматривают реализацию транспортных коридоров как необходимый элемент диверсификации транспортных маршрутов, однако политическое давление США на государства региона и постоянное напоминание, что все экономические проекты должны быть без участия Ирана, заставляет правительства центральноазиатских государств вести себя крайне осмотрительно в любой области

[1] Эсен Усубалиев: Формат отношений в виде диалога «Иран + Центральная Азия» крайне необходим (01.12.2016)…

взаимодействия с официальным Тегераном, будь то культурное, политическое или экономическое сотрудничество. Отсюда вытекает весь тот комплекс проблем, с которыми сталкивается Иран при реализации своих внешнеполитических интересов в регионе.

Большой проблемой является также то, что банковская система Ирана отключена от международной системы расчетов SWIFT, что мешает торговле с Ираном. Выходом в данной ситуации может быть подключение Ирана к системам расчетов России («Мир») и Китая («UnionPay») и переход на оплату в рублях или юанях.

Стремление Ирана и других держав к лидерству в Центральной Азии

При анализе политики Ирана в Центральной Азии можно отметить, что Тегеран заметно уступает в эффективности многим своим конкурентам – России, Китаю, Турции, США, Саудовской Аравии и др. Как отмечает иранский политолог и дипломат Мехди Санаи, основными барьерами для продвижения в Центральную Азию иранских интересов являются:

- неэффективное применение доступных средств в осуществлении региональной политики;
- присутствие у стран ЦА неверного представления об Иране, его «демонизация»;
- слабый уровень внимания со стороны властей в регионе к защите бизнесменов;
- противодействие Ирану со стороны США, снижающее эффективность иранских инициатив в Центральной Азии и других регионах; в свою очередь, часть

внешнеполитических усилий Тегерана направляется на сопротивление распространению влияния Вашингтона в регионе[1].

Религиозными противниками для шиитского Ирана выступают страны с суннитским населением, это, прежде всего, Саудовская Аравия, которая активно продвигает в регионе салафизм – радикальную ветвь суннизма в исламе. За этой пропагандой скрываются вполне конкретные геополитические цели: распространение влияния Саудовской Аравии, устранение конкурентов за гегемонию в регионе, в том числе и Ирана. Центральная Азия представляет собой для суннитской Саудовской Аравии и шиитского Ирана одну из арен для соперничества, хотя и уступает по накалу борьбы Ближнему Востоку, где (в Йемене и Сирии) их религиозное противостояние доходит до прямых военных конфликтов.

Немаловажным фактором является и экономика: «Саудовская Аравия хочет распространить свое влияние в Центральной Азии посредством деловых контактов по двум причинам: Китай и Иран. Саудовцы добиваются усиления своего влияния в Центральной Азии с тем, чтобы стать участвовать в инфраструктурных проектах Китая в рамках инициативы "Один пояс – один путь", и участвовать в товарных цепочках»[2]. Кроме того, Эр-Рияд эффективно использует внешнеполитические ошибки Тегерана, как, например, в последние годы в случае с Таджикистаном: в 2017 г. в этой республике были закрыты торговое

[1] Санаи Мехди. Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии: тенденции и перспективы… С. 125.

[2] Саудовская Аравия окружает Иран в Центральной Азии – эксперт США [Интервью с Теодором Карасиком] (5 июня 2017) // URL: http://eurasia.expert/saudovskaya-araviya-okruzhaet-iran-v-tsentralnoy-azii/

и культурное представительства ИРИ в Худжанде и проведены антииранские акции, после того как в Тегеране приняли председателя запрещенной в Таджикистане Партии исламского возрождения Таджикистана. А практически одновременно с этим было объявлено, что Саудовская Аравия предоставит Таджикистану грант на 200 млн долларов. Как считают эксперты, «Эр-Рияд окружает Иран посредством сетей мягкой и жесткой силы в Пакистане (Балухистан), Таджикистане, Туркменистане, Афганистане и Азербайджане. Как раз на эти территории следует смотреть внимательно по мере того, как саудовцы будут усиливать нажим на Исламскую республику извне»[1].

Одновременно с салафитским проектом Саудовской Аравии серьезным конкурентом для Ирана выступает другая региональная держава – Турция со своими идеями пантюркизма и неоосманизма. Несмотря на отсутствие существенных противоречий между Анкарой и Тегераном, процессы пантюркизации сопровождаются широкой пропагандой суннитского ислама, часто с салафитским уклоном. Кроме того, появление единого тюркского союза – Организации Тюркских Государств с участием Турции, Азербайджана и тюркоязычных стран Центральной Азии может спровоцировать рост сепаратизма среди тюркоязычного населения внутри самого Ирана.

Достаточно высоким конфликтным потенциалом на протяжении уже почти четырех десятилетий обладают и ирано-американские отношения. Приход к власти администрации Д. Трампа еще больше обострил их после периода «перезагрузки» во время президентства Б. Обамы, а администрация нового президента Д. Байдена тоже не смогла решить иранский вопрос, уделяя максимальное внимание

[1] Саудовская Аравия окружает Иран в Центральной Азии...

происходящим сейчас событиям в Восточной Европе и противодействию растущей мировой гегемонии Китая.

США и коллективный Запад в течение долгих лет применяли к ИРИ санкции, стремясь минимизировать контакты Ирана с другими странами. Для большинства постсоветских республик, в том числе Российской Федерации, «конфликт "коллективного Запада" против Ирана, вероятность которого сохраняется и периодически актуализируется, является крайне нежелательным геополитическим фактором, несущим многочисленные, трудно просчитываемые угрозы. Первой и самой очевидной из них является перспектива серьезного и, как представляется, острого и долговременного конфликта у рубежей ЦА»[1].

Всё это мешает развитию отношений ИРИ с постсоветскими странами, в частности в вопросах урегулирования статуса Каспийского моря. «Для Запада, как и для Ирана, важно решение проблемы выработки правового статуса Каспия. Несмотря на острые противоречия между Западом и Ираном в политических вопросах и желание Запада как можно сильнее минимизировать участие Тегерана в каспийской проблеме, это невозможно сделать в силу геополитического значения Ирана для государств постсоветского пространства, входящих в зону Каспия»[2]. Многие страны до сих пор предпочитают ограничивать какие-либо контакты с Ираном, опасаясь давления со стороны Соединенных Штатов. Государства ЦА, как уже говорилось выше, также испытывают опасения перед угрозой западных санкций.

---

[1] Грозин А. В. Политика и интересы Ирана в Центральной Азии с учетом энергетического и логистического факторов // Геоэкономика энергетики. 2020. № 4. С. 119.

[2] Месамед В. И. Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога… С. 57.

На протяжении долгого времени именно позиция Тегерана была главным препятствием в урегулировании статуса Каспийского моря, потому что из-за очертаний рельефа побережья национальная зона Ирана оказывалась самой небольшой. Как можно предположить, жесткая позиция трамповской администрации Белого дома заставила Иран пойти на компромисс. Поэтому понятна реакция иранского руководства после утверждения в августе 2018 г. Конвенции о правовом статусе Каспийского моря: «Американские заговоры и даже НАТО предполагали присутствие в этих водах солдат, фрегатов, вертолетов и баз на побережье Каспийского моря. В соглашении пять стран пришли к согласию заблокировать присутствие судов иностранных государств в акватории»[1], – заявил президент ИРИ Х. Рухани. Именно пункт запрета на появление внерегиональных военно-политических сил на Каспии можно очевидно назвать направленным против агрессивной политики США в отношении ИРИ.

Менее противоречивыми выглядят отношения ИРИ с Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, которые являются одними из главных внешних игроков на центральноазиатской арене. Среди основных причин подобной неконфликтности интересов можно назвать:

– идеологические – отсутствие противоречий на уровне «сунниты – шииты»;

– политические – объединяющее все названные страны соперничество с США;

– экономические – поставки углеводородов, строительство транспортных коридоров («Север – Юг»), масштабные инфраструктурные проекты («Один пояс – один путь»).

[1] Рухани заявил, что Конвенция по Каспийскому морю нарушила планы США и НАТО в регионе (15.08.2018) // URL: https://russian.rt.com...

Более того, официальный Тегеран стремится к углублению отношений с РФ и КНР через активизацию международного сотрудничества: Иран имел статус наблюдателя в ШОС с 2005 г., в 2008 г. подал заявку на вступление, а в 2022 г. на саммите ШОС в Самарканде подписал меморандум об обязательствах в Шанхайской организации сотрудничества, что делает его полноправным членом ШОС со следующего саммита организации в 2023 г. в Индии. Как отмечают эксперты, долгий процесс (15 лет!) вступления Ирана в ШОС тормозился разными причинами, в том числе «проблемами, связанными с иранской ядерной программой, ориентацией некоторых стран – членов ШОС на западные санкции. В период с 2006 по 2010 гг. Совет Безопасности ООН принял десять антииранских резолюций, четыре из которых включали международные санкции против Тегерана. А Россия в этот период еще питала надежды на нормализацию отношений с Вашингтоном»[1].

Ранее, в 2018 г., было подписано временное соглашение о зоне свободной торговли с ЕАЭС. Немаловажными факторами для сближения интересов Тегерана, Москвы и Пекина является также схожесть авторитарных режимов, отсутствие акцента на права человека, активные внешнеполитические позиции в Центральной Азии и на Ближнем Востоке. Поэтому позиция ИРИ в отношении вводимых сейчас антироссийских санкций выглядит вполне ожидаемой: Тегеран не присоединился к ним. Более того, на различных голосованиях в ООН Тегеран не поддерживает антироссийские резолюции и даже поставляет России свои военные дроны.

Вступление Ирана – крупной региональной державы – в ШОС усиливает потенциал самой организации, позволяет

[1] Тарасов С. Иран прорывается в ШОС (16 сентября 2022) // URL: https://regnum.ru/ news/polit/3698169.html

Москве и Тегерану более успешно бороться с западными санкциями уже совместными усилиями, а страны Центральной Азии смогут активнее участвовать в региональных инфраструктурных проектах. Что касается последних, то транспортные коридоры на пространстве стран – участников ШОС проходят теперь не только с востока на запад, но и с севера на юг, что значительно улучшит логистику и торговлю для стран Центрально-Азиатского региона.

Немаловажным фактором укрепления позиций Ирана в ЦА-регионе является и проблема Афганистана: поспешный уход оттуда в 2021 г. военных сил стран западной коалиции и новый приход к власти талибов поставил страны Центральной Азии перед новой старой угрозой. Иран в таких условиях, имеющий определенные рычаги воздействия на талибов, может выступить сдерживающим фактором для правительства талибов, если у тех проявятся агрессивные планы по отношению к странам Центральной Азии.

В геополитическом плане участие ИРИ в ШОС позволяет Тегерану прорвать международную блокаду, организованную коллективным Западом. Особенно это важно на фоне охвативших страну протестов, крупнейших за последние годы. Руководство Ирана в лице аятоллы Али Хаменеи уже обвинило в их организации США и Израиль – основных, наряду с Саудовской Аравией, геополитических соперников для Тегерана[1]. А сама ШОС становится реальной альтернативой западным и глобалистским институтам, особенно если к ней присоединятся Аргентина, Беларусь, Турция и другие страны, которые уже участвуют в той или иной степени в организации.

[1] Высший руководитель Ирана обвинил в организации протестов США (03.10.2022) // URL: https://ru.euronews.com/2022/10/03/iran-protests-iranian-supreme-leader

В целом, оценивая перспективы роли Ирана и его политики в Центральной Азии, необходимо отметить, что данный проект находится перед серьезными вызовами и угрозами. Несмотря на исчисляющиеся тысячелетиями исторические и культурные связи Персии и Центральной Азии, Иран так и не смог до сих пор стать главной силой в регионе, уступая в эффективности многим конкурирующим державам, особенно Саудовской Аравии и США. Отдельно стоит упомянуть о пантюркистском проекте Турции, который выступает серьезным конкурентом для внешнеполитических амбиций Тегерана в регионе. Очевидно, что Иран не всегда продуктивно и рационально применяет свою «мягкую силу»: «…Иран часто подчеркивает свое превосходство над республиками Центральной Азии, старается преподнести себя в качестве "старшего брата", способного преподать им уроки в сфере ислама, культуры, даже языка (в случае Таджикистана), что вызывает раздражение в этих государствах»[1].

Кроме того, Иран не всегда может рассчитывать на полноценную поддержку со стороны центральноазиатских республик, а также России и Китая. Не в последнюю очередь это связано с давлением США, но также и с наличием нерешенных проблем, таких как, например, недавний дипломатический конфликт с Таджикистаном. К тому же постсоветские страны и Китай продолжают испытывать некоторую исламофобию в отношении теократического Ирана, в какой-то степени подозревая Тегеран в попытках экспорта шиизма в свои страны, что можно предотвратить лишь установив достаточный контроль над Ираном. ИРИ также вынуждена учитывать, что государства региона

[1] Варнавский Д. Иран и государства Центральной Азии: генезис, состояние и перспективы сотрудничества… С. 149.

имеют значительное количество соглашений и договоров с другими державами и странами, интересы которых могут как совпадать, так и быть диаметрально противоположными иранским.

Исламская Республика Иран важна для стран Центрально-Азиатского региона, в основном, с точки зрения диверсификации существующих и будущих транспортных коридоров, а также для энергетического сотрудничества. В то же время правительства пяти центральноазиатских республик имеют определенные опасения перед угрозой попасть под западные санкции, сотрудничая с Россией, Китаем и Ираном, что тормозит интеграцию в этом регионе.

Таким образом, перспективы политического доминирования Ирана в Центрально-Азиатском регионе достаточно неопределенны: Тегеран не обладает необходимой геополитической мощью и четко разработанной стратегией для реализации своих внешнеполитических интересов. Ирану необходимо проводить в Центральной Азии более активную внешнюю политику, чтобы удержать с трудом завоеванные позиции. К 2022 г. Тегерану не удалось достичь амбициозных целей в Центрально-Азиатском регионе, приобрести крепкие позиции в качестве важного партнера для государств ЦА. В то же время основные усилия Тегерана на внешнеполитической арене сейчас направлены на Ближний Восток (Йемен, Сирию), где на данном этапе более вероятен благоприятный сценарий за счет иранского военного потенциала и активного участия России. Нынешние лидеры ИРИ продолжают ближневосточный курс своих предшественников во главе с М. Ахмадинежадом. Центральная Азия в обозримом будущем представляет для Ирана второстепенный фронт,

достижение успеха на котором за счет «мягкой силы» или экономического сотрудничества не является жизненно важном фактором. Скорее всего, Иран будет и дальше руководствоваться устоявшейся культурно-языковой доминантой в отношении стран Центральной Азии, предпочитая уступить военно-политическую и экономическую сферы своим стратегическим партнерам – Российской Федерации и Китайской Народной Республике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Центрально-Азиатский регион представляет собой центр переплетения внешнеполитических интересов большого количества акторов мировой политики. Учитывая тот факт, что страны региона не только являются объектами влияния этих акторов, но и сами демонстрируют свою субъектность, изменения и особенности внешнеполитических стратегий с обеих сторон выступают одним из маркеров для понимания комплексности их взаимоотношений. В свою очередь, суть сложности этих взаимоотношений определяется не только характерной для всех центральноазиатских республик многовекторностью реализуемых ими внешнеполитических стратегий, предполагающих получение бенефиций от сотрудничества с каждым из внешних акторов, но и тем, что эффективность внешней политики последних лимитируется неформальными политическими практиками в государствах региона. Как следствие, в настоящее время ни один из внешних акторов не смог оформить в свою пользу результирующий вектор развития не только всей Центральной Азии, но и отдельно взятого государства.

Следовательно, учет двух переменных – специфики внутриполитических процессов стран Центральной Азии и особенностей внешнеполитических стратегий внешних акторов, формируемых международной повесткой, – позволяют проследить эволюцию этих стратегий, представить возможные сценарии развития событий и смоделировать возможные форматы формируемого конкурентного поля в регионе.

Резюмируя проведенный анализ политики России в Центральной Азии, следует отметить следующие моменты.

Во-первых, наиболее приемлемой концептуальной основой для анализа внешнеполитической стратегии Москвы в регионе выступает оборонительный реализм, раскрывающий ее стержневой принцип – реакция России на действия центральноазиатских республик и других внешних акторов в регионе с использованием военно-политических и экономических механизмов «жесткой силы».

Во-вторых, в развитии российско-центральноазиатских отношений можно выделить два этапа:

- 1990-е гг. – первый этап, который условно можно назвать периодом индифферентности, обусловленной восприятием западных стран в качестве партнеров и союзников, не преследующих цели расширения сферы своего влияния за счет подрыва национальной безопасности России на мировой арене;
- 2000-е гг. – второй этап, который условно можно обозначить периодом вовлечения России в постсоветское пространство как в многостороннем, так и двустороннем формате как ответ на трансформации в мировой конъюнктуре и региональной архитектуре безопасности.

В-третьих, взаимодействие России со странами ЦА осуществляется как на региональном, так и на двустороннем уровне. В первом случае это взаимодействие с республиками ЦА через такие организации, как ОДКБ и ЕАЭС, во втором – оказание финансовой поддержки, инвестирование в экономические проекты, а также продажа военной техники или ее передача на безвозмездной основе и поддержание военного присутствия через дислоцированные военные объекты.

В-четвертых, проблемы российской внешней политики в регионе сопряжены: а) с имеющимися разногласиями между государствами – членами ОДКБ (Кыргызстан

и Таджикистан), со слабостью сетевой экономической интеграции внутри Союза, обусловливающей выдвижение кандидатами на вступление в ЕАЭС предварительных условий России как локомотиву интеграционного объединения; б) с отсутствием в регионе однозначной поддержки действий России на мировой арене и резистентностью стран – членов ЕАЭС к углублению интеграции; в) с имплементацией центральноазиатскими республиками стратегии «интеграции и страхования», предотвращающей всеобъемлющую лояльность в отношении России. Последние два фактора имеют принципиальную важность для Москвы, рассматривающей пространство СНГ в качестве приоритетного региона для усиления своих позиций на мировой арене.

При этом у России имеется хороший потенциал для укрепления своего влияния в Центральной Азии в рамках «мягкой силы», которая может обеспечить гарантии постоянного участия в региональных процессах и получения бóльших бенефиций от многовекторной политики центральноазиатских республик. Данный потенциал базируется, во-первых, на условии исправления обозначенных недочетов в политике реализации проектов развития и маркетинговой политике, во-вторых, на имеющихся факторах аттрактивности РФ для населения стран ЦА, которые не связаны с целенаправленной политикой в этом направлении, – обширный рынок труда для мигрантов из региона, статус русского языка как средства межнациональной коммуникации и сам факт возросшей экономической и военной мощи России, превратившей ее в один из центров силы в современной системе международных отношений.

Важным стимулом экономического развития всего региона и каждой республики в отдельности, безусловно,

является взаимодействие в рамках **китайского** глобального проекта, о чем нами немало сказано выше. Однако у этого сотрудничества есть свои «но». Наиболее угрожающим фактором является опасность подпасть под прямую зависимость от Китая и превратиться в одно из звеньев его логистических возможностей. Важным средством противодействия этому может стать только общая стратегия взаимодействия всех стран Центральной Азии.

Видимо, сегодня лидеры центральноазиатских республик уже осознают степень данной угрозы, поэтому ими предпринимаются определенные шаги, призванные купировать проблемы, возникшие в процессе сотрудничества с КНР и другими странами. В течение только 2022 г. лидеры республик несколько раз встречались в разных форматах. В частности, летом этого года в г. Чолпон-Ата (Кыргызстан) состоялась четвертая Консультативная встреча глав государств Центральной Азии, на которой был согласован Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии в XXI в. и начата процедура его подписания. В итоговом коммюнике встречи сказано, что «главы государств отметили важность укрепления политического взаимодействия и продолжения на регулярной основе пятисторонних консультаций на уровне внешнеполитических ведомств, дипломатических учреждений и представительств при международных организациях по актуальным вопросам региональной и международной повесток дня, представляющим взаимный интерес»[1].

Безусловно, сегодня между республиками решены еще не все проблемы, в первую очередь это касается взаимных территориальных претензий. Однако важно отметить, что

[1] 21 июля в г. Чолпон-Ата состоялась четвертая Консультативная встреча глав государств Центральной Азии (21 июля 2022)…

в республиках есть понимание того, что необходимо договариваться между собой без посредничества глобальных игроков в регионе – США, ЕС, Китая и России. Вполне понятно, что любой из этих геополитических центров силы будет действовать в регионе по принципу «разделяй и властвуй». В связи с этим страны Центральной Азии должны иметь консолидированную позицию по наиболее важным региональным вопросам. На нынешнем этапе необходимо создать постоянно действующие механизмы, координирующие сотрудничество с внешними акторами. Необходимы надправительственные органы, действующие по единому стратегическому плану и формирующие позицию стран ЦА в рамках различных международных организаций.

Сегодня уже заметны сдвиги в решении этой проблемы. На прошедшей в конце октября 2022 г. в г. Астане встрече глав государств Центральной Азии с президентом Европейского совета Шарлем Мишелем президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев отметил, что в регионе «создан эффективный механизм регулярных Консультативных встреч глав государств Центральной Азии. … Усиливаются кооперационные связи, созданы совместные инвестиционные компании и другие финансовые инструменты реализации крупных проектов»[1].

Что касается Китая, то его позиция и претензии вполне ясны. Задуманный Китаем проект «Один пояс – один путь» (ОПОП) призван стать системной моделью взаимоотношений между странами в экономической, социальной и культурной областях. Его главная задача – заменить существующую на данный момент модель, которая основана на гегемонии Запада. На сегодняшний день уже очевидны

[1] «Господин Мишель, я приведу несколько примеров»: Мирзиёев рассказал, как меняется ситуация в странах ЦА (27.10.2022)…

и основные тенденции. С одной стороны, китайский юань реально становится одной из мировых резервных валют, а с другой – расширяется сфера расчета в национальных валютах. И то и другое значительно подрывает позиции доллара как мировой валюты. Кроме того, созданы и весьма продуктивно функционируют механизмы финансового сотрудничества в рамках межбанковских объединений, где Китай является главным бенефициаром, а также создана глобальная система контроля и координации инвестиционных средств.

Китай вовлек в сотрудничество большое количество стран, сегодня уже можно сказать, что мир, который создал Китай, на порядок больше мира, созданного Западом. Однако одной из слабостей Китая является отсутствие глобальной идеологической платформы, объединяющей страны и народы. Сегодня человечество оделось во всё китайское, но продолжает жить и думать по-европейски. Вероятно, у Китая пока нет задачи заставить человечество думать по-китайски. Стратегия ОПОП предлагает мультикультурную модель развития, что, на наш взгляд, вполне себя оправдывает. При этом нельзя утверждать, что это навсегда. Уже сегодня Китай наращивает свое идеологическое и культурное влияние. Китайские специалисты ищут возможности и инструменты, позволяющие расширить это влияние.

Китайский исследователь Цзи Юешэн отмечает, что для реализации долгосрочной программы культурной китайской экспансии необходимо решить несколько задач. Во-первых, устранить существующее недоверие и предубеждение к набирающему мощь Китаю. Во-вторых, необходимо укрепить культурное взаимодействие и сотрудничество в глобальном масштабе. В-третьих, предложить мировому сообществу культурное потребление и культурные достижения,

альтернативные западным. Юешэн полагает, что главным инструментом культурного влияния должна стать зарубежная китайская диаспора, особый статус которой закреплен в конституции КНР[1].

Если рассматривать общую геополитическую ситуацию в регионе в контексте проблемы взаимоотношений центральноазиатских республик с Китаем, то, отвергая любую возможность предсказаний, тем не менее с определенной долей вероятности можно предположить, что Центральная Азия в ближайшее время станет регионом, где будут разворачиваться важнейшие события, глубина и характер этих изменений зависят от большого количества привходящих факторов и от мудрости среднеазиатских политиков.

Определяющим фактором будущего региона является нарастающее противостояние глобальных геополитических игроков – США, ЕС, Китая и России. Очевидно, что если геополитические интересы Китая и России определяются в регионе не только экономическим фактором, но и безопасностью, то два других игрока рассматривают присутствие в регионе как рычаг давления на Китай и Россию, а поэтому они в большей степени заинтересованы в дестабилизации ситуации в регионе, что в ближайшее время они и будут пытаться делать. Выше мы уже говорили, что присутствие Китая в Центральной Азии позволяет ему рассчитывать на глобальную гегемонию в мире, поэтому китайские власти постараются сделать всё, чтобы закрепиться в Центральной Азии. Вероятно, что наиболее серьезные события произойдут в обозримом будущем в ближайшие два-три года.

[1] Цзи Юешэн. Приоритеты внешней культурной политики Китая в условиях глобализации…

Центральная Азия продолжает оставаться важным геостратегическим регионом влияния **США** и их союзников, в противовес влиянию России, Китая, Ирана и других акторов, для интересов национальной безопасности США. Целью США в среднесрочной и долгосрочной перспективе является экономическое «разъединение» и отрыв стран Центральной Азии от существующих форматов взаимодействия с участием РФ (СНГ, ЕАЭС, ШОС, ОДКБ и др.). Способами достижения данной цели являются как непосредственно экономические и военно-политические средства, так и инструменты «мягкой силы» через образовательные и культурные программы обмена, а также деятельность неправительственных организаций, выступающих часто в качестве иноагентов в силу зарубежного финансирования.

Анализ взаимодействия США со странами Центральной Азии (Казахстаном, Кыргызстаном, Узбекистаном и Таджикистаном) позволяет сделать следующие предположения о перспективах реализации внешней политики США в отдельных странах ЦА-региона. Казахстан рассматривается Соединенными Штатами в качестве стратегического партнера США в обеспечении стабильности в регионе и превращении РК, при содействии США, в регионального лидера. Казахстан среди остальных стран региона представляет наибольший экономический интерес со стороны США, что подтверждается объемом внешнеторгового оборота и величиной американских инвестиций. Значительный запас энергетических и природных ресурсов, общая граница с Россией и Китаем делают Казахстан весьма притягательным для включения в орбиту постоянного интереса со стороны США. Для Казахстана и США важно поддержание прежде всего экономических отношений, сопровождаемых военным сотрудничеством и «мягкой силой».

Кыргызскую Республику США рассматривают как самый успешный американский проект в Центральной Азии, направленный на реализацию реформ в области демократии, государственного управления и прав человека, а также деятельности НПО, влияющих на процесс принятия политических решений. Неслучайно Кыргызстан называют «страной НПО», поскольку в 2020 г. здесь было зарегистрировано более 30 тыс. некоммерческих организаций[1]. В этой связи США будут продолжать поддерживать инициативы, направленные на усиление гражданского общества и укрепление независимости СМИ. США будут осуществлять политику, направленную на развитие региональной взаимосвязанности Кыргызстана с другими странами Центральной Азии, а также странами Южной Азии.

Узбекистану США отводят роль ключевого игрока в регионе в силу его центрального местоположения среди других стран Центральной Азии и близости к Афганистану. В настоящее время степень экономического взаимодействия США с Узбекистаном является второй по значимости после Казахстана. Для увеличения своего влияния в Узбекистане США с большой долей вероятности будут демонстрировать заинтересованность в экономике страны посредством значительного вливания прямых инвестиций в действующие предприятия или создания совместных новых проектов. В силу экономического кризиса в США данная инициатива скорее всего будет иметь ограниченный характер или перенесена на перспективу, за исключением отраслей энергетики и природных ресурсов, представляющих первоочередной интерес для США и ЕС. Основным инструментом влияния США в Узбекистане в ближайшей перспективе будет являться реализация «мягкой силы».

[1] О секторе НКО Кыргызстана…

Республика Таджикистан в силу своей большой протяженности границы с Афганистаном рассматривается Соединенными Штатами как важный элемент в системе безопасности и стабильности стран Центральной Азии. Значительная роль отводится Таджикистану и в энергетическом и торговом сотрудничестве стран Центральной Азии со странами Южной Азии, прежде всего с Афганистаном и Пакистаном. Проведение военных учений «Региональное сотрудничество – 22», организованных Центральным командованием США с участием военных из США, Таджикистана, Казахстана, Кыргызстана, Монголии, Пакистана и Узбекистана в августе 2022 г. на территории Таджикистана, свидетельствует о большом интересе НАТО к РТ с военной точки зрения. Можно спрогнозировать, что военная помощь и содействие США программам по обеспечению безопасности Таджикистана, как и других центральноазиатских государств, будет одним из важнейших приоритетов внешней политики США в ближайшей перспективе.

Роль Европейского союза в политике Центральной Азии во многом можно охарактеризовать как «инвестор без влияния». Но в связи с геополитической ситуацией в мире, а именно продолжающимся конфликтом на Украине и введенными из-за этого санкциями в отношении России, роль Центрально-Азиатского региона и интерес к нему со стороны ЕС как к одному из возможных поставщиков энергоресурсов значительно возрастает. Также ЕС обращает пристальное внимание на не до конца раскрытый транзитный потенциал стран ЦА, в том числе по доставке товаров на рынки европейских стран. Функционеры ЕС стараются расширить диалог со странами региона, в том числе путем проведения довольно привычного

для республик Центральной Азии политического диалога в формате «5+»[1].

При всём при этом необходимо учитывать, что на данный момент республики ЦА фактически заняли «нейтрально-поддерживающую» позицию по отношению к России. Страны региона не вводили санкций против Российской Федерации, к тому же экономически они сильно зависят от нее, в том числе по устойчивости стабильной финансовой ситуации внутри них (по данным за 2020 г., денежные переводы мигрантов из РФ составляют: в Кыргызстане – до 31,3% ВВП, в Таджикистане – до 26,7% ВВП, в Узбекистане – до 11,6% ВВП[2]). Здесь следует заметить, что посредством банковской сферы центральноазиатских республик Россия отчасти имеет возможность обходить наложенные на нее санкции, что, конечно же, может негативно сказаться на республиках региона и они могут подпасть под вторичные санкции стран западного мира, в том числе и ЕС.

Также можно предположить, что в связи с меняющейся геополитической картиной в мире и регионе действующая на сегодняшний день Стратегия Европейского союза 2019 г. в отношении стран Центральной Азии (согласно которой ЕС предусматривал сотрудничество с такими региональными организациями, как ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, где главную роль играют Россия и Китай), вполне вероятно, будет пересмотрена и переработана в ближайшем будущем.

За последние пять лет мы наблюдаем серьезное изменение внешнеполитической стратегии **Турции** по отношению

[1] В г. Астана состоялась первая встреча лидеров Центральной Азии и Европейского союза (27.10.2022)…

[2] Лиллис Д. Переводы из России в страны ЦА рухнут – Всемирный банк (12 марта 2022)…

к Центральной Азии, что проявляется в усилении ею своего многостороннего присутствия в регионе, не ограничиваясь культурно-гуманитарной, экономической сферами. Сегодняшняя Турция в Центральной Азии претендует на роль центра объединения тюркоязычных государств, а также на роль внешнего арбитра между центральноазиатскими республиками.

Изменился и характер имплементации внешней политики Турции в регионе, он стал более жестким. Переход от традиционной «мягкой силы» по отношению к своим партнерам в регионе к «умной силе» выражается в участившемся обращении Анкары к инструментам дипломатического давления, в том числе алармизации региона со ссылкой на возможность дестабилизации общественно-политической ситуации в странах «турецкой оппозицией», пренебрежением суверенными правами отдельных государств региона на самостоятельное определение источников угроз национальной безопасности. Последним примечательным демонстративным проявлением силы Эрдогана стало похищение основателя сети образовательных учреждений «Сапат» (бывший «Себат») гражданина Турции и Кыргызстана О. Инанды, которого власти Турции обвиняют в связях с признанной в Турции террористической организацией FETO.

Анализ отношений между Турцией и странами Центральной Азии в исторической ретроспективе показывает определенную нестабильность и нелинейность внешней политики Турции, что объясняется различными политическими процессами в отдельных государствах Центральной Азии, а также самой политикой Турции в регионе, которая исходила в зависимости от внешних и внутренних обстоятельств.

За более чем тридцать лет Турция стала одним из важных торгово-экономических партнеров центральноазиатских государств. Инвестиции Турции в экономику этих стран в последние годы демонстрируют положительную динамику. Однако Анкара в силу ограниченности финансовых возможностей не способна претендовать на роль ведущего стратегического партнера. Так, Таджикистан и Кыргызстан зависимы от России в части трудовой миграции и продовольственной безопасности, Казахстан больше ориентирован на отношения с европейскими государствами, а Узбекистан пытается наладить восточное и южное азиатское направление внешнеэкономической деятельности.

Тем не менее понимание того, что Турция является альтернативным дополнением к ближайшим партнерам центральноазиатских государств, таким как Россия и Китай, всё более кристаллизируется внутри региона. Активное участие центральноазиатских стран в работе ССТГ (Совет сотрудничества тюркоязычных государств), который недавно был переименован в Организацию тюркских государств (ОТГ), является еще одним свидетельством этому. В ближайшие годы в рамках ОТГ Турция будет продвигать широкий спектр общих идей, начиная от вопросов транспортно-логистической привязки Турции, Каспия и Центральной Азии, вплоть до предложения экономической и политической интеграции. Преимуществом турецкого влияния в Центральной Азии является культурно-идеологический фактор – пантюркизм.

Основываясь на выявленных особенностях политики арабских государств в отношении стран Центральной Азии, можно прийти к следующим **выводам**.

1. Процесс построения экономических и политических контактов государствами ССАГПЗ (Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива) в Центральной Азии – явление, характеризуемое в наши дни как весьма затяжное в силу многочисленных существенных затруднений внутриполитического и внутриэкономического характера, с которыми сталкивались и продолжают сталкиваться бывшие советские республики. Отсутствие гарантий беспрепятственного ведения деятельности арабских иностранных корпораций и фондов становилось краеугольным камнем опасений стран ССАГПЗ, что впоследствии отразилось в длительной «пробуксовке» планов активного развития торговли, кредитования и инвестиционной политики.

2. Религиозный фактор был и остается одним из главных инструментов распространения сферы политического влияния стран Персидского залива. Несмотря на изначальные опасения правящих режимов стран ЦА по поводу возможности культурно-религиозного взаимодействия со странами ССАГПЗ, некоторые из которых придерживаются абсолютного религиозного традиционализма, данный фактор сумел сыграть решающую роль в развертывании деятельности финансовых организаций, работающих по принципу исламского банкинга, а также многочисленных фондов, направляющих свои финансовые активы на поддержку проектов, связанных со строительством зданий молитвенных домов, религиозных школ и прочих объектов социальной инфраструктуры.

3. Обозначенные в данной исследовательской работе особенности экономического, финансового и кредитного взаимодействия ССАГПЗ со странами ЦА указывают на решительность арабских государств в деле сохранения

своего присутствия в Центральной Азии даже при учете медленного темпа развития всех существующих с ней контактов.

4. Политика стран Персидского залива в отношении Центральной Азии во многом базируется и на конкуренции с нарастающим влиянием Турции, стремящейся в рамках доктрины неоосманизма к цели объединения тюркоязычных государств ЦА в рамках новой панисламистской модели интеграции, главной идеологической базой которой станет пантюркизм. Помимо этого конкурирующим проектом для панарабизма, апологизируемого и продвигаемого странами ССАГПЗ, является и панираниз, основанный на стремлении Ирана распространить идеи единства, братства и сплоченности среди персидских народов Центральной и Южной Азии.

5. Распространение сферы политического влияния государств ССАГПЗ сопровождается как выгодными аспектами, так и издержками, в одинаковой степени способными оказывать воздействие на внутри- и внешнеполитический вектор республик ЦА, их экономическое и социокультурное положение. В случае выбора государствами ЦА наиболее безопасного, взвешенного и способного надлежащим образом обслуживать их интересы вектора взаимодействия с ССАГПЗ, возможно предотвращение наступления множества рисков, обозначенных нами в тексте исследовательской работы.

6. Нарастающее влияние РФ и КНР, а также многочисленные социально-политические потрясения, с которыми сталкиваются государства ЦА, накладывают тень сомнений в благополучной реализации арабскими странами планов по развитию уже существующих каналов взаимодействия. В условиях интенсификации сотрудничества

крупных региональных акторов странам Персидского залива предоставляется наименее широкое поле для политических маневров, отчего снижается шанс ускоренного развития контактов ССАГПЗ с Центральной Азией, но не теряется их актуальность как одного из главных вопросов современной геополитической повестки.

В целом, оценивая перспективы роли Ирана и его политики в Центральной Азии, необходимо отметить, что данный проект находится перед серьезными вызовами и угрозами. Несмотря на исчисляющиеся тысячелетиями исторические и культурные связи Персии и Центральной Азии, Иран так и не смог до сих пор стать главной силой в регионе, уступая в эффективности многим конкурирующим державам, особенно Саудовской Аравии и США. Отдельно стоит упомянуть о пантюркистском проекте Турции, который выступает серьезным конкурентом для внешнеполитических амбиций Тегерана в регионе. Очевидно, что Иран не всегда продуктивно и рационально применяет свою «мягкую силу».

Кроме того, Иран не всегда может рассчитывать на полноценную поддержку со стороны центральноазиатских республик, а также России и Китая. Не в последнюю очередь это связано с давлением США, но также и с наличием нерешенных проблем, таких как, например, недавний дипломатический конфликт с Таджикистаном. К тому же постсоветские страны и Китай продолжают испытывать некоторую исламофобию в отношении теократического Ирана, в какой-то степени подозревая Тегеран в попытках экспорта шиизма в свои страны, что можно предотвратить лишь установив достаточный контроль над Ираном. ИРИ также вынуждена учитывать, что государства региона имеют значительное количество соглашений и договоров

с другими державами и странами, интересы которых могут как совпадать, так и быть диаметрально противоположными иранским.

Исламская Республика Иран важна для стран Центрально-Азиатского региона, в основном, с точки зрения диверсификации существующих и будущих транспортных коридоров, а также для энергетического сотрудничества. В то же время правительства пяти центральноазиатских республик имеют определенные опасения перед угрозой попасть под западные санкции, сотрудничая с Россией, Китаем и Ираном, что тормозит интеграцию в этом регионе.

Таким образом, перспективы политического доминирования Ирана в Центрально-Азиатском регионе достаточно неопределенны: Тегеран не обладает необходимой геополитической мощью и четко разработанной стратегией для реализации своих внешнеполитических интересов. Ирану необходимо проводить в Центральной Азии более активную внешнюю политику, чтобы удержать с трудом завоеванные позиции. К 2022 г. Тегерану не удалось достичь амбициозных целей в Центрально-Азиатском регионе, приобрести крепкие позиции в качестве важного партнера для государств ЦА. В то же время основные усилия Тегерана на внешнеполитической арене сейчас направлены на Ближний Восток (Йемен, Сирию), где на данном этапе более вероятен благоприятный сценарий за счет иранского военного потенциала и активного участия России. Нынешние лидеры ИРИ продолжают ближневосточный курс своих предшественников во главе с М. Ахмадинежадом.

В обозримом будущем Центральная Азия представляет для Ирана второстепенный фронт, достижение успеха

на котором за счет «мягкой силы» или экономического сотрудничества не является жизненно важным фактором. Скорее всего, Иран будет и дальше руководствоваться устоявшейся культурно-языковой доминантой в отношении стран Центральной Азии, предпочитая уступить военно-политическую и экономическую сферы своим стратегическим партнерам – России и Китаю.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Законы, нормативно-правовые акты, официальные документы

1. Государственная программа «Внешнеполитическая деятельность». Утв. постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 325-10 // URL:
2. Декларация о государственной независимости Республики Кыргызстан (31.08.1991) // URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/913
3. Закон РК «О ратификации Соглашения о займе по Проекту водоснабжения города Аральска (регион Аральского моря) между Республикой Казахстан и Кувейтским Фондом Арабского экономического развития» от 1 марта 2001 г. № 161 // Информ.-правовая система НПА РК «Эдилет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000161_
4. Концепция внешней политики Кыргызской Республики. Утв. Указом Президента КР от 10 января 2007 г. № 2. Утрат. силу в соотв. с Указом Президента КР от 11 марта 2019 г. УП № 37 // URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/4569?cl=ru-ru
5. Концепция внешней политики Кыргызской Республики Утв. Указом Президента КР от 11 марта 2019 г. УП № 37 // URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430045?cl=ru-ru
6. Концепция внешней политики Республики Таджикистан. Утв. Указом Президента РТ от 27 января 2015 г. № 332 (27.01.2015) // URL: https://mfa.tj/ru/main/view/988/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan
7. Концепция внешней политики Российской Федерации (28.06.2000) // URL: https://docs.cntd.ru/document/901764263
8. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 // URL: http://kremlin.ru/acts/bank/41451/page/1
9. Концепция национальной безопасности Российской Федерации (10.01.2000) // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/14927
10. Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы. Утв. Указом Президента РК от 6 марта 2020 г. № 280

(9.03.2020) // URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody
11. Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы. Бишкек, ноябрь 2018 // Офиц. сайт МИД КР. URL: https://mfa.gov.kg/uploads/content/1036/3ccf962c-a0fc-3e32-b2f0-5580bfc79401.pdf
12. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года // Офиц. сайт Посольства РТ в КР. URL: https://www.mfa.tj/ru/bishkek/view/4513/natsionalnaya-strategiya-razvitiya-respubliki-tadzhikistan-na-period-do-2030-goda
13. О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы. Утв. Указом Президента РК от 6 марта 2020 г. № 280 (9.03.2020) // URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody
14. Постановление кабинета министров РУз. «О мерах по реализации полномасштабного проекта “Чистая вода, санитария и здоровье населения”» от 15.10.1998 г. № 444 // Сайт Нац. базы данных законодательства РУз // URL: https://lex.uz/docs/1612068
15. Программа сотрудничества между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой на 2004–2014 годы // Офиц. сайт Минюста КР. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17460
16. Программа по привлечению инвестиций в Кыргызскую Республику на 2022–2026 гг. Утв. постановлением Кабинета министров КР от 30.06.2022 № 352 // URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/159444?cl=ru-ru#pr1
17. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Европейскими сообществами и их государствами-членами с одной стороны, и Кыргызской Республикой с другой стороны, подписанное 9 февраля 1995 г., г. Брюссель (ратифиц. Законом КР от 5 июля 1997 г. № 43) // Офиц. сайт Минюста КР. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17139/10?mode=tekst
18. Указ Президента Республики Узбекистан о стратегии развития нового Узбекистана на 2022–2026 годы от 28 января 2022 г. № УП-60 (28.01.2022) // URL: https://lex.uz/ru/docs/5841077
19. Хартия Шанхайской организации сотрудничества. Принята 6 июня 2002 г. // URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3450

Статистические источники

20. Аналитическая таблица экспорта–импорта товаров по странам // Сайт Нац. банка Таджикистана. URL: https://nbt.tj/ru/payments_balance/ analytical_table.php
21. Валовый приток прямых инвестиций в Казахстан от иностранных прямых инвесторов (по видам экономической деятельности резидентов, по странам, в разрезе регионов Казахстана) (03.10.2022) // URL: https://nationalbank.kz/ru/news/pryamye-investicii-po-napravleniyu-vlozheniya
22. Внешнеторговый оборот КР 2019, 2020, 2021, 2022 гг. // URL: https://mineconom.gov.kg/ru/direct/13
23. Внешнеторговый оборот Республики Узбекистан (предварительные данные за январь–декабрь 2019 г., январь–декабрь 2020 г., январь–декабрь 2021 г., январь–сентябрь 2022 г.) // Сайт Госкомстата РУз. URL: https://stat.uz/ru/
24. Внешнеторговый оборот Туркменистана: достижения и перспективы (28.01.2022) // URL: https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/60487/
25. Внешнеэкономическая деятельность // Сайт Госкомстата РУз. URL: https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/merchandise-trade
26. Внешнеэкономическая деятельность [Данные по импорту, экспорту] // Сайт Госкомстата РУз. URL https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/merchandise-trade
27. Внешнеэкономическая деятельность Кыргызской Республики // Сайт Нацстаткома КР. URL: http://www.stat.kg/ru/statistics/vneshneekonomicheskaya-deyatelnost/
28. Внешняя торговля – импорт, экспорт (по странам) (25.07.2022) // Сайт Госкомстата РУз. URL: https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/merchandise-trade
29. Внешняя торговля (XLSX) (25.07.2021) // Сайт Госкомстата РУз. URL: https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/merchandise-trade
30. Внешняя торговля с третьими странами // Сайт ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/tradestat/tables/extra/
31. Внешняя торговля стран Содружества Независимых Государств 2019 (Стат. сб.) // Статкомитет СНГ. М.: 2020 // URL: http://www.cisstat.com/base/sb_extrd2020/sb_extrd2020. pdf
32. Внешняя торговля стран Содружества Независимых Государств 2020 (Стат. сб.) / Статкомитет СНГ. М., 2021 // URL: http://www.

cisstat.org/0base/frame-rus.htm
33. Импорт товаров и услуг Республики Узбекистан в разрезе стран за 2022 г. (22.09.2022) // URL: https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/merchandise-trade
34. Инвестиции [данные за 2021, январь–июнь 2022, 2022 гг.] // Офиц. сайт Нацстаткома КР. URL: http://www.stat.kg/ru/statistics/investicii/
35. Инфографика: Торговля Узбекистана с Турцией (28.03.2022) // URL: https://review.uz/post/infografika-ozbekiston-va-turkiya-ortasidagi-savdo-hajmi
36. Информация о притоке иностранной инвестиции в экономику Республики Таджикистан в 2021 году // URL: https://investcom.tj/uploads/docfiles/620b3ba05fa62.pdf
37. Макроэкономические показатели // URL: https://stat.tj/ru/macroeconomic-indicators
38. Национальный состав Таджикистана в динамике с 1926 до 2010 гг. // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%...
39. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 года с распределением по странам и регионам (25.01.2022) // URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/ item/28104344/
40. Прямые иностранные инвестиции в Республику Таджикистан по странам // URL: https://nbt.tj/ru/statistics/tavozuni-pardokhti-jt/sarmoyaguzori-oi-mustakimi-khorii/sarmoyaguzorihoi-mustakimi-khoriji-ba-jt-az-r-kishvarho.php
41. Распределение экспорта товаров ЕАЭС по странам за январь–декабрь 2021 г. // Сайт ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/tradestat/tables/extra/2021.php
42. Социально-экономическое положение Кыргызской Республики в январе 2018 г. (21.02.2018), в январе 2019 г. (20.02.2020), в январе 2020 г. (24.02.2020), в январе 2021 г. (24.02.2021), в январе 2022 г. (25.02.2022), в январе–сентябре 2022 г. (21.10.2022) // URL: http://www.stat.kg/ru/socialno-ekonomicheskoe-polozhenie-kyrgyzskoj-respubliki...
43. Статистика внешней и взаимной торговли // Основные показатели внешней торговли РК по странам // URL: https://stat.gov.kz/official/industry/31/statistic/6
44. Статистика ЮНКТАД на сайте UNCTADstat // URL: https://unctad stat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx; https://unctadstat.

unctad.org/CountryProfile/GeneralProfile/en-GB/156/index.html
45. Халық санағы. 2021 / Қазақстан Республикасы Стратегиялық жоспарлау және реформалар агенттігі Ұлттық статистика бюросы = Перепись населения. 2021 / Бюро нац. статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам РК // URL: https://stat.gov.kz/for_users/national/2020
46. China statistical yearbook. 2018 / National Bureau of Statistics of China = Китайский статистический ежегодник. 2018 / Нац. бюро статистики Китая // URL:

Специальная литература

47. Абдулло Р. Президенты Ирана и таджикско-иранские отношения // Центральная Азия и Кавказ. 2013. № 3.
48. Адамова Н. Е. Идея американской «исключительности» в современной историографии США: подходы к изучению // Вестник СПб. ун-та. 2010. Вып. 2. С. 178–183 // URL: http://vestnik.spbu.ru/pdf10/s02/s02v2_10.pdf
49. Айкенберри Дж. Будущее либерального мирового порядка / РСМД (9 августа 2016) // URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/budushchee-liberalnogo-mirovogo-poryadka/
50. Акаев А. А., Садовничий В. А. Математическое измерение мегапроекта «Один пояс – один путь» // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88. № 8. С. 776–787.
51. Акаев А. А. Памятное десятилетие. Бишкек, 2001.
52. Акматалиева А. От идеи Большой Центральной Азии до стратегии «Новый Шелковый путь» (11 июня 2012) // URL: http://analiz.kg/analytics/125-ot-idei-bolshojczentralnoj-azii-do-strategii-lnovyj-shelkovyj-put
53. Алексеенкова Е. Сравнительный анализ деятельности созданных в Центральной Азии форматов «5+1» (с участием США, Южной Кореи, Японии и ЕС) (25.07.2017) // URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sravnitelnyy-analiz-deyatelnosti-sozdannykh-v-tsentralnoy-azii-formatov-5-1-s-uchastiem-ssha-yuzhnoy/
54. Алимов Р. К. Взаимодополнение экономик РТ и КНР: реальность или пожелание? // Таджикистан и Китай: опыт и возможности соразвития: Мат-лы междунар. конф. Пекин, 8 декабря 2011 г. / Ин-т России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской

академии общест. наук. С. 93–104 // URL: http://russian.people.com.cn/31521/7670143.html
55. Алимов Р. К. О роли Китая в выходе Таджикистана из транспортного тупика // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2015. № 3. С. 292–305.
56. Аль-Макбали Мазин Саид Мусабах. Стратегия внешней политики России на Ближнем Востоке (регион Персидского залива): Автореф. дис. … канд. полит. наук. М., 2020 // URL: https://www.dissercat.com/content/strategiya-vneshnei-politiki-rossii-na-blizhnem-vostoke-region-persidskogo-zaliva
57. Анашкина Е. Б. Роль постсоветского пространства во внешней политике США // США и Канада: Экономика, политика, культура. 2015. № 6.
58. Аристова Л. Б., Семенова Н. К. Сопряжение ЭПШП и ЕАЭС: анализ шансов, возможностей и гипотетические вызовы // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: Ежегодник. Вып. 2. Ч. 2 / Отв. ред. В. И. Герасимов; РАН; ИНИОН; Отд. науч. сотрудничества. М., 2019. С. 281–283.
59. Ачкасов В. А., Ланцов С. А. Мировая политика и международные отношения. М.: Аспект Пресс, 2011.
60. Барановский В. Г. Структурные изменения глобального миропорядка // Современная политическая наука: Методология: Науч. изд. / Отв. ред.: О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 571–572.
61. Беклямишев В. О. Теория многополярности в идеологии международного клуба БРИКС // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: Сб. ст. по мат-лам XXXI междунар. науч.-практ. конф. № 11 (31). Новосибирск: Изд-во СибАК, 2013.
62. Белова И. Н., Егорычева Е. А. Проект «Один пояс, один путь»: предпосылки к формированию современной внешнеэкономической политики Китая // Вестник РУДН. Сер.: Экономика. 2020. Т. 28. № 3. С. 620–632.
63. Бестужев-Лада И. В. Прогнозирование социальных потребностей молодежи. М.: Наука, 1978.
64. Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы / Пер. с англ. М.: МО, 1998; М.: МО, 2000; М., 2014.

65. Богатуров А. Д., Аверков В. В. История международных отношений. 1945–2017. М.: Аспект Пресс, 2017.
66. Бойко В. С. Большая Центральная Азия и Россия: особенности историко-цивилизационного, геополитического и экономического взаимодействия // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности, перспективы / Под ред. А. А. Князева. Бишкек, 2007.
67. Борисенков А. А. О некоторых особенностях внешней политики // Социодинамика. 2012. № 1. С. 55–79.
68. Бояркина А. В. «Гармоничный мир» – платформа для китайско-американского сотрудничества // Россия и АТР. 2009. № 4. С. 125–134 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/garmonichnyy-mir-platforma-dlya-kitaysko-amerikanskogo-sotrudnichestva
69. Варнавский Д. Иран и государства Центральной Азии: генезис, состояние и перспективы сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 2 (56).
70. Введение в теорию международных отношений: Уч. пос. М.: Изд-во МГУ, 2001.
71. Венская система международных соглашений // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F
72. Верещагин А. А. Геополитическая конкуренция США, КНР и РФ в Кыргызской Республике. Бишкек, 2012.
73. Внешняя политика России в условиях глобальной неопределенности: Моногр. / Под ред. П. А. Цыганкова. М.: Русайнс, 2015.
74. Волков И. В. Основные проблемы геополитического положения Центральной Азии в эпоху глобализации (на примере Кыргызстана) / КРСУ. Бишкек, 2007.
75. Галстян А. Американская исключительность: Мессианство и Реальная политика (23.04.2015) // URL: https://interaffairs.ru/news/show/13003
76. Гарбузарова Е. Г. Центральная Азия в современных мирополитических процессах. М., 2020.
77. Гарбузарова Е. Г. Приоритеты внешней политики Д. Трампа в Центральной Азии // Вестник Томск. гос. ун-та. 2020. № 455.
78. Геополитические проекты мировых центров сил в Центральной Азии / М. К. Асанбеков и др.; Отв. ред. А. Л. Салиев; ИСАП КРСУ. Бишкек, 2018.

79. Глинкина С. П., Тураева М. О., Яковлев А. А. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба Евразийского союза: Доклад. М.: Ин-т экономики РАН, 2016. 59 с.
80. Глинкина С. П., Тураева М. О., Яковлев А. А. Традиционные и новые инструменты укрепления китайского присутствия в Центральной Азии // Государственная служба. 2018. Т. 20. № 5. С. 94–100.
81. Грицанов А. А. Дао // Новейший философский словарь. Минск, 1999.
82. Грозин А. В. Политика и интересы Ирана в Центральной Азии с учетом энергетического и логистического факторов // Геоэкономика энергетики. 2020. № 3, 4.
83. Гукасов А. В. Теоретические основы анализа внешней политики современных государств (2014) // URL: https://upload.pgu.ru/iblock/978/uch_2014_x_03.pdf
84. Гэн Чжэ. Сотрудничество между Китаем и странами Центральной Азии в нефтегазовой области // Региональная экономика и управление: Электрон. науч. журнал. 12.09.2017. № 3 (51) // URL: https://eeeregion.ru/article/5110/
85. Давыдов Ю. П. Расширение зоны ответственности атлантического мира // США – Канада: экономика, политика, культура. 2000. № 3.
86. Двустороннее военно-техническое сотрудничество Китая и Таджикистана (07.09.2016) // Диалог: Таджикистан и мир // URL: https://www.dialog.tj/news/dvustoronnee-voenno-tekhnicheskoe-sotrudnichestvo-kitaya-i-tadzhikistana
87. Джураев Э., Мураталиева Н. Стратегия ЕС в Центральной Азии: к успешной реализации новой стратегии / Представительство фонда им. Ф. Эберта в КР (март 2020) // URL: http://library.fes.de/pdf-files/bueros/bischkek/16167.pdf
88. Добреньков В. И., Кравченко А. И. Методы социологического исследования. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 168–171.
89. Добровольный национальный обзор Туркменистана: Расширение прав и возможностей людей и обеспечение всеобщего охвата и равенства. Ашхабад, 2019 // URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/ documents/23315Turkmenistan_VNR_2019.pdf
90. Доктрина «Дипломатия Шелкового пути» // URL: https://bstudy.net/984305/politika/ doktrina_diplomatiya_shelkovogo_puti
91. Драган Д. Г. Стратегия внешней политики Румынии. Эволюция, принципы, цели // Проблемы постсоветского пространства. 2018. № 5(2). С. 140–148 // URL: https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-2-140-148

92. Дрякин А. Внешнеполитическая стратегия России на современном этапе: нормативно-правовая база // Право и управление. XXI век: Электрон. изд. 2015. № 1 (34) // URL: http://pravo.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/ 16_dryakina.pdf
93. Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М.: Арктогея центр, 2000.
94. Дятленко П. Иран расширяет сотрудничество с соседями по Евразии (30 января 2017) // URL: http://www.foreignpolicy.ru/analyses/iran-rasshiryaet-sotrudnichestvo-s-sosedy ami-po-evrazii/
95. Ефременко Д. В. Сопряжение китайской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» и интеграционного проекта «Евразийский экономический союз» в контексте трансформаций современного мирового порядка // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2018. Т. 23. № 23. С. 29–41.
96. Жизнин С. З., Гулиев И. А. Энергетическая дипломатия в Каспийском регионе // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 1.
97. Жуков С. В. Центральная Азия: императивы экономического роста в условиях глобализации: Автореф. дис. … д-ра экон. наук. М., 2005 // URL: http//www.dssercat.com./content/tsentralnaya-aziya–imperativy-ekonomicheskogorosta-v-usloviyakh– globalizatsii
98. Значение словосочетания «внешнеполитическая инициатива» // URL: https://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%
99. Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000.
100. Интеграционный барометр ЕАБР – 2017: Доклад 46 / Центр интеграционных исследований ЕБР. СПб., 2017 // URL: https://eabr.org/upload/iblock/0dc/EDB-Centre_2017_Report-46_EDB-Integration-Barometer_RUS_1.pdf
101. Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители: Аналит. доклад / Под ред. И. С. Иванова; Рос. совет по междунар. делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2013.
102. Ионова Е. Страны Центральной Азии и арабский мир // Россия и новые государства Евразии. 2011. № 1. С. 81–86.
103. Искаков Г. А., Кегенбеков Ж. К. Роль республики Казахстан в проекте «Один пояс и один путь» // Научные проблемы водного транспорта / Russian Journal of Water Transport. 2021. № 67 (2).
104. Искандеров И. К., Сафранчук И. А. Программа центральноазиатского регионального сотрудничества (ЦАРЭС) // Вестник

Таджикского гос. ун-та права, бизнеса и политики. Сер.: Обществ. науки. 2016. № 1. С. 175–184.
105. Казанцев А. А. Взаимосвязь глобальных и региональных политических процессов (на примере Центральной Азии): Автореф. дис. … д-ра полит. наук. М., 2011.
106. Казанцев А. А. Политика США в постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4. С. 155–164.
107. Караганов С. А. Международные тенденции и российская внешняя политика // Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / Под ред. А. В. Лукина. М.: МО, 2018. С. 12–29.
108. Кеохейн Р. О. Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. М., 1999.
109. Киреев А. А. Внешнеполитическая стратегия администрации Б. Клинтона на Ближнем Востоке // URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/ rossia_i_novay/2018_01/Chufrin_9-22.pdf
110. Кислицин Р. С. Зарождение и эволюция внешнеполитической идеологии американского неоконсерватизма в 1930–80-е годы // Интеллигенция и мир. 2017. № 3. С. 53–71 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-i-evolyutsiya-vneshnepoliticheskoy-ideologii-amerikanskogo-neokonservatizma-v-1930-80-e-gody5
111. Киссинджер Г. Мировой порядок (изд. на рус. яз.). AST Publishers, 2015 // URL: https://www.litres.ru/static/or4/view/or
112. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. М.: Форум, 2016.
113. «Китайский фактор» во внешней политике Кыргызстана: двусторонний и региональный уровни / Под общ. ред. А. Л. Салиева. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2011. 138 с.
114. Кляшторина В. Культурно-политическая доктрина ИРИ в регионе. М., 1998.
115. Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 346 с.
116. Кокошин А. В., Богатуров А. Д. Мировая политика: теории, методы, прикладной анализ. М., 2011.
117. Кондратов А. И. Внешнеполитическая деятельность государства и динамические категории политической науки: Моногр. М.: Граница, 2011.

118. Кондратов А. И. Теория внешнеполитической деятельности государства: Уч. пос. М.: Граница, 2011.
119. Кондратов А. И. Эффективность внешнеполитической деятельности государства как объект теоретического анализа // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 4 // URL: https://fmp.msu.ru/attachments/article/263/KOND RATOV_4_2011.pdf
120. Кондратов А. Направления внешнеполитической деятельности // Обозреватель-Observer. 2010. № 1. С. 48–54 // URL: https://i-sng.ru/observer/observer/N1_2010/048_054.pdf
121. Кондратов А. И. Концептуальная модель внешнеполитической деятельности государства в теории международных отношений: Автореф. дис. … д-ра полит. наук. М., 2012 // URL: https://www.dissercat.com/content/kontseptualnaya-model-vneshnepoliticheskoi-deyatelnosti-go sudarstva-v-teorii-mezhdunarodnykh
122. Косолапов Н. А. Анализ внешней политики: основные направления исследований // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002: Хрест.: В 4 т. М.: Изд-во МГИМО, 2002.
123. Костин А. А. «Доктрина Трумэна» в югославской политике США в 1947–1948 гг. // Вестник Вятского гос. ун-та. 2009. № 2-1. С. 53–58 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/doktrina-trumena-v-yugoslavskoy-politike-ssha-v-1947-1948-gg
124. Кошкар-оол А. А. «Мягкая сила» в международной политической коммуникации: подходы к интерпретации концепции // Международные коммуникации. 2019. № 1 (10) // URL: https://intcom-mgimo.ru/2019/2019-10/soft-power-in-int-political-communication
125. Кузнецов А., Винокуров Е. Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР: Доклады и рабочие документы 21/4 / ЕБР. М., 2021 // URL: https://eabr.org/upload/iblock/ed2/EDB_2021_Report_Mutual-Investments_rus-_1_pdf
126. Кузнецов Д. В. Место, роль и политика КНР в международных отношениях в зеркале мнения китайской общественности // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничеств: Мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск; Хэйхэ, 2012. С. 112–120 // URL: http://stad.docdat.com/docs/47/index-22045.html
127. Кузьмина Т. А. Способы и средства достижения целей в евразийской стратегии России в Центральной Азии // Геополитические проекты мировых центров сил в Центральной Азии: способы

и средства достижения целей / ЦГИ ИСАП КРСУ. Бишкек, 2019. С. 108–155.
128. Кунтубаева А. А. Исторический анализ сотрудничества Турции со странами Центральной Азии в постсоветский период // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2017. № 12.
129. Ланцов С. А., Ланцова И. С. Внешнеполитическая программа Октябрьской революции: истоки и результат // Вестник РУДН. 2017. Т. 17. № 2. С. 233–245 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskaya-programma-oktyabrskoy-revolyutsii-istoki-i-rezultat
130. Лаумулин М. «Большая Центральная Азия» (БЦА) – новый мегапроект США? // Новая Большая игра в Большой Центральной Азии: мифы и реальность. Бишкек, 2005.
131. Лаумулин М. Политика США и ЕС в Центральной Азии (Сравнительный анализ) // Россия и мусульманский мир. 2014. № 9 (267).
132. Лаумулин М. Т. Место и роль Турции в современном мире // URL: https://isca.kz/ru/ analytics-ru/3478
133. Лац М. П. Российско-китайское взаимодействие в рамках деятельности Азиатского банка инфраструктурных инвестиций как важная составляющая Экономического пояса Шелкового пути // Молодой ученый. 2020. № 50 (340). С. 555–558.
134. Лебедева М. М. Мировая политика в XXI веке: акторы, процессы, проблемы: Учеб. пос. для вузов. М.: Изд-во МГИМО, 2009.
135. Лебедева М. М. Мировая политика: Уч. М.: Аспект Пресс, 2003.
136. Лебедева М. М. Внешняя политика: вопросы теории и практики / Под ред. П. А. Цыганкова. М.: Изд-во МГУ, 2009.
137. Лексютина Я. В. Контуры экономического присутствия Китая в Центральной Азии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. Т. 25. № 25. С. 305–320.
138. Ли На. «Один пояс – один путь» как внешнеполитическая инициатива Китайской Народной Республики: проекты и опыт реализации (2013–2019 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2021 // URL: https://www.dissercat.com/content/odin-poyas-i-odin-put-kak-vneshnepoliticheskaya-initsiativa-kitaiskoi-narodnoi-respubliki
139. Ли На. Инициатива «Один пояс, один путь» как новая модель сотрудничества КНР с Россией и странами Центральной Азии // Вестник РУДН. Сер.: Всеобщая история. 2018. Вып. 10. № 4. С. 382–392 // URL: file:///C:/Users/User/Downloads/initsiativa-odin-poyas-odin-put-kak-novaya-model-sotrudnichestva-knr-s-rossiey-i-stranami-tsentralnoy-azii%20(2).pdf

140. Лидия Пархомчик: Модификация внешнеполитических ориентиров Ирана в Центральной Азии (22.08.2016) // URL: https://cabar.asia/ru/lidiya-parhomchik-modifikatsiya-vneshnepoliticheskih-orientirov-irana-v-tsentralnoj-azii/
141. Логика социологического исследования / Под ред. Г. В. Осипова. М.: Наука, 1987.
142. Лу Чунься. Китай и Кыргызстан: сотрудничество или экспансия // Развитие и актуальные вопросы науки. 2018. № 1 (8). С. 64–73.
143. Лукин А. В. Постбиполярный мир: рождение нового миропорядка или погружение в хаос? // Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / Под ред. А. В. Лукина. М.: МО, 2018. С. 30–51.
144. Мавлонова А. С. Ислам в СУАР как фактор политической нестабильности КНР // Вестник РУДН. Сер.: Политология. 2018. Т. 20. № 2. С. 176–186.
145. Майер С. В одиночку или вместе? // Отношения ОБСЕ-ЕС в Центральной Азии: Ежегод. сб. аналит. ст. Бишкек, 2021. 264 с.
146. Малышева Д. Европейский союз в Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 2. С. 54–63.
147. Мамий С. Турция в Центральной Азии: политэкономический нарратив (23.04.2021) // URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2021-04-23--turcija-v-centralnoj-azii-politekonomicheskij-narrativ-54338
148. Международные отношения в Центральной Азии: События и документы. М. Аспект Пресс, 2011.
149. Месамед В. И. Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога. М., 2010.
150. Мехдиев Э. Т. «Неоосманизм» в региональной политике Турции // Вестник МГИМО. 2016. № 2(47).
151. Мид У. Р. Власть, террор, мир и война: Большая стратегия Америки в обществе риска. М., 2006.
152. Мирзеханов В. С. Тюльпаков М. В. Потенциал и перспективы современных туркмено-китайских отношений // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. 2018. № 4. С. 30–35.
153. Мирзоолимов М. М. Центрально-азиатская трубопроводная геополитика // Мир и политика. 2012. № 6 // URL: http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/m6-2012/14920-centralno-aziatskaya-truboprovodnaya-geopolitika.html

154. Михалев М. С. «Один пояс, Один путь» как новая внешнеполитическая стратегия КНР. Краткий анализ внутрикитайской дискуссии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. Вып. 6. Т. 9 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/odin-poyas-odin-put-kak-novaya-vneshnepoliticheskaya-strategiya-knr-kratkiy-analiz-vnutrikitayskoy -diskussii
155. МО как особый род общественных отношений // URL: https://textbooks.studio/uchebnik-mejdunarodnie-otnosheniya/kak-osobyiy-rod-obschestvennyih.html
156. Момошева Н. К. Становление внешней политики Кыргызской Республики (1991–2001 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Бишкек, 2005 // URL: http://cslnaskr.krena.kg/collections/uploads/%D0%9C%D0%…pdf
157. Моргентау Г. Международная политика // Антология мировой политической мысли. Т. 2. М., 1997.
158. Мураталиева З. Т. Центральная Азия как объект геополитического проектирования: ориентиры и перспективы // Вестник КРСУ. 2017. Т. 17. № 9.
159. Мураталиева З. Т. Последовательность реализуемых геополитических задач претворяющейся в Центральной Азии концепции «построения гармоничного мира» Китая // Геополитические проекты мировых центров сил в Центральной Азии: последовательность решаемых задач / Под ред. А. А. Салиева; ИСАП КРСУ. Бишкек, 2021. С. 94–118.
160. Мухаметов Р. С. Внешнеполитические концепции СССР: от пролетарского интернационализма до нового мышления // Вестник Челябинск. гос. ун-та. 2012. № 33. Вып. 13. С. 7–11 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskie-kontseptsii-sssr-ot-proletarskogo-internatsionalizma-do-novogo-myshleniya
161. Мясников В. С. Антология хитроумных планов // Харо фон Зенгер. О китайском искусстве жить и выживать: Стратагемы. М.: ЭКСМО, 2006. С. 5–28.
162. Най Дж.-мл. Уцелеет ли либеральный миропорядок? // Россия в глобальной политике. 2017. № 2 // URL: https://globalaffairs.ru/number/Utceleet-li-liberalnyi-miroporyadok-18651
163. Нишанов Д. Б. Внешняя политика Республики Узбекистан в 90-е годы XX века (25.08.2008) // URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/0100411 4850.pdf

164. Новосельцев С. В. Концепция «Китайской мечты» и ее практическое применение // Сравнительная политика. 2016. № 1 (22) // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-kitayskoy-mechty-i-eyo-prakticheskoe-primenenie
165. Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / Под ред. А. В. Лукина. М.: МО, 2018.
166. Носов М. Евросоюз и Центральная Азия // Современная Европа. 2006. Вып. IV. С. 10–21 // URL: https://www.perspektivy.info/oykumena/ekdom/politika_jevrosojuza_v_otnoshenii_stran_postsovetskogo_prostranstva_v_kontekste_jevrazijskoj_integracii_2015-07-08.htm
167. Нурдинова Ш. Узбекистан – Турция: перспективы торгово-экономического сотрудничества (29.03.2022) // URL: https://review.uz/post/uzbekistan-turciya-perspektiv-torgovo-ekonomicheskogo-sotrudnichestva
168. Нурсултанова Л. Н., Молдалиева А. И. Интересы Турции в Центральной Азии // Scientific E-journal «edu.e-history.kz». 2018. № 2 (14) // URL: https://edu.e-history.kz/en/publi cations/view/830
169. ОДКБ: ответственная безопасность / Под ред. И. Ю. Юргенса. М.: Ин-т совр. развития, 2011.
170. Омаров Н. Государства Центральной Азии в эпоху глобализации: поиски стратегии развития. Бишкек, 2008.
171. Пак Е. В. Участие КНР в инфраструктурном строительстве на территории России и Казахстана на территории России и Казахстана. Инициатива «Один пояс, один путь» // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 1. С. 93–104.
172. Парамонов В. В., Строков А. В., Абдуганива З. А. Влияние Европейского союза на Центральную Азию: обзор, анализ и прогноз / Под общ. ред. и рук. В. В. Парамонова. Алматы: Фонд им. Фридриха Эберта, 2017. 117 с.
173. Парамонов В. Строков А. Китайское присутствие в нефтегазовой отрасли Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. 2015. Т. 18. Вып. 2. С. 90–102.
174. Парамонов В., Строков А., Столповский О. Внешняя политика Китая в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Т. 13. Вып. 4. С. 74–89 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-politika-kitaya-v-tsentralnoy-azii
175. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.
176. Петречук А. И. Американская мечта и американская исключительность. От истоков до современности // Архонт. 2017. № 3 //

URL: https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskaya-mechta-i-amerikanskaya-isklyuchitelnost-ot-istokov-do-sovremennosti
177. Петров Г. Н. Гидроэнергетика и ее роль в региональной интеграции стран Центральной Азии // Евразийская экономическая интеграция. 2009. № 3. С. 117–131.
178. Подосинников Е. Ю., Лапидус В. М. Программа ЦАРЭС – интеграционный проект на постсоветском пространстве // Ученые записки: Электрон. науч. журн. Курского гос. ун-та. 2013. № 1 (25) С. 145–151.
179. Политология / Авт. кол. под рук. проф. А. Ю. Мельвиля. М., 2010.
180. Попов Д. Центральная Азия во внешней политике США: 1991–2016 гг. М.: РИСИ, 2016 // URL: https://riss.ru/media/documents/32f9e6a8549 84902ae9732e43636b7a0.pdf
181. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI в. / Госкомитет по делам развития и реформ; мин-во иностр. дел и мин-во коммерции (издана с санкции Госсовета КНР). Март, 2015 // URL: http://www.riatr.ru/2015/3/Russia_and_ATR_2015-3_255-270.pdf
182. Прохоренко И. Л. Новая стратегия Европейского союза в Центральной Азии: возможности и пределы «мягкой силы»: анализ и прогноз // Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 4. С. 68–80.
183. Рахимбаева Д. В. Основные принципы и направления внешней политики Республики Узбекистан (2010) // URL: https://articlekz.com/article/22909
184. Рахимов Б. А. Реализация международных транспортных проектов в Кыргызстане: перспектива строительства железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политич. науки. 2020. № 2. С. 80–90.
185. Региональная безопасность. М.: Изд-во РАГС, 2006.
186. Ретунских Н. А. К вопросу об истоках китаецентризма // Востоковедные исследования на Алтае. Вып. 2. Барнаул, 2000 // URL: http://new.hist.asu.ru/biblio/V2/21-28.pdf
187. Родионов В. А. Внешнеполитическая стратегия современной Монголии: фактор КНР // Вестник Бурят. гос. ун-та. 2011. № 8. С. 201–206 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskaya-strategiya-sovremennoy-mongolii-faktor-knr/viewer
188. Розенау Дж. Мировая политика в движении: теория изменений и преемственности. М.: Изд-во ИНИОН, 1992.

189. Роль и место основных внешних акторов в центрально-азиатских политических процессах: Фундамент. исслед. / Отв. ред. канд. полит. наук А. Л. Салиев. ИСАП КРСУ. Бишкек, 2013.
190. Романова Е. В. Трактовки «Европейского концерта» в британской и американской историографии // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 1 (46). С. 7–17.
191. Румер Е., Менон Раджан Тренин Т. В., Чжао Хуашен. Центрально-азиатская политика Китая: основные идеи и цели // Центральная Азия: взгляд из Вашингтона, Москвы и Пекина. 2008 // URL: http://www//uchebnik-besplatno.com/uchebnik-mejdunarodnie-otnosheniya/tsentralnoaziatskaya-politika-kitaya-osnovnie.htmla
192. Рыжов И., Бородина М. Основные приоритеты внешней политики Кыргызстана // Актуальная геополитика. 2019. № 3. С. 142–157. С. 144 // URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/ 2019_03/ Osnovnye_Ryjov.pdf
193. Савичева Е. М., Шаар М. О. Отношения арабских стран Персидского залива с центрально-азиатскими государствами СНГ // Вестник РУДН. Сер.: МО. 2014. № 4 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-arabskih-stran-persidskogo-zaliva-s-tsentralnoazia tskimi-gosudarstvami-sng
194. Санаи Мехди. Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии: тенденции и перспективы. М.: Садра; Петербург. востоковедение, 2017.
195. Светличный А. И. Устойчивое развитие и Новый банк развития БРИКС: анализ и перспективы // Вопросы гос. и муницип. управления. 2018. № 1. С. 68–88.
196. Сергеева С. В. Внешняя политика СССР в 1945–1953 гг. Начало холодной войны // URL: https://foxford.ru/wiki/istoriya/vneshnyaya-politika-sssr-v-tysyacha-devyatsot-sorok-pyatyj-tysyacha-devyatsot-pyatdesyat-tretij-gg-nachalo-holodnoj-vojny
197. Серебрякова Н. В. Центрально-азиатская политика КНР как региональная проекция «теории гармоничного мира» // Мировые державы в Центральной Азии. М: Ин-т Дальнего Востока. 2011 // URL: http://elibrary.asu.ru/xmlui/bitstream/handle/asu/7921/vkr.pdf?sequence=1
198. Синьцзян, китайская земля: прошлое и настоящее. Урумчи, 2001.
199. Скриба А. С., Алтухов А. О. Влияние геополитических противоречий между Россией и ЕС на участие постсоветских стран в региональной экономической интеграции // Контуры глобальных трансформаций. 2019. Т. 12. № 2.

200. Современная наука о международных отношениях за рубежом: Хрест.: В 3 т. / Под общ. ред. И. С. Иванова. М.: НП РСМД, 2015.
201. Современное состояние внешнего госдолга Кыргызской Республики: сущность, структура и прогноз (15 июля 2021) // Сайт ИСАП КРСУ. URL: https://isap.center/analytics/57
202. Соловьев Н. Н., Салина Л. С. Гигантское месторождение Галкыныш: мифы и реальность? // Вести газовой науки: Науч.-тех. сб. 2018. № 3 (35). С. 208–215.
203. Солянова М. В. Проблема мирового порядка в современных западных исследованиях // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 5 (50). С. 34–47.
204. Социализация ислама в Кыргызстане как неотъемлемая составная часть стратегии безопасного развития Кыргызской Республики в XXI веке / Отв. ред. А. А. Салиев; ИСАП КРСУ. Бишкек, 2022.
205. Старр Ф. Партнерство для Центральной Азии: дефицит внимания // Новая Большая игра в Большой Центральной Азии: мифы и реальность: Сб. ст. / Под ред. М. Н. Омарова. Бишкек, 2005.
206. Стратегии США в Центральной Азии в 2019–2025 гг. // URL: https://uz.usembassy.gov/wp-content/uploads/sites/78/20200206_US_STRATEGY_FOR_CENTRAL_ASIA_20192025_Russian.pdf
207. Стрельцов Д. В. Внешнеполитический курс России в отношении Японии: внутренние факторы // Японские исследования. 2016. № 2 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskiy-kurs-rossii-v-otnoshenii-yaponii-vnutrennie-faktory
208. Субх М. А. Об отношениях стран – членов ССАГПЗ с государствами Центральной Азии (3 июня 2012) // Сайт Ин-та Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/?p=14850
209. Сун Сейфен. Теория о гармоничном мире и исследования международных отношений // Jiaoyu kexue yanjiu = Науч. воспитание и исследования. 2007. № 11. С. 59–70.
210. Субъекты, классификация и принципы международных отношений (16.06.2015) // URL: https:studopedia.ru/11_190221_sub-ekti-klassifikatsiya-i-printsipi-mezhdunarodnih-otno sheniy.html
211. Сучков М., Соколов А. Основы внешнеполитической программы Хиллари Клинтон (15 сентября 2016) // URL: http://www.foreignpolicy.ru/analyses/osnovy-vneshnepoliticheskoy-programmy-hillari-klinton/
212. Тараканова Т. С. Внешнеполитические концепции Китайской Народной Республики // Научно-технические ведомости СПб.

политех. ун-та. 2016. № 3 (250). С. 68–73 // URL: file:///C:/Users/User/Downloads/vneshnepoliticheskie-kontseptsii-kitayskoy-narodnoy-respubli ki.pdf
213. Таткало Н. Кыргызско-таджикская граница раздора: «приграничные игры» и их значимость в «большой игре» (10 мая 2021) // Сайт ИСАП КРСУ. URL: https://isap.center/ analytics/45
214. Таткало Н. С. Продвижение США в Центральной Азии политики глобального доминирования // Геополитические проекты мировых центров сил в Центральной Азии / М. К. Асанбеков и др.; Отв. ред. А. Л. Салиев; ИСАП КРСУ. Бишкек, 2018.
215. Теория и методы в современной политической науке / Под ред. С. У. Ларсена. М.: РОССПЭН, 2009.
216. Тимакова О. Стратегия арабских стран Персидского залива: особенности политики в отношении стран Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2020. Т. 23. № 1. С. 36–46 // URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=42620667
217. Тогусаков О. А., Рахимов Б. А. Дорога перемен: реализация инициативы «Один пояс – один путь» в Кыргызской Республике // Власть. 2022. № 3. С. 250–257.
218. Торкунов А. В. Международные отношения послекосовского кризиса // Международная жизнь. 1999. № 12.
219. Троицкий Е. Ф. Политика США в Центральной Азии: подходы второй администрации Дж. Буша (2005–2009 гг.) и Б. Обамы (2009–2010 гг.) // Сравнительная политика. 2011. № 4 (6). С. 65–74.
220. Троицкий Е.Ф. Политика Турции в Центральной Азии (1992–2000 гг.) // Вестник Томск. гос. ун-та. 2009. № 328.
221. Туманов С. Н. Внешнеполитическая деятельность государства: критический анализ доктринальных концепций // Вестник ПАГС. 2016. № 6 (57) // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskaya-deyatelnost-gosudarstva-kriticheskiy-analiz-doktrinalnyh-kont septsiy
222. Туманов С. Н. Внешнеполитическая деятельность государства: от критики к созиданию трактовки // Философия права. 2017. № 4 (83). С. 82–87 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskaya-deyatelnost-gosudarstva-ot-kritiki-k-sozidaniyu-traktovki
223. Тураева М. О. Транспортная инфраструктура стран Центральной Азии в условиях современной регионализации: Доклад. М.: Ин-т экономики РАН, 2014. 62 с.

224. Увраимов И. А. О приоритетах внешней политики Республики Узбекистан на современном этапе (06.01.2021) // URL: https://uwed.uz/en/news/fulltext/1417
225. Умаров Х. К., Свинцов Е. С. Строительство железнодорожной линии Ангрен – Пап и ее роль в формировании сети железных дорог республики Узбекистан // Известия Петербург. ун-та путей сообщения. 2014. № 4 (41). С. 80–86.
226. Уостнидж Э. Внешняя культурная политика Ирана в Центральной Азии: демонстрация политического прагматизма // Центральная Азия и Кавказ. 2014. № 4.
227. Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М.: Индрик, 2013 // URL: https://www.litres.ru/boris-florya/vneshnepoliticheskaya-programma-a-l-ordina-naschokina-i-popytki-ee-osuschestvleniya/chitat-onlayn/
228. Хабермас Ю. Расколотый Запад. М., 2008.
229. Хакбердиев К. К. Сотрудничество Узбекистана и Китайской Народной Республики в области добычи минеральных ресурсов // Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. 2021. Special Iss. № 1. Т. 1. С. 713–718.
230. Халанский И. В. Отношения РФ, КНР, США в контексте глобальных и региональных интеграционных трендов // Вестник КРСУ. 2017. Т. 17. № 2.
231. Хитахунов А. Торговля между Турцией и Центральной Азией // URL: https://www.eurasian-research.org/publication/trade-between-turkey-and-central-asia/?lang=ru
232. Хрусталёв М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М., 2008.
233. Хуррамов Х. Приоритеты и акценты в таджикско-турецких отношениях (23.09.2016) // URL: https://cabar.asia/ru/hursand-hurramov-prioritety-i-aktsenty-v-tadzhiksko-turetskih-otno sheniyah-2
234. Цветкова Н. Н. Проекты региональной интеграции и новые технологии: Цифровой Шелковый путь // Восточная аналитика. 2019. № 1. С. 48–55.
235. Центральная Азия: 1990–2009 годы. Алматы, 2010.
236. Цзи Юешэн. Приоритеты внешней культурной политики Китая в условиях глобализации // Власть. 2017. № 10. С. 148–154.
237. Цыганков П. А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2002.

238. Цыганков П. А., Дробот Г. А. Международные отношения: теория, конфликты, движения, организации: Уч. пос. / Под ред. П. А. Цыганкова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Альфа-М, 2011.
239. Чеботарёв А. Особенности новой концепции внешней политики Казахстана (23.04.2020) // URL: https://cabar.asia/ru/osobennosti-novoj-kontseptsii-vneshnej-politiki-kazahstana
240. Чем отличается цель от задачи в научном исследовании? // URL: https://disshelp.ru/blog/chem-otlichaetsya-tsel-ot-zadachi-v-nauchnom-issledovanii/
241. Чимирис Е., Алмакаева А., Немировская А., Соболева Н., Перебоев В. Интеграционный бизнес-барометр ЕАБР: Доклад 22/1 / Евразийский банк развития. Москва, 2022 // URL: https://eabr.org/upload/iblock/85a/EDB_2022_Report-1_Integration-Business-Barometer_rus.pdf
242. Чуфрин Г. Внешнеполитическая стратегия постсоветских стран: теоретические аспекты // URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2018_01/Chufrin_9-22.pdf
243. Шадурский В. Г. Формирование концептуальных основ внешней политики Республики Беларусь (1991–2011) // Вестник БГУ. Сер. 3. История. Экономика. Право. 2011. № 3. С. 31–36.
244. Шанхайская организация сотрудничества как региональная организация // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 1 (239). С. 98–101.
245. Шарипов А. Н. Основные этапы формирования внешней политики Республики Таджикистан (15.09.2020) // URL: https://mo.tnu.tj/ru/osnovnye-jetapy-formirovanija-vneshnej-politiki-respubliki-tadzhikistan
246. Шаршенова А. Влияние России в Кыргызской Республике // Ежегодный сборник аналитических статей / Акад. ОБСЕ в Бишкеке. Бишкек, 2021.
247. Шибутов М. «Мягкая сила» Турции: современное состояние казахстано-турецких отношений (30.06.2018) // URL: https://regnum.ru/news/ 2440405.html
248. Шишков В. В. Доктринальные основы имперской политики США // Социум и власть. 2003. № 2 // URL: http://book.lib-i.ru/25istoriya/391709-1--socium-vlast-2013-2-s55-59-doktrinalnie-osnovi-imperskoy-politiki-ssha-shishkov-ekspansiya-princip.php
249. Шлыков П. В. Внешняя политика Турции в постбиполярной системе координат // Международная аналитика. 2021. № 12 (2).

250. Шпилько И. А. Страны БРИКС объединяются для строительства справедливого многополярного мира // Вопросы международных отношений: Евразийский союз. 2017. № 1 (19). С. 104–112.
251. Эрмаматов Ш. Ж., Норалиев У. Современные тенденции сотрудничества Узбекистана и КНР // Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. 2021. Vol. 1. С. 686–691.
252. Юрицын В. Нефтегазовый симбиоз Казахстана и Китая (16.11.2021) // Интернет-газета «ZONAkz». URL: https://zonakz.net/2021/11/16/neftega zovyj-simbioz-kazaxstana-i-kitaya/
253. Ядов В. А. Стратегия и методы качественного анализа // Социология. М., 1991. № 1. С. 14–32.
254. Янов А. Л. Миф либерального миропорядка? // URL: https://snob.ru/profile/11778/blog/139233
255. Ярошова В. К. Развитие транспортно-логистической системы республики Узбекистан // Россия: тенденции и перспективы развития. 2019. № 1 (14). С. 368–372.

Публикации в периодической печати, на интернет-сайтах

256. Акулов А. «Многоплановая игрушка»: что даст Казахстану и России строительство новой АЭС (11.02.2022) // URL: https://www.gazeta.ru/business/2022/02/11/14524549.shtml?updated
257. Американские уголки // URL: https://uz.usembassy.gov/ru/education-culture-ru/american-spaces-ru/
258. Американские уголки // Сайт Посольства и Консульства США в Казахстане. URL: https://kz.usembassy.gov/ru/education-culture-ru/american-spaces-ru/
259. Американские уголки // Сайт Посольства США в КР. URL: https://kg.usembassy.gov/ru/education-culture-ru/american-corners-ru/
260. Анкара готова вкладывать в Кыргызстан капитал (02.02.2011) // URL: https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan_turkie_realation/3481932.html
261. Ахал-Теке Туркменистан: сладкие речи Турции (07.07.2022) // URL: https://shorturl.at/ bcoQ0
262. Аэропорт Алматы стал собственностью турецкой компании (30.04.2021) // URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/aeroport-almatyi-stal-sobstvennostyu-turetskoy-kompa nii-436195/

263. Байсалов Э. Фредерик Старр: Для стран Центральной Азии важно сотрудничество, но не интеграция и потеря суверенности (07.02.2019) // URL: https://cabar.asia/ru/frederik-starr-dlya-stran-ts entralnoj-azii-va zhno-sotrudnichestvo-no-ne-integratsiya-i-poterya-suverennosti
264. Ауанасова А. М. Евразийские интеграционные инициативы Нурсултана Назарбаева (01.05.2014) // URL: https://e-history.kz/ru/e-res ources/show/13307
265. Аслов С. Путеводный документ внешней политики Республики Таджикистан (22.07.2015) // URL: https://mfa.tj/ru/main/view/1000/ statya-ministra-inostrannykh-del-tadzhikistana
266. Асанов А. Рациональное использование природных ресурсов – путь к обеспечению энергетической безопасности страны (10.08.2020) // URL: http://mnenie.akipress.org/unews/un_post:17856
267. Акрамжон Неъматов: Турция является важным торгово-экономическим и инвестиционным партнером Узбекистана (13.04.2022) // URL: https://isrs.uz/ru/smti-ekspertlari-sharhlari/akramzon-nematov-turcia-avlaetsa-vaznym-torgovo-ekonomiceskim-i-investicionnym-partnerom-uzbekistana
268. Бегалиева Н. Правительство выдало лицензию на Джеруй «дочке» «Восток-геолдобыча» (22.09.2015) // URL: https://www.vb.kg/ doc/325201_pravitelstvo_vydalo_licenziu_na_djeryy_dochke_vostok_ geoldobycha.html
269. Безопасность посредством партнерства / НАТО. 2005 // URL: https:// www.nato.int/ docu/sec-partnership/sec-partner-rus.pdf
270. Бекбасова А. Список китайских предприятий в Казахстане изменится (18 июля 2017) // URL: https://ratel.kz/raw/spisok_kitajskih_ predprijatij_v_kazahstane_izmenitsja
271. Бердымухамедов открыл новый аэропорт-рекордсмен в Ашхабаде (17.09.2016) // URL: https://mir24.tv/news/15055058/berdymuhame dov-otkryl-novyi-aeroport-rekordsmen-v-as hhabade
272. Беспилотники «Байрактар» поступили на вооружение Кыргызстана (18.12.2021) // URL: https://rus.azattyk.org/a/31615359.html
273. Богатырёв В. Б. Центральная Азия: новый регион // Ориентир: Аналит. бюллетень. 2003. № 4 (12).
274. Богатырёв В. Вместо сотрудничества – геополитический разлом (14 мая 2009) // URL: http//bpc.kg/perspective/132-14-05-09
275. Богатырёв В. Три основания для конфликтов (9 апреля 2013) // URL: http//www.ipp.kg/ru/news/2581

276. Бондал К. США направили больше прямых инвестиций в Казахстан, чем Россия и Китай (26.08.2021) // URL: https://central.asianews.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2021/08/26/feature-01
277. Бунстра Й., Хейл Ж. Содействие ЕС Центральной Азии: назад к чертежной доске? Брюссель: EU – Central Asia Monitoring: Раб. докл. 2010. № 8. Февраль. 16 с.
278. В 2021 году Узбекистан привлек $8,6 млрд прямых иностранных инвестиций (07.01.2022) // URL: https://review.uz/post/v-2021-godu-uzbekistan-privlek-86-mlrd-pryamx-inostrannx-investiciy
279. В Ашхабаде открылась выставка экспортных турецких товаров (22.02.2013) // URL: http://www.turkmenistan.ru/ru/articles/38326.html
280. В БГУ при поддержке ТИКА открыли Центр турецкого языка и культуры (24.10.2018) // URL: http://bilim.akipress.org/ru/news:1477143/?f=cp
281. В Бишкеке открылась новая центральная мечеть (02.09.2018) // URL: https://rus.azat tyk.org/a/29466519.html
282. В г. Астана состоялась первая встреча лидеров Центральной Азии и Европейского союза (27.10.2022) // Офиц. сайт МИД КР. URL: https://mfa.gov.kg/ru/osnovnoe-menyu/press-sluzhba/novosti/v-g-astana-sostoyalas-pervaya-vstrecha-liderov-centralnoy-azii-i-evropeyskogo-soyuza
283. В Душанбе заработал центр техобслуживания Агентства по ядерной и радиоактивной безопасности (14 января 2011) // Интернет-сайт «Авеста». URL: http://www.avesta.tj/security/7054-v-dushanbe-zarabotal-centrtexo bsluzhivaniya.html
284. В Душанбе приступят к проектированию нового пятизвездочного отеля «Исмоили Сомони Marriott» (февраль 2022) // URL: https://your.tj/v-dushanbe-pristupjat-k-proektirovaniju-novogo-pjati zvezdochnogo-otelja-ismoili-somoni-marriott/
285. В Казахстане планируют в шесть раз увеличить объем ж/д перевозок в обход РФ (11 мая 2022) // ИА REGNUM. URL: https://regnum.ru/news/economy/3587045.html
286. В Казахстане растет интерес к турецкому языку (23.05.2021) // URL: https://www.aa.com.tr/ru/2251642
287. В китайском Синьцзяне наблюдается бум развития «зеленой» энергетики (20 апреля 2020) // URL: https://news.rambler.ru/ecology/44044799-v-kitayskom-sintszyane-nablyudaetsya-bum-razvitiya-zelenoy-energetiki/

288. В Концепцию внешнеполитической деятельности планируется внести изменения (19.01.2021) // URL: https://www.gazeta.uz/ru/2021/01/19/ foreign-policy/
289. В Кыргызстан прибыла делегация ОБСЕ по оценке реформы органов внутренних дел (11 мая 2022) // ИА «24.kg». URL: https://24.kg/obschestvo/233238_vkyirgyizstan_pribyila_delegatsiya_obse_pootsenke_reformyi_organov_vnutrennih_del/
290. В Самарканде подписано соглашение о сотрудничестве по проекту строительства железной дороги «Китай – Кыргызстан – Узбекистан» (15.09.2022) // URL: https://kun.uz/ru/ news/2022/09/15/v-samarkande-podpisano-soglasheniye-o-sotrudnichestve-po-proyektu-stroitelstva-jyeleznoy-dorogi-kitay-kyrgyzstan-uzbekistan
291. В Туркменистане введён в строй самый крупный порт на Каспии (02.05.2018) // URL: https://turkmenportal.com/blog/14434/v-turkmenistane-vveden-v-stroi-samyi-krupnyi-port-na-kaspii
292. В Узбекистане создана третья свободная экономическая зона (19.03.2013) // Информ. портал «Узинформ». URL: https://www.uzinform.com/ru/news/ 20130319/17571.html
293. В Концепцию внешнеполитической деятельности планируется внести изменения (19.01.2021) // URL: https://www.gazeta.uz/ru/2021/01/19/ foreign-policy/
294. Владимир Путин: Распад СССР – крупнейшая геополитическая катастрофа века (25 апреля 2005) // URL: https://regnum.ru/news/444083.html
295. Встреча Председателя Государственного комитета по инвестициям и управлению государственным имуществом Республики Таджикистан с заместителем руководителя Международной финансовой корпорации развития США (26.05.2022) // URL: https://investcom.tj/ru/novosti/1271-vstrecha-predsedatelja-gosudarstvennogo-komiteta-po-investicijam-i-upravleniju-gosudarstvennym-imuschestvom-respubliki-tadzhikistan-s-zamestitelem-rukovoditelja-mezhdunarodnoj-finansovoj-kor.html
296. Выступление Али Хаменеи в штабе Корпуса стражей исламской революции (на араб. яз.) (06.06.24) // URL: https://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=24033
297. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на международной конференции «Центральная Азия: одно прошлое и общее будущее, сотрудничество ради устойчивого развития и взаимного процветания» в Самарканде (10.11.2017) //

URL: https://uza.uz/ru/posts/vystuplenie-prezidenta-respubliki-uzbekistan-shavkata-mirziye-10-11-2017
298. Высший руководитель Ирана обвинил в организации протестов США (03.10.2022) // URL: https://ru.euronews.com/2022/10/03/iran-protests-iranian-supreme-leader
299. Гайва Е. Гигантский контейнеровоз перекрыл Суэцкий канал (24.03.2021) // RG.RU – «Российская газета». URL: https://rg.ru/2021/03/24/gigantskij-kontejnerovoz-perekryl-sueckij-kanal.html
300. География Таджикистана // URL: https://comunicom.ru/geografiya/246-geografiya-tadzhi kistana
301. Главы государств ЦА и Президент ЕС обсудили расширение гуманитарной помощи Афганистану (27.10.2022) // ИА «Курсив». URL: kz.kursiv.media/2022-10-27/glavy-gosudarstv-ca-i-prezident-es-obsudili-rasshirenie-gumanitarnoj-pomoshhi-afganistanu/
302. Главы Казахстана и Евросовета обсудили вопросы инвестиций, признания вакцин и ситуацию в Афганистане (29.09.2022) // Центр деловой информации Kapital.kz. URL: https://kapital.kz/finance/109255/v-avguste-kazakhstantsy-kupili-nalichnuyu-valyutu-na-192-6-mlrd-tenge.html
303. Госдеп: целью США должно быть «разъединение экономик» России и стран Центральной Азии (14.09.2022) // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15751827?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru
304. «Господин Мишель, я приведу несколько примеров»: Мирзиёев рассказал, как меняется ситуация в странах ЦА (27.10.2022) // URL: https://kun.uz/ru/news/2022/10/27/gospodin-mishel-ya-privedu-neskolko-primerov-mirziyoyev-rasskazal-kak-menyayetsya-situatsiya-v-stranax-tsa
305. Григорьев Л. Что такое Upstream, Midstream и Downstream в английской нефтегазопромысловой терминологии? (01.10.2020) // URL: https://vk.com/@ustu_spe_chapter-chto-takoe-upstream-midstream-i-downstream-v-angliiskoi-neft
306. Грузия, Азербайджан, Турция и Казахстан подписали декларацию о Транскаспийском коридоре (31.03.2022) // URL: https://sova.news/2022/03/31/gruziya-azerbajdzhan-turcziya-i-kazahstan-podpisali-deklaracziyu-o-transkaspijskom-koridore/
307. Данилович М. Центральноазиатский вектор внешней политики Китайской Народной Республики в 2001–2013 гг.: критерии

периодизации // Журнал междунар. права и междунар. отношений. 2014. № 4 // URL: https://evolutio.info/ru/journal-menu/2014-4/2014-4-danilovich

308. 21 июля в г. Чолпон-Ата состоялась четвертая Консультативная встреча глав государств Центральной Азии (21 июля 2022) // Сайт Исполкома СНГ. URL: https://cis.minsk.by/news/23848/21_ijulja_v_g._cholponata_sostojalas_chetvertaja_konsultativnaja_vstrecha_glav_gosudarstv_centralnoj_azii
309. Дебют Мирзияева на Генассамблее ООН. Речь о «новом облике» Узбекистана (21.09.2017) // URL: https://rus.ozodi.org/a/28748174.html
310. Делегация Государства Кувейт пребывает в Узбекистане // Портал «Yotad.ru». URL: http://yotad.ru/politobshe04.htm
311. Демократия, права человека и управление // Сайт USAID. URL: https://www.usaid.gov/ru/uzbekistan/democracy-human-rights-and-governance
312. Димитриади М. Прощай, кириллица: как Турция переписала алфавит в Средней Азии (22.07.2021) // URL: https://rtvi.com/stories/proshchay-kirillitsa-kak-turtsiya-perepisala-alfavit-v-sredney-azii/
313. Достроили ЛЭП «Датка» – «Кемин». Что изменится? (26.08.2015) // Sputnik Кыргызстан. URL: https://ru.sputnik.kg/20150826/1017714321.html
314. Дубнов А. Как казахская внешнеполитическая программа скажется на отношениях с Россией (20 января 2017) // URL: https://www.forbes.ru/biznes/337593-kak-kazahskaya-vneshnepoliticheskaya-programma-skazhetsya-na-otnosheniyah-s-rossiey
315. Европарламент вновь отложил ратификацию СПС с Туркменистаном // Информ. сайт StanRadar.com. URL: https://stanradar.com/news/full/21266--evroparlament-vnov-otlozhil-ratifikatsiju-sps-s-turkmenistanom.html
316. Европейский союз и Таджикистан (04.08.2021) // Офиц. сайт Представительства ЕС в РТ. URL: https://www.eeas.europa.eu/tajikistan/evropeyskiy-soyuz-i-tadzhikistan_ru?s=228
317. Европейский союз и Центральная Азия: новое партнёрство в действии / Генеральный секретариат Совета ЕС. Июнь 2009 // URL: https://www.consilium.europa.eu/media/30829/ru-strategyasia_int.pdf
318. Европейский союз определил совместные приоритеты сотрудничества с Кыргызской Республикой (23.12.2021) // Офиц. сайт Представительства ЕС в КР. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/kyrgyz-republic/%D0%B5%D0%B2%D1%80%...

319. Елкин С. Собор Святой Софии: как Эрдоган музей в мечеть превращал (24.07.2020) // URL: https://www.dw.com/ru/54308508
320. Енисеев М. Инвестиции США в Узбекистан резко возросли в 2018 году (06.07.2018) // URL: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/ features/2018/07/06/feature-01
321. Ерёмина Н. Евросоюз в Центральной Азии: стратегия проникновения // Информ.-аналит. изд. «Евразия. Эксперт». URL: https://eurasia.expert/evrosoyuz-v-tsentralnoy-azii-strategiya-proniknoveniya
322. ЕС и страны Центральной Азии договорились о партнерстве // ИА Deutsche Welle. URL: https://www.dw.com/ru/a-49501463
323. Ж/д пояс Китай – Киргизия – Узбекистан: стратегическая важность или корыстный интерес? (14.04.2021) // Ритм Евразии. URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2021-04-14--141411555555-54183
324. Жена Зеленского спустила на воду корвет с «турецким сердцем» (02.10.2022) // URL: https://www.vesti.ru/article/2970049
325. За 2010–2016 годы объем торговли между Кыргызстаном и ОАЭ составил 520,7 млн долл. США (23 мая 2017) // Сайт Мин-ва экономики и коммерции КР. URL: http://mineconom.gov.kg/ru/post/4601
326. Икромов Ш. «Дипломатия мечетей» в Центральной Азии: геополитика, начинающаяся с михраба (3 декабря, 2020) // URL: https://www.caa-network.org/archives/21135
327. Инвестиции как ключевой драйвер роста казахстанской экономики: новые предприятия, передовые технологии и создание рабочих мест (17.12.2019) // Офиц. информ. ресурс премьер-министра РК. URL: https://primeminister.kz/ru/news/reviews/investicii-kak-klyuchevoy-drayver-rosta-kazahstanskoy-ekonomiki-novye-predpriyatiya-peredovye-tehnologii-i-sozdanie-rabochih-mest
328. Индео Ф. Туркменистан и Турция: выгодное стратегическое партнерство (29.02.2016) // URL: https://cabar.asia/ru/turkmenistan-i-turtsiya-vygodnoe-strategicheskoe-partnerstvo-2?pdf=13663
329. Индустриализация в Казахстане: первые итоги и новые вызовы (30.08.2020) // URL: https://forbes.kz/process/economy/industrializatsiya_ v_kazahstane_pervyie_itogi_i_novyie_vyizovyi/
330. Интервью с директором 6ПД МИД КР: Экономическая дипломатия, содействие развитию регионов, сокращение госдолга и гумпомощь (31.08.2021) // URL: https://kabar.kg/news/interv-iu-s-direktorom-6pd-mid-kr-ekonomicheskaia-diplomatiia-sodeistvie-razvitiiu-regionov-sokrashchenie-gosdolga-i-gumpomoshch

331. Интервью с Чрезвычайным и Полномочным Послом Ирана в КР Саидом Харрази (01.06.2022) // URL: https://rg.ru/2022/06/01/otkrytyj-dostorkan.html
332. Информация о проекте «Капитально-восстановительный ремонт Каршинского каскада насосных станций. Фаза III» за счет кредитных средств Саудовского фонда развития и Фонда реконструкции и развития Республики Узбекистан [Срок реализации проекта: 2017–2022 гг.] // Сайт Агентства по реализации проектов в области агропромышленного комплекса и продовольственного обеспечения Республики Узбекистан. URL: http://www.uzaifsa.uz/ru/content/realizuemye-proekty
333. Исламский банк развития стимулирует развитие Таджикистана в кредит (17 мая 2017) // Портал «Sng.fm». URL: https://sng.fm/3425-islamskiy-bank-razvitiya-stimuliruet-razvitie-tadzhikistana-v-kredit.html
334. Кабмин отказался от идеи передать аэропорты «Манас» и «Ош» в управление YDA INŞAAT (08.07.2022) // URL: https://rus.azattyk.org/a/31934570.html
335. Казанцев А. Российская военная база в Таджикистане нужна для обеспечения безопасности, прежде всего, самого Таджикистана (11.03.2012) // URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskaya-voennaya-baza-v-tadzhikistane-nuzhna-dlya-obespe/
336. Казахстан & Китай: риски или выгода? (11.11.2019) // Inbusiness.kz. URL: https://inbusiness.kz/ru/last/kazahstan-kitaj-riski-ili-vygoda
337. Казахстан в два раза увеличит объемы экспорта газа в Китай (15.10.2018) // Власть: Интернет-журнал. URL: https://vlast.kz/novosti/29960-kazahstan-v-dva-raza-uvelicit-obemy-eksporta-gaza-v-kitaj.html
338. Казахстан начал использовать альтернативные маршруты экспорта нефти (20.10.2022) // URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/10/20/ 946590-kazahstan-alternativnie-marshruti
339. Казахстан начнет продажу нефти по азербайджанскому трубопроводу в обход России (12 августа 2022) // Независимое ИА «Туран». URL: https://www.turan.az/ext/news/2022/8/free/Worldwide/ru/8238.htm
340. Казахстан планирует с сентября транспортировать нефть через Азербайджан – Reuters (12.08.2022) // URL: https://vlast.kz/novosti/51183-kazahstan-planiruet-s-sentabra-transportirovat-neft-cerez-azerbajdzan-reuters.html

341. Казахстан продает Турции нефть, а покупает одежду и лекарства: Инфографика (01.04.2021) // URL: https://lsm.kz/kazahstan-turciya-tovarooborot-infografika
342. Казахстан. Профиль страны / USAID // URL: https://www.usaid.gov/ru/kazakhstan/fact-sheets/kazakhstan-country-profile
343. «Казахтуркмунай» – 25 лет пути (19 марта 2018) // URL: https://www.kazakhturkmunay.kz/ru/press-center/news/kazakhturkmunay-25-let-puti/
344. Как идет работа по строительству АЭС в Узбекистане – Узатом (20.06.2022) // URL: https://uz.sputniknews.ru/20220620/stroitelstvo-aes-v-djizake-na-stadii-zaversheniya--ekspert-25478
345. Как Узбекистан будет привлекать иностранный капитал в условиях мировой рецессии (08.10.2020) // URL: https://kz.kursiv.media/2020-10-08/kak-uzbekistan-budet-privlekat-inostrannyy-kapital-v-usloviyakh-mirovoy/
346. Как, куда и кем распределяются миллиарды на якобы миролюбивые проекты // $60 млрд на «демократию» / Институт развития интернета; USAID // URL: https://nko.iz.ru/video
347. Какие страны и сколько инвестировали в Узбекистан в 2021 году (10.03.2022) // URL: https://www.spot.uz/ru/2022/03/10/ivestments/
348. Какими товарами торгуют Турция и Кыргызстан? (21.07.2021) // URL: www.tazabek.kg/news:1718343?f=cp
349. Какую помощь оказывает Россия Таджикистану? (27.11.2017) // URL: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20171127/kakuyu-pomotsh-okazivaet-rossiya-tadzhikistanu
350. Какую помощь Россия оказала Таджикистану в 2021-м? (17.02.2022) // URL: https://tj.sputniknews.ru/20220217/gumanitarnaya-pomosch-russia-tajikistan-2021-1045952246.html
351. Калыков М. Соглашение о начале строительства железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан планируют подписать на саммите ШОС (03 августа 2022) // URL: https://kloop.kg/blog/2022/08/03/soglashenie-o-nachale-stroitelstva-zheleznoj-dorogi-kitaj-kyrgyzstan-uzbekistan-planiruyut-podpisat-na-sammite-shos/
352. Каримова Д. Казахстанские проекты получат поддержку катарского фонда (14 февраля 2020) // ИА «LS». URL: https://lsm.kz/kazahstan-i-katar-planiruyut-sovmestno-finansirovat-proekty
353. Каскад ГЭС на $1 млрд: Кыргызстан и Казахстан подписали меморандум по проекту строительства Казарманского каскада ГЭС (23 августа 2022) // Tazabek. URL: https://www.tazabek.kg/news:1800129

354. Китай купил часть месторождения Кашаган в Казахстане (09.09.2013) // Сайт НПФ «Пакер». URL: https://npf-paker.ru/news/ industry/kitay_kupil_chast_mestorozhdeniya_kashagan_v_kazakhstane.html
355. Китайская Народная Республика // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0% B8%D1%82%D0%B0%D0%B9
356. Китайских рабочих в Казахстане стало меньше в 3 раза - заместитель премьер-министра РК (06.09.2019) // Almaty.tv. URL: https://almaty.tv/news/politika/0150-kitayskikh-rabochikh-v-kazakhstane-stalo-menshe-v-3-raza-zamestitel-premer-ministra-rk
357. КНР выделила Кыргызстану $32 млн для реконструкции ирригационной системы (04.05.2018) // Акчабар: Фин. портал № 1. URL: https://www.akchabar.kg/ru/news/china-grant-water/
358. Количество мусульман возрастет к 2030 году (03 февраля 2011) // URL: https://rus.ozodi.org/a/9584172.html
359. Коридор «Ташкент – Андижан – Ош – Иркештам – Кашгар» заработает 25 февраля (19 февраля 2018) // Газета.uz. URL: https://www.gazeta.uz/ru/2018/02/19/road/
360. Кортунов А. В. Неизбежность странного мира / РСМД (15 июля 2016) // URL: http://old.russiancouncil.ru/inner/?id_4=7930#top-content
361. Косач Г. Г. Первый зарубежный визит президента Туркменистана: Саудовская Аравия (19 апреля, 2007) // Сайт Ин-та Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/?p=5690
362. Крупнейшая мечеть в Центральной Азии строится в Нур-Султане (19.01.2020) // URL: https://ru.sputnik.kz/20200119/mechet-stroitsya-nur-sultan-foto-12574567.html
363. Крупнейшую мечеть Центральной Азии строят в Душанбе (02.07.2019) // ИА «Анадолу». URL: https://www.aa.com.tr/ru/искусство-и-культура/ крупнейшую-мечеть-центральной-азии-строят-в-душанбе-/1521114
364. Кудрявцева Т. Садыр Жапаров в третий раз отклонил закон о профсоюзах (06 декабря 2021) // ИА «24.kg». URL: https://24.kg/vlast/216156_sadyir_japarov_vtretiy_raz_otklonil_zakon_oprofsoyuzah/
365. Кули А. Центральная Азия после американского вторжения (02.09.2021) // URL: https://globalaffairs.ru/articles/czentralnaya-aziya-posle-usa/#
366. Куменов А. Китай обещает нарастить инвестиции в Центральную Азию (26 января 2022) // URL: https://russian.eurasianet.org/%D0%BA%D0%B8% D1%82%D0%B0%D0%B9

367. Кыргызская Республика приняла участие в обзоре торговой политики Европейского союза (27 февраля 2020) // Офиц. сайт Мин-ва экономики и коммерции КР. URL: https://www.mineconom.gov.kg/ru/post/6209
368. Кыргызстан и Турция намерены довести товарооборот до $1 млрд (18.08.2022) // URL: https://www.akchabar.kg/ru/news/kyrgyzstan-i-turciya-namereny-dovesti-tovarooborot-do-1-mlrd/
369. Лавров заявил о попытках Запада нанести ущерб отношениям стран ОДКБ и ЕАЭС (13.05.2022) // URL: https://iz.ru/1333872/2022-05-13/lavrov-zaiavil-o-popytkakh-zapada-nanesti-ushcherb-otnosheniiam-stran-odkb-i-eaes
370. Лидеры Таджикистана и Кувейта подписались под шестью документами (24 июня 2013) // ИА «Озоди». URL: https://rus.ozodi.org/a/tajik-president-visits-quveit-/25025850.html
371. Лиллис Д. Переводы из России в страны ЦА рухнут – Всемирный банк (12 марта 2022) // Eurasianet. URL: https://is.gd/70Srv8
372. Лисоволик Я., Винокуров Е. Китай предпочитает Казахстан (14 января 2016) // URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/01/15/624086-kitai-predpochitaet-kazahstan
373. Маловодный кризис в ЦА: климатические перемены и риски эскалации конфликтов (4 февраля 2022) // Сайт ИСАП КРСУ. URL: https://isap.center/analytics/81
374. Масанов Ю. Казахстанско-российские индустриальные проекты: машиностроение в приоритете (25.09.2019) // URL: https://ia-centr.ru/experts/yuriy-masanov/kazakhstansko-rossiyskie-industrialnye-proekty-mashinostroenie-v-prioritete/
375. МиК: Итоги визита Дональда Рамсфелда в Центральную Азию (21 июля 2006) // URL: https://24.kg/archive/ru/news-stall/ 4550-2006/07/21/4853.html/
376. Мураталиева Н. Стратегия развития Нового Узбекистана на период 2022–2026 гг.: Интервью с Элдором Туляковым (09.03.2022) // URL: https://cabar.asia/ru/strategiya-razvitiya-novogo-uzbekistana-na-period-2022-2026-gg-intervyu-s-eldorom-tulyakovym
377. На саммите Организации Тюркских Государств Турция предложила создать аналог ОДКБ, но никто из бывших республик СССР не поддержал (16.01.2022) // URL: https://cont.ws/@borziy/2183599?fbclid=IwAR1zvyX8ja4vZr3xwE2W_6h8jn4yzZxEdsWGmPx1CZn24rftYidnf88jZbo

378. На территории специальной экономической зоны «Морпорт Актау» (Казахстан) началось строительство девяти новых предприятий (12 сентября 2007) // PortNews. URL: https://portnews.ru/news/30368/
379. На чьи деньги строилась столица Казахстана (20.06.2018) // ИА «Sputnik Казахстан». URL: https://ru.sputnik.kz/20180620/stroitelstvo-astana-dengi-6105421.html
380. Назарбаев вспомнил историю появления ШОС (09.06.2017) // URL: https://ru.sputnik.kz/20170609/nazarbaev-vspomnil-istoriyu-poyavleniya-shos-2474101.html
381. Сайт USAID // URL: https://www.usaid.gov/ru/
382. Нефть из Казахстана откроет новую эпоху в истории диверсификации источников и каналов поставки этого сырья в Китай (29.04.2006) // URL: https://www.fmprc.gov.cn/ce/ceka/rus/zhgx/zxdt/t249942.htm
383. Новиков В. «Шаргунькумир» ищет управленца (14.01.2022) // URL: https://nuz.uz/ekonomika-i-finansy/1220288-shargunkumir-ishhet-upravlencza.html
384. Новый Узбекистан – новая модель внешней политики (2.01.2021) // URL: https://e-cis.info/news/567/90061/
385. Нуршаихова Ж. Концепция «Слышащее государство»: от слов к действию (23.06.2020) // URL: https://strategy2050.kz/ru/news/kontseptsiya-slyshashchee-gosudarstvo-ot-slov-k-deystviyu/
386. О позициях Ирана в Центральной Азии // URL: https://platon.asia/central/o-pozitsiyakh-irana-v-tsentralnoj-azii
387. О проекте: CASA-1000 Kyrgyz Republic // URL: https://casa-1000.kg/about-casa-1000
388. О секторе НКО Кыргызстана / МЦ «Интербилим» // URL: http://interbilim.org.kg/wp-content/uploads/2021/03/ZAKLYUCHITELNAYA-PUBLIKACIYA-O-SEKTORE-NKO-KYR GYZSTANA.pdf
389. Общее видение, единый подход: сильная Европа: Глобальная стратегия Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности // URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eu_global_strategy_ ru.pdf
390. Объем перевозок по Транскаспийскому маршруту может вырасти в 6 раз (11.05.2022) // URL: https://news.day.az/economy/1460902.html
391. Одинцов В. Борьба США за Центральную Азию в условиях новой «Стратегии» (24.02.2020) // URL: https://rusevr.asia/borba-ssha-za-centralnuyu-aziyu-v-usloviyax-novoj-stra tegii/

392. Осенью 2022 г. начнется строительство железнодорожной линии Китай – Кыргызстан – Узбекистан (24.05.2022) // INFOTRANS. URL: https://infotrans.by/2022/05/24/osenyu-2022-g-nachnetsya-stroitelstvo-zheleznodorozhnoj-linii-kitaj-kyrgyzstan-uzbekistan/
393. Отель Sheraton Bishkek открыл свои двери для гостей (24.09.2019) // URL: https://ru.sputnik.kg/20190924/sheraton-bishkek-otkrytie-24-sentyabr-1045782325.html
394. Отношения с ЕС: Европейский союз и Таджикистан (04.08.2021) // URL: https://www.eeas.europa.eu/tajikistan/evropeyskiy-soyuz-i-tadzhikistan_ru?s=228
395. Официальный сайт Мин-ва экономики и коммерции КР // URL: https://mineconom.gov.kg/ru/question/68
396. Официальный сайт программы «Erasmus+» в КР // URL: https://erasmusplus.kg/statistics/
397. Официальный визит Президента Республики Таджикистан в Государство Кувейт (16.05.2016) // Сайт МИД РТ. URL: https://mfa.tj/ru/main/view/1440/ofitsialnyi-vizit-prezidenta-respubliki-tadzhikistan-v-gosudarstvo-kuveit
398. Падение Имрана Хана: заговор США против Пакистана или внутриполитическая борьба? (18 апреля 2022) // URL: https://eadaily-com.turbopages.org/eadaily.com/s/ru/news/2022/04/18/padenie-imrana-hana-zagovor-ssha-protiv-pakistana-ili-vnutripoliticheskaya-borba
399. Панфилова В. Центральная Азия меняет тональность в отношениях с Москвой. Страны ШОС соединят транспортными коридорами, минуя Россию (15.09.2022) // URL: https://www.ng.ru/cis/2022-09-15/1_8541_asia.html
400. Парафировано новое Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве между Кыргызской Республикой и Союзом (07.06.2019) // Офиц. сайт МИД КР. URL: https://mfa.gov.kg/en/Main-menu/Press-service/novosti/-5d20b526c0b30
401. Парижское соглашение – соглашение в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата, регулирующее меры по снижению содержания углекислого газа в атмосфере, подписано 12 декабря 2015 г. Подписали и ратифицировали все страны ЦА // Офиц. сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/climatechange/paris-agreement
402. Парламент Таджикистана одобрил передачу Китаю серебряного рудника на Памире (02.10.2019) // URL: https://fergana.media/news/111307/

403. Переворот в Турции 2016 года: к пожизненному приговорены сотни противников Эрдогана (26.11.2020) // URL: https://www.bbc.com/ russian/news-55092669
404. Петля анаконды – план США по удушению России (17.08.2018) // URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5abf5449d7bf2113e95da274/petliaanakondy--plan-ssha-po-udusheniiu
405. Petronas и Delta Oil Company построят в Узбекистане газоперерабатывающий завод. Зачем? (26 мая 2011) // Информ. портал «Neftegaz.RU». URL: https://neftegaz.ru/news/neftechim/266292-petronas-i-delta-oil-company-postroyat-v-uzbekistane-gazopererabatyvayushchiy-zavod-zachem/
406. По итогам Саммита СТГ в г. Стамбул подписано решение о принятии «Видения тюркского мира – 2040» (13.11.2021) // URL: https://mfa.gov.kg/ru/osnovnoe-menyu/press-sluzhba/novosti/po-itogam-sammita-sstg-v-g-stambul-podpisano-reshenie-o-prinyatii-videniya-tyurkskogo-mira--2040-618f48d2f1082
407. Подборка материалов по теме «Сергей Домнин» // Сайт Forbes. Казахстан. URL: https://forbes.kz/themes/Сергей%20Домнин
408. Политическое сотрудничество // Сайт Посольства КР в КСА. URL: https://mfa.gov.kg/ru/dm/Embassy-of-the-Kyrgyz-Republic-to-the-Kingdom-of-Saudi-Arabia/Menu---Foreign-/--uslugi/Political-collaboration/olitical-collaboration-5c2354a71d088
409. Поляков Д. Турецкие инвестиции в Центральной Азии: во что вкладывается Турция? (13.02.2022) // URL: https://ia-centr.ru/experts/daniil-polyakov/turetskie-investitsii-v-tsentralnoy-azii-vo-chto-vkladyvaetsya-turtsiya/
410. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана (2.09.2019) // URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana
411. Посол Турции: «Наша цель довести объем торговли с Таджикистаном до $1 миллиарда» (10.08.2021) // URL: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20210810/posol-turtsii-nasha-tsel-dovesti-obem-torgovli-s-tadzhikistanom-do-1-milliarda
412. Посольство США возобновляет деятельность Американского уголка в городе Душанбе // Сайт Посольства США в РТ. URL: https://tj.usembassy.gov/ru/u-s-embassy-re-opens-american-corner-dushanbe-ru/?_ga=2.50353706.289894123.1667124219-1336050239. 1667124219

413. Поступление прямых иностранных инвестиций по странам // Из стран вне СНГ // URL: http://www.stat.kg/ru/
414. Почему «просветители» интересуются политикой // Ложное движение // URL: https://nko.iz.ru/2
415. Предприятий с капиталом каких стран больше всего в Узбекистане? (по состоянию на 1 марта 2022) // Агентство по привлечению иностранных инвестиций при Мин-ве инвестиций и внешней торговли РУз. // URL: https://invest.gov.uz/ru/mediacenter/news/which-countries-have-the-largest-number-of-enterprises-with-capital-in-uzbekistan-2/
416. Президент Садыр Жапаров намерен улучшить отношения с Турцией (07.05.2021) // URL: https://24.kg/vlast/193325_prezident_sadyir_japarov_nameren_uluchshit_otnosheniya_stu rtsiey/
417. Президент Сооронбай Жээнбеков: Наш основной принцип – это реализация сбалансированной внешней политики, придерживающейся национальных интересов (14.03.2019) // URL: https://www.president.kg/ru/sobytiya/novosti/13615_prezident_sooronbay_gheenbekov_nash_osnovnoy_princip_eto_realizaciya_sbalansirovannoy_vneshney_politiki_priderghivayusheysya_nacionalnih_interesov
418. Президент Токаев пригласил турецких инвесторов в Казахстан (11.05.2022) // URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/prezident-tokaev-priglasil-turetskih-investorov-v-kazahst an-468368/
419. Президент Турции Эрдоган хочет вместе с Кыргызстаном преподать урок Израилю – пресс-служба аппарата президента Турции (15.05.2021) // URL: https://kloop.kg/blog/2021/05/15/prezident-turtsii-erdogan-hochet-vmeste-s-kyrgyzstanom-prepodat-urok-izrailyu-press-sluzhba-apparata-prezidenta-turtsii/
420. Президент утвердил Стратегию действий по развитию Узбекистана (7.02.2017) // URL: https://www.gazeta.uz/ru/2017/02/07/strategy/
421. Программа «Экономика простых вещей» доказала свою эффективность – А. Мамин (15.12.2020) // URL: https://primeminister.kz/ru/news/programma-ekonomika-prostyh-veshchey-dokazala-svoyu-effektivnost-a-mamin-15115419
422. Программа ЦАРЭС // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.88963c0e-62f025bd-20c1943d-74722d776562/https/www.care cprogram.org/?page_id=31
423. Программное выступление Президента Таджикистана по случаю открытия нового здания МИД (01.03.2013) // URL: https://www.

mfa.tj/ru/bishkek/view/115/programmnoe-vystuplenie-prezidenta-tadzhikistana-po-sluchayu-otkrytiya-novogo-zdaniya-mid
424. Программы в области культуры и образования // Сайт Посольства и Консульства США в Казахстане. URL: https://kz.usembassy.gov/ru/education-culture-ru/opportunities-ru/
425. Программы обмена // Сайт Посольства США в КР. URL: https://kg.usembassy.gov/ru/educa tion-culture-ru/exchange-programs-ru/
426. Программы по образовательному обмену // Сайт Посольства США в Узбекистане. URL: https://uz.usembassy.gov/ru/education-culture-ru/exchange-programs-ru/
427. Проект «CAREN»: Центральноазиатская научно-исследовательская и образовательная сеть // Сайт Ассоциации «Кыргызская научная и образовательная компьютерная сеть». URL: http://krena.kg/index.php/ ru/projects/-qcarenq
428. «Просили Турцию быть осторожной в этом вопросе» — МИД прокомментировал покупку Таджикистаном «Байрактар» (27.04.2022) // URL: https://kloop.kg/blog/2022/04/27/prosili-turtsiyu-byt-ostoro zhn oj-v-etom-voprose-mid-prokommentiroval-pokupku-tadzhikistano m-bajraktar/
429. Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня (04.10.2011) // URL: https://www.putin-itogi.ru/2011/10/04/v-gazete-izvestiya-opublikovana-statya-v-v-putina/
430. Пятые Всемирные игры кочевников пройдут в Казахстане (03.10.2022) // URL: https://ru.sputnik.kg/20221003/kazakhstan-vsemirnye-igry-kochevn ikov-sostoyatsya-106857501 9.html
431. Пять успешных горнорудных предприятий Таджикистана (28.08.2019) // Новости Таджикистана ASIA-Plus. URL: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20190828/pyat-uspeshnih-gorno-rudnih-predpriyatii-tadzhikistana
432. «55 китайских заводов в Казахстане»: Forbes.kz объясняет, о чем идет речь (05 сентября 2019) // Сайт Forbes. Казахстан. URL: https://forbes.kz/process/economy/55_kitayskih_zavoda_forbeskz_obyyasnyaet_pochemu_v_kazahstane_etih_predpriyatiy_ne_poyavitsya
433. Ратифицировано Кредитное соглашение по проекту Иссык-Кульской кольцевой автомобильной дороги (участок Корумду – Балбай) (25 февраля 2022) // Сайт Президента КР. URL: http://www.president.kg/ru/sobytiya/novosti/21940_ratificirovano_kreditnoe_soglashenie_po_proektu_issik_kulskoy_kolcevoy_avtomobilnoy_dorogi_uchastok_korumdu_balbay

434. РК и ОАЭ реализуют совместные проекты на сумму свыше $6 млрд (11.10.2021) // Информ. портал «Капитал». URL: https://kapital.kz/economic/99365/rk-i-oae-realizuyut-sovmestnyye-proyekty-na-summu-svyshe-6-mlrd.html
435. Российские инвесторы переориентировались на Казахстан и Узбекистан. Эксперты ЕАБР проследили движение капиталов на постсоветском пространстве (18.11.2021) // URL: https://www.rbc.ru/newspaper/ 2021/11/18/6194f9809a79475080bec69f
436. Россия выделила Таджикистану $1,1 млн на защиту границы с Афганистаном (11.08.2021) // URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2021/08/12/881791-rossiya-videlila-tadzhikistanu-1-mln-na-stroitelstvo-pogranzastav-na-granitse-s-afganistanom
437. Россия поставит Киргизии зенитные комплексы и вертолеты (19.05.2020) // URL: https://topwar.ru/171366-rossija-postavit-kirgizii-zenitnye-kompleksy-i-vertolety.html
438. Руденко заявил об осложнении ситуации на севере Афганистана (17.05.2022) // URL: https://tass.ru/politika/14643175
439. Рухани заявил, что Конвенция по Каспийскому морю нарушила планы США и НАТО в регионе (15.08.2018) // URL: https://russian.rt.com/world/news/545576-ruhani-kaspiiskoe-more-ssha
440. Рыскулбекова А. Власти США изучают варианты возвращения военной базы «Манас» в Кыргызстане – New York Times (09 июня 2021) // URL: https://kloop.kg/blog/2021/06/09/vlasti-ssha-izuchayut-varianty-vozvrashheniya-voennoj-bazy-manas-v-kyrgyzstane
441. Санкции против России // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%...
442. Сарсенова М. Взаимная торговля Казахстана со странами ЕС выросла на 70% (29.09.2022) // Центр деловой информации Kapital.kz. URL: https://kapital.kz/tehnology/109258/kazakhstanskaya-kompaniya-razrabotala-kompleks-dlya-podgotovki-kosmonavtov.html
443. Саруар А. Дело тонкое: что везут в Казахстан из стран Ближнего Востока (04.10.2021) // Инфографика. URL: https://lsm.kz/torgovlya-s-blizhnim-vostokom-2021-god-infogra fika
444. Саруар А. Казахстан продает США нефть в обмен на самолеты, авто и мясо. Инфографика (04.03.2022) // URL: https://lsm.kz/tovarooborot-s-ssha-v-2021-godu-infogra fika#
445. Саруханян Ю. Политика Европейского союза в Центральной Азии: хочет ли Брюссель превратиться в стабильного игрока основы? (01.04. 2019) // CABAR.asia. URL: https://cabar.asia/ru/politika-

evropejskogo-soyuza-v-tsentralnoj-azii-hochet-li-bryussel-prevratitsya-v-stabilnogo-igroka-osnovy
446. Саудовская Аравия выдала кредит на строительство школ в Таджикистане (5 июня 2018) // ИА «Красная Весна». URL: https://rossaprimavera.ru/news/d35957b2
447. Саудовская Аравия готова обсуждать с Узбекистаном инвестирование дополнительных сельхозпроектов в сфере химии, нефтехимии, металлургии (28 февраля 2022) // Портал «Народное слово». URL: https://xs.uz/ru/post/saudovskaya-araviya-gotova-obsudit-investirovanie-dopolnitelnykh-selkhoz-proektov-s-sfere-khimii-neftekhimii-metallurgii-v-uzbekistane
448. Саудовская Аравия окружает Иран в Центральной Азии – эксперт США [Интервью с Теодором Карасиком] (05.06.2017) // URL: http://eurasia.expert/saudovskaya-araviya-okruzhaet-iran-v-tsentralnoy-azii/
449. Саудовская Аравия построит в Узбекистане 3 электростанции на сумму $2,5 млрд (25.01.2021) // ИА «Анадолу». URL: http://v.aa.com.tr/2121986
450. Саудовский фонд развития выделил $30 млн на реконструкцию участка узбекской национальной автомагистрали (30 июня 2011) // ИА «Trend». URL:
451. Свободные экономические зоны Узбекистана: итоги 2020 года и перспективы развития на 2021 год // Сайт Мин-ва инвест. и внеш. торговли РУз. URL: https://mift.uz/ru/menu/svobodnye-ekono micheskie-zony-uzbekistana-itogi-2020-goda-i-perspektivy-razvitija-na-2021-god
452. Совет сотрудничества тюркоязычных государств переименован в Организацию тюркских государств (13.11.2021) // URL: https://rus.azattyk.org/a/31559425.html
453. Согласно последней национальной переписи населения, в Синьцзяне проживает 25 852 млн человек. См.: Коммюнике Седьмой национальной переписи населения (№ 3) / Нац. стат. бюро Китая (11.05.2021) // URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202105/t2021051 0_1817188.html
454. Соков К. ЕАЭС усилится за счет коридора «Север – Юг» (15.08.2016) // URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2016-08-15--eaes-usilitsja-za-schet-koridora-sever-jug-25219
455. Соков К. Иран вынашивает планы единой сети железных дорог со странами Центральной Азии (12.01.2017) // URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2017-01-12--iran-vynashivaet-plany-edinoj-

seti-zheleznyh-dorog-so-stranami-centralnoj-azii-27797
456. Соколай О. Водно-энергетический консорциум ЦА: проект вполне жизнеспособен, но… (27.07.2022) // Ритм Евразии. URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2022-07-27--vodno-energeticheskij-konsorcium-ca-proekt-vpolne-zhiznesposoben-no-61132
457. Сопредседательство Казахстана в Болонском процессе // Сайт «Центр Болонского процесса и академической мобильности». URL: https://enic-kazakhstan.edu.kz/ru/sopredsedatelstvo-kazahstana-v-bolonskom-processe/sopredsedatelstvo-kazahstana-v-bolonskom-pro cesse
458. Составлен топ-10 стран инвесторов в казахстанскую экономику (04.02.2022) // URL: https://forbes.kz/finances/investment/sostavlen_top-10_stran-investorov_v_kazahstanskuyu_ekonomiku
459. ССАГПЗ считает важным мировое сотрудничество для искоренения терроризма (15.07.2016) // ИА «РИА Новости». URL: https://ria.ru/20160715/1466663872.html
460. Стратегия по выходу на рынок Объединенных Арабских Эмиратов // Офиц. сайт Мин-ва инвестиций и внешней торговли РУз. URL: https://mift.uz/ru/markets/oae
461. Стратегия регионального сотрудничества в области развития (СРСР), декабрь 2020 – декабрь 2025 // URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/RDCS_Central_Asia_December_2025_external_rus_final.pdf
462. Строительство «Абу-Даби Плаза» завершится в 2021 году – акимат (13.10.2020) // Информ. портал «Sputnik Казахстан». URL: https://ru.sputnik.kz/20201013/abu-dabi-plaza-2021-15190291.html
463. Строительство международного аэропорта в Туркестане завершится в 2020 году (23.01.2020) // URL: https://ru.sputnik.kz/20200123/aeroport-turkestan-stroitelstvo-zavershenie-12607296.html
464. США готовы нанести удары по Афганистану в случае выявления угрозы (11.05.2022) // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14600045
465. США рассматривают 38 проектов в Узбекистане для финансирования – Дональд Лу (24.05.2022) // URL: https://www.podrobno.uz/cat/politic/ssha-rassmatrivayut-38-proektov-v-uzbekistane-dlya-finansirovaniya-donald-lu/
466. США уведомили Центральную Азию об ожиданиях касательно соблюдения санкций против России (29.09.2022) // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15902935

467. Таджикистан и Евросоюз обсудили расширенное соглашение о сотрудничестве (23 ноя 2021) // URL: https://centralasia.news/12440-tadzhikistan-i-evrosojuz-obsudili-rasshirennoe-soglashenie-o-sotrudnich estve.html
468. Таджикистан и Кувейт обсудили вопросы развития сотрудничества (17.11.2021) // ИА «Авеста». URL: https://avesta.tj/2021/11/17/tadzhikistan-i-kuvejt-obsudili-voprosy-razvitiya-sot rudnichestva/
469. Тарасов С. Иран прорывается в ШОС (16 сентября 2022) // URL: https://regnum.ru/ news/polit/3698169.html
470. Товарооборот между Казахстаном и США за 2021 год составил 2,2 млрд долл. США (25.02.2022) // Сайт Мин-ва торговли и интеграции РК. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mti/press/news/details/332607?lang=ru
471. Товарооборот между Казахстаном и Турцией вырос в 2021 году на 33% (04.03.2022) // URL: https://www.kt.kz/rus/economy/tovarooborot_mezhdu_kazahstanom_i_turtsiey_vyros_ v_ 2021_1377930272.html
472. Товарооборот между Турцией и Туркменистаном достиг 1,7 млрд (25.02.2022) // URL: https://rusturkey.com/post/214468/tovarooborot-mezhdu-turciej-i-turkmenistanom-dostig-1-7-mlrd
473. Торгово-экономическое сотрудничество // Сайт Посольства КР в КСА. URL: https://mfa.gov.kg/ru/dm/posolstvo-kyrgyzskoy-respubliki-v-korolevstve-saudovskaya-araviya/menyu---inostrannoe/--uslugi/torgovo-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo/orgovo-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-5c23552b4d79a
474. Торгово-экономическое сотрудничество // Сайт Посольства РК в США. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-washington/activities/1997? lang=ru
475. Торговые партнеры Республики Таджикистан // URL: https://tajtrade.tj/menu/28?l=ru
476. Торговый баланс между Казахстаном и США улучшился в 2021 году (25.02.2022) // URL: https://inbusiness.kz/ru/news/torgovyj-balans-mezhdu-kazahstanom-i-ssha-uluchshilsya-v-2021-godu
477. Трактор или iPhone. Министр о переносе заводов Китая в Кыргызстан (30.05.2016) // URL: https://ru.sputnik.kg/20160530/1025896596.html
478. Транзитно-транспортный коридор свяжет Персидский залив с Центральной Азией (25.04.2011) // Информ. портал «UZ Daily». URL: https://www.uzdaily.uz/ru/post/6434

479. Туник С. Интрига умерла? Кто возведет в Казахстане атомную станцию (30.05.2022) // URL: https://www.caravan.kz/articles/intriga-umerla-kto-vozvedet-v-kazakhsta ne-atomnuyu-stanciyu-847485/
480. Турецкие инвестиции в Казахстан в прошлом году побили рекорд (30.04.2021) // URL: https://www.aa.com.tr/ru/2226151
481. Турецкие компании инвестировали в Казахстан более $360 млн в 2020 году (03.05.2021) // URL: https://www.trtrussian.com/ekonomika/tureckie-kompanii-investirovali-v-kazahstan-bolee-dollar360-mln-v-2020-godu-5335026
482. Турецкий «Пегасус» вошел на авиарынок Кыргызстана (02.03.2013) // URL: https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan_turkey_passenger_flights/24917 195.html
483. Туркменистан выводит свой хлопок на мировые рынки через Турцию (09.04.2019) // URL: https://rus.azathabar.com/a/29870001.html
484. Туркменистан и Индия обсудили строительство газопровода ТАПИ (20.12.2021) // URL: https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/716877-turkmenistan-i-indiya-obsudili-stroitelstvo-gazoprovoda-tapi/
485. Туркменистан и Китай подписали ряд двусторонних межправдокументов (13 мая 2014) // URL: https://www.trend.az/casia/turkmenistan/2273278.html
486. Туркменистан провел политические консультации с Турцией (14.03.2019) // URL: https://kabar.kg/news/turkmenistan-provel-politicheskie-konsul-tatcii-s-azerbaidzhanom/
487. Туркмения открыла газопровод в Китай в обход России (14 декабря 2009) // URL: https://lenta.ru/news/2009/12/14/open/
488. Турция – лидер по числу открытых в Узбекистане иностранных компаний (14.01.2021) // URL: https://www.trtrussian.com/novosti-uzbekistan/turciya-lider-po-chislu-otkrytyh-v-uzbekistane-inostrannyh-kompanij-4129708
489. Турция выделит Узбекистану кредит на $250 млн (02.05.2018) // URL: https://www.aa.com.tr/ru/1133079
490. Турция поставляет Таджикистану беспилотники «Байрактар» (17.05.2022) // URL: https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/security/20220517/v-tadzhikistane-otkrilos-iranskoe-predpriyatie-po-proizvodstvu-bespilotnikov
491. Турция построила в Бишкеке крупнейшую мечеть в Центральной Азии (03.09.2018) // URL: https://centrasia.org/newsA.php?st=1535922240

492. Турция рвется в региональные лидеры (Ч. III) (02.02.2014) // URL: https://www.fondsk.ru/news/2014/02/02/turcija-rvetsja-v-regionalnye-lidery-iii-25545.html?print
493. Турция списала долг Кыргызстана в 51 млн долларов (01.12.2011) // URL: https://rus.azattyk.org/a/24408262.html
494. Турция хочет вложиться в таджикский текстиль (18.11.2021) // URL: https://tj.sputniknews.ru/20211118/tajikistan-turkey-tekstil-1043611715.html
495. Тюркский мир в школьном учебнике: ближние рубежи, дальние горизонты... (23.08.2022) // URL: https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/the-turkic-world-in-a-school-textbook-near-frontiers-distant-horizons
496. Увеличилась зависимость Китая от импорта нефти и газа // Жэньминь жибао. 2019. 27 марта // URL: http://russian.people.com.cn/n3/2019 /0327/c31518-9561169.html
497. Узбекистан – ЕС: к активному развитию партнерства в приоритетных направлениях (10 февраля 2022) // Офиц. сайт Мин-ва инвестиций и внешней торговли РУз. URL: https://mift.uz/ru/news/uzbekiston-ei-ustuvor-junalishlarda-amkorlikni-faol-rivozhlantirish-julida
498. Узбекистан – Турция: новый этап стратегического партнерства на высшем уровне (20.02.2020) // URL: https://uza.uz/ru/posts/uzbekistan-turtsiya-novyy-etap-strategicheskogo-partnerstva--20-02-2020
499. Узбекистан – Турция: Это любовь? (30.10.2017) // URL: https://russian.eurasianet.org/ node/64861
500. Узбекистан и Masdar подписали соглашение о финансировании строительства первой ветряной электростанции (31.08.2022) // URL: https://podrobno.uz/cat/economic/uzbekistan-i-masdar-podpisali-soglashenie-o-finansirovanii-stroitelstva-pervoy-vetryanoy-elektrostan/
501. Узбекистан и Саудовская Аравия развивают отношения (06.06.2011) // ИА «Газета.uz». URL: https://www.gazeta.uz/ru/2011/06/06/sa/
502. Узбекистан намерен расширить сотрудничество с США и привлечь американские компании (11.08.2022) // URL: https://nova24.uz/uzbekistan/uzbekistan-prodolzhit-sotrudnichat-s-usaid-v-razvitii-zelenoj-energetiki/
503. Ускорить строительство «Абу-Даби Плаза» призвал Назарбаев (04 июля 2018) // Информ. портал «Tengrinews». URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/uskorit-stroitelstvo-abu-dabi-plaza-prizval-nazarbaev-348257/

504. Успех сопряжения ЕАЭС и ЭПШП зависит от реализации совместных проектов в различных сферах экономики (6 июля 2018) // URL: http://eurasianeconomic.org/news_ecco/2018/07/06/document4054.phtml
505. Уэйнленд Д. Самая грязная провинция Китая пытается стать «новой Швейцарией» (10 июля 2018) // URL: https://www.vedomosti.ru/economics/ articles/2018/07/10/775107-gryaznaya-kitaya-shveitsariei
506. Хиллари Клинтон: концепция «Нового Шелкового пути» – элемент долгосрочной стратегии США (26.11.2012) // URL: https://regnum.ru/news/1597322.html
507. Хэ Цинлянь. Китайский «План Маршалла» не решит проблему избыточных мощностей (13.02.2015) // The Epoch Times. URL: https://www.epochtimes.ru/kitajskij-plan-marshalla-ne-reshit-problemu-izbytochnyh-moshhnostej-98969133/#:~:text=Перепроизводство%20угрожает%20экономике%20Китая.%20Избыточные,промышленности%2C%20...
508. Челлани Б. Азиатская «ось» Америки без петель (18 ноября 2012) // URL: http://inosmi.ru/usa/20121118/202301312.html
509. Чем запомнился кыргызстанцам ТРЦ Bishkek Park за 5 лет? (24.03.2018) // URL: https://vesti.kg/obshchestvo/item/50828-chem-zapomnilsya-kyrgyzstantsam-trts-bishkek-park-za-5-let.html
510. Что делает Турция для трудовых мигрантов (10.05.2020) // URL: https://kloop.kg/blog/2020/05/10/chto-delaet-turtsiya-dlya-trudovyh-migrantov/
511. Что такое Tacis (03.07.2002) // ИД «Коммерсантъ». URL: https://www.kommersant.ru/ doc/330469
512. Шамбетов Т. В новый год с новым Налоговым кодексом. Что изменилось для бизнеса? (20 января 2022) // ИА «Радио Азаттык». URL: https://rus.azattyk.org/a/31663092.html
513. Шустов А. Куда ведет «Лазуритовый коридор»? (11.08.2019) // URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2019-08-11--kuda-vedet-lazuritovyj-koridor-44278
514. Эксперты оценили общую сумму потерь экономики Казахстана после беспорядков (13.01.2022) // ИА «Газета.ru». URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2022/01/13/171 32707.shtml
515. Экспорт из Казахстана в США вырос на 77,2% за 7 месяцев (19.09.2022) // URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/economy/press/news/details/ 427775?lang=ru
516. Экспорт товаров и услуг Республики Узбекистан в разрезе стран за 2022 г. (22.09.2022) // URL: https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/merchandise-trade

517. Эрбакан вернулся в «большую политику» (18.10.2010) // URL: https://islamnews.ru/news-27267.html
518. Эрдоган прибыл на саммит ШОС в качестве почетного гостя (15.09.2022) // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/ 1576 2247?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com
519. Эрдоган призвал страны ССТГ продолжить сопротивление ФЕТО и поддержать Азербайджан в вопросе Нагорного Карабаха (3.09.2018) // URL: https://kg.akipress.org/news:1467681/org.akipress:/?embed&pack= onek
520. Эрдоган: Турецкие спецслужбы задержали Орхана Инанды (06.07.2021) // URL: https://www.kp.kg/daily/28299/4439881/
521. Эсен Усубалиев: Формат отношений в виде диалога «Иран + Центральная Азия» крайне необходим [Интервью, специально для cabar.asia] (01.12.2016) // URL: https://cabar.asia/ru/esen-usubaliev-format-otnoshenij-v-vide-dialoga-iran-tsentralnaya-aziya-krajne-neobhodim

Литература на иностранных языках

522. A new era for Uzbekistan (10.04.2018) // URL: https://www. atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/a-new-era-for-uzbekistan/
523. About us // URL: https://www.casa-1000.org/ about-casa-1000/#about5
524. Adle Chahryar, Habib Irfan, Baipakov K. M. History of civilizations of Central Asia. Vol. 5: Development in contrast, from the sixteenth to the mid-nineteenth century / UNESCO. 2003 // URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000130205?posInSet=7&queryId=dcd279b5-19bc-42c9-beda-60ac28edef5e
525. Allison R. Virtual Regionalism, Regional Structures and Regime Security in Central Asia // Central Asia Survey. 2008. Vol. 27. № 2.
526. An Interview of President of Turkmenistan Gurbanguly Berdimuhamedov to Chinese Journalists // Turkmenistan: The Golden Age. 2011. November 24 // URL: http://www.turkmenistan.gov.tm/_eng/?id=188
527. Anghelescu A.-M. Drawing Lessons of Past Cooperation between EU and Central Asia for the Implementation of 2019 Strategy // Policy Brief / OSCE Academy in Bishkek. 2020. № 58, April. 14 c. // URL: https://www.osce-academy.net/upload/file/PB_58.pdf

528. Annual Remittances Data (May 2021) // Migration and Remittances Data // URL: https://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data
529. Area of Responsibility // URL: https://www.centcom.mil/AREA-OF-RESPONSIBILITY/
530. Assessing Russia's Influence in Its Periphery // Broadcasting Board of Governors, Gallup, 2014 // URL: https://www.usagm.gov/wp-content/media/2016/02/Presentation-for-Posting-Russia-Research-Series-Final-_FMN-v6.pdf
531. Başaran D. Birleşik Arap Emirlikleri'nin Orta Asya Politikası: İşbirliğine Dayalı Yapıcı Bir Yaklaşım (12.01.2022) // URL: https://www.ankasam.org/birlesik-arap-emirliklerinin-orta-asya-politikasi-isbirligine-dayali-yapici-bir-yaklasim/
532. Berman Sh. How Democracies Emerge. Lessons from Europe // Journal of Democracy. January. 2007. Vol. 18. № 1.
533. Berryman J. Russia and China in the New Central Asia: The Security Agenda // Russia. Re-Emerging Great Power / Ed. R. E. Kanet. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2007.
534. Blank S. Challenges to Russia in Central Asia // American Foreign Policy Interests: The Journal of the National Committee on American Foreign Policy. 2011. Vol. 33. № 5.
535. BP Statistical Review of World Energy // URL: http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/Energy-economics/statistical-review-2014/BP-statistical-review-of-world-energy-2014-fullrepo rt.pdf
536. Bruck H., Sapin B. Decision-Making as an Approach to the Study of International Politics. Princeton: Princeton Univ. Press, 1954.
537. Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. 3rd ed. Columbia: Columbia Univ. Press, 2002.
538. Bureau of South and Central Asian Affairs // URL: https://www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-political-affairs/bureau-of-south-and-central-asian-affairs/
539. CAREC Program // What is CAREC? // URL: https://www.carecprogram.org/?page_id=31
540. CASA-1000: Increasing clean energy availability and access in Central and South Asia // URL: https://www.casa-1000.org/#whatiscasa
541. Charity Foundations in the United Arab Emirates // United World Cultures Foundation. URL: https://uwcfoundation.com/en/blagotvoritelnost-v-mire/blagotvoritelnyie-fondyi-v-obedinennyix-arabskix-emiratax

542. Clinton H. Remarks on India and the United States: A Vision for the 21st Century // (20.07.2011) // URL: https://2009-2017.state.gov/secretary/ 20092013clinton/rm/2011/07/168840.htm
543. Cooley A., Heathershaw J. Dictators without Borders. Power and Money in Central Asia. New Haven and London: Yale Univ. Press, 2017.
544. Cooley A., Laruelle M. The Changing Logic of Russian Strategy in Central Asia from Privileged Sphere to Divide and Rule? // Ambiguous Relations Russia's Post-Soviet Neighborhood // PONARS Eurasia Policy Perspectives. August 2013.
545. Cooley A., Spruyt H. Contracting States. Sovereign Transfers in International Relations. Princeton: Princeton Univ. Press, 2009.
546. Cooley A. Great Games, Local Rules. New York: Oxford Univ. Press, 2012.
547. EBRD Shareholders and Board of Governors // Офиц. сайт EBRD/ ЕБРР. URL: https://www.ebrd.com/shareholders-and-board-of-governors.html
548. Ekberova E. Казахстан предложил создать деловой совет «Центральная Азия – ЕС» (05.11.2021) // ИА «Anadolu Agency». URL: https://www.aa.com.tr/ru/2412992
549. EU – Kazakhstan relations. [Офиц. сайт ЕС] // URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eeas-ca_ministerial_factsheets-2021-kazak_18nov_003.pdf
550. EU – Kyrgyz Republic Relations // URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eeas-ca_ministerial_factsheets-2021-kyrgyzstan_18nov_ 003.pdf
551. EU – Tajikistan Relations // URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eeas-ca_ministerial_factsheets-2021-tajikistan_18nov_002.pdf
552. EU – Uzbekistan Relations (2021) // URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eeas-ca_ministerial_factsheets-2021-uzbekistan_18nov_ 003.pdf
553. EU – Central Asia Relations // Офиц. сайт ЕС. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eeas-ca_ministerial_factsheets-2020-regional-v5.pdf
554. European Commission, Strategy Paper 2002–2006 & Indicative Programme 2002–2004 for Central Asia // URL: https://eeas.europa.eu/archives/ docs/central_asia/rsp/02_06_en.pdf
555. European Union, Trade in goods with Central Asia 5 / Directorate-General for Trade of European Commission // URL: https://webgate.

ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/region/details_central-asia-5_en.pdf
556. Exchange Programs / Bureau of Educational and Cultural Affairs // URL: https://exchanges.state.gov/non-us/find-programs
557. Friedman G. The Geopolitics of the United States. Part 1: The Inevitable Empire. Stratford, 2015.
558. FT: ЕС готов заплатить соседям Афганистана за прием беженцев (02.09.2021) // ИА «Газета.uz». URL: https://www.gazeta.uz/ru/2021/09/02/refugees/
559. Glaser C. L. Realism Contemporary Security Studies / Ed. by A. Collins. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013.
560. GSP+. Преимущества и обязательства Узбекистана (12.04.2021) // Газета.uz. URL: https://www.gazeta.uz/ru/2021/04/12/gsp/
561. Gvosdev N. K., Marsh C. Russian foreign policy: interests, vectors, and sectors. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2014.
562. Hormats R. D. The United States' «New Silk Road» Strategy: What is it? Where is it Headed? (29.09.2011) // URL: https://2009-2017.state.gov/e/rls/rmk/20092013/2011/174800.htm
563. Indeo F. The Role of Russia in the Central Asian Security Architecture // OSCE Academy Policy Brief. 2018. № 48 // URL: https://osce-academy.net/upload/file/PB48The_Role_of_Russia_in_the_Central_Asian_Security_Architecture.pdf
564. Joint Statement of the C5+1 on the International Conference «Central and South Asia: Regional Connectivity. Challenges and Opportunities» (July 16, 2021) // URL: https://www.state.gov/joint-statement-of-the-c51-on-the-international-conference-central-and-south-asia-regional-connectivity-challenges-and-opportunities/
565. Kaplan L., Kristol W. The war over Iraq: Saddam's tyranny and America's mission. San Francisco (Cal.): Encounter Books, 2003.
566. Kazakhstan Energy Data: Country Analysis Briefs / U.S. Energy Information Administration // BP Statistical Review of World Energy. 2011 = Данные по энергетике Казахстана: Краткий анализ стран / Управление энергет. информации США // Стат. обзор мировой энергетики. 2011 // URL: www.eia.doe.gov/countries/cab.cfm?fips=KZ
567. Kazakhstan joining Baku-Tbilisi-Ceyhan oil pipeline project (24.04.2008) // URL: https://portnews.ru/news/10152/
568. Keller S. Russia and Central Asia: Coexistence, Conquest, Convergence. Toronto: Univ. of Toronto Press, 2020.

569. Kerry John, Secretary of State. Remarks at the Opening of the C5+1 Ministerial Meeting (Samarkand, Uzbekistan, November 1, 2015) // URL: https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2015/11/249046.htm
570. Kiani D. Iran and Central Asia: A Cultural Perspective // Iranian Review of Foreign Affairs. 2014. Vol. 4. № 4.
571. Kizekova A. The European Union in Central Asia: Balancing Competing Actors and Opportunities for the V4 Countries (12.11.2019) // URL: https://www.iir.cz/the-european-union-in-central-asia-balancing-competing-actors-and-opportunities-for-the-v4-countries
572. Krol G. Testimony before the Senate Committee on Foreign Relations, Subcommittee on Near Eastern and South and Central Asian Affairs, December 15, 2009 // URL: https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/Krol Testimony091215a1.pdf
573. Laruelle M. Assessing Russia's Normative Agenda in Central Asia // Bishkek Project, March 2017 // URL: https://www.academia.edu/32326084/_Assessing_Russias_Normative_Agenda_in_Central_Asia_Bishkek_Project_March_2017
574. Laruelle M., Peyrouse S. Regional Organizations in Central Asia: Patterns of Interaction, Dilemmas of Efficiency // University of Central Asia. Institute of Public Policy and Administration. Working Paper. 2012. № 10 // URL: https://www.academia.edu/28085238/Regional_Organisations_in_Central_Asia_Patterns_of_Interaction_Dilemmas_of_Efficiency
575. Lewis D. Reasserting Hegemony in Central Asia: Russian Policy in Post-2010 Kyrgyzstan // Journal of International Relationsю 2015. № 3.
576. Meister S. Hedging and Wedging: Strategies to Contest. Russia's Leadership in Post-Soviet Eurasia // Regional Powers and Contested Leadership / Eds. H. Ebert, D. Flemes. Cham: Palgrave Macmillan, 2018.
577. Mirmohammad Sadeghi S. M., Hajimineh R. The Role of Iran's «Soft Power» in Confronting Iranophobia // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 4 (67).
578. National Security Strategy of the USA. 2017 // URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSSFinal-12-18-2017-0905.pdf
579. Nye J. «Soft Power». Foreign Policy. 1990. № 8. P. 153–171.
580. Pantucci R. Looking West: China and Central Asia. Testimony before the US-China Economic and Security Review Commission (18 March 2015) // URL: http://chinaincentralasia.com/2015/04/16/looking-west-china-and-central-asia

581. Perović J. Russia's Eurasian Strategy // Strategic Trends 2019. Key Developments in Global Affairs // Eds. J. Thompson and O. Thränert. Zurich: Center for Security Studies, 2019.
582. Roberts S. The Eurasian Economic Union: The Geopolitics of Authoritarian Cooperation // Eurasian Geography and Economics. 2008. Vol. 58. № 4.
583. RT Demands Explanation from BBG, Dept. of State and NY times in Response to BBG Chief Naming RT on par with ISIS, Boko Haram (25.01.2015) // URL: https://www.rt.com/about-us/press-releases/rt-explanation-bbg-nytimes/
584. S. 2532 – Freedom Support Act // URL: https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/senate-bill/2532
585. Suyarkulova M. Reluctant Sovereignties? Central Asia States' Path to Independence // Sovereignty after Empire. Comparing the Middle East and Central Asia / Eds. S. Cummings and R. Hinnebusch. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2011.
586. Tashkent City построят по проекту турецких архитекторов (21.10.2017) // URL: https://podrobno.uz/cat/economic/tashkent-city-postroyat-po-proektu-turetskikh-arkhitektorov-/
587. The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership // URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_p artnership.pdf
588. Tolipov F. Uzbekistan's new foreign policy concept: no base, no blocs, but national interests first (09.05.2012) // URL: https://www.cacianalyst.org/ publications/analytical-articles/item/12557-analytical-articles
589. Tradestats express – U. S. trade by Partner (Countries and Regions) // International Trade Administration (ITA). URL: https://www.trade.gov/data-visualization/tradestats-express-us-trade-partner-countries-and-regions
590. U. S. Exports: Kyrgyzstan, Top 5 Products in 2021 (HS-4) // TradeStats Express – U. S. Trade by Partner (Countries and Regions) // International Trade Administration (ITA) of the United States Department of Commerce. URL: https://www.trade.gov/data-visualization/tradestats-express-us-trade-partner-countries-and-regions
591. U. S. Imports: Kyrgyzstan, Top 5 Products in 2021 (HS-4) // TradeStats Express – U. S. Trade by Partner (Countries and Regions) // International Trade Administration (ITA) of the United States Department of

Commerce. URL: https://www.trade.gov/data-visualization/tradestats-express-us-trade-partner-countries-and-regions
592. U. S. Exports: Tajikistan, Top 5 Products in 2021 (HS-4) // TradeStats Express – U. S. Trade by Partner (Countries and Regions) // International Trade Administration (ITA) of the United States Department of Commerce. URL: https://www.trade.gov/data-visualization/tradestats-express-us-trade-partner-countries-and-regions
593. U. S. Imports: Tajikistan, Top 5 Products in 2021 // TradeStats Express – U.S. Trade by Product // TradeStats Express – National // International Trade Administration (ITA) of the United States Department of Commerce. URL: https://www.trade.gov/data-visualization/tradestats-express-us-trade-partner-countries-and-regions
594. U. S. Direct Investment Position with Uzbekistan // URL: https://apps.bea.gov/international/factsheet/factsheet.html#345
595. U. S. Exports: Uzbekistan, Top 5 Products in 2021 (HS-4) // TradeStats Express – U.S. Trade by Partner (Countries and Regions) // International Trade Administration (ITA) of the United States Department of Commerce. URL: https://www.trade.gov/data-visualization/tradestats-express-us-trade-partner-countries-and-regions
596. UAE, Kazakhstan to Strengthen Business Relations in Key Sectors (07 Mar 2021) // URL: https://www.gulftoday.ae/business/2021/03/07/uae-kazakhstan-to-strengthen-business-relations-in-key-sectors
597. United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity (Overview): Report / Bureau of South and Central Assian Affairs. February 5, 2020 // URL: https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-soverei gnty-and-economic-prosperity/
598. Vogel E. F. Deng Xiaoping and the Transformation of China. 2013 = Фогель Э. Дэн Сяопин и трансформация Китая // URL: https://russiancouncil.ru/library/library_rsmd/den-syaopin-i-transformatsiya-kitaya/
599. Wastnidge E. Pragmatic Politics: Iran, Central Asia and cultural foreign policy // Central Asia and the Caucasus. 2014. № 4.
600. What Does Russia's Ukraine Invasion Mean for Central Asia?: Webinar [Видео] // The Diplomat Magazine. March 15, 2022 // https://www.youtube.com/watch?v=bKIeGxE93F0
601. What is Russia's National Idea?: Webinar [Видео] // Simone Weil Center for Political Philosophy. October 28, 2021 // URL: https://www.youtube.com/watch?v=b_yMM7606XI

602. Winning Hearts and Minds? Public Diplomacy and Norm Entrepreneurs in Central Asia: Expert Roundtable. 26 November 2021, Bishkek, Kyrgyzstan / OSCE Academy in Bishkek. Bishkek, 2021.
603. Yeliseyeu A. The Eurasian Economic Union: Expectations, Challenges, and Achievements // The German Marshall Fund of the United States. Washington, May 2019.
604. Yue Keping. Hexie shijie linian xia de zhongguo waijiao = Идеал гармоничного мира и китайская дипломатия // Liaowang xinwen zhoukan = Еженед. обзор период. печати. 2007. № 17.
605. Zeyno B. The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Implications for Turkey // The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Oil Window to the West. The Central Asia-Caucasus Institute, Silk Road Studies Program, 2005 // URL: https://www.silkroadstudies.org/resources/pdf/Monographs/2005_01_MONO_Starr-Cornell_BTC-Pipeline.pdf
606. Юй Кэпин. Хэсе шицзе линянь ся дэ Чжунго вайц-зяо = Идеал гармоничного мира и китайская дипломатия // Ляован синьвэнь чжоукань = Еженед. обзор период. печати. 2007. № 17.

Внешнеполитические стратегии ключевых акторов международных отношений в Центральной Азии

Коллективная монография

Ответственный редактор – ***Салиев А. А.***

Технический редактор – ***Кузьмина Т. А.***

Подписано в печать 15.07.2023 г.
Бумага офсетная. Формат 60x84 1/16
Объем 37 п. л. Тираж 250 экз. Заказ № 126

Отпечатано в типографии КРСУ
720048, г. Бишкек, ул. Анкара, 2а